

1ф
и32

Избранные произведения венгерских мыслителей

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ФИЛОСОФИИ

Избранные произведения венгерских мыслителей

✱

*Конец XVIII—
середина XIX века*



ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

Москва 1965

Под общей редакцией академика
Венгерской академии наук *ЛАСЛО МАТРАИ*
и кандидата философских наук
М. А. ХЕВЕШИ

Составитель и автор вводной статьи
М. А. ХЕВЕШИ

Идеология общественного прогресса и национального освобождения

Мыслитель не может не задумываться над тем, как отнесутся к его эпохе, его творчеству будущие поколения. Молодой венгерский историк Пал Вашвари писал: «Кто знает, не придет ли более могучее столетие, принципы которого будут чище, величественнее, чем наши? И приятно ли будет нам, если, взирая на XIX столетие, будут говорить: они занимались пустяками, штопали и чинили. Принципы их в большинстве ошибочны, они не так рассуждали, как мы: так пусть они канут в вечность, они не заслуживают даже нашего внимания. Не восстанут ли тогда наши призраки, услышав подобный суд, не подойдут ли они к правосудию, чтобы оправдаться в своих ошибках, чтобы засвидетельствовать свои благие намерения, свои искренние стремления? Не крикнут ли они из могилы, что этот век несправедлив, жесток к ним и не учитывает тех условий, в которых они жили?»

Далекий от идеализации прошлого, марксизм всегда высоко ценил передовые идеи и передовых деятелей в истории и призывал к бережному отношению и внимательному изучению всего прогрессивного в идейном наследии прошлого.

Творчество мыслителей прошлого, в частности история передовой мысли социалистических стран, стало, особенно после образования мировой системы социализма, предметом внимательного изучения марксистов.

Идеологи буржуазно-помещичьей Венгрии стремились вытеснить из памяти народа имена наиболее прогрессивных венгерских мыслителей или, исказив их наследие, поставить его на службу реакционным интересам правящих классов. Например, широкое распространение получила «теория», согласно которой Венгрия вообще не имела своей истории философии, так как философия, мол, чужда «трезвому рассудку» венгерского народа. Изучение наследия передовых венгерских мыслителей стало возможным только в народно-демократической Венгрии.

В социалистической Венгрии изданы произведения наиболее известных мыслителей прошлого и опубликованы исследования, посвященные изучению истории венгерской философской мысли. Несомненный интерес представляет вышедший в свет подготовленный академиком Л. Матраи сборник «Венгерские философы прошлого. XV—XVII вв.»

История Венгрии — это история многовековой борьбы за национальную независимость страны. Длительное национальное порабощение и связанная с этим социально-экономическая отсталость страны создавали крайне неблагоприятные условия для развития передовых философских и общественно-политических учений. Это не означает, что в Венгрии не было прогрессивных учений — они были, но в результате политики национального угнетения эти традиции были придавлены, преданы забвению.

Первым представителем передовой мысли в Венгрии был поэт-гуманист XV в. *Янус Паннониус*. Создатель светской поэзии в Венгрии, он выражает в ней восхищение природой, миром, окружающим человека. В противоположность религиозным взглядам, рассматривающим мир как «юдоль плача и страданий», воззрения Януса Паннониуса проникнуты светлой любовью к жизни, жизнеутверждающим оптимизмом. С необычайной для своего времени смелостью он заявлял, что «верующий человек не может быть поэтом», и призывал следовать идеям Протагора и Эпикура.

Ценное, хотя и противоречивое идейное наследство оставил *Янош Апацаи Череш* (XVII в.) — педагог и философ, автор первой венгерской энциклопедии. Получив образование в Голландии, Череш становится последователем Декарта, чья философия была в то время весьма влиятельной среди венгерских мыслителей. Однако Апацаи Череш, в отличие от большинства венгерских картезианцев, не пытался примирить Декарта с Аристотелем или с протестантской теологией. Распространение картезианства в Венгрии не было случайным: если для материалистической философии здесь еще не было подходящей почвы, то рационализм философии Декарта, противостоявший схоластике господствующей идеологии, был весьма приемлемым для передовых венгерских мыслителей, в том числе и для Апацаи Череш. С другой стороны, идеалистическая метафизика Декарта соответствовала и религиозному мировоззрению Апацаи Череш и столь распространенной в Венгрии протестантской вере.

Сложное переплетение национальных и социальных противоречий находило на этом историческом этапе конкретное выражение в борьбе венгров-протестантов против католиков Габсбургов. В соответствии с этим передовая философская мысль была направлена против господствовавшей феодальной идеологии, в первую очередь против католической схоластики. Именно поэтому здесь получает распространение атомистика, провозглашавшая вслед за Декартом, что тело состоит из неразделимых атомов; именно в связи с этим среди передовых умов пользуется таким влиянием декартовский рационализм. Однако эта борьба была далеко не равной, она окончилась победой Габсбургов, которая ограничила и затруднила связи венгров с передовой Западно-европейской философией.

Только к концу XVIII в. (в 80—90-е годы) в Венгрии вновь начинают распространяться передовые идеи, идеи гуманизма и просветительства, давно уже утвердившиеся в передовых странах Европы.

Конец XVIII — первая половина XIX в. — один из интереснейших периодов в истории Венгрии, характеризующийся бурным ростом национального самосознания и нарастанием антифеодальных настроений в стране. Венгрия этого времени — часть Австро-Венгерской империи, отсталая, аграрная страна

с почти безраздельным господством феодально-крепостнических отношений и полной зависимостью от монархии Габсбургов.

С постепенным развитием новых, капиталистических отношений проблема национальной независимости приобретает к концу XVIII столетия особенно острый характер. Габсбурги всячески препятствовали созданию внутреннего рынка, тормозили капиталистическое развитие страны. Национальный гнет сказывался на всех областях хозяйственной и культурной жизни Венгрии. В завоевании независимости оказались заинтересованными все слои венгерского общества, за исключением аристократии и высшего духовенства, тесно связанных с династией Габсбургов.

Особенностью развития капиталистических отношений в стране являлось то, что они развивались прежде всего в сельском хозяйстве. Национальное угнетение тормозило промышленное развитие Венгрии. Буржуазия в этот период была весьма немногочисленным классом, еще не завоевавшим себе политической самостоятельности. В Венгрии исторически сложилось такое положение, когда в развитии капиталистических отношений наиболее заинтересованной оказалась та часть дворянства, и прежде всего среднего дворянства, хозяйство которой было втянуто в товарно-денежные отношения.

Однако среднее дворянство как руководящая сила в борьбе против национального угнетения за буржуазные преобразования в силу своего положения проводило нерешительную и половинчатую политику. Заинтересованное в национальной независимости, оно, вместе с тем, было против радикальной ликвидации старых, феодальных отношений.

Эта своеобразная позиция среднего дворянства отразилась на мировоззрении многих передовых венгерских мыслителей. И лишь наиболее радикальные из них выступили в своем творчестве за интересы широких народных масс.

Представленные в книге произведения венгерских мыслителей наиболее ярко выражают три этапа в развитии передовой венгерской мысли: венгерское просвещение, идеологию периода реформ и мировоззрение венгерских революционных демократов.

* * *

Период просвещения в Венгрии наступил в конце XVIII в. в связи с кризисом феодальных отношений и влиянием идей французской революции. Венгерские просветители выступили прежде всего как сторонники развития национальной культуры.

Это было время «просвещенного абсолютизма». Австрийский двор понимал, что развитие культуры способствует пробуждению национального самосознания. При Иосифе II резко ограничивается число учебных заведений, в которых разрешалось преподавание философии. Вводится запрет на изучение философии Канта, которая признается опасной, вызывающей у молодежи сомнение в привычных истинах. Немецкий язык вводится как обязательный для обучения, он становится официальным языком Венгрии. Не случайно поэтому развитие национального языка и национальной литературы становится одной из центральных проблем для венгерской интеллигенции, в которой отразилась борьба за национальную независимость страны. В соответствии с принципом просвещенного абсолютизма при венском дворе был создан кружок писателей.

в который вошли многие венгерские дворяне, служившие в лейб-гвардии императорского двора. Этот кружок становится одним из центров борьбы за развитие венгерской национальной культуры.

Выдающимся венгерским просветителем был *Дьердь Бешеньей* — основоположник новой венгерской литературы, поэт и автор философских сочинений. Его мечта — просвещенная Венгрия, освобожденная от оков невежества и суеверия. Бешеньей понимал, что «бедность и неграмотность неразлучны». Он, как и французские просветители, все свои надежды возлагал на распространение просвещения, был глубоко уверен, что «если бы науки могли получить широкое развитие, вывести человечество к свету ясного солнца, познакомить народ с законами природы..., то чрез 200 лет не было бы в Европе ни жестоких правителей, ни вооруженных мятежей». Одним из первых условий развития науки Бешеньей считает развитие родного языка, являющегося, по его мнению, признаком зрелости нации.

Излагая свои философские взгляды, Бешеньей не претендовал на особую оригинальность, а стремился изложить свое понимание некоторых философских теорий, известных уже в Европе. Он писал: «Кто может выдумать такое, чего до него еще не было? Кто может извлечь из скрипки звук, неизвестный музыкантам? И все же можно сыграть на ней новую мелодию, звуки которой в таком сочетании никогда не доходили до твоего слуха. То же самое можно сказать о рассуждениях и о смысле их».

Бешеньей впервые попытался изложить философию на венгерском языке. Обращаясь к читателю, он писал: «...И пусть не смущает тебя то, что это написано по-венгерски, не думай, что на нашем родном языке стоит читать лишь то, что переведено...».

Основное философское произведение Бешеньей — трактат «Поиски смысла в существующем мире и границы его познаваемости» (1804). В этой работе он выступает как материалист. «Все, что ты знаешь,— пишет он,— проникло в твою душу через тело. Нет ни одной мысли, которая... существовала бы вне связи с телом и окружающими предметами». «Душа» создается в теле самим телом. В условиях господства религиозного мировоззрения Бешеньей свои материалистические взгляды выражает в форме сомнений в существовании потустороннего мира, в возможности бессмертия души. Окружающий человека материальный мир, по его мнению, бесконечно разнообразен и вечен во времени. «Проявление материального мира,— пишет он,— бесконечно, подобно тому, как вечно течение времени». В своих материалистических воззрениях Бешеньей опирается на Гольбаха, чью «Систему природы» он переводил на венгерский язык.

В романе «Путешествие Таримэна» Бешеньей изложил свое критическое отношение к феодальному строю. Герой романа — дворянский сын Таримэн отправляется в мистическую страну с тем, чтобы познать науки и тайны жизни. Там он встречается с дикарем, который так же, как и он, стремится постичь премудрость жизни. В уста этого человека, не связанного с предрассудками современного ему общества, Бешеньей вложил критику феодальных порядков и религии. Однако в своих политических взглядах Бешеньей не был столь же прогрессивным: он выступал за просвещенную монархию, за конституционное королевство.

Все мировоззрение Бешеньей чуждо религиозности, резко антиклерикально. Он скептически относился к религии, считал ее неразумной и противоречащей логике, а духовенство ненужным и опасным. В резких выражениях осуждал он власть духовенства, выступал против фанатизма католиков, за религиозную веротерпимость.

Бешеньей бросил вызов всему современному ему обществу и оказал значительное влияние не только на своих современников, но и на целую плеяду передовых мыслителей Венгрии XIX в.

Венгерская интеллигенция, находившаяся под влиянием идей французского просвещения, постепенно убеждалась, что просвещенный абсолютизм не может осуществить ее идеалы: дать независимость стране и изменить общественные отношения. Яркий свет французской революции, вспыхнувший в это время, с особой силой оттенил всю неприглядность положения венгров. К тому же, после смерти Иосифа II, политика Габсбургов в Венгрии стала открыто реакционной. Это усилило недовольство среди передовой интеллигенции, жившей теперь идеалами французской революции.

По образцу якобинцев в Венгрии стали создаваться тайные общества; их организатором был аббат, профессор университета *Игнац Мартинович*. В «Общество реформаторов» объединились представители оппозиционного среднего дворянства. Программой общества было завоевание национальной независимости и проведение некоторых весьма умеренных социальных реформ.

Мартинович был также организатором «Общества Свободы и Равенства», которое объединяло более радикально настроенных демократов, венгерских якобинцев, чья программа предусматривала не только борьбу за национальную независимость страны, но и ее буржуазное преобразование. Данную программу было намечено осуществить посредством вооруженного заговора против короля и его сторонников. Но венгерские якобинцы исходили не из реального учета соотношения сил, а из своих добрых побуждений и искренних намерений. Их представления о республике, за которую они ратовали, были довольно расплывчатыми и весьма общими, да иначе и не могло быть: в Венгрии в конце XVIII в. с ее национальной зависимостью и экономической отсталостью еще невозможно было выработать конкретную программу буржуазных преобразований.

Движение венгерских якобинцев, оказавшее большое влияние на все передовые силы страны, не могло получить широкого размаха: оно не искало связи с основной потенциальной силой революции — крестьянством, а большая часть дворянства, даже наиболее заинтересованные в национальной независимости слои его, были напуганы французской революцией и не поддерживали венгерских якобинцев. Тайное общество Мартиновича объединяло относительно небольшой круг венгерской интеллигенции, его практическая деятельность была обречена на провал, а сама его история и в своих положительных сторонах, и в своих ошибках во многом напоминает развернувшуюся позже деятельность декабристов в России.

Игнац Мартинович известен в истории Венгрии как сложная и противоречивая фигура. Подобно большинству просветителей, он считал возможным убедить короля в необходимости социальных изменений, в важности проведения реформ. По некоторым сведениям, Мартинович был тайным осведомителем

венгерской королевской полиции. Уверившись, что убедить короля невозможно, Мартинович становится на путь организации тайных обществ, на путь борьбы за революционное свержение короля. Но даже и после этого он не теряет надежды уговорить короля и предает полиции им же созданное общество. Позицию Мартиновича нельзя рассматривать просто как вероломство, оно отразило все его колебания, неуверенность и нерешительность в выборе путей изменения общественного строя; колебания были свойственны многим передовым людям его эпохи, не видевшим реальной силы, которая была бы способна возглавить борьбу против феодализма.

По своим философским взглядам Мартинович был последователем французских просветителей. Каждая его строка проникнута материализмом и антиклерикализмом. В своем основном произведении «Философские записки» он выступает как механистический материалист. Но, в отличие от Гольбаха, признававшего лишь материю и движение, Мартинович вводит понятие «жизненной силы». С помощью этого понятия он пытается соединить материю и движение, объяснить сущность живой природы. Мартинович, видимо, не удовлетворялся чисто механистическим решением этих вопросов.

Свои социологические и общественно-политические взгляды Мартинович изложил в «Поучительной книжечке для людей и граждан». Эта небольшая работа написана для «Общества Свободы и Равенства» по примеру французской Декларации 1789 г. В ней излагается революционная программа низвержения феодального строя, королевской власти и провозглашается создание республики, осуществляющей свободу, равенство и братство, которые так же священны и неприкосновенны, как право собственности. Он гневно клеймит двор, короля, дворянство и духовенство, олицетворяющих и несущих с собой невежество и слепую веру.

Однако идеям венгерских якобинцев не суждено было осуществиться: наиболее активные члены «Общества Свободы и Равенства» были арестованы. 20 мая 1795 г. пять руководителей этого движения, во главе с Мартиновичем, были казнены, все написанное якобинцами сожжено; была введена строжайшая цензура, подавлявшая любые проблески свободомыслия. Реакция делала все возможное, чтобы воспрепятствовать распространению передовых идей в стране.

Один из крупнейших венгерских поэтов-просветителей *Михай Чоконai* писал в 1798 г.: «Мы едва освободились от гнетущего сна, как снова впали в дремоту... Наши типографии теперь опять печатают одни молитвенники. Наш театр скончался еще в колыбели. Наши лучшие литераторы или погибли, или попали в беду...» В творчестве Чоконai (1773—1805) нашли свое выражение наиболее передовые идеи венгерского просвещения. Поэт мечтал о времени, «когда про все кругом могли сказать мы: «наше», ... законом бедняки не презирались, все были равными, все в равенстве рождалось».

Политическая борьба венгерских просветителей на некоторое время затихла. Идеи просвещения теперь находили себе единственный выход в художественной литературе. Процесс национального пробуждения вызвал особенно большой интерес к вопросам культуры и литературы. Литература у народа, не имеющего свободы, говорил А. И. Герцен, единственная трибуна, с высоты которой он может заставить услышать крик своего негодования и своей совести. Несмотря на строгие цензурные ограничения, многие представители

передовой венгерской интеллигенции устремились в литературу, занялись проблемами национального языка.

В начале XIX в. в венгерской литературе начинается движение за развитие и чистоту венгерского языка, за его обновление. Во главе этого движения стал литератор *Ференц Казинци* (1759—1831). Участник заговора Мартино-вича, приговоренный к смертной казни, замененной пожизненным заключением, Казинци после своего освобождения отошел от политических взглядов просветителей. Его деятельность в области развития венгерского языка не была связана с проблемами политической борьбы и носила чисто академический характер.

* * *

С 1825 по 1848 г. в истории Венгрии наступает так называемый период реформ. Политика реформ была направлена на то, чтобы решить задачи капиталистического развития путем постепенных безболезненных для дворянства преобразований. В эти годы весьма активизировалась политическая жизнь в стране, были проведены некоторые социальные реформы, в частности крепостные получили право откупаться на волю; венгерский язык был признан государственным и т. д.

Процесс национального пробуждения, характерный для «периода реформ», особенно ярко проявлялся в области литературы и искусства. В венгерской литературе возникает течение, стремящееся создать поэзию, неразрывно связанную с национальными традициями. Поэтому не случайно то, что передовая общественная мысль этого времени особое внимание уделяет проблемам эстетики, и в первую очередь, вопросу о народности искусства.

В творчестве известного поэта, литературного критика, философа и политического деятеля *Ференца Кельчеи* мы встречаемся с интересным решением ряда эстетических проблем. Примкнув в молодости к движению «обновителей языка», он не отошел, подобно Казинци, от политической деятельности и рассматривал борьбу за развитие родного языка как часть общей борьбы за национальное освобождение, за становление новых отношений в обществе. «Не потому ли вы боитесь возвысить родной язык, что опасаетесь демократии?» — спрашивал он у венгерской аристократии. Кельчеи провозгласил следующие основные принципы: свобода, прогресс, любовь к родине, гуманизм. Он говорит о необходимости создания единой венгерской национальности, для чего прежде всего считает необходимым освободить крестьянство. Венгрия станет родиной для народа лишь тогда, когда в ней будут жить свободные люди. Однако Кельчеи еще не видел иной силы, кроме самого дворянства, которая смогла бы осуществить выдвинутые им идеалы.

Кельчеи высоко ценил философию и противопоставлял ее религии. Если религия, писал он, «устанавливает определенную границу человеческому знанию и в этих пределах требует допущения самосозерцания, т. е. признания веры, то вторая раздвигает границы познания до бесконечности и предоставляет человеческий разум самому себе...»

Как поэт и литературный критик Кельчеи высоко ценил народные песни, народное творчество. Но его произведения еще не были народными, он ограничивался лишь подражанием народной форме. Тем не менее заслуга Кельчеи

состоит в том, что он понял значение народной поэзии; он искал источники национальной поэзии в народном творчестве, рассматривал его как живительный источник подлинной литературы. «Я так представляю себе, что истинный источник национальной поэзии надо искать в народных песнях. Не очевидно ли, что истинная поэзия обретает крылья лишь в самой нации. Свет, зажженный у чужого огня, будет лишь туманным отблеском для нации», пишет Кельчен в своей работе «Национальные традиции». Особенно важно, что поэт увидел связь между национальной поэзией и национальными традициями. «Национальная поэзия начинает свой путь,— пишет он,— в самой национальной истории». В связи с этим он говорил о том, что величие греческой поэзии коренится в величии ее истории, ее неразрывной связи с нацией.

Ставя наравне материализм и идеализм в истории философии, Кельчен, считал, что идеализм не смог выдвинуть более убедительной теории по сравнению с материализмом.

Крупнейшим общественным деятелем периода реформы был граф *Иштван Сечени*. Период реформ ведет свое летоисчисление со времени созыва, после длительного перерыва, в 1825 г. Венгерского Государственного собрания, * на котором впервые в выступлении Сечени прозвучала венгерская речь.

В своих социологических воззрениях Сечени исходил из того, что обществу присуще непрестанное движение и развитие; несогласие с этим он сравнивал с попытками остановить при помощи плотины течение Дуная. Будучи человеком глубоко религиозным, он, тем не менее, искал весьма земные средства для осуществления прогресса.

Выражая интересы крупных земельных магнатов, стоявших за капиталистическое развитие, Сечени выступил против раздробленности крупных латифундий, за предоставление кредита крупным земельным собственникам. Излагая в своих работах программу буржуазного развития страны, он надеется убедить помещиков в выгоде новых отношений. Барщина и десятина препятствуют экономическому расцвету страны. Улучшение положения крестьянства, заверяет Сечени, «это не столько христианское дело, сколько расчет». Он заявляет, что помочь стране могут «твердые законы, деньги, инженеры».

Сечени был наиболее дальновидным представителем своего класса: он выступил с целой программой практических мероприятий, необходимых для развития Венгрии. Сущностью этой программы был такой путь буржуазного развития страны, при котором экономическое могущество и политическое господство по-прежнему оставалось бы в руках дворянства. Именно этим объясняется непоследовательность его программы: стремясь наделить крестьян правами, он в то же время не хотел затрагивать интересы крупных землевладельцев; а сами реформы для него были не самоцелью, а скорее средством предотвращения революции. Французскую и английскую революции он рассматривал как устрашающий исторический пример и призывал сделать все возможное, чтобы его избежать. Мечтая о процветании родины, Сечени в то же время не хотел и не мог понять, что основным тормозом в развитии страны был гнет со стороны Австрии; будущее страны он мыслил себе в рамках Габсбургской монархии.

Но когда революция стала реальностью, Сечени как истинный патриот становится на ее сторону, и лишь серьезное заболевание кладет конец его по-

литической деятельности. В историю общественной мысли страны он вошел как страстный борец за новую, процветающую Венгрию.

В 1838 г. на страницах журнала «Атенеум» разгорелся спор о философии Гегеля. Сторонники реакционно-клерикальных сил видели большую опасность в распространении идей диалектики, они считали, что диалектика неизбежно ведет к атензму, сен-симонизму, к идее «социальной республики» без христианства и т. д. Но венгерские гегельянцы не доходили до атенстических выводов: выражая идеологию «партии реформ», они сами боялись революционных выводов, которые можно было сделать из философии Гегеля; поэтому, по мере нарастания революционной ситуации в стране, их голоса слышатся все слабее и реже.

Первым венгерским литературным критиком, который в своей работе сознательно опирался на цельную философскую концепцию, был Янош Эрдейи. Выходец из крестьян, он начал свою деятельность как собиратель народных песен, доказывая, сколь необходимо литературе использовать фольклор. Особая заслуга Эрдейи в том, что он ратовал за объединение народной и национальной поэзии.

Говоря о величии самого народа, он считал, что всякая поэзия должна служить народу. Не будучи революционером, он надеялся, что народ приблизится к политике через литературу.

Эрдейи был хорошо знаком с философией Гегеля, с работами немецких левогегельянцев, с идеями «Молодой Германии», он признавал революционное значение диалектики Гегеля и использовал ее в своих работах. Но в дореволюционный период он оспаривал реакционные выводы, делаемые из гегелевской философии.

Так, Эрдейи не разделял неверного гегелевского вывода о том, что человечество достигло высшей ступени развития. Однако, будучи идеалистом, он исходит из того, что идеология определяет общественные отношения. Тот факт, что борьба против феодализма началась именно на идеологическом фронте, создавал иллюзию правильности таких воззрений.

Особый интерес представляет работа Эрдейи «Индивидуальное и идеальное» (1847), в которой интересно трактуется понятие типического в искусстве. Он выступает против сторонников Шиллера, считавших, что назначение искусства в изображении общей идеи, что человек предстает в искусстве лишь как форма проявлений этой идеи. В противовес этому, Эрдейи считает, что в искусстве всегда должно исходить из конкретного, единичного, в котором проявляется особенное и общее. По его мнению, общее не должно быть навязано искусству извне, оно должно логически вытекать из данного образа.

Эрдейи начинал диалектически подходить к проблеме связи формы и содержания в искусстве. Противники народного направления в искусстве презрительно отзывались о народной поэзии, считая ее язык низким, а ее формы примитивными. В противовес этому взгляду, Эрдейи подчеркивает первостепенное значение содержания по отношению к форме. Он утверждает, что искусство лишь тогда представляет собой новую ступень, когда оно несет в себе более высокое содержание: «Свежую жизнь в искусство может внести лишь новый предмет, новая любовь». Подчеркивая неразрывную зависимость формы от содержания, Эрдейи пишет: «Чем совершеннее произведение, тем глубже его содержание и определяющие его мысли».

После подавления революции 1848—1849 годов, в период общей реакции, Эрдеи начинает все больше увлекаться идеалистической системой Гегеля, теоретический уровень его работ становится гораздо ниже. К этому времени относится ряд его работ по истории отечественной философии.

Эрдеи был представителем нового, плебейского направления в идеологической жизни Венгрии, нашедшего свое дальнейшее развитие в творчестве венгерских революционных демократов.

* * *

15 марта 1848 г. в Венгрии вспыхнула революция, переросшая в национально-освободительную войну. Это была буржуазно-демократическая революция, призванная ликвидировать феодально-крепостнические отношения и завоевать национальную независимость. Руководящей силой революции было среднее дворянство, двойственное по своему положению и по проводимой им политике. Однако сама революция произошла вопреки воле среднего дворянства, ее фактическими организаторами оказались руководители радикального лагеря.

С самого начала в венгерской революции проявились две тенденции: одна, выражаемая средним дворянством, заключалась в компромиссе с господствующими реакционными силами; вторая была связана со стремлением радикального лагеря, защищавшим интересы народа. Оба эти направления объединяла общая борьба за национальное освобождение страны. Защита родины от иностранного нашествия наряду с недостаточно развитыми буржуазными отношениями в стране создавали возможность единого фронта этих двух направлений в венгерской революции.

Радикальный лагерь состоял, в основном, из «плебейской» интеллигенции, выходцев из мелкопоместных дворян. Идейными вдохновителями его были крупнейший поэт Венгрии — *Шандор Петефи* и сын крепостного крестьянина, всю жизнь боровшийся за освобождение крестьянства, *Михай Танчич*.

Лагерь радикальной оппозиции формировался по мере нарастания недовольства политикой реформ, проводимой представителями среднего дворянства. Радикальный лагерь, состоявший в основном из молодежи («мартовская молодежь»), явился подлинным вдохновителем венгерской революции 15 марта 1848 г.

Радикальный лагерь был весьма разнороден и по своему составу и по воззрениям его участников. В ходе развития революции наступает раскол. Часть «мартовской молодежи» была удовлетворена переходом власти в руки либерального дворянства, другая, не удовлетворенная двойственной политикой первого независимого венгерского правительства, перешла на позицию буржуазного демократизма, и лишь некоторые из них стали подлинными выразителями интересов широких масс крестьянства, стали революционными демократами.

Одним из наиболее передовых представителей среднего дворянства в период революции был *Лайош Кошут*. Еще в период реформ Кошут выступил с программой буржуазного преобразования страны, выдвигавшей требование освобождения путем выкупа крестьянства и всеобщего налогового обложения.

Рьяный сторонник развития отечественной промышленности, Кошут понимал всю необходимость борьбы за национальную независимость страны. В противоположность Сечени, он выступал с требованием государственной автономии Венгрии в рамках Габсбургской монархии. Программа Кошута отражала интересы среднего и мелкого дворянства, заинтересованного в капиталистическом пути развития страны.

Кошут и Сечени, представлявшие разные слои венгерского дворянства, придерживались разных взглядов на путь развития Венгрии. Но несмотря на все разногласия, их объединяли стремление сохранить политическое господство в руках дворянства, боязнь крестьянской революции.

Кошут вошел в историю Венгрии как руководитель и организатор национально-освободительной борьбы венгров 1848—1849 годов; в отличие от большинства представителей среднего дворянства, в решающие дни венгерской революции он понял необходимость союза с народом, с радикальным лагерем, не испугался этого союза.

К. Маркс высоко ценил смелость и революционность вождя венгерской революции. «Впервые за долгое время мы встречаем истинно революционный характер, человека, который отваживается от имени своего народа принять вызов на отчаянную борьбу, который воплощает для своей нации в одном лице Дантона и Карно,— *Людвига Кошута*... Массовое восстание, национальное производство оружия, выпуск ассигнаций, быстрая расправа со всяким, кто препятствует революционному движению, непрерывная революция,— словом, все основные черты славного 1793 года находим мы снова в Венгрии, вооруженной, организованной и воодушевленной Кошутом»¹.

Мировоззрение Кошута формировалось под воздействием идей французского просвещения, английской политической экономии, а также немецкого и французского либерализма. Кошут не писал специальных теоретических трактатов. Это был политический деятель. Его статьи в редактируемой им газете «Пешти Хирлап», его страстные, не оставлявшие никого равнодушным речи, в которых он призывал венгров к сопротивлению и борьбе до последней капли крови, оказали огромное воздействие на идеологическую жизнь Венгрии в период, предшествовавший революции, и в ходе самой революции.

Если наиболее передовым представителем среднего дворянства в период революции был Кошут, то наиболее последовательными и прогрессивными мыслителями радикального лагеря революции были венгерские революционные демократы.

Революционно-демократическая мысль весьма существенно отличается не только от идеологии среднего дворянства, но и от воззрений революционной буржуазии. Выражая интересы революционного крестьянства, городского плебса, мелкой буржуазии в период распада феодально-крепостнических отношений, революционные демократы выступают гораздо решительнее и последовательнее в борьбе с феодализмом. Не ограничивая цели революции уничтожением феодальных форм эксплуатации, революционные демократы стремились к ликвидации всяческой эксплуатации. И средства, выдвигаемые в этой борьбе, у них самые радикальные.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 6, стр. 175—176.

Венгерские революционные демократы обосновали революцию как неизбежное средство изменения общественного строя, и непосредственно сами участвовали в революции. Более того, они подготавливали ее, организовывали ее, стремились воздействовать на руководителей среднего дворянства, заставить их осуществить на деле задачи революции.

Они весьма глубоко для своего времени осветили проблемы общественного развития своей родины, ее социальные противоречия. Их творчество относится к лучшим достижениям домарксистской общественной, философской, социологической мысли в Венгрии. Однако революционные демократы не вышли за рамки своей эпохи.

Для идеологии венгерских революционных демократов характерны общие черты: острая критика и резкое осуждение феодального общества, глубокая неудовлетворенность существующим строем, ненависть к эксплуатации, критика королевской власти, в которой для венгров воплощалось и национальное и феодальное угнетение, резко отрицательное отношение к церкви и религии, стоявших на страже отживших общественных отношений.

Венгерские революционные демократы ставили борьбу за независимость страны в тесную связь с освобождением крестьянства. «Любой свободомыслящий человек понимает, что барщина и национальная гвардия несовместимы друг с другом,— писал М. Танчич.— Тот, кого еще нынче принуждают ходить на барщину,— не свободный гражданин, он не возьмется за оружие». В отличие от идеологов среднего дворянства, венгерские революционные демократы понимали, что национальное освобождение страны возможно лишь в союзе венгров с другими народностями, населяющими страну.

Основной стимул деятельности венгерских революционных демократов — это глубокая любовь к народу. Они видели в народе решающую силу общественного развития и считали себя глашатаями народа, защитниками его интересов.

Поэтому и историю они рассматривали не как собрание биографий выдающихся личностей. Они сумели понять, что великая личность лишь отражает требования эпохи, народа.

Свои прогрессивные идеи они применяли к конкретному анализу политической жизни и борьбы венгерского общества, стремясь преодолеть в известной мере созерцательный характер философских систем прошлого.

Мировоззрение венгерских революционных демократов имеет много общих черт, но в то же время каждый из них обладает своей неповторимой индивидуальностью.

Одной из самых ярких и интересных фигур в истории Венгрии, ее передовой общественной мысли является *Шандор Петефи* — борец революции 1848 года, крупнейший поэт Венгрии. Творчество Петефи — это своеобразная поэтическая летопись революции, в которой отразилась его жгучая ненависть к венгерским дворянам и его светлая мечта о новой Венгрии, в которой торжествует равенство и справедливость. Петефи провозглашает: «...Я республиканец душой и телом. Стал им с тех пор, как мыслю и останусь до последнего вздоха»².

² Ш. Петефи. Собрание сочинений, т. 4. Гослитиздат, 1952, стр. 149.

Глубоко веря в силу просвещения и в общественную роль литературы, он писал: «если народ будет господствовать в поэзии, он приблизится и к господству в политике, а в этом задача века, осуществить ее — цель каждой благородной души, которой нестерпимо стало видеть, как страдают миллионы ради того, чтобы несколько тысяч могли нежиться и наслаждаться жизнью. В небо — народ, в ад — аристократию!»³.

Петефи, как и все венгерские революционные демократы, интересовался проблемами общественного развития. Находясь под влиянием гегелевской философии, он считает, что, в основе общественно-исторического процесса лежит развитие мирового духа. Творчество Петефи проникнуто идеей развития, которая является для него теоретическим обоснованием прогресса. «Я верю в то, что мировой дух развивается по ступеням, вижу путь, по которому он следует. Он идет медленно... сейчас он снова поднимает ногу, чтобы сделать один шаг: от монархии к республике»⁴.

В своем поэтическом творчестве Петефи выступает как основоположник новой революционно-демократической эстетики. Его основные эстетические принципы: народность, реализм, простота. Истинное назначение поэта в обществе, по убеждению Петефи, заключено в служении народу, в том, чтобы освещать факелом передовых идей дорогу к будущему: поэзия — не создана для салонов, она — могучее оружие в борьбе.



Шандор Петефи

...Бой идет. Не штык, не пушка —
Идеи бьются в наши дни.
И я участвую в сраженьи.
Я — командир, а мой отряд —
Мои стихи: в них, что ни рифма
И что ни слово, то солдат!
Пуškai в дерюге, а герои, —
Они дерутся до конца!
Ведь не мундиры, а отвага
Есть украшение бойца...⁵

³ Там же, стр. 165.

⁴ Там же, стр. 149.

⁵ Ш. Петефи. Собрание сочинений, т. 2, стр. 71.

Искусство может быть боевым оружием современности лишь в том случае, если оно отображает действительность такой, какова она есть. И Петефи провозглашает: «То, что правдиво — то естественно, а что естественно, то и хорошо, и, по-моему, красиво. Вот моя эстетика»⁶.

Поэт выдвигает требование — учиться у народа, всемерно использовать богатейшие сокровища народного языка. «Что бы там ни говорили, а истинная поэзия — поэзия народная. Согласимся на том, что ее надо сделать господствующей»⁷.

Ближайшим другом и соратником Петефи был один из руководителей мартовской революции 1848 года, *Пал Вашвари*. Большой интерес представляют его взгляды в области философии и истории. Вашвари занимается такими проблемами, как происхождение общества и его отличие от природы, источники общественного прогресса, роль народа и личности в истории.

Придерживаясь в своих исторических исследованиях определенной философской концепции, Вашвари придает большое значение мировоззрению, помогающему исследователю подняться над морем фактов к глубоким обобщениям: «правильность основных идей имеет для человека то же значение, что для птиц крылья».

Человек, природа и общество находятся в процессе постоянного движения и самообновления. Человеческое общество Вашвари рассматривает как результат развития природы, поэтому оно также подчиняется ее законам. Но человек покинул лоно природы для того, чтобы господствовать над ней. «С тех пор, как природа пустила человека по темной тропе жизни, она дала ему факел-разум, чтобы при его свете двигаться вперед». Он особенно подчеркивает, что человек — творец своей судьбы и не должен пассивно ждать изменений, а сам должен воздействовать на ход исторических событий. Человечество в своем поступательном движении идет все время вперед. Вашвари считает нелепой попытку доказать, что человечество вращается в вечном круге. Развитие общества, как и природы, имеет закономерный поступательный характер: «то, что перестало быть необходимым, в свое время было необходимым и неизбежным».

Человеку присуще естественное стремление к счастью, которое не может осуществиться из-за злой воли тиранов-правителей. Эта известная, в конечном счете, идеалистическая точка зрения присуща и Вашвари. Вместе с тем он говорит, что причину бед человеческих надо искать в «противоестественных общественных отношениях».

Но эти высказывания содержали лишь отдельные догадки. Основное средство избавления от оков социального гнета Вашвари видел в просвещении, которое он неразрывно связывал с революцией. Просвещенный народ, ознакомившись с правами человека, неизбежно перейдет к революционным действиям. Вашвари мечтает о том времени, когда «будут распространены порядки Руссо или Кабэ». Если у Кабэ его привлекает идеал Икарии как образец будущего общества, то у Руссо он ценит теорию естественного состояния и общественного договора, при помощи которых он обосновывает необходимость революционных действий масс. Только революция может

⁶ Ш. Петефи. Собрание сочинений, т. 2, стр. 247.

⁷ Там же, стр. 241.

уничтожить противоречие между бесправным положением народа в обществе и его решающей ролью как творца истории. Вашвари выступал против всякого угнетения и считал, что «просвещенный народ не закончит революции уничтожением угнетения, а уничтожит и учреждения угнетения и сделает невозможным и новое угнетение».

К плеяде революционных демократов относится и другой выдающийся деятель венгерской революции — *Михай Танчич*.

Танчич прошел большой и сложный жизненный путь. Простой крестьянский парень, впервые переступивший в 24 года порог начальной школы, постиг все то, что дали передовые умы Европы и стал одним из образованнейших людей Венгрии того времени. Если в начале своей деятельности он еще уповает на короля, то в дни революции он говорит о народе как высшем суде; предствления о королях как посланцах бога, которым надо слепо подчиняться, он называет заблуждением.

В обществе, считает Танчич, происходит процесс постоянного преобразования.

Танчич подчеркивал, что производство всего необходимого для человека — пищи, одежды жилищ и т. д. — с неизбежностью воздействует на развитие общества. «Ведение хозяйства будет самой важной наукой до тех пор, пока не войдет в моду питание дуновением ветра или воздухом».

Человеку необходимы права. Они так же естественны, как голод, жажда и им подобное. Танчич считает, что естественные права и здравый смысл — вот единственные критерии, определяющие законы развития общества и нормы поведения людей. Поэтому самое большое преступление — это лишить человека его естественных прав. Обращаясь к дворянству, он говорит: «Глас народа — глас божий! И кто не пожелает прислушаться к нашим призывам, тот будет и помимо своей воли вынужден выслушать строгий приговор справедливости».

Дворянство стремится одурманить народ, держать его в невежестве, чтобы он не мог осознать свои законные права. Одним из средств одурманивания народа Танчич считал религию. Свое отношение к религии и духовенству он высказал вполне определенно: «для счастья человека нужны совесть и здоровье. Совесть же существует не в религии, а в хороших поступках». В новом обществе «...духовенство будет подчиняться общему воспитанию, особой роли играть не будет».

Танчич ясно видел две борющиеся между собой социальные силы общества: с одной стороны, дворянство и представляющее его интересы правительство и, с другой стороны, народ, крестьянство. Крестьянство составляет основу нации, ее жизненную силу. Не имея никаких прав, оно несет на себе все тяготы. Народ должен изменить и изменит это несправедливое положение. Только ликвидировав общественное неравенство, можно добиться столь необходимого для общества единства нации. «Если дворянство упустит случай собрать нас всех воедино, то отечество не будет защищено должным образом».

Друг и единомышленник Танчича, революционный демократ *Янош Хорарик* — отрেকшийся от религии аббат философ, пламенный атеист, посвятивший свою жизнь борьбе с религией и церковью. Начав с выступлений против духовенства, Хорарик в ходе этой борьбы приходит к отрицанию религии вообще.

В церкви он видит источник неравенства, врага прогресса. В своих философских воззрениях Хорарик выступал как сторонник Фейербаха. Вслед за Фейербахом он утверждает, что не бог создал человека, а человек создал бога по своему образу и подобию. Выступая против религиозных догм, Хорарик черпает свою аргументацию из истории материалистической философии. Уже Спиноза, пишет он, оспаривал существование бога, а французские материалисты низвергли бога с трона, возведя на его место разум. Для Хорарика признание бога — признак невежества и тупости.

Религия и церковь противостоят принципам гуманизма. Они внушают народу покорность и долготерпение, используют невежество народа для его угнетения и порабощения. Но помимо религии и церкви источником зла в обществе являются отношения купли и продажи, всесильная власть денег. В обществе будущего, по Хорарику, все люди будут равноправными и продукты труда будут равномерно распределены между ними. Духовенство должно быть отстранено от общественных дел или использовано в целях просвещения и обучения народа.

Под влиянием философии Фейербаха Хорарик призывает поклоняться человеку и его разуму. «Пусть человек будет нашим господом, судьей, отчизной, началом и концом наших законов, мерилом наших гражданских и моральных норм нашей официальной и личной жизни и деятельности. Нет спасения вне человека».

Таковы основные идеи представителей передовой философской и общественно-политической мысли Венгрии. В них отражен важный этап духовного развития венгерского народа, сумевшего впоследствии найти путь от революционного демократизма к марксизму, научному социализму и воплотить его идеи в жизнь.

* * *

В настоящем сборнике впервые на русском языке публикуются социально-политические, философские, эстетические произведения и отрывки из них передовых венгерских мыслителей конца XVIII — первой половины XIX в.

В сборник не включены произведения Ш. Петефи, так как они уже изданы на русском языке.

Тексты переводов сделаны по современным венгерским изданиям, за исключением работы Я. Хорарика «Борьба Яноша Хорарика против иерархии и церкви», публикуемой с первого издания 1847 г.

В подготовке данного издания принял участие Д. Тордай, посвятивший себя исследованию истории философии Венгрии.

М. А. Хевеши

Дьёрдь Бешеньей (1747—1811)

Дьёрдь Бешеньей (Bessenyei György) — один из наиболее видных представителей раннего венгерского просвещения, философ, писатель.

Родился в семье среднего дворянина. В 1765—1782 гг. служил в императорской лейб-гвардии в Вене.

Все свободное от службы время Бешеньей посвящал изучению произведений французских и английских просветителей, истории венгерской литературы.

С 1773 по 1778 г. Бешеньей представляет в Вене венгерскую протестантскую церковь. Но после того, как попытался организовать венгерское патриотическое общество, его снимают с этого поста.

Материальные затруднения заставляют Бешеньей покинуть Вену и поселиться в комитате Бихар (Венгрия), где он прожил в уединении до конца своих дней. Поэтому его часто называли «бихарским отшельником». Похоронен Бешеньей, согласно его желанию, в своем саду без соблюдения церковных обрядов.

Д. Бешеньей написал свыше сорока работ, значительная часть которых из-за цензурного запрета была опубликована лишь посмертно. Первые из них, положившие начало новой венгерской литературе, вышли в свет в 1772 г.

Основные работы: «Венгерский учитель» (1777), «Венгры» (1778), «Вещи» (1779), «Путь законов» (1778), «Мир природы» (1799), «Бихарский отшельник» (1803—1808), «Путешествие Таримэна» (1804), «Поиски смысла в существующем мире и граница его познаваемости» (1804).

*Поиски смысла в существующем мире и граница его познаваемости**

Читатель! Тебе известны английские, французские, немецкие мыслители, высоко поднявшиеся над людским морем. Наряду с их трудами я кладу перед тобой эти небольшие рассуждения на родном языке. Поразмысли над ними и сделай выводы... И пусть не смущает тебя, что написано это по-венгерски, не думай, что на нашем родном языке читать стоит лишь то, что переведено с греческого, французского, немецкого, с латыни и, наконец, с английского. Что ж, начинай! Уединись для чтения в тихую обитель, а после выскажи свое мнение. И если ты укажешь, что такие же краткие рассуждения есть на другом европейском языке в том же порядке и последовательности, и доведешь их до моего сведения, то я устыжусь.

Я не говорю, что никто другой в своей жизни не рассуждал о подобных предметах. Кто может выдумать такое, чего до него еще не было? Кто может извлечь из скрипки звук, неизвестный музыкантам? И все же ты можешь услышать сыгранную на ней новую мелодию, звуки которой в таком сочетании никогда не доходили до твоего слуха. То же самое можно сказать о рассуждениях и о смысле их. Может, конечно, и так случиться, что человеку мало начитанному мои рассуждения покажутся новыми и против него направленными. Но, прошу тебя, не спеши! Отложи в сторону все рассуждения, привитые тебе от рождения воспитанием, обычаями, религией, и суди о моем труде одним лишь трезвым человеческим разумом, я уверен, что ты поймешь его до конца. А если ты возрадишь мне, скажешь, что написанное мною неправда, дескать тебя этому не учили, то не читай его, так как ты не принадлежишь к числу ученых людей. Мой же труд ни в коем случае не написан для невежд.

*В поступках человека видна его душа,
а в его чувствах — лишь тело*

Вселенная распадается на четыре составные части: небо, земля, огонь и вода. Сама по себе, не сознавая этого, существует; не рассуждая и не чувствуя, она представляет собой лишь нечто телесное. Вселенная как таковая не имеет ни души, ни мысли, но такие ее проявления, как люди или животные, обладают чувствами, познанием, мыслями.

Как могла вселенная, не обладающая мышлением, породить мысль? Но может ли мысль рождаться от мысли, как ребенок от матери? Может быть, мысль рождается слабой, а потом растет и крепнет? Или, может быть, она проявляется сразу во всей своей силе? Откуда в теле берется бестелесный разум, способность рассуждать? И эта способность, питаемая телом, живущая в нем самом с его радостями и горестями, все же призвана противостоять телу? Это и есть душа: в ней обретают боль и горе, радость и веселье, и она живет этими чувствами, потому что всякое изменение связано с чувствами. Эта сила, существующая исключительно как мышление, не является ни телесной, ни чувственной, и, казалось бы, ничто телесное не может на нее влиять, и тем не менее, влияет.

Далее, откуда в моем разуме рождается мышление и познание различных свойств вещей, размышление и суждение об их причинах? Приобретает ли душа сама по себе опыт, смысл, разум, независимо от тела, заложено ли это в ее природе, или всякое познание заключено в самом теле?

Бросимся же в море неизвестного, но не для того, чтобы перейти его вброд, а чтобы испытать свои силы, выяснить, как долго мы можем плыть по его поверхности, пока не затянет нас его глубина. Много есть таких вещей, познать которые заранее боится слабый человеческий разум, по отношению к которым человек обрекает себя на вечное непроходимое невежество, не отваживаясь даже коснуться их. Но все-таки человеческий разум может различать, какие из этих вещей могут быть все же познаны и поняты, в отличие от непознаваемых, чтобы человечество не обрекало себя на бездумное существование.

И ты, читатель, не торопись говорить, что я занимаюсь пустыми вещами, когда ищу мысль в теле: я прослеживаю ее там, где она находится, а значит в этом смысле я не заблуждаюсь. Разве мне не дозволено задать вопрос, что такое я сам и какова природа моего духовного и телесного существования?

Ты, говоришь, что душа непознаваема. Кто знает? А может быть, мы лишь потому не пытаемся в этом разобраться, что наше сонное воображение сделало некоторые выводы из ее природы, зная которую полагалось бы гораздо лучше, и наделило душу такими свойствами, которых она в действительности не имеет?

Никогда ты не докажешь даже самому себе, что хоть одна из мыслей, возникающих в ходе отождествления или разграничения, или зарождающихся в твоей душе при мышлении, есть плод души твоей, возникший независимо от тела, что эта мысль не приобретена душой через телесное зрение, осязание, слух и другие человеческие чувства. Все, это ты знаешь, проникло в твою душу через тело. Нет ни одной мысли, поясняющей или объясняющей что-либо, которая была бы независимой, существовала бы вне связи с телом и окружающими предметами.

Из этого следует, что невозможны никакие рассуждения и умствования о душе в отрыве от тела, о душе, мыслимой самой по себе. Поэтому было смехотворным и неразумным возводить в науку наши бесконечно невежественные знания о свойствах души. Возможно ли, спрашиваем мы, предположить, что душа без помощи тела в состоянии что-либо познать о самой себе. Очисти душу от всех знаний, приобретенных через телесные чувства: зрение, слух и т. д., а потом спроси себя, что она может знать и что она знает, и о чем она судит; когда она права, когда нет. Бьюсь об заклад — тысяча против одного, что ответа на это ты не получишь¹.

Если твоя душа создана богом и спускается с высоты, чтобы одухотворить твое тело, находящееся еще в чреве твоей матери, то этой душе надобно было бы все знать о боге и принести эти знания с собой в мир. Но приходилось ли тебе слышать, чтоб люди хоть самую малость знали о боге, какой он формы, как ведет себя, какого он цвета и где проживает? Помнишь ли, что ты думал, когда появлялся на свет или первый раз присосался к материнской груди? Но как только ты окреп телом, начал ходить и говорить, так появилась у тебя и память, ты спрашивал и запоминал. Чем же была занята обитавшая в тебе полная сил бестелесная душа, пока твое слабое тело не наделило ее чувствительностью? Как можно, не зная этого, установить, обладает ли твоя душа силой мышления, способностями? Или, может быть, я должен знать это вместо тебя? Я должен знать, что твоя душа обладала большой силой уже и тогда, когда ты сам еще не проявлял никаких способностей? Ты сам ничего не знаешь о младенческом периоде твоей жизни, хотя в твоём слабом теле и тогда уже жила зрелая душа. Я тоже ни-

¹ В детстве и юношестве я всегда представлял себе рай в виде огромного храма с золотыми стульями и креслами, брильянтовыми колоннами, полного света, блеска и сверкания золота. И бог-отец был для меня, конечно, стариком, восседающим на золотых облаках, а рядом с ним бог-сын — смуглый брюнет, и бог-дух святой в виде голубя. А ты как представляешь себе небеса? Ответь мне.

Способность к идеям была провозглашена еще в древности многими мудрецами рождающейся посредством человеческой науки и познания бога. Причину они считали следствием, как если бы ты считал рассуждения и письменность следствием существования бумаги, запечатлевающей их и хранящей навек. Но если существует «idea innata», ты это должен знать, как только появишься на свет. К чему же утверждать, что бог-отец твой может спросить: «Кто создал тебя, сын мой?». Этим ты ничего не докажешь.

чего не знаю. А кто это знает? Кто и что может доказать? Никого и ничего.

Душа время от времени проявляет свои способности, которые растут вместе с телом. Разве можно не заметить, что с самого раннего возраста развитие души не опережает развития тела? А если ты мне скажешь, что душа по слабости тела, до тех пор, пока тело полностью не созреет, не может воспринять науку, связанную с телесным опытом, то я обращаю твое внимание на то, что ты тем самым провозглашаешь двоякую истину о душе. Ты признаешь существование души без мысли. Но разве может существовать сильная человеческая душа без мысли и памяти? А о чем может раздумывать душа, пока она ничего не знает? Пока ничего не испытала? Тогда надо было бы назвать это мышлением без мысли.

Ты говоришь, что при рождении в тебе уже есть душа. Так почему же ты ничего не знаешь о том времени, которое ты провел в материнской утробе? Может быть, потому, что душа во всем связана со слабым кровообращением, еще и нет памяти, за которую могли бы цепляться чувства, так как нет еще ни вещей, ни событий, нуждающихся в памяти, или в которых память нуждается. Памяти не может быть там, где нет ничего достойного запоминания. Воспоминания рождаются событиями. О чем ты можешь помнить, если ни о чем не знаешь?

На основании всех этих причин и опыта, увиденного собственными глазами, можно заключить, что человеческая душа, мыслимая вне всяких человеческих чувств, не может никоим образом познать ни самое себя, ни окружающую ее действительность. Тут на помощь не знающей самой себя душе спешит вера, утверждающая существование души помимо тела, ее бессмертие и вечное существование. Но об этом она сама ровным счетом ничего не знает².

Мыслящая сила

Считают, что тело не обладает способностью мыслить. Тело не думает, не мыслит. Мыслю и думаю я. А кладезем премудрости для такой небесной работы является душа. Следовательно, в ней нет телесного. А если она не тело, то и не может исчезнуть. От чего

² По законам природы и трезвого ума, верить в вечность существования чего-либо, имеющего начало, совершенно невозможно. Конца нет лишь у того, чему никогда не было начала. Всякая бесконечность, не имеющая начала, указывает на вечную истину. Все, что в какое-то время произошло, стало, началось, несомненно, будет иметь и конец. Сама природа учит этому. Но религия и «божье слово» становится выше этого и признает вечную жизнь. Нет в этом мире разума, который мог бы на основании причин, существующих в природе, утверждать бесконечность чувственной жизни, ее вечное существование после того, как она была создана. Все такие утверждения могут быть опровергнуты доказательствами от противного. И если ты отбросишь религию, то и вера в бессмертие души исчезнет из твоей головы или зародится в тебе сомнение, которое ты и будешь носить в себе до смерти.

могут поседеть мысли, думы? Как время может повлиять на предмет, к которому оно не может прикоснуться? Как потеря крови может привести к смерти то, в чем нет крови? Исходя из этого, душа, следовательно, существует вечно. Все на этом и держится, да как держится — одним пальцем! Так как нельзя привести ясные доказательства постарения разума, его убывания, потери, как это бывает у тела, то и считают доказанным противное, что существует вечная жизнь. Ну что ж? Если уж им так хочется, пусть...

Давайте посмотрим с другой стороны и поставим иначе вопрос: если творец всевластен над телесным миром, т. е. над природой, то может ли он пожелать, а если пожелает, то и дать способность и силу к мышлению? Как может существовать тело мира без всякого разума?

Но как могут мыслить трава, дерево и т. п.? Правда, что холм и скала не мыслят. Но правда и то, что бог и природа наделили мир столь различными, противоречащими друг другу изменениями, и вещи, происходящие из этого большого тела, появляющиеся прямо на твоих глазах, во всех своих свойствах противоречат одни другим.

Действительность одна, но изменения природы заставляют нас видеть в ней две противоположные вещи.

Человеку знать того не дано, сколько миллионов видоизменений присуще телесному миру. А если кто-нибудь захочет доказать, основываясь на самой природе, что телесному миру со всеми его природными изменениями свойственно мышление, то для этого ему надо познать природу со всеми ее ступенями, познать ее на всем ее протяжении. Но кто это может? Обратимся к опыту.

Возьми сначала кусок угля, воду, грязь и рассмотри их, понюхай. Потом поднеси к носу красную розу. Поразмысли над опытом. Исходить мы можем только из тела, потому что из души исходить я не умею. Холод, тепло, небо, земля, куст розы со всеми их различными свойствами указывают на такое различие творений природы, что вполне возможно предположить появление такого животного, о котором мы ничего не можем знать; более того, все его свойства могут быть противоречивыми.

Возьмем самые различные и противоречивые способы взаимодействия соков и влаги земли. В одном плоде сок кислый, в другом сладкий, здесь он такого цвета, вкуса, там совсем другого, и все эти соки создают растения согласно своей природе. Посмотри, с каким искусством виноградная лоза превращает земную влагу в вино, в огонь (спирт), а в том же месте, совсем рядом сливовое дерево эту же влагу превращает во вкус сливы. Черешни, вишни, рябины — почему они все такие разные? Почему сливовое дерево производит именно сливы, а не черешни или рябины? Ты скажешь, что каменная скала — это не земля и на ней не могут произрастать сливы, рябины, черешни. Ты можешь мне сказать, мир не размышляет о своих вкусах, ведь холм не говорит и не мыслит. Я согла-

сен, что дерево не мыслит. Но когда лиса копает себе под корнями дерева нору, старательно и умно выбрав себе для этого место, чтобы детенышей не тронул человек, не выследил охотничий пес, должен же ты будешь признать, что существует огромная разница между жизнью, телом, кровью, мозгом лисы и живым деревом. И ведь нет в лисе ничего такого, что продолжало бы жить в норе и тогда, когда с самой лисы сдерут шкуру. Мы не можем признать необходимость души без телесной жизни потому, что душа существует лишь для того, чтобы заботиться о жизни и существовании тела.

Из всего выше сказанного ясно, что огромное вечное Тело претерпевает само по себе бесчисленное множество преобразований, что в нем находится и память, и разум, и мышление — все те свойства, отрицать которые в животных может лишь безумец. Речь может идти лишь о том, что все эти свойства бывают в большей или меньшей степени. Способности к мышлению у животных стоят на более низкой ступени и относятся к более низкому классу, чем у человека. Но можно найти и такие два смертные существа, разница между которыми такая же, как между ученой обезьяной и диким невежественным человеком. Я сам видел людей, не имеющих способности к мышлению, к суждению, более глупых, чем дрессированная собака. В таком человеке невозможно было заметить способности к мышлению и суждению. Всем ясно, что Бербете Истрати * так же далеко до Цицерона, как пуделю до него самого. Тысячи примеров доказывают, что человек, не имеющий ни воспитания, ни образования, всего лишь неразумное животное своего вида, как и все другие дикие звери...

Разве всевластный бог не может свершить все, чего он только ни пожелает? А ведь большая часть людей на нашей земле живет в язычестве и слепоте. И господь не просвещает их, хоть и мог бы, если б захотел. А ведь он создает в великом количестве для них души, очевидно, чтобы ввергнуть их потом в вечные муки, так как заниматься ими он не желает. Значит, милостивый и справедливый господь-бог наш создает тысячи миллионов душ, чтоб подвергнуть их адским мучениям на веки веков? Злых душ творить он не может, потому что он справедлив, свят и совершенен. Если бог наделает кого-то злой душой, то тем самым он осуждает его на грех? А если он создает невинную душу, то как же может он осуждать ее на адские муки? Значит, он волен делать, что ему вздумается? Он обрушивает на тебя эту действительность, потому что он бог.

Таким образом, все эти доводы показывают, что «душа» создается в теле самым телом. По этому поводу великий англичанин Локк, которого европейские ученые называют «Мудрым мастером человеческого рода», поставил перед всем миром следующий вопрос: надо ли ссылаться на всемогущество господне, чтоб доказать возникновение мыслящей силы в мире? Я не могу поверить, отве-

чает Локку Руссо, чтобы тело могло думать и чтоб в дереве могла существовать мысль. Но Руссо говорит о другом, он только отходит от вопроса. Кто утверждает, что дерево может мыслить? Об этом можно думать тогда, когда смотришь на волка, готовящего себе с людской сообразительностью нору, и который не льстится на добычу, подложенную ему к самой норе. Действует ли этот волк помимо разума, когда, чувствуя муки голода, не бросается на пищу и без внимания оставляет добычу? Следует ли из этого, что умный человек со всем своим большим разумом не может перехитрить животное, не умеющее мыслить?

И все-таки из предпосылок Локка нельзя сделать вывода о смертности души. Бог может сделать преходящими созданные им предметы. Душа тоже создана им, но святое писание объявляет ее бессмертной. Мир был создан богом раньше, но он нетлен. Тебе известно, что пророк Илья тоже был бессмертен?

Рассуждая далее, мы придем к выводу, что для творца наделить природу мыслящей силой — меньший труд, чем сотворить мир из ничего. Можешь ли ты доказать, что кровообращение без присутствия бессмертной души не может ни в одном живом существе вызвать память и воспоминания? Ты смог бы только тогда познать зверей, если бы они заговорили человеческим голосом и ты бы их понимал и с ними беседовал. А ты всего лишь видишь, что можешь научить собаку понимать твои слова, повиноваться тебе и делать приказанное. И наоборот, сколько людей знаешь ты, которые под мудрым руководством бессмертной души спустились гораздо ниже скотского состояния. Когда неразумное животное чувствует приближение опасности, то все свои силы и возможности обращает на избежание этой опасности, а человек с твердой волей и неумной жестокостью, потеряв голову, несется стремглав к гибели. Сколько наемных слуг и крестьян знавал я, которые без всякого размышления беспрестанно трудились над тем, чтоб как можно скорее потерять свободу и жизнь; они не слушались ни просьб, ни убеждений, ни добрых советов, не понимали, что именно приведет их к гибели.

Таким образом, человеческая судьба сделала их неразумными зверями в обществе; хуже того, дикий зверь никогда не стремится к своей гибели. Они же стали преднамеренной и безумной причиной своей собственной гибели³.

Среди людей душу свою могут проявить лишь те, у кого она есть. Ты можешь сказать о ком-нибудь, что он не умен, но не скажешь о нем, что он не человек; можешь сказать, что не воспитали

³ Пора было бы серьезно заняться нравственными и умственными свойствами животных. Но это значило бы слишком расширить объем этого труда. Особенно в Индии можно найти среди зверей чудеса. Да и в Европе ты уже, верно, видел собак, танцующих на канате, кружащихся в менюэте по всем правилам искусства, или одетых в солдатские мундиры, берущих крепость, и т. д.

его в религиозном духе, в познании бога, что не внушили ему ничего о рае и аде, что он и не помышляет отрицать все это и не раздумывает о них. Человек верит в бога, в спасение души, в рок, а живет отбросив от себя и страх божий и человечность, живет вопреки этому, сам гонит от себя свое счастье, губит свою судьбу, топит здоровье в вине и сам себя хоронит.

Примером того как растаптывается в пыли человеческое достоинство является то, что для некоторых плоть и дерзкое безумие имеет больше преимуществ по сравнению с мудростью телесной души; этих людей нисколько не интересует бессмертие, они предпочитают всему плоть, безумие. Наблюдать за такими людскими скотами, воспитанными в религии, но свирепствующими, как звери. против других и себя, плачевно и унижительно для нашей человеческой гордости и ангельского ранга, и погружает нас в такой позор, которого мы никогда не сможем стряхнуть с себя, даже с помощью святых и светских ученых теологии и философии. А когда ты видишь, что человек ⁴ в глазах бога может даже ангелов превзойти, показать такое совершенство, которое трудно сравнить с небесными свойствами, а мудростью превосходит почти самого бога, невозможно, жалея его, не рассмеяться или не расплакаться. А наряду с такой святостью, совершенством и мудростью очень многие люди злы, безнравственны, несовершенны, жизнь их полна всяческой бедности и безумия, и они со стоном влачат этот мучительный груз.

Святое писание гораздо уважительнее говорит о людях пред ликом господнем, чем об ангелах. С людьми бог находится в связи, даже в браке, а ангелы всего лишь прислуживают господу-богу. А с другой стороны, блаженство души так тесно связано с телом, что душа без тела не может вкушать даже вечное блаженство. В день страшного суда придется душе спуститься с небес на землю, чтоб возродить свои телесные останки к новой жизни и вместе с ними вернуться в блаженную обитель. Если ты должен верить, что каждый человек после смерти или блаженствует или страдает, то ты веришь, что каждая душа, покидая тело, следует своему предназначению: или будет она в раю и вечном блаженстве ожидать дня страшного суда, или ожидать того же дня в аду. Из этого совершенно непреложно следует, что в день страшного суда лишь одни живые предстанут перед богом со своим телом, но они будут заранее знать свою судьбу и со своими телами пойдут на предназначенные им места, не очень беспокоясь о своей дальнейшей судьбе, которая не изменит настоящего.

⁴ Ты не найдешь и следа в святом писании, чтобы бог удостоил ангелов биться с ним, а с Иаковым бог чуть не до рассвета бился, да еще, по-видимому, человек победил бога. Ведь если человек даже всего один момент мог противостоять богу, он уже был победоносным. (Следуют цитаты из Библии).

Душа и ум в поведении человека

Душа не может иметь ни мысли, ни воли, ни внутренней борьбы, которые не были бы связаны с телом и его потребностями. Какой смысл может иметь бестелесное блаженство потустороннего мира? Поскольку тело должно блаженствовать и страдать вместе с душой, постольку оно испытывает и райское блаженство и муки ада вместе с душой. Ты сам видишь, что невозможно причинить душе, которая отделена от тела, ни страданий, ни блаженства. Ты, телесный человек, не можешь вообразить себе или представить ни блаженства, ни муки в той жизни, которая лишена плоти, или каких-либо чувств. Поэтому тело и должно следовать повсюду с душой. Поэтому ад и наделен всякими зловонными озерами, камнями, дымом, огнем, тьмой, чтоб тело боялось тех мучений, ужасы которых оно познало, испытало и переживало на этом свете. На каком огне может гореть душа, у которой нет тела? Как дым может разъесть глаза, щекотать нос, вызывать глубокий и сильный кашель в организме, которого нет? Это так же нелепо и смешно, как если бы кто-нибудь утверждал, что у души нет телесного существования, и тут же добавлял, что она может гореть на телесном огне.

Пока душа живет в чувстве и через чувство, ты можешь блаженствовать и можешь страдать. Но как только душа отделяется от тела, она лишается чувств, и как она может без чувств испытывать радость или мучение? Как можно страдать без чувств? Не обладая никакой чувствительностью? Как может наказать господь то, что не обладает никакой чувствительностью? Бич божий и гром небесный поражают всегда лишь чувствующее тело, а наказующая сила, направленная на нечто бесчувственное, превращается в дым. Невозможно вообразить в душе, не обладающей телом, какую-либо чувствительность. Поэтому единственное наказание, которое может применить бог по отношению к отделенной от тела душе, переставшей жить земной жизнью, это не допускать ее лицемерия божественного лика. Но пока душа находится в теле и может испытывать другого рода блаженство, подобное наказание, как мы о том знаем, не может доставить больших страданий. Возможно, что у отделенной от тела души и возникает непреодолимое желание узреть лик божий. И все-таки такое наказание нельзя признать слишком большим. Душа, не будучи телом, должна страдать в самом теле, чтобы испытывать муки через страдания тела. Состояние души определяется телом, хотя она сама и не есть тело.

И далее, проявление разума без слов и письма невидимо и неощутимо; судить о нем мы можем лишь по поступкам живущего в этом мире тела. И вот возникает вопрос: поступки порождаются душой или они являются средством проявления тела?

Ощупаем себя. Спустимся в тайные и тихие глубины сердца, где огонь, питающий живое тело, порождает в темноте инстинкты,

доводит их до кипения, смешивает пылкие желания с кровью и рассылает по жилам нашего тела, чтобы каждое наше дыхание и биение сердца, каждая наша мысль проявлялась через телесные желания.

Берегись! Будем говорит шопотом, чтоб не слышали нас израильские старцы.

Мы уже сказали выше, что так как душа не телесна, то она должна находиться вне всякого телесного желания и потребности. Когда душа размышляет, судит, обдумывает причины, то действует она никогда не для самой себя, а для тела, в котором она обитает. Почему это так, задам я тебе вопрос? Что может душа без тела сделать для самой себя? У нее не может быть никакой деятельности, у нее в этом нет ни потребности, ни желания. Она не управляет живым телом, ни к чему хорошему не побуждает. У нее не может быть желаний, так как она не может получить удовольствия от их выполнения. Поэтому душа, рассматриваемая сама по себе, не может быть мыслящей, ибо нет никаких причин для ее существования. Ничем она не живет, ничего не боится, никаких страданий не испытывает, значит поэтому она должна бы существовать лишь одной мыслью, но и мысли витают в ней без всякой причины и пользы. Таким образом, человеческая душа, отделенная от тела, вообще, по-видимому, не нужна и бесполезна, она и сама себе не нужна до тех пор, пока не соединится с телом. А отдельно нет ее ни для других, ни для себя. Находясь вне всякого действия, не делая ничего полезного, душа, действительно, кажется ничем. И если бы душе не было нужно снова соединиться с телом при его воскресении, то никакое наказание, зловонная грязь, пламя, тьма и т. д. не оказывали бы на нее воздействие, так как ни жар, ни холод, ни зловоние не могут что-либо представлять для души. И наоборот, если в душе нет никакой телесной действительности, то почему же телесные муки заставляют ее содрогаться? Как может она почувствовать страдания, не обладая чувствительностью? Все, что не тело, не может чувствовать! Но ведь мы чувствуем огорчение, когда мучается наше тело, а из этого следует, что душа у нас чувствует.

Из всего этого, наконец, следует, что все мысли души направлены на удовлетворение потребностей тела, а это и определяет ее волю и устремления, значит, любое действие человека, возникающее из воли и устремления, направлено на удовлетворение потребностей живого тела. Вся цепь умозаключений приводит к тому, что как будто бы всеми поступками человека на этом свете управляет лишь его тело, а душа при этом является лишь вспомогательным средством, так как сама она без тела вообще ничего не представляет и сама для себя ничем не является.

В чем же тогда особая заслуга души? Дума о хороших деяниях, совершаемых ею через посредство тела, когда берет, например, человек какую-то часть из принадлежащего ему имущества, чтобы

отдать эту часть своему ближнему. Так как человека на такие поступки толкает, по-видимому, обдумывание его обязанностей, то это и принадлежит к достоинствам души и может быть названо здоровым смыслом. Давайте же рассмотрим источник такого деяния и толчок, его вызвавший.

Действие заключается в помощи или благодеянии ближнему, в служении ему. Невежественный, глупый и бедный Петр оказывает благодеяние, а Павел, имеющий большие владения, обладающий большой ученостью, — скряга, скупец и никогда не дает, а старается, наоборот, содрать с других, приобрести для себя. Но делает он все это тайно, в тени и подпольно, чтобы дела его остались неизвестными и невидимыми, а сам бы он своей религиозностью мог вводить людей в заблуждение.

Но если добро делается не из врожденной или инстинктивной склонности, а по размышлению, во исполнение обязанностей к ближнему, то единственным выводом из этого может быть, что дающим всегда будет человек ученый, а невежественный будет разбрасывать деньги и оставаться в бедности. Но если кто-нибудь будет внимательно наблюдать человеческие деяния и делать из этого наблюдения, суждения, то ему обязательно бросится в глаза, что благодетелями и раздающими милостыню являются отнюдь не те, кто совершает это по размышлению или в исполнение своих обязанностей к ближнему, а лишь люди, от рождения обладающие чувствительным, нежным, жалостливым сердцем; от этого исходит их милость, это толкает их на благодеяния и поддерживает их.

Человек, совершающий хорошее деяние, на которое толкают его врожденные склонности, считает настоящей причиной своего действия мудрость и совесть. Тем самым он присваивает себе честь победы над самим собой.

Прости меня, читатель! Мой смертный товарищ юдоли слез! Листая эти страницы, ты будешь вынужден сделать открытие, очень для себя печальное, что хороший человек хорош не по своей мудрости или учености, а по своей природе. Ни у кого на этом свете нет такого таланта, который мог бы излечить от последствий дурной природы или утраченной нравственности, а значит, и природная склонность делать добро не зависит от большого ума или учености, благодарить за это надо природу, любовная рука которой нянчила человека при его рождении. Напрасно будешь ты пытаться вложить в голову человека, родившегося скупцом и отвратительным скрягой, науку всего огромного мира; получив эту возможность, он превратит свою голову в ярмарочную палатку, превратит в деньги все, чем набита его голова, предпочтет быть невеждой, безумцем с тугой мошной, чем бедным, зато благодетельным и умным.

Видишь ли, человека, у которого жестокость в крови, не укроят ни наука, ни размышления о собственных ошибках. Ты можешь убедиться и в том, что человек, родившийся с испорченной нравст-

венностью и хитрым, если он будет учиться, обратит всю свою ученость на то, чтобы с большей выгодой для себя обманывать ближнего. Значит, не наука влечет за собой нравственность, а нравственность обращает ученость на службу собственным преступлениям. Ты не в силах своим умом изменить свою природу, но ты можешь честно вести свои дела, изменить свои привычки, заботиться о поддержании своей жизни и чести, что для твоего ума вполне достаточно.

Но если ты был слаб от рождения, то просмотри все свои моральные качества, они бесповоротно остались при тебе. Напрасно ты борешься с ними, они все снова и снова навечно возвращаются к тебе.

Нельзя понять больших грехов и ужасных преступлений, которые были бы заложены уже при нормальном рождении. Речь может идти лишь о маленьких ошибках. Ты был при своем рождении наделен не только высоким ростом и красотой лица, но и добрым сердцем; и тем, и другим наделила тебя природа, хотя ты у нее ничего не просил и перед ней не ходатайствовал. И из всего этого следует нечто чрезвычайно унижительное для твоего возвышенного морального достоинства; ценность твоя не в твоём уме и проделанной над собой работе, а в том, что слепая природа заложила в тебя в момент зачатия. Все это находится в такой глубине и темноте, куда не проникнет ни взгляд, ни свет, ничто, кроме взора великой природы. Почему твои силы и твоё тело стали именно такими, а не другими, скажи мне, ответь? Ты родился на свет просто так, потому что родился, ответишь ты. И ты именно такой, какой ты есть, потому, что все люди видят тебя таким и говорят тебе об этом. Нет на свете такого трезвого ума, который смог бы ответить на этот вопрос иначе, умнее. То же самое относится к твоему сердцу и душе. Почему ты бываешь сердитым, резким? Просто так. Почему ты бываешь уступчивым, мягким, предпочитаешь простить обиду, чем отомстить за нее? Просто так. Почему ты ленив? Почему ты прогулял, не выполнил свои обязанности, сам себе причинил ущерб? Просто так. А если у тебя оказываются деньги, зачем ты соришь ими, мечешься беспокойно, пока не растратишь всего, а потом до самой смерти бьешься в нужде, как тонущее в воде животное? Просто так. И наоборот: почему ты голодаешь, если у тебя уже отложены и припрятаны многие тысячи? Почему не осмеливаешься лучше питаться, тратя на это излишки своего имущества? Просто так. Когда человек совершает непоправимое безумие или преступление, исправить которые он никогда не сможет, спроси у него, зачем он это сделал, другого ответа кроме «просто так», ты от него не услышишь. Большая часть причин твоих поступков и рассуждений состоит вот из таких «просто так».

Человек любит рядить свои дела в пышное одеяние причин, как если бы каждое его действие совершалось после глубоких размышлений и обдумывания. В действительности же, бредет он слепо,

повинуясь инстинктам. Во все стороны влекут его желания, любовь, ненависть, стремление к наживе, ярость, жажда чинов и известности, зависть, мстительность, голод, жажда, наслаждения, огорчения, честь и унижения.

Человеческий ум, бредущий среди этого шквала и пены, захлебывается и тонет, ибо не знает, куда идти ему, чтоб избежать опасностей и где остановиться. И на самые безумные поступки приходится ему решаться против самого себя, к этому влекут его собственное тело и текущая в жилах кровь, и он сам устремляется навстречу им как будто его тянут за чуб. Почему ты так поступил? — спрашивают его в час расплаты. Он пожимает плечами, отвечает, что не мог иначе, как бы говоря этим, что телесные желания и жар крови не подчиняются трезвому рассудку. Из этого мы делаем вывод, что во многих действиях совершенно отсутствуют и смысл, и разум и получается, что люди часто ведут себя, как неразумные животные. И еще это значит, что вспыхнувшая страсть не имеет ни глаз, ни разума, пока она сама по себе не успокоится и не остынет. Человек — это животное, в котором больше чувств, чем ума; поэтому он и совершает многое, повинуясь не душе, а телу, ведя себя, как безумец.

Проследим дальше душу в теле и разум в действии. Есть ли такой человеческий поступок, против которого ничего не мог бы возразить трезвый разум? Чем и как можем мы доказать действительное и неоспоримое достоинство какого-либо поступка? Что может служить пробным камнем? Может быть то, насколько это согласуется с человеческим счастьем: является ли поступок действительно верным средством обретения счастья? Но в нашем мире найдется больше таких, кто ищет счастье в безумствах, чем людей, старающихся обрести его в труде на полях, поэтому надо прежде всего решить, что приносит человеку настоящую пользу на земле. Посмотрим!

Всякий поступок, устраняющий беспокойство ума, огорчение чувств или, иначе говоря, удовлетворяющий потребности твоей жизни, твоего характера, принадлежит к тем, что успокаивают тебя и удовлетворяют. Только то может сделать жизнь удачливой, что доставляет человеку питание, обеспечивает его и дает наслаждение его чувствам, если он при всем при этом может жить в мире, а имуществом своим владеть по закону. Но мы взяли тут лишь то, что удовлетворяет только чувства и телесные желания человека, ни о чем другом мы не подумали. Если же какой-либо поступок направлен не только на достойное и удовлетворительное поддержание жизни, то этот поступок не принадлежит к тем, которые служат для достижения действительного счастья, так как он уже выходит за границу удовлетворения необходимых и естественных потребностей и в мире воображения блуждает среди его безграничных просторов, носится из стороны в сторону, не будучи в силах ни остановиться, ни найти удовлетворения.

Человеческие поступки совершаются во имя разнообразных целей. В бедности каждое стремление человека направлено на получение хлеба, одежды, что и есть первый шаг к жизни. А тот, кто имеет хлеб, уже цепляется за чины и почет, так как у него нет нужды добиваться самого необходимого. Достигнув среднего состояния, многие опускаются ниже своих первоначальных потребностей, ибо чины достались им дорогой ценой, а пышные титулы не удовлетворяют их голода. До сих пор человек жил в действительности, теперь же он променял действительность на благородные титулы и живет, подстегиваемый неудовлетворенными потребностями своего тела, в чаду тщеславия, который не может набить желудок, но питает мечты. В такой поступке мы не можем усмотреть разума.

Имея чин и имущество, человек, добившийся их равномерного соотношения, стремится к известности, хочет стать знаменитым. Когда у человека имеется все, что ему надо, он больше не удовлетворяется этим, так как природа никогда не желает больше того, что у нее есть, а стремится поймать уносящееся от нее в даль. Желание прославиться, жажда известности овладевает нами до удущья, сосет сердце, втайне грызет нас, и каждый смертный доводит себя до иступления. Этот огонь, пылающий и текущий по жилам, растекающийся по всему телу, пристаёт к человеческому телу, подобно тому, как отравленные одежды, подаренные Гераклу Нессусом через жену, прилипали к телу Геракла. Ни теология, ни философия не могут спасти человека от таких желаний. Это такая опасная вещь, в достижении которой человек сталкивается с трудностями, огорчением, смертью, преследованием, от которых он должен защищать свою жизнь. Слава — опасный и злой враг жизни, потому что возбуждает к себе большую зависть, и все-таки ни за чем так упорно, страстно и яростно не гонятся люди, как за славой. Чем же поддерживает нашу жизнь слава, ответь мне? Ничем, скорей, угрожает ей. Кого не преследовала, не мучила, не подвергала жизненной опасности с таким трудом завоеванная и приобретенная слава и даже воспоминание о ней?

Слава — лишь слова, но груз ее причиняет много мук чувствам, таящимся в нашем теле. Все знаменитые и известные люди, сколько их ни было на свете, все до одного провели жизнь в ожесточенных битвах и среди опасностей, иногда доживали до старости, но часто падали под тяжестью взваленного на них груза.

Начиная от Нинуса, Геракла, Самсона, кончая Наполеоном, я могу перечислить целый ряд властителей и витязей, чьи судьбы тебе известны. Можно ли найти среди них такого, кому счастье и слава хоть немного возместили бесчисленные мучения? Ни одного имени не назовешь ты, которое опровергло бы мои рассуждения. А так как стремление к мировой славе доставляет лишь огорчения, то бесспорно, что это удел безумцев. Погоня за славой требует огромных сил. В том или другом — мудростью, геройством,

ученостью или ремеслом ты должен в глазах всего мира быть выше миллионов и миллионов других людей. Какого упорства и напряжения требует это от смертного, даже одаренного от рождения самыми счастливыми качествами, любимца природы! Цезарь захотел прославиться и для того, чтобы достичь этой цели, опустошил свое тело и душу, а когда он этой цели достиг, то счастье его вознаградило кровавой смертью. Самая большая слава теперь у Бонапарта, но хотел бы ты стать на его место, если у тебя есть разум, если ты хочешь искать счастья в храбрости, покое, мире, вне которых счастья в земной жизни быть не может?

Совершенно справедливо, что вечная память о славе и стремление к ней никогда не принадлежали к действительному чувственному счастью жизни, как раз наоборот, человек должен это свое счастье принести в жертву. Слава разнесет твое имя и погубит твое тело. Следовательно, в неутомимой деятельности провозглашения своего имени по свету скрывается не действительное счастье, направленное на благо жизни, а тщеславие. и. в большинстве случаев безумие. Поэтому стремление к славе, лишаящее нас покоя, можно считать лишь жадой роскоши, безумием смертных, но никак нельзя назвать счастьем. Человек рождается вовсе не для того, чтобы из-за пустого звука своего имени, из-за славы давать себя вешать, мучить, убивать. Он рожден для того, чтобы жить столько дней, сколько ему отпущено природой.

В противовес всем этим доказательствам можно предположить, что стремление к славе живет в нас не для самих себя, а как желание осчастливить человечество. Рыцарь стремится к славе и венчается победой отечество, спасая его от недруга, желающего покорить его. Мудрец оставляет свое имя в вечной памяти, открывая и выясняя таившееся в тени, учит опознавать счастье и избегать того, что ведет к гибели. Мы выделяем подобные случаи потому, что защита отечества верными его сынами совершается не во имя славы, а во исполнение строгого долга. И если к тому же они вернутся с победой, то слава сама, непрошенная сойдет на их чело, и это будет заслуженная слава, без всякого тщеславия.

Так вот, если человек действует лишь во имя долга, и это приносит ему славу, то в этом таится большая мудрость и человечность. Но если кто-нибудь ставит себе целью лишь прославление своего имени и возвышение над другими, то действует он без человечности, разума и доброго намерения, так как берется за дело, не думая о благе и пользе других, не думая ни о чем, попирая даже родину, лишь бы достичь своей цели. Подобный человек совершает двойной грех, так как он и зол, и неразумен. С опасностью для себя губит он других и вместо вечной славы прославляет себя лишь, как безумца.

Существуют разумно задуманные поступки, которые незаметно совершаются среди массы праздно шатающихся людей. Такие поступки не выделяются, не сверкают, они незаметны. Много таких,

уже истлевших хороших поступков увенчивают человеческий разум и они остаются неизвестными, поскольку о них не кричали. Но эта неизвестность касается не заслуг, которые невозможно недооценить, а лишь общества, которое ничего не знает об этих заслугах.

Все совершенное на благо другим указывает на заслугу и трезвый ум, хотя и происходит из качеств, заложенных в природе человека от рождения. Больше или меньшее количество ума или глупости рождается вместе с самим человеком, как и все остальное. Если у кого-нибудь от природы слабая душа, то его напрасно учить быть сильным, до самой смерти не научится он.

Кроме этого, существуют еще поступки, связанные с религией, совершенные по ее собственным законам и понятиям. Но эти поступки в некотором роде выпадают из естественного порядка вещей. Новый завет христианской веры повелевает всем смертным сознавать свои обязанности к другим. Религия проповедует взаимопомощь, любовь к ближнему, справедливость, внушает это всем и каждому. Таким образом, в христианской религии, по понятию Мессии, заключаются небесная мудрость, душа, трезвый разум и рассудок. Однако, как только все это касается обыкновенных людских дел или даже судеб нации, всего этого нет: религия распадается на различные вероисповедания.

Когда половина жителей одной страны считает всех других смертными врагами; когда властители страны, поддерживаемые религией, преследуют, мучают, убивают свой народ, опустошают страну; когда народ восстает против господствующей власти, опираясь на религию и ссылаясь на бога, подымает оружие на короля, ломает, рушит, губит, жжет, то тут можно задать себе только один вопрос: откуда и почему происходят такие ужасные напасти? Ведь если во всех европейских странах исповедуют христианскую религию и следуют заветам Христа и его апостолов, то на земле должен быть мир и «в человецех благоволение», по крайней мере, в Европе. Но так как не бог с его апостолами, а люди раздирают мир на части, каждый в свою сторону, то и вопрос должен стоять иначе. Каждое вероисповедание предаёт анафеме все остальные. Таким путем весь род человеческий может подвергнуть себя проклятию. Каждая религия вызывает в мире столько возражений, сколько несогласных с нею. Уж если в Европе нам приходится принимать за истинную религию христианство, эту раздираемую раздорами, несущую разрушение и убийственные войны религию, то не найти среди всех народов мира любых времен религии, более опасной для всеобщего блага, чем христианская. Приводить примеры для подтверждения сказанного нет необходимости.

Содрогается природа и ужасается душа, а трезвый ум немеет, когда перечисляются все опасности, которым подвергают друг друга христиане на этом свете. Вот и сейчас религия выступает с угрозой и ненавистью, и лишь один господь-бог знает, когда люди смогут освободиться от их тайных ядовитых укусов.

Так как каждое вероисповедание видит в другом вероисповедании врага бога, сосуд зла, то и считает себя обязанным ненавидеть, преследовать, губить этих своих врагов, во славу бога громить врага и этим выслуживаться перед богом. Ведь если я думаю о каких-либо людях, что они насмеются над моим господом-богом, вместо того, чтоб воздавать ему почести, глумятся над ним, то не могу я не питать к ним ненависти и выполнять по отношению к ним мои человеческие обязанности. Но кто сознательно и по собственному решению станет при совместном молении богу вместо молитв и просьб обращаться к нему с глумлением? Возможно, это делается лишь по людской слепоте, последней степени пьяного невежества, способного превзойти самые дикие мысли и глупости. Кто из смертных захочет сердить бога во время молитвы, когда просит у него благословения? Но ведь если он и заблуждается, то делает это невольно, так почему же он заслуживает наказание, презрение и ненависть? Но люди, разделившие христианскую религию на множество вероисповеданий, ни о чем подобном не думали и внесли опустошение в мир. Следовательно, христианская религия, будучи по своему происхождению и существу, как говорят о том апостольские послания, оплотом мира, покоя и человеколюбия, если ее разделить на различные вероисповедания, несет с собой самое великое зло для рода человеческого — войну, гибель, опасность. И в этом смысле и теперь она не представляет ничего иного.

Если человек смотрит на своих ближних, как на дьяволов, а они тоже смотрят на него, как на нечестивого, то как могут существовать между ними любовь, справедливость, взаимная помощь и человечность? Весь род человеческий становится друг для друга дьяволом, а божий мир адом, в котором люди, желая больше угодить богам, лишают себя всякой человечности и мучают друг друга, считая подобную жестокость жертвой перед алтарем святых отцов. Кто сможет узреть в подобном поведении здравый смысл? Всякая религия ненавидит все остальные религии мира, кроме самой себя, и призывает на них гнев божий или старается всех завоевать для своей религии. Страна, считающая всех живущих за ее пределами, врагами, неизбежно погибнет. Нет такой силы, кроме милосердия божьего, которая поддержала бы эту страну, если она в своем безумии захотела бы восстать против всего мира.

Несмотря на особые награды, благословения и видимое благоволение господа бога, все другие нации жили и процветали на земле, а среди них и царивший в Вавилоне враг израильского бога, его хулитель и ослушник, который даже решился на такую дерзость, что расхитил все сокровища из господнего храма в Иерусалиме, а избранный богом народ весь оказался в плену и унижении в Вавилоне. И вот этот народ, считающий себя единственным настоящим Израилем и называющий всех нас хивеями, хиттеями, аммонитами, филистимлянами и т. д., был разбросан по множеству стран, стал скитальцем и посмешищем всех других народов мира.

По своему отношению к другим религиям люди и до настоящего времени остались все евреями. Все остальные-де неправы, лишь они одни правы. Каждый считает, что путь людей, принадлежащих к иному вероисповеданию, ведет прямо в ад. И если нам слушать все приговоры других, то мы и в самом деле все окажемся в аду. И ни один человек во всем мире не попадет в рай.

Посмотрим, наконец, что в религии по отдельности является смыслом, действием и душой.

Что касается этой статьи, то я не буду в ней больше заниматься вопросами религии, так как не надеюсь больше на сочувствие и краснею от стыда. Но как же можно настолько извратить истинный смысл христианской религии, желая следовать ей? Я этого не знаю. Но вижу, что кровавый вихрь, кружащий нас вот уже многие сотни лет и угрожающий нам смертью, возник из Библии, правильнее сказать, из Старого завета, который вообще лучше было бы совсем не читать, за исключением книг о сотворении мира.

Как мы можем разобраться в нем своим рассудком? О чем бы мы ни задумывались, нас поражает глубина неисчерпаемых тайн божества. Хроника этих тайн, противная природе, непостижима человеческому разуму. Это труд, в котором говорится, что любовь, благословение, милость бога и всеобщего отца принадлежат одной лишь нации, которая отрицает общающегося, разговаривающего с ней бога, впадает в идолопоклонство и, наконец, убивает, распинает бога; это труд, который утверждает, что бог любит и защищает одних лишь евреев среди всех остальных наций, живущих на земле, а в то же время отдает евреев вместе с цыганами на посмешище всего мира; это труд, превращающий обычное течение истории в чудеса, совершающиеся сами по себе, но показанные вовсе не как чудеса, а как закон природы, но закон, выходящий за природные границы, например говорится о Самсоне, длинные волосы которого давали ему сверхъестественную силу над природой с самого его рождения, а он ходил и бегал по лесам и полям, схватил за хвосты триста лисиц и связал их вместе, но никакого чуда из этого не произошло. И другие описанные в этом труде чудеса, если они вообще происходили, то человеческий разум мнит их ненужными. Этот труд показывает бога, свершающего всякие чудеса, но свершающего их на благо Израиля, то есть тех, кого мы еще и сегодня считаем язычниками. И этот труд противопоставляет одну нацию всем остальным и дает ей возможность оправдывать божьей волей все насилия, обманы, жестокости; но одновременно допускает, чтобы бог благославлял все народы, истребляющие евреев и содержащие их в рабстве. И в этом труде написано, что все нации должны быть под властью евреев, а на деле получается совсем наоборот, потому что именно евреи служат всем другим нациям, а им никто. Это обещание было дано Аврааму самим Иеговой, но до сих пор людям неизвестно, чтобы оно было выполнено. И еще в этом труде написано, что невинные ангелы, полные совершенства,

спускаются на землю с небес, чтобы вооружить людей и вместе с ними участвовать в кровопролитных битвах, служа тем самым гос-поду-богу, одной лишь воли которого достаточно, чтоб погубить всех, и которому вовсе не нужны подобные служки.

Рядом со всемогущим, следовательно, существует войско, солдаты которого и не люди, и не боги.

С великим почтением и преклонением я склоняю свою голову перед всеми этими чудесами. Я не для того перечислял их, чтоб возражать против них, а всего лишь хотел показать тебе, что человеческий разум бессилен разобраться в небесных делах, проникнуть в тайны бога; я уважаю их, как святыни, но по-человечески понять их не могу. Я и не надеюсь, что когда-либо достигну такой мудрости и глубокой учености, которые позволят мне проникнуть в смысл этих чудес и в их тайны.

*Размышления о судьбах родины **

Движение

Все существующее в этом мире, о живом ли, о мертвом ли идет речь, находится в вечном движении. Между четырьмя несущими жизнь элементами существует какая-то необъяснимая сила, которая каждое мгновение либо соединяет, либо расщепляет их. При этом, если бы жизнь не находилась в вечном движении, мы должны были бы допустить, что во всем мироздании нет ничего мертвого.

Каждому элементу присуща своя собственная жизнь в соответствии с его свойствами, не только внешняя жизнь, когда ходят, встают, думают; не только жизнь, которую ведем мы и, в некоторой степени, неразумные животные. Живут и зародыши, и ростки, и травы, и деревья. И присутствие в них живительного элемента не удивляет нас; гораздо большего внимания заслуживают явления, о жизни которых мы и не подразумеваем и все же убеждаемся в том, что они находятся в движении, а, следовательно, живут.

Возьмем книгу, кажется, что в ней нет ничего такого, что бы могло жить, из чего бы она ни была бы сделана и в каком переплете ни была бы эта книга: кожаном или деревянном. Дерево, использованное на изготовление бумаги и переплета, уже больше никогда не зазеленеет, не расцветет, не сделает ни одного этапа в своем развитии; это верно, однако, книга разрушается и постепенно глеет. В ней живет сила, подтачивающая и разлагающая ее изнутри. Это и есть движение. В противном случае, как можно что-то уничтожить, если не в процессе работы? А там, где мы сталкиваемся с работой, должно быть и движение.

Так, во мне может прекратиться жизнь Дьердя Бешеньей, но вместе с жизнью не может исчезнуть энергия и вещество, поддерживающие сейчас мою жизнь. Если я умру, тепло, согревающее сейчас мое тело, останется на земле и будет вдыхать жизнь в другие тела. Отдайте мой труп на съедение готтентотам или бразили-

там, питающимся человеческим мясом, у них выработается новая кровь, из которой появится на свет новый человек.

После того, как я сгнию, удобрите моим прахом землю, чтобы скорее зазеленели посевы и насытились овцы, молоком, сыром и мясом которых питаются люди. Что за сила все это проделывает? Та живительная влага, которую получают из земли зародыши. Следовательно, видоизменилась лишь моя жизнь; на этой земле ты уже не встретишь никого с моим лицом, со свойственными мне поступками, с моим голосом, т. е. ты не встретишь Дьердя Бешеньеи, но можешь встретить холод и тепло, воду и землю, бывшие в теле Бешеньеи когда-то, а теперь разьединенные, и даже, если ты не сможешь убедиться воочию в их существовании, верь: они здесь, живут и здравствуют где-то в природе.

Испарившуюся из моего тела влагу может притянуть к себе и солнце; и ею, как водами и росой, оросить хлеба и капусту, которые ты с удовольствием поглощаешь. Этой влаги не на многое хватит, но даже если ее хватит на один кочан капусты, то и этого достаточно, ибо речь идет не о количестве. Но, если всю влагу, образовавшуюся из тел людей, которых уже нет на этом свете, собрать воедино, в одно место, уверен ли ты, что смог бы перейти это маленькое море?

Если бы природе каждый раз приходилось бы заново отпускать вещества, т. е. землю, воду, огонь, воздух, необходимые для формирования и поддержания жизни на земле, она бы в конце концов истощилась: но куда может вытечь из природы капля воды? Приглядишься: сама природа — одно огромное, находящееся в постоянном движении тело, в ней самой нет ни смерти, ни тления, а есть лишь процессы воссоединения, разложения и образования все новых и новых форм.

(«Вещи») *

За расцвет венгерского языка

Признаться, понятие «венгерского» сейчас очень сузилось, хотя, по правде говоря, обширным оно никогда и не было. Я удивляюсь нашей великой нации, которая, обычно выступая с такой благородной, огромной и стойкой страстностью за сохранение своих ценностей, спокойно предает свой родной язык забвению; и это в то время, когда каждая нация развивается, стремится учиться, торговать, вести судебные дела, разговаривать и управлять хозяйством на своем родном языке.

Некоторые венгры унижают себя достойной сожаления, а вместе с тем, и презрения чушью, считая, что на венгерском языке нельзя ни красиво писать, ни умно выражаться, так как венгерский язык якобы не обладает ни теми силами, ни теми возможностями, благодаря которым можно было бы выразить красоту и глубину

наук. Я это воспринимаю так же, как если бы ты сказал огромной горе, что она ничего не стоит, поскольку на ней нет ни шахты, ни шахтеров. Чем виновата полная богатств гора, если эти богатства не добывают; чем виноват венгерский язык, если его сыны не хотят ни украсить, ни обогатить, ни возвысить его? Ни один язык на земном шаре не родился совершенным, тем не менее, среди них есть уже немало могучих и великих языков. Если бы англичане никогда не начали писать на своем языке лишь потому, что он неразвит, их язык не был бы ни таким ярким, ни таким богатым, как сейчас, когда с ним не может сравниться ни один язык в мире. А ведь английский был тогда намного беднее, чем сейчас венгерский...

Запомни одну великую истину: ни одна нация на земном шаре не могла выработать своего зерна мудрости, достичь глубин, до тех пор, пока она не стала изучать науки на своем родном языке. Все нации стали образованными лишь благодаря своему родному языку и ни одна — благодаря чужому.

* * *

Что должна сделать нация, желающая возвыситься благодаря наукам; каковы ее обязанности в этом отношении? Либо нужно сделать родным какой-нибудь иностранный язык и проститься со своим, либо познать глубины наук на своем родном языке. Но разве может целая нация выучить в совершенстве иностранный язык и забыть свой? Ведь крестьяне, с которыми мы вынуждены общаться, не учат ни греческий, ни еврейский, не знают латыни; крестьянам необходимо разговаривать со своими женами, а можно ли вообразить, что крестьянки изучают иностранные языки? Следовательно, наш язык вымрет лишь тогда, когда крестьянки выучат латынь, греческий, французский или немецкий и перестанут говорить по-венгерски. Но пока венгерские крестьянки будут говорить по-венгерски, до тех пор и крестьяне будут говорить по-венгерски.

Подобно этому, пока крестьяне будут говорить по-венгерски, господам тоже нельзя его забывать. Но если уж мы вынуждены сохранить свой язык, очистим и обработаем его, по крайней мере. Каждая нация лучше всего узнается по ее языку. Как бы ты назвал нацию, у которой нет своего языка? Никак. Какой печальной, презренной и унижительной была бы судьба нации, не имеющей своего родного языка и живущей среди других народов, имеющих свой родной язык; прятаться меж домов и стыдиться, когда тебя постоянно спрашивают: что ты за нация, откуда пришла? А та нация, язык которой ты принял за родной, словно милостыню, всегда будет обращаться с тобою, как со своим слугой или рабом.

У какого языка может быть больше сладости, достоинства, глубины и легкости выражений, чем у венгерского? Латинский, немецкий и французский более шероховат. Ни один язык не может быть более подходящим для высокой поэзии, песен, для изложения древних сказаний, похвальных слов.

(«Венгры») *

Патриотизм

Само слово «патриотизм» возлагает такие обязанности, от которых на этом свете не могут освободить никакие дела, причины, время, способность. Как можно отказаться от обязанностей по отношению к своей родине, как можно отказаться от родины, где ты впервые увидел свет сияющего солнца, плодами и молоком которой ты питался, законам которой ты следовал всю свою жизнь, под защитой которой ты жил с детских лет до глубокой старости. Если ты способен утверждать, что своим человеческим существованием обязан не родине, то ты способен и изменить ей. Но как можно согласиться рожать и воспитывать не там, где родили и воспитали тебя самого? Одно маленькое напоминание, мой друг читатель: если твой род древний, значит тебе известны могилы твоих славных предков 300—400-летней давности? Святые останки твоих великих предков, которые доблестно проливали кровь, добывая и отстаивая для тебя место, где ты родился, покоятся в земле твоей отчизны. И если уж ты хочешь изменить своей родине, ты должен осквернить и развеять по миру прах своих отцов, мирно спящих в земле; ты должен ненавидеть их заслуги, которых они добились; верно служа своей родине, ты должен презирать их за их происхождение. Ах, мой друг, если ты способен на это, то наведешь на них такой ужас и страх, когда соединишься с ними. Уважай как святыни героические поступки, совершенные твоими предками во имя родины; чти законы своей страны, которые охраняют твою свободу. Знай: на каждый параграф закона, защищающего и отстаивающего твои дворянские права и блага, приходится по 50 ако * крови, пролитой твоими далекими предками в борьбе за твою нацию: мог бы ты осквернить столько крови изменой своей родине? Скажи, если посмеешь, может ли человек изменить своей родине?

Если ты хочешь выработать и сохранить свою индивидуальность, храни и береги свое лицо, свое имя, свою мораль, свой род, свой язык, свою одежду, свои способности, ибо без них ты погрузишься в огромное море человеческого рода и у тебя не будет ни своих взглядов, ни счастья, ни имени, ни славы. Каждый человек, как видишь, только человек, но каждый, чтобы сохранить свое индивидуальное лицо, должен иметь свое имя, свои особые черты, свои

внешние и внутренние качества, свое состояние, свои формы, свою мораль, свой ум. Если бы для всех существовало одно обращение: «господин человек», никто никогда бы не знал, о ком идет речь. А вообще, это обращение верно, ибо все мы люди; во взглядах на мир произошел бы переворот, если бы на вопросы: кому это принадлежит, кто это сделал, — отвечали: человеку, человек. Так обстоит дело и с нацией. Как только она попадает под влияние законов и обычаев всех наций, начинает говорить на их языках, носить их одежды, следовать их законам, она перестает быть сама собой и, превратившись просто в нацию людей, теряет свое лицо, как народности в Римской империи.

* * *

Гуманность и наука настолько сплотили нас в этой части света, что когда речь заходит о родине и патриотизме, мы должны иметь в виду Европу...

До сих пор каждая нация старалась обособиться, но с того времени, как по воле событий этого мира, под властью одного трона иногда оказывается до 10 наций, огромная империя превращается в родину для всех, а все нации становятся одинаковыми и говорят на всех языках, и носят всякую одежду. И если в некоторых местностях не встречаются признаки патриотизма, то причиной того являемся не мы, а стремительные вихри событий, которые легко, словно перышко, раскидывают и разбрасывают нас по всему свету.

(«Деяния Рима») *

* * *

Тот, кто призывает ко всеобщему благу и счастью своей родины лишь постольку, поскольку его обязывает к этому служебное положение и вынуждает личная заинтересованность, не заслуживает звания человека.

(«Путешествие Таримэна») **

* * *

Мне кажется, умным человеком можно считать лишь того, кто не только выказывает готовность, но и не упускает случая делать все от него зависящее для блага своей родины, равно как и для своего блага, ибо в этом мире нет большего идиотизма, чем то положение, когда чей-то ум или знания не приносят пользы ни родине, ни отдельным людям.

(«Научное Общество») ***

* * *

Неизменная обязанность каждого гражданина или патриота — из тяжести налогов, идущих на защиту общих благ, взять на себя столько, сколько он способен нести без ущерба или вреда для своей собственной нормальной жизни.

(«Пути законов») ****

Часто приходится слышать, что раньше люди были умнее нас. Когда и в какой стране они были умнее? В Египте, Вавилонии, Афинах или Риме? Тогда почему древние так поклонялись металлическим и деревянным идолам; почему у них для каждого явления и чувства существовало отдельное божество? Ты ответишь на это: так было в народе, образованные в них не верили. Хорошо, оставим в покое древность, рассмотрим силы нашего христианского мира в прошлом и настоящем.

Нет ни творца и ни бога и, однако, все живое и мертвое кто-то сотворил, будь-то ангел, черт, человек, скотина и т. д. К однажды уже созданной живности и вещам невозможно ни прибавить ничего, пусть даже самое крохотное, ни изменить их природу.

Как мог поверить древний христианский мир, что дородная женщина 40 лет, даже если ее и называют ведьмой и знахаркой, может, подобно жучку, червячку или мухе, пролезть сквозь замочную скважину и проникнуть ко мне в комнату, двери и окна которой закрыты? Если ты можешь совершить подобное, приказывай природе и что бы ты ей ни приказывал, твои действия будет направлять сам бог.

Во всей Европе не было ни одной нации, ни одной страны, на которой не сказалось бы это вопиющее невежество. Повсюду вводились законы, по которым сжигали бедных старых крестьянок. И заметь, светские женщины не занимались подобным ремеслом, ибо они получили хорошее воспитание.

Где невежество особенно сильно, а его корни достаточно велики и глубоки, там ты сплошь и рядом встречаешься с чудесами, чертями, ведьмами, знахарками, оборотнями, совсем как в сказках, полных двуглавыми драконами, золотыми, серебряными и медными вертящимися избушками на курьих ножках, золотогривыми конями, говорящими волками и мышами, бабой-ягой, русалками. И, наоборот, чем сильнее преобладают знания людей, трезвый человеческий рассудок, тем меньше разных чудес встречается. Ни один образованный человек никогда не напишет, что его где-нибудь сопровождали ведьмы или черти. Как видно, в образованного человека никогда не осмелится вселиться ни один бес. Преследовали ли когда-нибудь нечистые платонов, аристотелей, зенонов, фалесов, эпикуров, сенек и др.? Приходилось ли тебе когда-нибудь слышать, чтобы ведьмы носились верхом на главном ишпане, вице-ишпане, палатинусе * или епископе Венгрии? Хотя тебе, вероятно, тысячи раз приходилось слышать, что на деревенском свинопасе или пастухе они носились верхом. Сколько же ведьм, колдунов было раньше? А сейчас?

Богачи ввели законы, направленные против ведьм и колдунов, и крестьяне уверовали как в ведьм, так и в колдунов. Крестьяне спрашивали, как выглядят эти мерзкие подонки, как узнать их,

если придется встретиться с ними. Богачи и попы отвечали: «О, сын мой, это гнусные, дряхлые, сморщенные старухи: они страшно вращают глазами, одиноко бродят по дорогам и тропам, рыскают по газонам и паркам, выискивая свою жертву; у них черны́й глаз, а по ночам они носятся верхом на ступе, забираются к спящим, наваливаются на них, давят, душат их, сворачивают им шею; то вдруг исчезнут, то невероятно вырастут на глазах, то сно-ва станут крохотными, превращаются в собак, кошек, свиней и в таком виде по ночам (и при свете луны, и в темь), преследуют всех: насылают порчу на скотину и на людей».

Невежественному бедняку большего и не нужно, и как только темнело, деревня тотчас же наполнялась ведьмами, превратившись в собак и кошек; ведь чего-чего, а кошек да собак в деревне хватает. И стоило теперь увидеть старую женщину, одиноко бродившую по лесам или полям, как все тут же решали, что это ведьма, и с наступлением темноты все начинали бояться ее.

Под воздействием страха ее образ не выходил из головы человека, отсюда и пошло: стоило ребенку или взрослому испугаться чего-то вечером, как он сразу же убегал, в страхе, выкрикивая имя дряхлой старухи; и все трусы повсюду, во всех щелях и углах видели ее дряблое, морщинистое лицо.

Человек шел к соседу, а ему перебежала дорогу черная кошка. Значит это колдунья. Если ночью кому-нибудь делалось плохо, кровь прилиwała к сердцу, человек начинал стонать, задыхаться и испуганно кричать, что это колдунья навалилась на него. Если у кого-то от неудобного лежания начинала болеть шея, то и это колдунья вывернула ее. Если корова бодалась при доении, значит старая ведьма напустила на нее порчу. Если заболел молодой человек, старая колдунья тому причиной, она наслала на него болезнь, ибо в воскресенье, проходя мимо ее дома, где она сидела на завалинке, он не поздоровался с нею. Если кобыла не жеребилась, курица не несла яиц, а свинья пожирала своих поросят — всему причиной была дряхлая старуха.

В конце концов, дело доходило до сельского старосты; подбадривая друг друга, все указывали на старуху, утверждая, что она ведьма, наконец, и сама старуха начинала подумывать, а может быть, она и в самом деле ведьма. Мы знаем, что простой народ всегда очень суеверен в обыденных мелочах. Простодушной и суеверной была и эта старуха-бедняжка; видя, как односельчане, староста, хозяин утверждают, что она ведьма, она сама уверовав, признавала это. Затем ее публично сжигали, обвиняя в том, что она носилась повсюду, летала верхом на ступе, пролезала сквозь замочные скважины, продала душу черту. Почему не были ведьмами молодые и красивые женщины? Или, может быть, черти не любят красивых и молодых и им нравятся лишь дряхлые и старые?

Колдунам, как и ведьмам, тоже приписывали способность заправлять делами бога и людей. В чертей большей частью произво-

дили старых солдат. Народ рассуждал так: нельзя быть длительное время солдатом, иметь при себе оружие и не убить или не прикончить человека. Состарившись с оружием в руках и поселившись где-нибудь давным-давно, старый служака не ходил на деревенские собрания, церковь не посещал, целыми днями сидел на заваulinke (старые служаки обычно не очень-то усердны), греясь на солнышке, покуривал трубку да водил белой тросточкой по песку, раздумывая о своих бесчисленных бедах.

В конце концов по всем этим верным и точным признакам его зачисляли в нечистые. А если в довершение ко всему долго не было дождей и посевы погибали от засухи, деревенский совет начинал поговаривать: «ну, это дело рук Петра Като». А если еще добавок налетали вихри, ураганы и срывали крыши домов (да не дай бог мазанке Петра Като не причиняли никакого вреда), значит, и это было делом рук Петра Като. Если на коров находила напасть, а бычок Петра Като оставался живым, то причина несчастья — Петер Като. В конечном счете, бедного старика схватывали, — как капитана, служившего у Плутона, который якобы угнал тучи из своей страны в Турцию, вызвал засуху, наслал мор на коров, нагнал ураганы — и сжигали. И раньше вся Европа, к стыду нашего христианского мира, была во власти этих невежественных, глупых и преступных кощунств.

В нашей стране недавно сожгли человека по фамилии Рожа, обвиненного в колдовстве. Вот обвинение, выдвинутое против него: Рожа, капитан «Плутона» в течение 20 лет, ворочая земными и небесными делами, продал тучи нашей страны Турции и т. д.; приговорен к сожжению. Как же Рожа мог совершать какие-то чудеса, если он не смог даже порвать жалкую веревку, которой его привязали к виселице над костром! Нам должно быть стыдно из-за этих глупых преступлений, вынуждающих нас совершать подлости, вопреки законам бога, природы, трезвого рассудка; подлости, унижающей наше человеческое достоинство до уровня зверей. Мы должны радоваться, что можем, наконец, просветиться.

(«Вещи»)

* * *

Бесчеловечное усердие насаждать религию среди людей не свойственно людям ни по природе, ни по рождению. Повинен тот, кто ослепляет, а не тот, кого ослепляют.

* * *

Только сумасшедший может пожелать, чтобы у всех живущих на земле были одинаковые умы, религия, вера.

(«Путешествие Таримэна»)

* * *

Кто хорошо поступает, у того легко на душе.

(«Бихарский отшельник»)*

* * *

Аврелий велик и без своего Евангелия.

* * *

У язычников никогда не было столь разящих орудий для различия религии, как у нас.

* * *

Если тебя ударяют по левой щеке, хочешь, подставь правую... Доведись мне, я бы не подставил.

Мы не можем отказаться от своего отношения к человеку как к своему ближнему, только потому, что он придерживается других вероисповеданий и правил. Только сумасшедший, потерявший рассудок и обозлившийся на природу, может сказать, что человек, не придерживающийся его религии,— не ближний ему. Разве бог наделил человеческие нации самыми различными воззрениями лишь с той целью, чтобы из-за них люди убивали друг друга, находя в этом райское наслаждение? Тонущего еврея я бы вытащил из беды так же, как и попа, случись такое. Дай бог во всем поступать так же. Человеческие обязанности — вот религия мира, все догмы — чепуха, противопоставленная этому.

Наука о Мессии представляется мне божественной, но не потому, что он обратил воду в вино на свадьбе в Кане, а потому, что в его словах: «люби своего бога, люби своего ближнего» — заключены чаяния неба и земли, залог счастья человечества. Вспомни, маги фараонов тоже совершали чудеса.

* * *

Сколько бы взглядов на жизнь ни существовало, сколько бы чудес не совершалось на моих глазах, если даже их будет столько, сколько туч на небе, для меня останется вечной истиной, что, если какая-то догма противоречит спокойствию человеческой нации, ее счастью, значит, она неверна. Человек, не считающий соседа своим ближним лишь потому, что не ладит с ним, опасен для общества.

* * *

...Уже теперь, если отбросить все чудеса, оказывается, что все явления совершаются по законам природы. По крайней мере, так кажется. Я не берусь утверждать, что если так пожелает твой бог, то он не сотворит для тебя плодородное поле, даже на сыпучих песках. В таком случае во всех особых провидениях должно быть чудо, которое уже ни в каком другом явлении не встречается, т. е.

не наблюдается. Но если и существует какое-то особое провидение, оно так сливается с природой, что его работу ты не сможешь отличить от природной. Ты никогда не окажешься в таком положении, как желчные, всем недовольные вдовы. По всей вероятности все явления происходят по законам природы.

(«Скорбь Дебрецена»)*

*Скромное намерение в отношении одного венгерского общества ***

Одно из самых важнейших средств для достижения счастья родины — наука. И чем шире распространяется она в народе, тем счастливее страна.

Ключом к науке является язык, и, прежде всего, поскольку основное большинство не имеет возможности изучать другие языки, родной язык своей страны. Следовательно, основательное изучение родного языка должно стать делом первостепенной важности для каждой нации, желающей преподнести науки своему народу, чтобы добиться его же собственного счастья.

Постепенно, как науки, так и язык усовершенствовались до настоящего уровня. Многочисленные потребности человеческой нации, обеспокоенность, порожденная окружающей природой, исследования наблюдения, опыт, приобретенный нашей чувствительностью, постоянно приводили к все новым и новым открытиям, о которых до сего времени мир не имел ни малейшего представления.

Всем этим новым открытиям, физическим и умственным положениям, необходимо было находить новые средства, новые применения, а тем в свою очередь — новые обозначения. Так язык устаревал вместе с наукой, и эти два компонента взаимосвязаны для большинства каждой нации.

Я допускаю, что меньшинство, изучая иностранные языки, может в то же время совершенствоваться и в науках, особенно, в том случае, если их родной язык несовершенен. Однако это не может принести пользы для всех, ибо они не могут донести свои знания большинству людей, которые не имеют возможности изучать иностранные языки. Следовательно, для любой страны отличительным признаком развития наук и ручных ремесел является состояние родного языка. Так, у французов, англичан, немцев, как только сложился язык, тотчас же науки получили успешное развитие. И, наоборот, наша нация, родной язык которой скорее приходит в упадок, чем развивается, мало чем может похвастаться в области процветания наук.

Я далек от того, чтобы сетовать на мудрые распоряжения высокого двора и уважаемой родины, касающиеся наук, мастерских и

учителей. Все это отличные, правильные, великолепные, проведенные с большим умом, работы. Я хочу лишь сказать, что даже все эти разумные и неоценимые нововведения без усовершенствования венгерского языка недостаточны для того, чтобы науки могли принести пользу всем и стали доступными в нашей стране для жителей всех рангов и сословий.... Я бы еще хотел упомянуть о самых общих достижениях Венгерского Общества, о которых до сих пор умалчивалось:

I. Самым важным достижением успешного развития языка является то, что во все слои населения страны проникает и наука. Я отнюдь не хочу, чтобы каждый патриот стал ученым; я лишь хочу, чтобы люди даже самых низших рангов и слоев обратили свои умственные способности на благо человеческого общества. О, сколь много у нас скрытых талантов, и если бы их обладатели могли познать в совершенстве свой родной язык, они бы приумножили счастье своей родины.

Политиканы говорят, что счастье страны зависит от численности людей. Но какая польза от этой численности, если все люди или бедны, или большей частью неграмотны? Бедность и неграмотность неразлучны. Чаще всего они неотделимы друг от друга. Одна из них калечит тело, другая — душу: обе же одинаково реагируют как на хорошее, так и на плохое. Непросвещенный народ так же несчастен, как и бедный народ. Неграмотный народ не имеет возможности познать на своем родном языке вещи, необходимые для его собственного блага. И в то же время их невозможно познать на языке, намного отставшем в своем развитии от наук.

Большую пользу, непосредственно связанную с расцветом наук, могло бы принести развитие индустрии — основы процветания любой нации. Все бесчисленное множество дремлющих умов стало бы неутомимо трудиться, как муравьи при постройке муравейников, во имя общего блага. Пчела без улья и усердна, и порхает повсюду, но ни сот не строит, ни меда не приносит; и хотя она и трудится, весь ее труд сплошная суета. Но стоит человеку построить для нее улей, тотчас же закипит работа: появляются и соты, и мед. На таких бездомных пчел и были похожи до сих пор венгерские писатели, именно такой была их работа. Но стоило стране построить им улей, создать Венгерское Общество, направляющее их работу, как тотчас у них появились и усердие, и порядок, и ожидаемые результаты.

II. Другую существенную пользу королю и стране принесло бы следующее: каждый человек должен иметь возможность попробовать свои силы в издаваемых венгерских трудах, и тем самым показать королю и родине, на что он более всего способен, благодаря этому, на различные должности можно было бы всегда подобрать самые подходящие кандидатуры. Этот верный и правильный подбор лиц избавил бы страну от многих нахлебников или, по

крайней мере, привел бы к тому, что люди, трудившиеся до сих пор на общее благо не в полную силу, сами постарались бы стать более полезными для общества.

Мораль

Вольтер считает Александра Македонского великим за то, что тот основал Александрию, желая посредством торговли осчастливить нации. Я же в этом его поступке ничего не усматриваю, так как он совершил его не во имя общего блага. Даже и здесь прежде всего он думал о том, как бы увековечить свое имя. Трудно представить, чтобы такой человек, для которого не существует никаких истин, который всех всего лишал, мог, кроме прославления своей личности, заботиться еще и о счастье тех, кого уничтожал. Ни один из людей, пытающихся прославиться благодаря насильственному уничтожению своих ближних, не заслуживает уважения, ибо он несправедлив и жесток.

Монтескье говорит, что за свою жизнь Александр Великий совершил две ошибки: приказал сжечь Персеполис и убил Клита. Однако, каким бы авторитетом не было для меня имя Монтескье, я осмеливаюсь считать ошибочной всю жизнь Александра Великого. Что за огромная блажь подчинить себе весь мир и господствовать над ним? Объединить под своей властью все народы и стремиться создать такую империю, управлять которой человек не в силах? Напрашивается вывод, что Александр Великий всю свою жизнь проливал кровь лишь ради того, чтобы она была пролита. Или, может быть, после его смерти в его империи уничтожили следы его злодеяний? Ничуть ни бывало. Где же здесь величие и мудрость?

Сжечь красивый, сверкающий, людный богатый город лишь ради удовольствия! И этот поступок Монтескье называет ошибкой! Даже самые высоконравственные и умудренные опытом смертные могут ошибиться в жизни, но они не делают глупостей и не дают выхода самодурству. Сжечь город ради забавы — больше, чем ошибка. Это необузданность и маразм.

Собственными руками убить Клита! Кому придет в голову называть намеренное и нечестное убийство ошибкой? В таком случае как расценивать поступки, совершенные в силу человеческой слабости? Нет, это больше, чем ошибка!

Издавна для человечества представлял опасность тот факт, что историки возвеличивали низкие поступки жаждущих кровопролитий полководцев, а их преступлениям придавали мало значения и не принимали всерьез их проступки. Жаждущие славы, скучающие потомки берут с них пример и, желая следовать по их стопам, платят кровью писателям, прославляющим их победы и вписывающим их нечестные поступки в летопись мира.

Какая польза от того, что один человек истребит четвертую часть земного шара и умрет, а тебя с твоими злоключениями оставит здесь, на этой земле? Хочешь жить, зарабатывай на хлеб, не хочешь — можешь повеситься.

Не подумай, будто я утверждаю, что деньги могут тлетворно подействовать на любую мораль и истину. Однако они не смогли пагубно повлиять на Аристиды, Тита, Ферона, Антония и других, следовательно богатство давляет не над любой моралью, хотя господствует над многим. Не стоит удивляться, что с тех пор, как человеческая нация переводит на деньги все мирские блага, какие существуют, многие смертные забывают о своей нравственности. Ну, скажи, чего стоит человек в этом мире, если у него нет ни денег, ни скота? Человеку, которому из-за постоянной пустоты в желудке, из-за лохмотьев, висящих на его теле, приходится переносить вечные унижения и страдания, и в голову не придет мысль о нравственном возвышении. Пока ты беден, для тебя и белое будет черным. У некоторых богатств хватает на все: и содержать себя, и поддерживать свои нравственные устои. В то же время существовало немало великих людей, которые за свои убеждения жертвовали богатством и жизнью. Следовательно, утешением человечеству может послужить то, что деньги все же не совсем довлеют над его нравственностью и заслугами.

(«Мир природы»)*

Развитие мира

Если бег времени, обычаи, возможности направят развитие настроений и разума мира к какому-то объекту, нет такой силы во всем мироздании, которая заставила бы свернуть их со стремительного пути. Напрасно тормозить, прерывать и препятствовать работам, которые имеют глубокий смысл и свершаются по законам природы. Попытка помешать развитию мировых идей — то же самое, что с помощью кукурузного зернышка, брошенного в Дунай, пытаться остановить его течение. Возможно, что сейчас многим мои рассуждения покажутся бесполезными. Но лет через 50 их признают верными. Или, может быть, ты хочешь приостановить бег времени и развитие человеческих понятий, чтобы навсегда оставить их на современной точке развития или повернуть их назад? Ты можешь ответить, что мировые понятия изменяют подобные мне писатели. Ну, а потом? Какой тебе вред от того, что они меняются? Разве человечество пострадало потому, что они изменились, и потому, что за идеи люди больше не сжигают друг друга? Или ты призываешь вернуться к старым, добрым и действительно набожным временам? И это в то время, когда Европа утопает в собственной крови на этом свете, чтобы узнать, где будет ее место на том?

В силах ли ты сделать такое, чтобы никто никогда не умирал и никто никогда не рождался? Или ты стремишься к тому, чтобы

понятия, науки, привычки и т. д. живущих на земле никогда не изменялись? Можешь ли ты приостановить время? Разумеется. Точно так же, как тот герой из сказки, который, желая оттянуть рассвет до того времени, пока он со своей любимой не убежит достаточно далеко, привязал ночь к дереву. Знаешь ли ты, что понятия мира изменяют и обновляют вновь и вновь появляющиеся поколения людей? В каждое столетие с лица земли стирается живущее поколение и на его место появляется новое. Кто знает, что останется от наших верований, привычек, понятий, законов через 500 лет?

(«Законное положение Венгрии»)*

* * *

Если бы науки могли получить широкое развитие, вывести человечество к свету ясного солнца, познакомить народ с законами природы, я уверен, что через 200 лет в Европе не было бы ни жестоких правителей, ни вооруженных мятежей.

Раньше мы носили котелки на голове, теперь — парики; вместо булавы, у нас теперь тросточки с набалдашниками из рыбьей чешуи. Наши женщины, вместо коротких юбок, носят платья со шлейфами из тафты, а подушки кладутся теперь не под головы, а на головы. Раньше носили сапожки, теперь — атласные башмачки. Все это может навести на мысль, что мир стал хуже. Не верь этому никогда. Пусть наши женщины носят все что угодно и кладут на головы хоть целые кровати, только бы не было в нашей стране кровопролитий, грабежей, пожаров, насилий. Если подобные мелочные отклонения от нормы вызывают лишь насмешки и указывают на несерьезную, ребячливую сторону человечества, то дикие законы морали убивают, уничтожают. Мы созданы для мирной жизни, а нации, живущие в мире, должны развлекаться подобными мелкими безделушками и игрушками. Поэтому смиришься с этим. Но не верь, что кроткая, просвещенная нация, мужчины которой вызывают на шею салфетки, а женщины купаются в благовонных водах, не может быть храброй. Ведь могли же французы времен Людовика XIV не только смеяться над комедиями Мольера, веселиться в Версале, но и доблестно сражаться со всей Европой.

Каждая нация ради себя самой же должна стремиться к изменениям в самой себе, именно по этой причине никогда не было и не будет нации, которая отказалась бы развиваться.

(«Венгерский зритель»)**

В защиту народа

Не следует сетовать на судьбу из-за того, что мы должны вернуться туда, откуда пришли.

* * *

Знаешь, за кого ты должен принимать народ среди прочих условий? За море среди проточных рек. Все проточные реки выте-

кают из моря, питаются его водами и в него же возвращаются. Подобно им все дворянские семьи поднялись из крестьян, благодаря им поддерживают свое господство и рано или поздно вновь возвращаются к ним.

* * *

Презренный господин, живущий на средства своего отца, кто бы ты ни был, знаешь ли ты, что бедняк, в поте лица работающий на благо своей родины, на короля, помещика, судью, священника и воспитывающий детей, стоит во сто крат больше тебя, хоть ты и ведешь свою ветвь от Ромула? И, если ты едва заслуживаешь краюхи хлеба, он заслуживает лаврового венка.

* * *

Я не могу без возмущения слушать, как светские дамы с ненавистью и издевками судачат о судьбе крестьян, что те, мол, ходят в холсте и лаптях и не поливают себя благовониями. Эти почтенные дамы, раболепствующие перед границей,—выродки, заслуживающие презрения, и ничто их так не украсит, ничто так не облагородит, как сострадание к ни в чем не повинным беднякам. Если уж так повелось в мире, что ты должен жить потом и кровью крестьян и не можешь обеспечить ему лучшую долю, бери у него, что положено по закону; наказывай, если он провинится, но, по крайней мере, оставь ему хоть маленькое утешение: не насмехайся над ним, не презирай его, не будь с ним надменным и жестоким, ибо тебя в бархате и шелках закопают в землю так же, как и его в армяке и лаптях.

(«Вещи»)

Простой народ можно сравнить с землей, чем лучше ее вспахивают, тем обильнее она плодоносит.

* * *

Несправедливо, что землю человека, высасывающего из своей отчины по 300 тыс. форинтов годового дохода, мы обязаны защищать с теми же затратами и потерями, как и землю того, чей доход — голод, нищета или в лучшем случае 200—300 форинтов.

(«Путешествие Таримэна»)

* * *

Если ты прежде не накормишь голодного и тем самым не расположишь его к себе, напрасно разглагольствовать перед ним.

* * *

Неиссякаемые доходы, безграничная власть и подобострастное раболепие убивают человека в человеке.

(«Деяния Рима»)

Игнац Мартинович

(1755—1795)

Игнац Мартинович (Martinovics Ignác) — организатор первого республиканского движения в Венгрии, философ.

В начале своей деятельности Мартинович был аббатом ордена францисканцев в Будапеште. С 1783 г. он преподает в Львовском университете и в это время создает свои естественнонаучные работы.

В 1792 г. Мартинович приступает к организации тайного общества и пишет «Открытое письмо императору Францу I», в котором излагает свои революционные идеи. В июле 1794 г. Мартинович и его единомышленники были арестованы. В мае 1795 г. Мартинович был казнен.

Мартинович написал три философские работы: «Рассуждение о естественной гармонии между божественной добротой и земным злом» (вышла в свет в 1783 г.), «Философские записки» (анонимно изданы небольшим тиражом в 1788 г. на французском языке) и «Физиологические заметки о человеке» (1789).

*Философские записки **

Вступление

Эти философские записки содержат чрезвычайно интересный материал и их влияние на счастье человеческого рода совершенно очевидно.

В то время, когда я писал их, т. е. в течение семнадцати лет, я не занимался ничем другим, как только наблюдением за природными явлениями и изучением важнейших из них; я перевел совершающиеся в природе изменения на язык математики, рассмотрел без всякой предвзятости различные виды религий и их природу, а также степень их необходимости, трезво подумал я и об обществе, о процветании и упадке торговли и, наконец, сравнил цель тайных сообществ с твердо установленными философскими принципами.

Из всего этого я взял лишь самое для меня достоверное, совершенно не принимая во внимание мнения об этом различных школ, где слабое юношество заражается ложными идеями об обществе или о разных религиях. Не заботился я и о том, как мыслят при дворах властителей в Европе, Азии или Африке, а также в Ватикане. Творческие принципы, положенные в основу моего труда, отнюдь не походят на те, из-за которых наш организм обречен на слепоту и находится в рабстве у религии; мой труд не усладит тех, в чьей душе глубоко укоренились предрассудки, занесенные туда современным воспитанием.

Я рекомендую эти мудрые записки лишь тем, кого природа одарила возвышенным умом и крепкой нервной системой, короче говоря, тем, кого природа по мере возможности хочет сделать счастливыми с помощью одной лишь философии, а не ложных идей, принятых по злобе или глупости. Именно таким людям я и предлагаю прочитать мой труд, сравнить все его положения с каждодневными природными изменениями и убедиться, что люди живут по самым ложным идеям; одновременно они увидят еще, что настоящая философия позволит человеку избежать беспорядочной жизни, уменьшит убедительными доводами его страдания, утешит его горе, и все это без какой бы то ни было необходимости в религии.

Властелины и священнослужители глубоко ошибаются, когда смешивают беспринципных людей, называемых людьми свободной морали, с теми, кто согласует свои поступки с изложенными в моем труде принципами. Людей свободной морали необходимо порицать, следить, чтобы они не внесли сумятицы среди слепо верующих людей, но настоящих философов, живущих тихой жизнью, надо почитать, даже обращаться к ним за советом, когда речь идет о трудных вещах, таких, например, как улучшение форм правления в любом обществе, усовершенствование торговли или борьба с опасным ядом, распространяемым священниками.

Лишь они одни познали силы природы, законы изменения, человеческие страдания и т. д., так как долго наблюдали за всем этим без всякой предвзятости; они ничего не страшатся, ни на что не надеются и в любом случае принимают лишь то, что им кажется самым правдоподобным. Во всяком случае, автора этого труда не слишком интересует мнение широкого общества, живет он в спокойствии и неизвестности, и наградой за литературные труды будет для него признание немногих избранных, которые пожелают исследовать истины природы.

Глава 1

Поиски истины

1

Каждый может на своем опыте познать, что истины, открываемые нами путем суждений и выводов, возникают из понятий. Школы логики едины в мнении, что вывод происходит от суждения, а суждение от понятия. Не стану пока останавливаться на таком важном вопросе, как происхождение понятий; рождаются ли они от действительно существующих особых движений наших нервов, или это картины, рисуемые умственным фактором, управляющим механизмом нашего тела и согласующим его с вышеупомянутым движением нервов. Займемся вопросом о том, какие из понятий, сложившихся о самых различных вещах, мы можем считать достоверными, следовательно, какие суждения и выводы мы можем считать очевидными и несомненными.

2

Опыт показывает, что наш разум гораздо легче схватывает предметы, обладающие меньшим количеством признаков, если эти предметы находятся от нас на соответствующем расстоянии, и все наши чувства в нормальном состоянии. Таким образом, нам очень легко себе представить, как выглядит прямая линия, так как у нее

всего два конца или, говоря другими словами, она определяет взаимное положение двух точек в пространстве. Также легко вообразить себе треугольник, состоящий из шести частей, т. е. трех углов и трех линий, ограничивающих определенную плоскость.

Но если нашему взору представится картина множества кривых линий, то нам уже трудно различить их специфические свойства, так как число их велико, что с полной ясностью следует из математики. Когда кто-нибудь знакомится с устройством сложной машины, то только взглянув на нее, он не сможет получить о ней точного представления, не зная законов механики, не изучив в течение долгого времени самой машины, и не сможет отличить одни особенности от других. Разве много на свете людей, которые имеют ясное представление о карманных часах или могут различить растения, причисленные Линнеем к одной категории? Как трудно различать минералы даже тем, кто знаком с минералогией; и с такими же трудностями мы сталкиваемся, когда речь идет о животных, насекомых или ракушках.

В действительности, мы встречаемся в жизни лишь с немногими предметами, о которых имеем точное и правильное понятие. На первый взгляд кажется, что мы поняли тот или иной предмет, хотя из всех его особенностей лишь некоторые предстали нашему взору или познаны нами через какие-то органы чувств. Например, солнце мы воспринимаем круглым плоским огненным телом диаметром около фута, но разве найдется такой оптик, физик или математик, который отважился бы утверждать, что действительный образ солнца может быть описан лишь этими немногими чертами?

3

В жизни каждое понятие возникает от изучения предметов, находящихся вне нас. Даже понятия, играющие самую важную роль в человеческой жизни и морали, зависят от окружающего нас мира. Если, например, нянька накажет ребенка за шалости, а потом будет постоянно говорить ему, что, мол, отец тебя любит, то ребенок, воспринимая на слух одновременно два понятия: отец и наказание, скоро настолько ассоциирует их, что понятие «отец» будет казаться ему таким же страшным, как наказание. Старые женщины часто рассказывают детям сказки про души умерших: если человек при жизни грешил, то душа его блуждает по свету в белом одеянии или в образе теленка, собаки и т. п.

С какого бы времени мы ни считали возникновение человеческого общества, мы можем быть уверены, что в древние времена, когда человеческие понятия еще только формировались, впечатления на людей производили лишь предметы, сильно действовавшие на их чувства, проверять такие понятия было невозможно, и они, безусловно, были очень искаженными. Еще более неправильными долж-

ны были становиться понятия, возникшие из комбинации других и становившиеся в свою очередь источником бесчисленных ошибок, так как порождали совершенно неправильные мнения в очень важных вопросах. Люди постоянно передавали все эти суеверия своим потомкам, так что они очень крепко запечатлевались в человеческом мозгу. Поэтому и случилось, что некоторые ложные идеи смогли заразить все человечество.

4

Ложные идеи существуют у всех наций, где бы они ни жили, независимо от широты, климата, страны, религии, формы правления, у каждой нации они носят особый характер, но везде возникли одинаковым путем. Поэтому каждая нация считает свои ложные идеи истинными, думает, что ее взгляды лучше, чем у остальных народов. Турки строго придерживаются унаследованных от предков предписаний, то же делают евреи, христиане, язычники. В наши дни мы стали свидетелями, как уважаемый философ нашего века Мендельсон защищал еврейство против Лаватера, неразумно считающего христианство менее абсурдным, чем еврейство. Так же мы должны относиться и к истинам разных наук.

Возьмем, например, соотношение сил двух твердых тел, называемых упругими; мы часто можем наблюдать столкновение двух движущихся твердых тел и изменения в связи с этим скорости движения обоих тел. Свяжем это понятие с понятием двух упругих тел и из механики узнаем, какое понятие мы приобрели от их столкновения. Так вот, все это истина постольку, поскольку истинным было первое понятие. Я хочу этим сказать, что основой истины является совпадение первого понятия с предметом; даже в математике, если бы первые количественные понятия не соответствовали истине, то перестала бы существовать любая истина и нельзя было бы доказать ни одной теоремы. Все астрономические расчеты напрасны, если в наблюдение вкрадывается малейшая ошибка, а большая часть физических истин целиком зависит от опыта, на котором они построены.

5

Все положения религии тоже зависят от находящихся вне нас предметов.

Простое зрительное восприятие предметов толкает человека на исследование причин, так как он с детства имеет возможность убедиться в том, что определенные явления вызываются определенными причинами. Человек своими глазами видит, как растение произрастает из зерна при наличии тепла, земли и находящейся в ней влаги; видит, что тепло происходит от огня, свет от солнца и т. д.

Люди привыкли к такому методу наблюдения и хотят знать объяснения даже таких явлений, которые настолько сложно связаны с природой вселенной, что даже частично нельзя ответить на этот вопрос без предварительного исследования множества других явлений. А так как люди не в состоянии сделать этого — или по слабости своего мышления, или из-за образа жизни, на который обречено большинство людей, и который не оставляет им времени для занятия теоретическими вопросами — то они постепенно сами выдумывают причины следствий, наблюдаемых ими, пока, наконец, не начинают сами верить в истину выдуманных ими причин. Множество таких причин приписывают природе не только невежды, но и большая часть философов, если они заслуживают чести так называться, об этом свидетельствует опыт.

Всевозможные следствия выводились из потусторонних причин, а бывает, что и обычные явления, с которыми мы каждый день встречаемся, объясняются совершенно неизвестными всеобщими причинами. Любопытные пришли к выводу, что природные явления гораздо запутаннее и сложнее любого результата, которого может достигнуть человек ценой большого прилежания в любом виде ремесла, поэтому они и стараются протиснуться за кулисы великих достижений природы более благородные причины, объясняющие эти явления. А причину эту изобрели таким образом: взяли большое количество человеческих черт, таких, как самопожертвование, любовь и искупление грехов и т. д. И чтобы в этих причинах и свойствах превзойти все существующее, объявили, что ими в бесконечной степени владеет бог. Понятие о высшем существе распространилось среди людей, как о чем-то, кого мы боимся в минуту опасности, любим, когда счастливы, за кого цепляемся, ища спасения, и т. д. Священники и те, кто стоит во главе человеческого общества, очень скоро стали извлекать пользу из этого понятия, и не упускали ни одного случая, чтобы покрепче вбить его в головы людей, делая это до тех пор, пока понятие о боге засело в людских сердцах так прочно, что человечеству было бы легче освободиться от чумы, чем вытравить из сердца эту идею.

6

Много случайных и особых обстоятельств должны воздействовать на человека, чтобы он мог освободиться от понятия о боге, впитанного им вместе с молоком матери. Для этого нужен глубокий разум и такой образ жизни, который позволял бы заниматься литературой, культивировать строгую математическую науку, усовершенствуя тем самым те особенности, которые метафизики приписывают душе, потому что разум только таким образом может привыкнуть верить лишь доказанным истинам. Еще он должен серьезно заняться естественными науками и понять, что все явле-

ния зависят от законов движения, а сама природа — продукт закона движения.

А если вы хотите избрать более легкую дорогу к конечной цели, к истинной философии, то углубитесь в изучение истории, познавайтесь с древними и более современными философами, с Сократом, Платоном, Аристотелем, Пифагором, изучите Лукреция, Эпикура, Левкиппа, Анаксагора, перелистайте от начала до конца книги Оцеллуса Лукануса, Тимея Локрейского, Секста Эмпирика, а еще вы должны подружиться с трудами Локка, Мальбранша, Кларка, Гельвеция, Спинозы, Мирабо, Болингброка, Тиндалла и др.

Зрелым умом вы должны проверить все системы, ближе других подходящие к истине, и ни в какой расчет не принимать религию. Наконец, изучите теологию, в которой, как в зеркале, вы сможете увидеть нищенскую основу приписываемой Моисею истории, познакомиться с рассуждениями этого человека, как и с рассуждениями других основателей религий и властителей, как магометан, так и христиан, узнайте, какие противоречия возникли между князьями церкви на вселенских соборах, ознакомьтесь с ветренностью римских пап, с изменениями, внесенными Лютером, Кальвином, Цвингли и другими и еще с тысячами подобных абсурдов.

А если вы еще немножко займетесь политикой, то быстро поймете, как относятся самые умные из властителей к делу религии: если представляется им выгодный брак, они меняют религию, как рубашку, а если папские законы не выгодны для них, они уничтожают эти законы и вместе со своими адвокатами вводят во всеобщее право такие решения и разделы, которые опираются на ту или другую часть святого писания, всегда достаточно туманного и двусмысленного, хорошо приспособленного к тому, чтобы из него можно было извлечь все желаемое. А если чего-нибудь нельзя принять дословно, всегда остается возможность аллегорических или мистических объяснений, основой же для подобных измышлений всегда служит человеческая глупость и невежество.

Если нормальный человек будет продолжать в течение многих лет заниматься такими исследованиями, и телесно он здоров, то он постепенно потеряет всю свою фанатичность и сможет наплевать на братство розовых четок *, на святую троицу, святого Ференца, святую Елизавету, на письма апостола Луки, отпущение грехов, и он станет потешаться над человеческой глупостью, откажется исповедоваться на ухо священнику, перестанет верить, что хлеб и вино превращаются в бога, и вообще в возможность делать бога и есть его, занимаясь таким образом поглощением бога.

А если вы потом сравните религию Иисуса Христа с религией Магомета и Моисея, то убедитесь, что все они достаточно лживы, и все это будет вам безразлично, а вы станете высмеивать все то, что рассказывали вам старухи в детских сказках.

Освободившись же от этого ига, вы начнете исследовать естественную религию, полагаясь при этом не на авторитеты, а на твер-

дые принципы, и убедитесь, что в природе нет и следа божественного провидения, и вообще невероятно, чтобы можно было доказать его существование, как нельзя доказать и бестелесность души. Таким образом, вы незаметно для себя станете деистом, но когда вы здраво разберетесь и в идеях деизма, то откроете, что и эта система ни в малейшей степени не объясняет природные явления, происходящие от такой движущей силы, которая неотделима от природы и органически с нею связана. Но если вы уже дойдете до этого, то откинете от себя и деизм, а если ваша нервная система все еще недостаточно крепка, то вы все же начнете по крайней мере скептически относиться к существованию высшего существа, а признание атеизма станет для вас весьма возможным.

Человек может освободиться от понятия бога, которое было вложено в него еще в детстве, только следуя вот таким долгим путем. И только тогда он сможет жить спокойно и внимательно следить за всем, что необходимо для поддержания жизни, только тогда станет счастливым и будет наблюдать из своего одиночества безумие других людей, не боясь от них заразиться, не боясь, что они ему помешают. Он не будет никого преследовать, а изучать природу и делать открытия, так как ничто не будет стоять на пути его открытий, никакие предвзятые мнения, иначе говоря, он будет жить истинным мудрецом.

7

Все это с полной ясностью показывает, как трудно освободиться от понятия бога, которое было заложено в нас с самого детства, и что лишь в жизни немногих людей возникают все те обстоятельства, о которых речь шла выше.

Многие люди достаточно одарены разумом, но по глупости или бедности родителей одни с детства вынуждены своими руками зарабатывать на пропитание, другие занимаются торговлей, третьи становятся на путь священнослужителя и т. д. Очень часто бывает и так, что родители навязывают ребенку свой образ жизни: чувствуя себя в определенных условиях хорошо, они считают, что их образ жизни подходит и их детям. Многие занимаются политикой, работают в конторах, на государственной службе и т. д. Подобные люди не могут проводить свою жизнь в разборе столь важных истин; они под влиянием своих фанатичных духовных отцов становятся сами фанатиками и преследуют людей других вероисповеданий, или же, прочитав несколько легкомысленных тетрадей, станут невежественно насмехаться над религией.

Случается и так, что люди с горячей кровью находят неудобными законы религии, нарушают их, занимаются придворными интригами, с ловкостью придворных вельмож пролезают в милость к властителю, совершают множество всевозможных грехов, похваля-

ются своим неверием и распутной жизнью; все это до тех пор, пока какая-нибудь опасная болезнь не вынуждает их прибегнуть к исповеди, после чего они попадают в руки иезуитов или капуцинов *, оставляют им часть несправедливым путем нажитых денег, чтобы священники служили святые мессы во отпущение грехов таких, с позволения сказать, мудрецов. Это и есть действительные причины того, что лишь немногие достигают высшей ступени действительной мудрости.

8

После того, как мы доказали, что под влиянием внешних предметов в человеческом мозгу рождается множество представлений, а из них складывается понятие высшего существа, мы еще должны остановиться на двух понятиях огромной важности, лежащих в основе любой религии: вопросе существования человеческой души и происхождения мира. Первое из этих понятий проникло в человеческое мышление примерно следующим образом. Древние философы, рассматривая природные явления, заметили, например, что частицы некоторых минералов непрерывно возникают из соединения частиц, а наблюдая за жизнью растений, они пришли к заключению, что им нужна влага земли или какие-нибудь другие питательные соки, проникающие к зерну, нужно определенное тепло и т. д. Но ни в одном из проявлений мира растений и минералов ученые не обнаружили характерных признаков мира животных, я говорю о движении и другой деятельности животных. Те же самые философы, обычно в поисках причин для объяснения следствий, наблюдаемых ими в явлениях мира растений и минералов, беспрестанно искали причины движения в животном мире, считая это движение произвольным, так как недостаточно глубоко проникли в законы природы и лишь туманно представляли себе причины наблюдаемых явлений.

Поэтому они и пришли к убеждению, что причины эти недостаточны, и придумали более благородную причину, во всем противоречащую материи, которую и называли духом. Они без конца употребляли это слово, за которым не скрывалось никакого понятия, и воображаемое существование души так глубоко укоренилось, что философы предпочли признать целый ряд всевозможных абсурдов, таких, например, как теория взаимодействия тела и души *, свобода воли, разница между душами людей и животных, бессмертие души и т. д., чем отказаться от бессмысленной идеи существования души.

Люди видели, что для всех следствий есть причины: дети происходят от родителей, растения из семян и т. д., и стали следовать такому же методу в поисках истины. А пришли они к утверждению, что мир создан из ничего. Сколько в этом утверждении абсурдного, оживого, грубо невежественного! Сделать что-нибудь

из ничего, представить себе такую причину, которая существует сама по себе, существовала еще до появления мира в своей собственной божественности, ведь все это пустая болтовня, не выражающая никакого понятия. Разве, что кто-нибудь станет утверждать: самые важные понятия — бог, душа, мир и все, что из этого следует, родились вместе с нами, это явное противоречие. И тот, кто хочет это противоречие защищать, тот должен признать, что все эти понятия являются плодом туманных и недостаточных мыслей, в чем нет ничего удивительного. Какие же мысли о природных явлениях могли быть у первых людей, если по прошествии многих веков перед нами все еще так туманна природа мироздания, несмотря на то, что мы при помощи многих средств изучали природу и в меру возможностей развивали науки: химию, физику, астрономию, металлургию, математику и т. д.

9

Значит, мы ни в коем случае не можем признать справедливость трех следующих утверждений: существование бога, существование бессмертной человеческой души и сотворение богом мира из ничего. Поэтому и все выводы, которые делаются из этих утверждений, на которых построена теория души и теология*, уведат нас еще дальше от истины. Иначе говоря, жизнь не оправдывает ни одного из этих утверждений. Если мы, сравнивая предметы, в одном из них находим много характерных черт, которые потом встречаются и в другом, то один из этих предметов мы знаем лучше другого и имеем право сделать вывод, что хотя мы и не можем всегда доказать наши утверждения, то по крайней мере знаем, которые из них возможны. Таким образом, в поисках истины мы должны следовать одному правилу, а именно: приступая к расследованию происхождения истин, мы должны отбросить всякую предвзятость. Далее, постигнув понятия, на которых воздвигнуты истины, мы должны изучить и сами понятия; соответствуют ли они действительности или могут ли ей соответствовать, получив ответ на этот вопрос, мы должны отдать предпочтение той истине, которая основывается на таком понятии.

Следуя таким принципам и занимаясь проблемой существования бога и подобными вопросами, о которых речь пойдет позже, я буду в дальнейшем говорить об истинах, полностью освобожденных от религиозных предрассудков.

10

Некоторые ученые уверены в том, что из созерцания видимой природы нельзя прийти к истине, поэтому и надо опираться на авторитет написанного, так как такой авторитет может сделать не-

сомненной любую истину. Но всякий свободный, очищенный от предрассудков разум согласится со мной, что подобный путь поисков истины абсолютно неправилен. Ведь если кто-нибудь в наши времена придет к нам и скажет, что бог открыл ему целую кучу истин, от которых зависит счастье человеческого, но мы эти истины уразуметь не можем, как не могли их уразуметь и наши предки, то мы прежде всего захотим узнать, может ли бог говорить с людьми, сообщать им свои мнения, затем мы еще захотим узнать, по каким причинам бог пренебрег остальными людьми, а избрал именно этого одного своим посланником?

Потом мы еще поинтересуемся, не рассчитывает ли такой уполномоченный господа-бога получить для себя выгоду от распространения истин, не мечтает ли о славе, почете, богатстве или какой другой выгоде? Наконец, мы потребуем у этого человека верительную грамоту, подтверждающую, что он, действительно, божий посол и облечен соответствующими полномочиями, и спросим у него, почему бог не высказался прямо перед людьми, не запечатлел в их сердцах своих истин, как запечатлены природные истины в сердце самой природы. Потом мы еще спросим, собирается ли господин посол быть аккредитованным и в других нациях, независимо от географического положения страны, от воспитания, формы государственного устройства и языка. И если посол на все сможет ответить удовлетворительно, то все ему поверят, как будто были личными свидетелями его беседы с богом, и убедятся в достоверности его слов. Каждый справедливый судья требует подобной процедуры даже в случаях, гораздо менее значительных, а когда речь идет о вере, которую люди должны принять, то тем более последовательно должны они идти указанным путем, так как речь идет о делах первостепенной важности, в противном же случае, нам всегда будет грозить опасность воспринять легкомысленность в качестве действительных законов.

11

Если мудрец на несколько мгновений отвратит свой взгляд от религии или от человеческого общества, чтобы рассмотреть, какой метод применяли другие для объяснения самых важных истин, находящихся за пределом человеческого мышления и погруженных в сплошную мглу, то он убедится, что эти утверждения не заслуживают ни малейшей веры. Моисей первым возвысил себя над своими соплеменниками и, как это всем известно, записал подсказанные ему богом законы. Но как, какими свидетельскими показаниями сможет он нам доказать, что законы эти продиктованы ему богом, как сможет он убедить нас, что не он сам выдумал их? Некоторые, правда, утверждают, что Моисей в оправдание своего учения совершил чудеса. Но откуда им об этих чудесах известно, как не из

книг, написанных самим Моисеем? Какое убедительное доказательство! Совершающий подобное исследование в конце концов наталкивается на следующий по-детски глупый вопрос: кто написал, что бог существует и в шесть дней сотворил мир, вылепив человека из глины и т. п.? — Моисей. Кто утверждает, что беседовал с богом? — Моисей!

Почему мы должны верить этим утверждениям Моисея? Потому, что он совершал чудеса. А кто рассказал нам об этих чудесах? — Моисей! Значит, Моисей сам утверждает истины, сам дает нам подтверждение их правильности, но подтверждения основаны на том же принципе, что и истины.

12

Ну, а если мы оставим в покое Моисея, Иисуса Христа, Магомета и всех остальных, имевших дерзость называть себя божьими сыновьями или божьими посланцами, то будет излишним добавлять к уже высказанным мыслям, что истины, даже если они происходят из самого лучшего источника, со временем меняются, искажаются в зависимости от того, как их истолковывают в дальнейшем, пока не станут совсем иными. И если кто-нибудь, движимый самыми благородными и патриотическими чувствами к своему народу, создаст превосходные законы, предложит наилучшие способы свержения ига деспотического властителя, то после его смерти фанатические сектанты тотчас примутся объяснять его мысли, придадут различное толкование его законам, чтобы таким образом урвать для себя часть славы своего учителя.

Первоначальный смысл законов, когда их начинают объяснять, претерпевает тем большие изменения, чем большее количество людей занимается этими объяснениями, и часто случается, что конечный результат прямо противоположен первоначальному смыслу. Так называемая книга святого писания прошла через многие перипетии и изменялась, согласно духу ее толкователей. Кому не известно, что Иисус Христос был хорошим патриотом, хотел освободить своих соплеменников от ига римлян и иудейского Ирода, отвоевать для них скипетр? Но сектанты видели, что обычно бунтари кончают плохо, печален был конец и их учителя, поэтому они взяли да и отказались от царства земного, считая лучшим подчеркнуть, что искали они лишь царства небесного, дескать, как и их учитель. Было ли это так, а может быть и иначе, но философу хорошо известно, что такие важные истины должны быть ясны, как день, и ни в коем случае не приниматься на основе жалкой правдоподобности. Кто ищет истину, должен опасаться всего, что с первого взгляда кажется очевидным и доказанным. После трезвого размышления надо сравнить предметы, и вытекающим из такого сравнения понятиям должно быть отдано предпочтение перед

теми, которые наиболее трудно понять. Все, что туманно, что оскорбляет здравый смысл и изощренный разум даже после долгого размышления и ведет к абсурду, не имеет ценности, являясь результатом человеческого невежества и слабости, не может никогда осуществиться, не может существовать для рода человеческого.

Глава 2

О бытии божьем

13

Кларк и многие другие философы из существования случайной субстанции сделали заключение о существовании необходимой субстанции, считая при этом, что нельзя найти достаточной причины случайной субстанции ни в каждой из них по отдельности, ни собрав их всех воедино. Если мы подробно рассмотрим природу всего случайного и меняющегося, то должны будем признать, что подобные рассуждения не соответствуют ни трезвому разуму, ни свободной от предрассудков философии. Но для ясности доказательства надо прежде всего рассмотреть необходимые условия, на основании которых мы имеем право назвать субстанцию случайной и меняющейся.

14

Случайным мы называем все, что может существовать наряду со своей противоположностью; меняющимся — все, не настолько постоянное, чтобы оно не могло измениться или даже исчезнуть. Но так как понятия необходимости и неизменности почти тождественны, то и понятия случайного и меняющегося соответствуют одно другому, и доказанное нами в отношении одного может считаться доказанным и в отношении другого. В нашем распоряжении имеются многочисленные примеры, с полной очевидностью доказывающие, что изменения случайной субстанции предполагают движение. Далее мы приведем наиболее достойные внимания примеры из различных областей природы.

15

Ежегодно мы наблюдаем изменение количества тепла, получаемого от солнечного света, и чувствуем, что летом жарче, а зимой холоднее. Причиной этого, если верить астрономии, является положение Солнца, которое летом находится в зените и шлет на

землю отвесные лучи, в то время как зимой атмосфера земли распыляет косые лучи солнца. Такое явление, соответствующее самым обычным законам физики, производит на нас впечатление, что лучи менее плотны. Кто осмелится утверждать, что подобное изменение происходит не от движения? Ведь подобного явления не было бы вовсе, если бы Солнце, вследствие периодического движения Земли, не оказывалось бы от нее то на большем, то на меньшем расстоянии. Если бы неподвижные звезды, придя в движение, приблизились бы к нам, то они явились бы причиной невероятного нагревания Земли, ведь нам известно, что влияние световых лучей, кроме всего прочего, зависит от их отвесности и обратно пропорционально квадрату расстояния между источником света и освещаемым телом. Полное затмение бывает в природе тогда, когда два небесных тела, вращающихся вокруг одной и той же планеты, двигаются так, что их орбиты пересекаются и т. д. Любой философ может привести сколько угодно примеров и доказать, что всякое изменение, которое мы можем наблюдать среди тел вселенной, зависит от движения.

16

Минералы и растения тоже претерпевают изменения через движение. От чего может зависеть переход горьких солей в сложные соли, как не от того, что в растворе они приближаются к коллоидам, которые с большей силой притягивают их к себе. Таким образом возникает любая составная соль: чудодейственная глауберова соль, купорос, селитры и соли и т. д.; так же рождаются и сложные соединения, как сернистое железо, сульфат цинка, никеля, меди, азотнокислое золото и серебро и т. д.; так чистые металлы превращаются в сплавы, действующая сила мышьяка, по всей вероятности, происходит от большого количества флогистона, притягивающего к себе радикальную соль мышьяка, так из тяжелого металла и молибдена получилась известь сидерум, и, по-видимому, все земные металлы. Наконец, несомненно, что любые изменения в мире минералов происходят от взаимного сближения их составных частей, а значит, от движения. Растения тоже произрастают из зерна путем движения. Короче говоря: нельзя себе представить, чтобы любое изменение тела могло произойти без движения.

17

Теперь рассмотрим живые тела. Прежде всего, мы останавливаем свой взор на человеке, который, как мы считаем, соединяет в себе две бесконечно разные субстанции; подразумевается субстанция телесная и субстанция духовная. Мы утверждаем это с такой уверенностью, что можно подумать: мы в этом совершенно убеждены. К тому же мы еще утверждаем, что между этими двумя субстанциями нет телесного сродства, а существует какая-то таин-

ственная связь, уразуметь которую никто не может, хоть и была она создана физическим влиянием, как об этом учат в школе. Посмотрим теперь, возможно ли в человеке какое-либо изменение, причиной которого явилось бы движение. Решить это мы можем, лишь предположив, что первые поступки человека носят чисто механический характер, что доказано, к тому же, и опытом.

Тело новорожденного младенца подобно машине, которая при одинаковых обстоятельствах действует одинаково: под влиянием голода или жажды начинает сосать материнскую грудь и моментально засыпает, если чувствует в том потребность. Если же в какой-то части этого механизма нарушаются привычные связи, то нервы тут же напрягаются, воздух с силой выталкивается из легких, производя звук, который мы называем плачем. Другими словами, когда человек пребывает в таком состоянии, его внешние органы чувств не передают никакого движения духовной субстанции, которая со своей стороны не может пробудить в теле никакой деятельности, хотя, по мнению метафизиков, оно в состоянии это делать.

Так как с течением времени органы крепнут, и ребенок уже в состоянии совершать гораздо более сложные поступки, чем раньше, начинает различать некоторые предметы, формулировать их понятия, совершенно так же, как в более зрелом возрасте станет формулировать и абстрактные понятия. И все-таки все эти понятия в разных вариантах зависят от других, рожденных первыми движениями тела.

Если кто-нибудь будет внимательно наблюдать за собой, то заметит, что все движения тела зависят от движений разных его частей, и далее, что взаимодействия влияния между телом и так называемым духовным началом, безусловно осуществляются через движение, приводящее к изменению, независимо от того, исходит оно от души или от тела. В первом случае возбуждение вырвало из души сложное понятие, которого раньше не существовало. Но частями этого сложного понятия всегда являются уже имеющиеся у нас понятия о предметах, познанных нами движением органов чувств. При создании отдельных сложных понятий, если это необходимо, участвуют все органы чувств человека. Совершенно неважно, как происходит данное действие, так как участие разных органов в создании их немыслимо без движения, что совершенно ясно каждому мыслящему человеку. А во втором случае, когда сначала происходит движение и уже только потом соответствующее ему душевное состояние, то тут изменения вытекают непосредственно из движения.

Мы все время слышим бесчисленные протесты метафизиков, которые утверждают, что существуют чисто интеллектуальные понятия, совершенно не зависящие от чувств. Но достаточно рас-

смотреть явления природы так, как они предстают перед нами, чтобы понять несостоятельность такого утверждения.

Скажите мне, как мы создаем понятие о божестве, духе, добродетели, грехе и т. п.? Мы отнимаем у какого-нибудь предмета все его отрицательные физические и метафизические качества, о существовании которых нам сообщают наши чувства. Таким же образом отбрасываем все морально плохое из каждого имеющего нравственное значение поступка, и этот плод нашей фантазии провозглашаем действительностью или, лучше сказать, совершенством. Таким путем создается самая совершенная субстанция, которую мы и называем богом. Если б в субстанциях нашего мира не было несоответствия, мы не могли бы иметь представления об ошибках или положительных свойствах, о добре и зле. Но так как мы постоянно воспринимаем нашими органами чувств все несоответствия, встречающиеся в природе, то мы имеем возможность отличать одну субстанцию от другой, соглашаться с некоторыми, отбрасывать другие, и так в нас зарождается понятие греха и добродетели. Мы сравниваем различные понятия, создаем другие, новые и таким образом подходим к понятиям, которые нам кажутся чисто интеллектуального происхождения.

Например, мы могли создать понятие духа только благодаря тому, что до этого с помощью органов чувств уже создали понятие тела. Если подобным же образом рассмотреть бесконечное количество фактов природы, то свободная от предрассудков философия сделает из этого вывод, что существует единственное абсолютное понятие — субстанция вселенной, и что все изменения, совершающиеся в мире, происходят от движения.

19

Понятия изменения и случайности условны. Каждый раз, когда мы наблюдаем изменения в субстанции, то каким-то образом отмечаем в ней и свойства неизменной субстанции. И таким образом мы получаем понятие о том, что меняется, о сущности изменения. А если мы создаем понятие о неменяющейся субстанции, то отделяем от нее свойства меняющейся субстанции, хотя свойства неизменной субстанции находятся за пределами человеческого разума и могут быть получены только при помощи мышления.

20

Имеются в природе субстанции, которые не склонны ни к каким изменениям. Телесные элементы, безусловно, принадлежат к таким субстанциям. Если, исходя из опыта, мы подвергнем строгому анализу все изменения, совершающиеся в природе, то увидим, что ничто не в состоянии изменить элементов тел, так как если благодаря деятельности элементов в телах все может измениться, то сами элементы не могут изменить ни своей природы, ни образа действия, о чем бы ни шла речь — притяжении или отталкивании. Мы не най-

дем в природе ни одного случая, который доказал бы нам, что элементы могут вдруг превратиться в конечные элементы. Флогистон — гипотетическая материя тепла по Краффорду, Лавуазье и другим — никогда не сможет превратиться в более тонкую смесь, а еще менее может быть подвержена дальнейшему дроблению до тех пор, пока его частицы не превратятся в конечные элементы. Значит, существуют такие тонкие субстанции, которые обладают способностью создавать различные изменения или различные тела, сами оставаясь неизменными. Приходится признать, если мы хотим остаться на почве опыта, что конечные элементы существуют лишь у нас в мозгу. Доказательство конечности элементов может быть осуществлено только в том случае, если можно было бы раздробить атом на простейшие частицы, но это невозможно, что и будет мною доказано во второй части моего труда *.

21

Причиной всякого движения в природе является та самая сила, которую принято называть жизненной силой *.

Мы тщательно исследовали разницу между различными телами по отношению к движению и можем с чистой совестью утверждать, что каждое тело по своей природе может находиться в одном из двух состояний: или в движении, или в относительном покое. И так как у каждой вещи имеется своя достаточная причина, благодаря которой вещь или существует, или не существует, и существует именно таким, а не другим образом, то, конечно, есть и причина тому, почему одно тело движется быстрее или медленнее, и почему оно же иногда находится в состоянии полного видимого покоя.

Предположив существование движения и относительного покоя, мы должны быть полностью и безоговорочно уверены, что такая причина необходимо существует. Попробуем привести в движение тело, находящееся в состоянии покоя, и мы заметим, что тело обладает сопротивлением, пропорциональным его массе, и чтобы сдвинуть тело с места, надо побороть это сопротивление. Мы называем силой то, что может в природе побороть такое сопротивление, а так как эта сила вызывает в теле нечто, наблюдаемое нами и у животных, то мы и можем назвать ее жизненной силой.

22

Никакое телесное изменение не может уничтожить жизненную силу. Мы уже доказали, что любые движения в природе зависят от движения, порождаемого жизненной силой, так что если бы эти изменения уничтожили жизненную силу, то она сначала уменьшилась бы и только потом полностью исчезла. Но какими бы частыми

ни были изменения, жизненная сила не уменьшается, а скорее увеличивается; действие ее замедленно, когда мы растворяем железо в купоросе; стремительнее действует жизненная сила, когда мы подмешиваем в ту же кислоту алкалоиды, вследствие чего жидкость начинает пениться; иначе говоря, движение становится более бурным, если жизненная сила действует активнее.

Одна и та же жизненная сила беспрестанно действует во всех телах. Например, если мы наблюдаем в телах сцепление частиц, вызванное притяжением, или наоборот, если действие растяжения, одинаково известное и в физике, и в химии, мешает частицам тела проникать друг в друга.

Наконец, в каждом теле таится естественная склонность к известным движениям, например, семя растения не показывает никакого заметного признака жизненной силы, а она в нем таится, и если бросить зерно в землю, то из него появляется такое же растение, прокладываящее себе путь из глубины земли на свободу.

Таким образом проявляет себя перед нами жизненная сила. В человеке жизненная сила проявляется на самом высоком уровне, вызывая в его теле удивительные движения и деятельность, превосходящие все остальное, созданное природой. Поэтому подавляющее большинство философов и пришло к заключению, что действующая в человеке жизненная сила коренным образом отличается от всякой другой жизненной силы.

До тех пор, пока тело человека не претерпит своеобразное изменение, называемое смертью, в нем всегда находится жизненная сила. Когда же в теле по какой-то внешней причине прекращается кровообращение, не происходит никакого трения, ни дыхания, а значит не может образовываться и тепла *, и весь организм остывает, то достаточно самого небольшого количества теплоты, и тело переходит в состояние брожения, характерное для животных субстанций, иначе говоря, начинает гнить. В подобном состоянии возникает движение, свидетельствующее о наличии жизненной силы, и это движение приводит не только к гниению, но и вызывает к жизни червей, организм которых снабжен внутренними органами и нервами. После гниения все еще остается материя, содержащая щелочную соль, шлак человеческого тела с жировыми кислотами и огромное количество тел, глубоко под землей соединяющихся между собой по законам природы и вызывающих различные движения, свидетельствующие о присутствии жизненной силы. И если эти земные останки смешаются с другими телами, например, с зернами растений, то могут превратиться в растения, деревья, плоды и т. д. Если животное употребит их себе в пищу, то в его желудке, вследствие сильных движений, растения перевариваются, а их жизненная сила превращается главным образом в кровь, которая в животном или, например, в человеке вызывает деятельность очень высокого порядка, подобную той, которой занимался другой человек,

хотя их деятельность не может быть полностью тождественна, потому что частички претерпели столько изменения, что их жизненная сила перешла в новое тело уже в другом составе.

23

Свойства жизненной силы могут быть определены на основании опыта. Мы видим, что жизненная сила пронизывает всю природу, что она — источник всякого движения, что ею объясняется любое изменение, а мы из этого изменения создали понятие случайной субстанции. Система требует, чтобы мы проанализировали свойства и самой жизненной силы. Самым верным путем для этого является опыт.

Если мы внимательно рассмотрим природу тела, то обнаружим, что оно состоит из частиц, которые не могут ни распылиться, ни соединиться, и не могут этого сделать ни естественным, ни искусственным путем. Значит, в нас необходимо должна существовать какая-то сила, противящаяся и тому, и другому, и проявляющаяся во всех явлениях природы и в таких химических процессах, как растворение, выпадение осадка, кристаллизация или сила, химическое существование которой не вызывает сомнения.

Астрономические наблюдения, чудесно совпадающие с математическими расчетами, доказывают нам, что жизненная сила распространяется и на тела, находящиеся от нас на огромных расстояниях. А если мы рассмотрим ту же силу в атомах, то сможем заметить, что природа регистрирует лишь их сближение и удаление. Но продолжая определенным образом комбинировать атомы, мы получаем из них целый ряд таких тел сложного состава, как воздух, материю тепла — флогистон, от которого, очевидно, происходит и свет и, наконец, материю электричества.

Из других разновидностей этих сложных по составу тел происходят минеральные, растительные и животные соли, алкалоиды и другие субстанции, о которых мы уже упоминали. Подобные тела показывают свою силу и в других формах, производя не только простые вещи, но и предметы, граничащие с чудесами.

В наши дни в физической химии уже известен закон общности между различными солями, щелочами, различными типами земли, между флогистонем и другими телами. С помощью закона общности составляется целый ряд лекарств, хорошо вылечивающих всевозможные заболевания.

Во всех этих случаях проявляются различные стороны и качества жизненной силы. Наконец, если смешать много тел, например, воздух, воду, землю, тепло и флогистон, соблюдая при этом необходимую пропорцию, и бросить в эту смесь зерно растения, которое само по себе является не чем иным, как особой смесью сложных тел, то появляется жизнь растения, т. е. само растение растет, цве-

тет, а иной раз его цветы превращаются в плоды. И сущностью всех этих изменений в природе являются не что иное, как неизменные атомы и таящаяся в них жизненная сила. Кроме того, природа кроющейся в атомах силы такова, что ее влияние менее совершенно в простых телах и тем совершеннее, чем сложнее тело, несомненным доказательством чему являются перечисленные нами примеры.

24

Из некоторых совершенно очевидных свойств жизненной силы следует, что движение в природе зависит от состава тел, и что все движения во всех телах подчиняются постоянным законам. Жизненная сила в неживой природе может создавать лишь некоторые сложные тела, соединяющиеся между собой притяжением, поэтому и не существует в природе однородных металлов или камней и т. п.; металлы мы можем очистить лишь искусственным путем, но никогда не добьемся их полной чистоты. В растениях жизненная сила вызывает лишь вегетацию и ничего другого. Растение рождается из зерна, развивает свои части, полностью преобразовывается в тело растения, производящее плоды, в которых снова воспроизводятся семена, каждое из которых уже заключает в себе эмбрион точно такого же растения.

Жизненная сила в животном мире не только поддерживает инстинкт размножения, но и является движущим началом деятельности высшего порядка, самой главной из которых является деятельность человека. Наконец, жизненная сила подчиняется постоянному закону, иначе говоря, одни и те же составы вызывают одни и те же движения, что очень убедительно можно показать на примере двух людей: если они оба в одинаковой степени склонны к ипохондрии, к меланхолии, радости или к определенным болезням, то оба эти человека претерпевают одинаковые изменения, т. е. мы видим в таких случаях, что разница между следствиями вызывается разницей между причинами.

25

Мы рассмотрели весь мир природы и пришли к выводу, что всякое изменение субстанций производится движением; еще мы с полной ясностью доказали, что движение, в соответствии с законами природы, зависит от одной силы, которую мы называли жизненной силой; ни на одно мгновение не прекращается в природе изменение, и существования любой субстанции мы не можем себе представить без движения. Небесные тела, несомненно, влияют друг на друга взаимным притяжением, одновременно подчиняясь постоянным за-

конам; из земли, вследствие внутреннего движения, беспрестанно поднимаются гейзеры; растения при необходимых для них условиях постоянно живут своей жизнью, а части тела животных тоже находятся в постоянном движении. А так как все это, как было уже сказано, подтверждено ежедневно на практике, то мы можем без всякого колебания утверждать, что сущность жизненной силы — в деятельности, что она даже немыслима без деятельности. Этим и объясняется неисчерпаемое разнообразие изменений в природе, а убедившись, что природа никогда не повторяется, мы уже легко приходим к выводу, что изменения природы, подчиняющиеся деятельности вселенной, можно сравнить с бесконечной прогрессией чисел.

26

Из всего вышесказанного с полной очевидностью следует, что все тела вселенной состоят из атомов и жизненной силы, и что атомы, пробужденные к жизни движением, сохраняют свою природу при любом изменении, иначе говоря: сохраняют способность к деятельности и бесконечному созданию самых различных тел. Кроме того, обладающие деятельной силой атомы и являются единственными неизменными субстанциями, живой силой всех изменений, а все эти изменения есть не что иное, как различные комбинации тел из одних и тех же атомов, созданные под различным влиянием одних и тех же притягательных сил. И вот такие изменения называются в школах случайными субстанциями, потому что не достаточно исследовалась природа вселенной, не до такой степени, как это надо, поэтому и пришли к заключению, что тела вселенной не что иное, как нагромождение случайных субстанций, вызванное второстепенными причинами, и существование которых не основывается на веских причинах. Вот и получилось, что природа оказалась перевернута вниз головой и подчинена невидимой воображаемой причине, которая, якобы, и вдохнула жизнь во вселенную.

27

Обратим же большее внимание на опыт, который поможет нам глубже проникнуть в святая святых природы и разогнать туман невежества. Разве мы не наблюдаем во всех изменениях, что жизненная сила беспрестанно препятствует исчезновению атомов и сложных тел, которые они составляют? Не доказано ли такое сохранение тел тем фактом, что одна и та же сила проявляется двояко: в притяжении и отталкивании? Благодаря этой форме деятельности самые сложные тела и химические элементы никогда не приходят к конечному распаду, который привел бы к изменению всей природы, к полному смещению всех атомов, а так как природа никогда не

придет к такому состоянию, значит она в таком состоянии никогда и не была, что бы ни утверждал Эпикур.

Не следует ли из этого, что в природе не может существовать никакой конечной субстанции, о которой воображают, что она должна происходить из конечного разложения тел. На основании чего мы можем утверждать, что тела — скопление элементов или конечных субстанций? Не правильнее было бы считать, что они представляют собой комбинацию сложных соединений или химических элементов? И если так, то окончательное разложение тел искусственным или естественным образом невозможно. И наконец, удивившись на многочисленных опытах, что тела, которые мы считаем химическими элементами, резко отличаются друг от друга, другими словами, что элементы земли иначе соединяются между собой, чем, например, элементы воздуха или воды, мы должны признать, что химические элементы, принятые физикой, способны на любые изменения. Это с такой ясностью доказывает совершенство жизненной силы, как зеркало показывает изображение какого-либо предмета.

А если меня спросят, в чем это совершенство, я отвечу выводами из наблюдений над явлениями вселенной: жизненная сила, которая вместе с атомами или неделимыми частями химических элементов создает неизменную субстанцию, предполагает постоянное пропорциональное движение всех химических элементов, и если масса какого-либо химического элемента отличается от массы другого элемента, то и движения этих элементов должны быть различными, значит, различная скорость движения и есть то, благодаря чему тело не теряет движения даже после соединения с другими телами. Тела притягивают друг друга сильнее или слабее, из чего и следует своеобразное родство между телами, появляются тела жидкие, твердые, упругие и т. д., и все вместе они и составляют вселенную. Разве вы не видите в этом совершеннейшую гармонию химических элементов и различных способов движения, которые и предполагают существование неизменной субстанции, составляющей природу и одновременно претерпевающей бесконечное количество изменений? А такая гармония не является ли тем самым настоящим совершенством, о котором нам говорят школы?

28

После того, как мы доказали существование в природе неизменной субстанции и ее совершенство, иначе говоря, способность сохранения тел в той же природе, нам осталось заняться содержанием этой субстанции.

Если спокойно, трезвым умом мы станем наблюдать за изменениями, производимыми жизненной силой в атомах, то прежде всего заметим, что эта сила каждое мгновение вызывает новые переме-

ны, которые так часто следуют одна за другой, что конца им быть не может; иначе говоря, им нет начала во времени и нет конца, так как изменения не увеличиваются, но и не уменьшаются, как ряды чисел: один, два, три, четыре, пять, шесть... или шесть, пять, четыре, три, два, один. Единственно, что мы знаем о числе изменений — его бесконечный рост. Таким образом, природа в своем развитии не показывает никаких следов приближения к концу и вовсе не нуждается в новых химических элементах для постоянного изменения лица вселенной; природа решает эту задачу таким образом, что делит на части уже существующие тела и из этих частей составляет новые тела. Количество химических элементов в природе очень невелико, и если бы мир произошел из этого небольшого количества химических элементов, то природа уже давно закончила бы свое существование, т. е. свои изменения, а это противоречит нашему опыту.

Из всего этого надо сделать вывод, что ни атомы, составляющие химические элементы, ни сами химические элементы не существовали с вечных времен самостоятельно, а находились в разных телах, с которыми они связаны. И значит, содержание природы не имеет ни начала, ни конца — оно вечно. Сущность деятельности скрытой в природе силы направлена на поддержание процесса изменений и препятствование исчезновению материи, и в этой своей деятельности сила никогда не ослабевает и не иссякает. Эта сила содержит в себе все присущие ей совершенства, а так как они происходят из бесконечности и проявление их непрерывно, то и число их бесконечно, а значит, что и совершенство, и деятельность этой жизненной силы в этом смысле тоже бесконечны.

29

Нам осталось еще выяснить один вопрос: можно ли считать жизненную силу достаточной причиной всех человеческих поступков? Ведь если жизненная сила ни в чем другом не проявляется, кроме как в том, чтобы препятствовать элементам проникать друг в друга и распадаться, то как же возможно, чтобы такая простая механическая деятельность жизненной силы в более сложных соединениях элементов вызывала особую деятельность, которую мы можем наблюдать в мире растений, животных и, наконец, у человека? Объяснить это — дело непростое, хотя у растений это сделать легче, так как в их теле имеются капилляры и необходимая для роста растений влага впитывается по капиллярам, и растение таким путем создает свое тело, так оно живет. Но что касается животных и особенно человека, то дело обстоит далеко не так просто. Опыт показывает, что даже самая отвлеченная мысль не может родиться в мозгу человека, если до этого — полностью или частично — та же мысль не появилась в его органах чувств. А так как восприятие предметов через органы чувств совершенно очевидно

происходит посредством движения, которое, в свою очередь, зависит от жизненной силы, становится ясным, что каждая мысль имеет своим источником жизненную силу. Этим только можно объяснить ту быстроту, с которой у нас из комбинации многих понятий возникает суждение, а из суждений умозаключение. Мы не в состоянии понять, как это происходит. Человек, не сведущий в механике, никогда не поймет, как действует механизм карманных часов; вот и мы, не зная всех естественных законов человеческого тела, никак не можем сказать, как все это происходит. Причина, по которой мы не можем понять эти законы, ясна: наши понятия, суждения и умозаключения, как я уже сказал, являются следствиями жизненной силы, так как их источник кроется в впечатлениях наших органов чувств, а естественные законы человеческого тела не поддаются восприятию органов чувств, благодаря чему мы и не можем судить или делать правильные выводы относительно того, чем эти законы являются.

30

Существует веский довод, основанный на аналогиях природы, что все понятия, суждения и выводы, а также и то, что мы называем свободой воли, все это происходит из жизненной силы. Нам известно, что все изменения и последствия в природе происходят исключительно из одной лишь жизненной силы; известно нам и то, что эта сила действует совершеннее в более совершенных телах. Мы не хотим лишить природу ее простоты и, когда мы при изучении вселенной рассматриваем мир животных, то мы не считаем, что именно здесь кончается действие жизненной силы, а на ее месте начинает действовать какая-то совершенно иная сила, о которой говорят схоласты. Мы не хотим мудрствовать лукаво лишь потому, что нам неизвестны до конца природные законы, которым подчиняются тела, имеющие души, а эти законы полностью видоизменяют жизненную силу вселенной. Без всякого колебания мы можем утверждать, что дикие животные и люди в своей деятельности подчиняются лишь одной жизненной силе, и с таким же успехом мы можем сделать вывод о многих особенностях тел, ведь вслед за Ньютоном никто и не придерживается другой системы выводов. Наконец, в третьей главе я рассмотрю человека, чтобы все убедились, что материализм дает достаточное основание для объяснения любой человеческой деятельности как следствия деятельности универсальной жизненной силы.

31

Что касается свободы воли, то опыт подсказывает нам, что она полностью зависит от внешних предметов, существующих теперь или существовавших раньше, так как обязательно должна быть

причина, почему мы принимаем или отказываемся принимать какой-либо предмет. От этих же причин зависит наше представление о хорошем и плохом. Добро и зло — телесные тяготения, ведь мы не могли бы иметь о них никаких представлений, если бы не переживали того, что называем блаженством чувств, и другого, противоположного этому блаженству, состояния. Один и тот же предмет может показаться хорошим человеку темпераментному, и соответствовать заложенным в этом человеке с детства принципам и потребностям данного мгновения. Тот же предмет может показаться плохим в глазах менее темпераментного человека.

32

Из всего вышесказанного мы можем сделать о природе вселенной следующие выводы:

1. Существуют неделимые элементы, из которых жизненная сила составляет субстанции, называемые телами.

2. Жизненная сила — основа всей деятельности тела.

3. Атомы вместе с этой силой или движением составляют материю вселенной, иначе говоря, ту необходимую субстанцию, которая непрерывно создает различные изменения.

4. Любая деятельность животных и человека происходит отсюда же.

Если найдется кто-нибудь, не желающий признать справедливым это последнее утверждение, то пусть он наделит чудесную жизненную силу, таящуюся в человеческом организме, всеми свойствами, которыми наделяют в школе человеческую душу. И если кто-нибудь так и поступит, то это будет сделано не без основания, так как он сохраняет простоту природы, не совершает беспричинных усложнений. Если наоборот он откажется признавать жизненную силу и вместо нее при объяснении человеческой деятельности начнет говорить о выдуманной в школах душе, то тем самым он вместо фактов будет преподносить нам выдумки. А это является привычкой лишь никчемных болтунов.

5. Достаточной причиной существования каждого существа, иначе говоря, любого сочетания атомов и самой вселенной является сама жизненная сила и атомы, т. е. неизменная субстанция вселенной.

33

Изучая различные живые существа и чудесные творения природы, мы должны прийти к заключению, что во всей природе существует благородная сила, которая совместно с атомами и создает субстанцию, принимающую самые разнообразные формы и никогда не исчезающую. Если же встанет вопрос, является ли жизненная

сила субстанцией или только одним из свойств субстанции и отличается ли она от природы всего мира, то надо ответить, что это важная составная часть материи и не может быть отделена от атомов.

Мы даем такой ответ, основываясь на опыте, и при этом должны еще добавить, что эта благородная сила — это основа движения: жизненная сила отнюдь не отличается от всей остальной природы, а внутренне связана с частицами тел и соответственно природе под-держивает их движение.

Если мы хотим с еще большей уверенностью идти по избранному нами пути, но еще не знаем законов, по которым жизненная сила видоизменяется в различных телах, то мы можем утверждать с полной уверенностью, что, очевидно, в природе таятся достаточные причины существования каждого живого существа, и что чудесное устройство мира не дает нам никакой возможности предполагать существование высшей, отдельной от природы субстанции. А это, в конечном счете, означает еще, что доказательства существования бога, физические или метафизические, вообще ничего не доказывают.

34

Если мы возьмем, наконец, верования различных народов и философов, то прежде всего увидим, что лишь очень немногие дикие народы поклоняются высшей субстанции, отделенной от природы. Некоторые из них возносят молитвы солнцу, месяцу, звездам, другие поклоняются огню, третьи быку, псу, кошке, теленку и т. д.

Можно предположить, что народы, опираясь на одинаковую для себя веру, почувствовали необходимость в высшей субстанции, но не менее верно и то, что народы никогда не приходили к единому мнению о том, отличается ли бог от природы или жизненная сила, органически принадлежащая природе, и есть то, что люди боготворят, представляют себе как силу, распределяющую кары и милости.

35

Я знаю, что многие отказываются от такого метода при разборе вопроса о существовании бога, по единственной причине: ведь если мы скажем, что бог — жизненная сила природы, то как возник мир во времени? Ведь жизненная сила — вечна. И еще один вопрос: как может наступить конец света, как можно будет отличить человеческие души от частиц божественной субстанции, что будет со свободой воли и что станет с законами, обществами и религиями без этой свободы? Если кто-нибудь уже убежден в справедливости наших объяснений, но не хочет принимать этих выводов из них, то такой человек не заслуживает звания философа, так как в против-

ном случае он должен был бы все это согласовать с доказательствами существования бога и орудовать этими доказательствами, а не заниматься попросту болтовней о боге. А вообще, все может остаться так, как было до сих пор, если мы скажем, что жизненная сила и атомы создают в природе ту самую субстанцию, которую называют богом.

Глава 3

О происхождении мира

36

Все философы за немногими исключениями, занимаясь вопросом о происхождении мира, берут какую-то начальную точку, до которой, согласно их представлениям, не существовало ничего, кроме крайних причин, ничего общего не имеющих с природой мира. Подобное мнение царило повсеместно и только потому, что еще раньше было создано понятие конечного, применявшегося к действительно существующим вещам. Люди видели, как рождаются, дряхлеют, распадаются тела, что у каждого тела есть свой предел, и сделали из этого вывод, что весь мир заключен в рамки, а появился он внезапно из ничего по велению какого-то самого высшего, господствующего начала, подумали даже, что мир в его теперешней форме сотворен ловким мастером, создавшим его за несколько дней.

37

Если мы несколько внимательнее проанализируем понятие конечного, то мы увидим всю его несостоятельность. Конечным мы называем тело, так как оно по своей форме ограничено в пространстве. Нет ни одного тела в природе, за пределами которого не было бы еще чего-нибудь. В таком смысле в природе нет ничего конечного; мы даже должны сказать, что материя распространяется непрерывно, из огромного количества элементов и сложных соединений образуются различные, но совершенно определенные массы, которые в то же время являются не чем другим, как непрерывным продолжением все той же материи... Что касается однородных тел, то даже самые большие из них имеют границы, за каждой такой массой следует другая масса, различная по своей плотности. Земля в своей твердой части имеет неровную форму, океан заполняет ее впадины, а в конечном счете получается шар, за пределами которого следуют океанические массы воздуха; между земной атмосферой и Солнцем находится материя света, которая, по всей вероятности, происходит из Солнца; вокруг Земли вращается Луна, а вокруг

Солнца остальные планеты и кометы, а звезды, свет которых доходит до нас, показывают нам свой образ, из чего мы должны сделать вывод, что все пространство между неподвижными звездами заполнено каким-то жидким световым веществом.

Следовательно, материя вселенной нигде не кончается, а тела различной плотности непрерывно следуют одно за другим, и ни у одного из них нет такой границы, за пределами которой не может существовать другое тело. Значит, во всей вселенной нет такого тела, о котором мы можем сказать, что оно конечное, поэтому и само понятие конечности не имеет никакого основания. Каждый с большой легкостью может, таким образом, понять, насколько неправилен вывод, сделанный на основании проташенного контрабандой понятия конечности, и понятия о существовании природных границ мира.

Но если мы возьмем понятие конечности в другом смысле, то можем рассуждать лишь на основе следующей аналогии: каждое тело, каждая однородная масса ограничена в пространстве, но непосредственно за его пределами начинаются другие тела различной плотности; значит мир сам является жидким и твердым, и его ограничивают другие тела различной плотности, а если мы с этой же точки зрения подойдем к другим телам, то станет совершенно ясно, что мир бесконечен.

38

Если мы задумаемся над природой действительного пространства, то нам нетрудно будет понять и пространство вселенной. Предположим, например, что вселенная ограничена огромным шаром (такое предположение несостоятельно), представим себе еще пространство до конечной поверхности этого шара, предположим, что в нем находятся тела различной формы, размера и плотности. Не ясно ли в таком случае, что тела, касающиеся вогнутой поверхности шара, находятся внутри него? Представим теперь себе другие пространства вне этого гипотетического ограниченного мира. Не ясно ли, что эти воображаемые пространства также касаются поверхности шара, иначе говоря, их границы совпадают с границами действительного пространства, а значит, тела, находящиеся внутри него и касающиеся его внешних границ, одновременно существуют и в воображении, находясь на основании нашей гипотезы в нем самом, что уже совершенно невозможно, так как, будучи действительными телами, они не могут находиться в воображаемом пространстве, а значит, это пространство и вообще не существует. А из этого, в свою очередь, следует, что действительное пространство бесконечно и включает в себя бесчисленное множество тел.

Бесконечное количество существующих тел не противоречит понятию пространства; более того, бесконечность тел следует из этого понятия, тела могут комбинироваться между собой тысячами и тысячами способов, если внутри их действует постоянная активная сила; я говорю о той самой силе, существование которой было уже доказано во второй главе, в которой мы увидели, что она-то и является причиной всякого изменения. Составляющие вселенную тела, в которых заключена эта деятельная сила, могут соединяться между собой самыми различными образами и никогда не бывает, чтобы один и тот же состав повторялся дважды, как тысячи и тысячи комбинаций бесконечных чисел дают каждый раз иной результат и никогда не повторяются, что и доказано математикой. Мы не должны считать, что у вселенной есть конец, потому что некоторые ее части ограничены; математика учит нас, что из бесконечного ряда конечных величин могут быть созданы бесконечные количества.

40

Покончив с разбором основных понятий, посмотрим, какому закону следует природа в бесконечных комбинациях тел, а после рассмотрения и определения этого закона любой человек с легкостью поймет, что надо думать о происхождении мира. Основанная на здоровых и твердых основах философия требует, чтобы при разборе и изучении этих законов мы шли от малых величин к большим. Ведь человек рождается ребенком, и его детские поступки не имеют значения и никоим образом не связаны с обществом; ребенок растет с каждым телесным изменением; в зрелом возрасте поведение человека становится более совершенным, механизм его тела полноценнее, наконец, к старости деятельность человека совершает круг, и он опять превращается в ребенка; изменения его тела ясно показывают, что организм близок к распаду, и человек, после окончания своего жизненного срока, умирает.

Такой же круговорот проходят животные и растения. Хотя жизненные сроки этих субстанций различны, каждая из них после определенного времени приходит к концу. Человек иногда доживает и до 100 лет; животные не живут так долго, а насекомые еще меньше; жизнь некоторых растений бывает даже короче, чем у насекомых.

Астрономия показывает нам, что для затмения Солнца и Луны, для обращения Луны вокруг Земли, а Земли и других планет вокруг Солнца — для всего этого нужно необходимое время. Морские приливы и отливы происходят в известные часы дня в зависимости от дней и времени года. На основании наблюдений и подсчетов Ньютона и известного Галле нам стало известно, что кометы через определенное время возвращаются, а конец и начало четырех времен года происходит в определенные периоды.

Наблюдая звездную систему, мы убеждаемся, что, когда изменения тел зависят от многих причин, они происходят очень редко, а когда эти изменения связаны с немногими причинами, то они повторяются чаще. Каждая фаза Луны длится 19 лет, каждый цикл Солнца — 28 лет, длительность всех ночей в году всегда одинакова, Солнце каждый день встает и заходит и т. д. Из всего этого бросается в глаза, что все наблюдаемые в природе изменения могут быть разбиты на две группы: изменения, совершающиеся за время земного существования человека, и другие, о начале которых мы знаем, видим их продолжение, но мы еще не дошли до их конца и даже не можем сказать, повторяются ли эти изменения или нет. Ко второй группе могут быть отнесены многие явления, например, эклиптика постоянно меняет свой наклон к экватору, но нам еще не известно, закончилось ли это изменение.

Мы знаем, что во многих горных пластах происходит изменение ископаемых, но нам не известно ни об одном случае, когда бы железная руда там превратилась в золото или серебро. Наконец, к этим двум примерам мы должны добавить еще третий, изменения, связанные с наличием бесконечного количества тел, существующих во вселенной.

Предположим, что вследствие сочетания нескольких тел из бесконечного числа существующих получается новое тело; назовем его *A*, потом также получают и другие тела, назовем их *B*, *C* и т. д. По причине бесконечности таких образований число их тоже будет бесконечным, а это значит, что первый случай повториться никогда не может. В этом и кроется объяснение, что вселенная ни в какое время, ни при какой деятельности жизненной силы не может вернуться к тому, что уже когда-то было, так как всякое изменение есть следствие движения, а само движение, состоящее из суммы движений многочисленнейших тел, притягивает к себе и движение других тел, что совершенно ясно вытекает из законов механики. Приходится сказать, что в нашей вселенной изменения чередуются без конца все в новых и новых формах, и это будет продолжаться до тех пор, пока не окончится деятельность жизненной силы, вещь невозможная, так как жизненная сила по своей природе деятельна.

Если мы будем внимательнее наблюдать такие изменения, то путем сравнения мы можем понять некоторые важные явления природы, например, происхождение земли, животных, растений и минералов, а также нашей солнечной системы и т. д.

Но прежде всего надо говорить о происхождении вселенной. В связи с этим вопросом мы должны сослаться на вторую главу, в

которой мы убедительно доказали, что на основании опыта мы не можем обнаружить существования в нашей вселенной никакого высшего, отличного от других существа, так как сама вселенная существует, движется и меняется, вследствие деятельности жизненной силы, органически связанной с внутренней природой тел.

Если мы согласимся с этим принципом, то не можем никаким образом представить себе существование какой-то причины до существования вселенной. Еще менее мы можем допустить происхождение чего-то из ничего; в природе нет никаких следов такой возможности, так как все образуется путем создания новых комбинаций из уже существовавших ранее. Самые знаменитые философы: Демокрит, Левкипп, Эпикур, Лукреций, Анаксагор и все древние мыслители считали абсурдным, смешным тезис о происхождении чего-то из ничего; ни один из философов, ложно мыслящих из любви к вере, не смог никогда доказать противного.

Во второй главе мы показали, что достаточная причина всего существующего находится в жизненной силе, которой проникнута вся вселенная, иначе говоря, в неизменной субстанции, создающей материю, а так как вселенная действительно состоит из таких существований, то из этого следует, что она существовала с вечных времен, как существует и теперь благодаря деятельной силе, связанной с атомами. Значит, как нами это доказано во второй главе, все качества вечного существа объединяет в себе эта неизменная субстанция, а это, в свою очередь, убедительно доказывает и вечность существования мира. Подобное мнение только укрепляется абсурдными выводами сторонников противоположной точки зрения.

43

Из основной связи между телами и жизненной силой явствует, что всякое большое тело — такое, например, как Земля — состоит из конечных элементов. Для разрыва связей между отдельными частями такого тела понадобилась бы совершенно новая сила, которая могла бы притянуть друг к другу разбросанные в пространстве на небольшом расстоянии элементы для того, чтобы жизненная сила могла соединить их и сотворить из них новые тела. До образования тел их элементы были изолированно разбросаны в бесконечном пространстве на больших или на малых расстояниях друг от друга. Так как многочисленные явления свидетельствуют о том, что жизненная сила может притягивать лишь на малых расстояниях, то в предыдущем примере мы никак не могли понять, как соединяются в теле элементы под воздействием этой силы. Поэтому мы и представили себе иную, отдельную силу, никаких следов которой, однако, мы не обнаруживаем в природе. В последнем случае элементы, находящиеся друг от друга на небольшом расстоянии, образовали бы во всей вселенной лишь одно однородное тело, из которого

не могли бы происходить тела различной плотности, если мы примем предположение, что никакой особой внешней силы не существует.

Значит, мы должны прийти к выводу, что Земля, Луна, Солнце и т. д. с вечных времен образовывали массы такого же состава, что и в наши дни. К этому надо еще добавить, что эти тела, вследствие многочисленных изменений, имели различный вид, в зависимости от действия жизненной силы, составляющей сущность любого тела. В наши дни мы еще можем увидеть на земном шаре изменения, происходящие под влиянием жизненной силы, и трезвый разум не найдет ничего противоречивого в том, что после огромного количества больших и маленьких изменений земной шар достиг такого состояния, когда на нем появились определенные виды животных, растений и минералов. Разве нам самим не приходится наблюдать, как в сыре, если его оставить на воздухе, под влиянием тепла и сырости может появиться червяк? Рождаются такие маленькие существа с поразительной системой организма, мышцами и нервной системой, а ведь всем известно, что на трупах животных появляются и гораздо большие по размеру черви.

44

Каждый легко поймет, что значительные изменения на таком большом теле, как, например, Земля, могут осуществляться лишь при совокупной деятельности многих активных тел или под влиянием одного большого тела. Люди, знакомые с основными законами астрономии, скажут нам, что совершающиеся на Земле изменения были бы совсем другими, если бы Луна перестала быть ее спутником или, наоборот, появилось бы вместо одной несколько лун. В последнем случае изменения воздуха и морей стали бы так велики, что данное тело перестало бы соответствовать условиям, годным для жизни животных, воздух стал бы таким редким, что животные не смогли бы дышать, а реки, выйдя из своих русел, все разрушили бы и снесли.

Посмотрим теперь, под влиянием каких тел солнечной системы на нашей Земле создалась возможность для существования животных, человека и растений, и в какое время могло произойти такое изменение? Решить такие проблемы трудно. Мы могли бы ответить на этот вопрос, лишь точно зная число вращающихся вокруг Солнца планет, зная о том, какие солнечные системы еще существуют, и какова их связь с нашей системой, а также зная, не бывало ли и раньше на земле таких изменений, т. е. не возникали ли на Земле уже в давние времена растения, животные, люди, которые со временем погибли. Таких важных сведений у нас совершенно нет, поэтому нас удивляют дерзость таких исследователей, как Бурне, Вудворд, Линней, Декарт, Уитстон, Лейбниц, де Мейе, Рай,

Хук и Бюффон, которые объясняют, основываясь на одних лишь догадках, как образовалась Земля. Все эти господа говорят так, как будто они сами видели, как это происходило, может быть носясь верхом на хвосте кометы. Рассказы Моисея о сотворении мира больше походят на детскую сказочку, чем на систему мудрости.

45

Мы можем убедиться в том, что на Земле произошли такие значительные изменения, потому что она находилась под влиянием другой планеты солнечной системы, появились люди, животные, растения и минералы, если мы вспомним, что неизменная субстанция, атомы, проникнутые жизненной силой, никогда не развивают никакой другой деятельности, кроме распада и образования тел, и что, вследствие этих двух диаметрально противоположных родов деятельности, совершаются постоянные столкновения как между некоторыми телами, встречающимися на Земле, так и между большими телами нашей системы. Когда в 1680 г. на пути Луны появилась комета, то было просто смешно слушать, как религиозные астрономы объявили, что Земле не грозит разрушение, потому что божественное провидение так мудро расположило небесные тела в нашей системе, что они никогда не столкнутся. Разве не видят эти фанатически религиозные сектанты, что подобные столкновения, борьба между телами и элементами ежедневно происходят на Земле и вопреки даже божественному провидению?

Достаточно подумать, что может случиться, если к Земле приблизится комета, путь следования которой нам так же неизвестен, как и пути следования пяти миллионов других комет, принадлежащих, по словам известного ученого Даламбера, к нашей солнечной системе. Так вот, если подобная комета приблизится к нашей Земле, то Земля или приблизится или удалится от Солнца, из чего легко сделать выводы: в первом случае повысится температура и брожение в земле пойдет сильнее, во втором случае понизится температура, но и в том, и в другом случае облик Земли изменится.

Земля находится в процессе непрерывного брожения, а это не что иное, как непрерывное внутреннее движение. Самое ясное доказательство этого дано воздухом, освобождающимся из телесной темницы и заменяемого другим воздухом. Для того, чтобы Земля могла обеспечить размножение животных, рост цветов, возникновение минералов, необходима известная степень тепла, теперешняя плотность окружающего воздуха, но все эти условия должны измениться, чтобы на Земле мог возникнуть вулкан. Разве не тот же процесс мы видим в жизни червей, в их размножении и гниении? Природа одинаково ведет себя со всеми своими существами: соединяет отдельные части, разъединяет уже соединенное.

Еще в древности душой называли импульс совершающейся в нас деятельности, но природу души правильно определили лишь очень немногие философы, многие говорили о душе туманные вещи, а громадное большинство несло абсурд. Я считаю самым верным для ответа на этот вопрос метод, полностью основанный на строгих принципах анатомии, физиологии и механики, и намеренно избегаю заниматься трудными сторонами вопроса, доступными пониманию лишь немногих ученых. Поэтому я и приведу здесь лишь несколько общепонятных доказательств.

Мне кажется, что я убедительно доказал во второй главе, что жизненная сила является причиной всех движений, происходящих в главных телах, значит, в том числе и причиной движения Солнца, Луны, Земли, а также тел, находящихся в земле, минералов и растений. Значит никто не может подвергнуть сомнению, что любая деятельность этих тел зависит и происходит от жизненной силы. Тезис о том, что одна и та же жизненная сила является источником деятельности животных и человека, разобран нами во второй главе, и в обоснование его приведены серьезные доказательства путем сравнения одних явлений с другими. Еще яснее мы можем доказать, что душа, иначе говоря, импульс деятельности некоторых животных и особенно человека — ничем не отличается от жизненной силы, принадлежащей, по существу, к природе. Для этого надо только внимательнее разобраться в некоторых действиях или свойствах так называемой души.

Человеческое тело, неоспоримо, состоит из твердых частей: костей, мышц, нервов; последние в некотором роде и управляют массой, называемой мясом. Среди мясных частей разветвляются жилы, наполненные кровью, которая вытекает из сердца и циркулирует, а животное тепло, получаемое при дыхании, поддерживает ее в жидком состоянии; наконец, человеческое тело соединяется воедино хрящами.

В полости механизма как у животных, так и у человека находятся соответствующие органы, без которых животное не может жить. У каждого животного имеется очень тонкий нервный флюид * — его можно найти в любой части тела — он проникает в

мышцы, к нервам, которые постоянно возбуждаются внешними предметами. Таким образом, нервы становятся чувствительными, и эту чувствительность, возникающую в одном из нервных узлов, мы называем чувством. Проникновение нервного флюида, иначе говоря, тепла — флогистона — в нервы, уже возбужденные внешними влияниями, происходит по законам гидравлики, а именно, по закону капиллярных сосудов, из чего всякий мыслящий человек прекрасно поймет, что все чувства подчиняются тем же законам.

Но тут перед нами встает другой, гораздо более трудный вопрос: как внешние влияния могут воздействовать на мышцы и нервы, как проникает в них нервный флюид, который одновременно и увеличивает их и укорачивает расстояния от одного до другого конца? Для разрешения этого вопроса надо знать, что все нервы животного механизма представляют собой очень тонкие и длинные нити, в которых до сих пор ни один микроскоп не обнаружил пустот. Опыт нам подсказывает, что такие нити должны быть очень крепкими и эластичными. Но если мы анатомическим путем расщепим такую нить, то окажется, что каждая из них состоит из цилиндрических волокон, и мы приходим к выводу, что форма нерва цилиндрическая. Если мы возьмем, например, три цилиндрических тела и приложим их одно к другому, чтобы они представляли собой пучок, то каждое из них будет соприкасаться с двумя другими, точно так же, как могут соприкасаться две окружности. Значит, в середине пучка из трех нервных волокон имеется трехугольное пустое пространство, куда с легкостью может проникнуть нервный флюид, а если нервы эластично напрягаются или сжимаются под воздействием внешней силы, то форма полости изменяется, и нервный флюид, находившийся в ней до начала внешних событий и поддерживавший равновесие с другими частями тела, собирается в более широкой части полости и мешает нервам вернуться в первоначальное состояние, нервы напрягаются, происходит спазм, которая и рождает чувство. Из всего этого следует, что первое из свойств, приписываемых душе, может быть объяснено законом гидравлики, а также механическим устройством тела, благодаря которым жизненная сила действует во всей природе одинаково.

49

С какой бы стороны мы ни принялись исследовать устройство тела животного, замечаем, что равновесие в нем поддерживается давлением внешнего воздуха и обратных давлений воздуха, находящегося в легких, который и противостоит давлению внешнего воздуха.

Из этого нам легко понять, что равновесие между частями тела животного может быть легко нарушено самым маленьким внешним влиянием, заставляющим приводить в движение жидкие части организма. Это происходит, когда материя света проникает в наш глаз и вызывает в нем чувство зримости предметов, то же самое

случается, когда при любом прикосновении или звуке многие нервы тотчас напрягаются, так как нервный флюид стремится восстановить нарушенное равновесие. Вследствие всего этого, в человеческом теле непрерывно рождаются и погибают чувства, что должно быть легко понято каждым мыслящим человеком. Так вот, каждое из этих чувств нарушает равновесие в тонком организме животного, некоторые части, например, подвергаются такому сильному влиянию, что жизненная сила вынуждена дать отпор, не то в природе могло бы произойти математическое взаимное проникновение.

Борьба между давлением на части тела животного и давлением внешних предметов может быть названа физическим сознанием, благодаря которому мы и осознаем свое существование. Вследствие различных влияний, которым подвергаются нервы, возникают различные чувства, а с их помощью мы можем различать находящиеся вне нас предметы, а также свое тело от других предметов. Из этого видно, что у животных есть сознание, и нам нет необходимости притягивать за волосы какую-то духовную субстанцию. Воображение и память — суть не что иное, как производные чувства.

Если, например, повторяется движение нервного флюида, вызывающее чувство, то оно напрягает нервы совершенно так же, как если бы присутствовал предмет, вызвавший это чувство; это происходит в любом случае, когда испытываемое чувство было сильным. Опыт показывает нам, что мы с большей легкостью можем вызвать сильное или резкое чувство. Это происходит таким образом: нервный флюид при быстрых приливах и отливах к нервам сосредоточивается, а если это происходит с известной частотой, напрягает нервы так же и в том же направлении, что и раньше, хотя сам предмет отсутствует, но чувство, вызванное этим предметом, повторяется. Этот процесс очень похож на поведение реки, встретившей на своем пути препятствие, которое она обходит и продолжает свой путь в том же направлении. Такими или подобными способами мы можем вызывать давние чувства, потому что опыт показывает нам возможность возвращения чувства воспринимавшихся предметов, хотя бы в том случае, когда человек подвергается впечатлениям, похожим на первое чувство, чему мы можем привести бесконечное количество примеров. Этим и объясняется тот факт, что многие метафизические школы утверждают существование значительного родства между памятью и воображением, считая, что путем ассоциаций идей можно легко вызвать прежние мысли. Из всего этого можно заключить, что чувства не приходят нам на память, если в данный момент организм не подвергается никакому подобному влиянию, вследствие чего в организме животного и человека может возникнуть состояние, которое мы называем забвением. Из этих нескольких замечаний мы можем увидеть, что люди и животные имеют одно общее свойство и способность чувствовать, воображение и память зависят в них единственно от строения нервов и от деятельности нервного флюида. Значит, философы, считавшие животных автоматами, говорили вовсе не абсурд.

Зная, что люди обладают свойством воспроизводить образы предметов, иметь о них суждения и делать выводы, мы должны задать себе вопрос, не объясняют ли все это механическими пироболлическими и гидравлическими свойствами животного организма, которые и поддерживают животное тепло, творящее человеческую жизнь и происходящее от вдыхания воздуха, или уж нам все-таки необходимо признавать существование нематериальной субстанции, именуемой духом?

Сперва найдем природу представлений, порождаемых нашими ощущениями. Прежде, чем ответить на этот вопрос, мы должны отметить, что воображение — это не что иное, как изображение предмета, находящегося вне нас. Это изображение в совершенстве объясняется движением нервов, так как в этом и выражается способность чувствовать. Пример тому зрение. Как только свет, отраженный всеми поверхностями существующего вне нас предмета, проникает в наш зрачок и преломляется в жидкости глаза, он вызывает колебания в точке, расположенной таким же образом на сетчатке, как и внешний предмет, который поэтому отражается в ней в перевернутом виде. Происходит то же самое, что и с пучком света, проектируемым через две линзы телескопа на темную камеру; пучок изображает на белой бумаге предметы, помещенные напротив.

Таким же образом рождается в ухе представление о звуке, на небе рта — вкус, и все эти образы, как о том свидетельствует опыт, передаются мозгу, где начинает колебаться особый нервный флюид, напрягая самые тонкие нервы мозга и вызывая в них гораздо более тонкие чувства, чем в любой другой части тела. Этот необыкновенно тонкий материальный процесс философские школы называют духовным представлением. Но как может движение нервов создать изображение в душе, не имеющей материи? Эти господа никогда не смогут дать ответа на такой вопрос.

Что касается нас, то нам надо преодолеть всего лишь две трудности. Первая из них связана с вопросом: вызывается ли обособление нервного флюида мозга животным теплом или флогистонем? А вторая: состоит ли масса мозга из нервов, сходных со всеми другими нервами?

Что касается первого вопроса, то мы должны обратить внимание лишь на то, что возникающее от дыхания тепло постепенно распределяется между всеми частями тела, следуя при этом известным законам, от этого и зависит эластичность нервов, сокращение или удлинение мышц. Что касается второго вопроса, то на него может ответить любой человек, обладающий способностью мыслить, а именно, что материя мозга составляют гораздо более тонкие нервы, чем те, которые находятся в других частях тела, и хотя мы не можем их увидеть ни под каким микроскопом, было бы абсурдным отрицать их существование. Кто осмелится бы,

например, отрицать, что в яйце таится маленький тонкий организм, невидимые глазом нервы? Ведь при соответствующем тепле эти нервы напрягутся и из яйца появится животное с уже развившимися органами и гораздо более крупными нервами. Подобное сравнение говорит о том, что в мозгу существует большое количество крохотных нервов. Если предположить, что мозг пуст, значит — даже по заявлению представителей школ — он не способен к движению и к управлению другими частями тела, а образы и представления передаются душе не им. Это должно быть ясно каждому мыслящему человеку.

51

Теперь мы рассмотрим происхождение суждений. Мы высказываем суждение тогда, когда составляем или разграничиваем понятия или, согласно принятому в школах выражению, когда мы сказуемым утверждаем или отрицаем подлежащее.

Таким образом, суждения отнюдь не являются образами находящихся вне нас предметов. Суждение вне нас не существует, во всяком случае, в форме суждения; во внешнем мире существует два предмета, и как только их изображение рождается в нашем мозгу, суждение о них появляется в виде результата движения нервов и вслед за ним. Самые тонкие нервы в мозгу, существование которых мы уже доказали, состоят из очень сложной материи, чем и объясняется невозможность увидеть их даже под микроскопом: точно так же, как отдельные волокна не видны в связке, особенно, если таких волокон очень много и они очень тонки, так и нервы мозга уже не являются даже волокнами, они очень сложны по своему строению.

Таким образом, в теле, вследствие движения нервов, рождаются чувства, которые и доходят до самых тонких нервов мозга и приносят с собой или одновременное, или последовательное изображение предмета. Эти образы, в зависимости от остроты ощущения и вследствие сложности материи мозговых нервов, попадают в мозг следующими тремя путями: движение, или, правильнее сказать, пучок ощущений, передается примерно, как пуля, на которую одновременно действуют в одном направлении две силы; движение чувств сосредоточивается лишь в одной точке; наконец, силы, вызывающие движение, могут напрячь нервы в противоположном направлении. В первом случае суждение о результате очевидно, во втором — менее очевидно, в зависимости от большего или меньшего согласования чувств; в третьем случае мы должны выразить свое вероятное суждение сомнением, если сила чувств одинакова, но направление их противоположно, тогда одно понятие не может соответствовать другому, но и не отличается от него; иначе говоря, в таком случае возникает сомнение, и как только в нервах мозга прекращается это противоположное движение, то вместе с ним и

прекращается весь процесс. Но если одна из сил противоположных чувств превышает другую, движение нервов под влиянием нервного флюида склоняется на ту или на другую сторону, и в результате появляется более или менее вероятное суждение.

52

Следующее явление понять легко. Под влиянием нервов в мозгу появляется два образа, назовем их *A* и *B*, а вслед за ними два других образа, из которых один *B*, другой *C*, и если *B* отличается от первого образа лишь численно, то одно и то же чувство повторяется два раза, и напряжение нервов *B* будет больше, чем *A* и *C*. Но так как *B* может создавать суждение на основании совместного действия чувств, как с *A*, так и с *C*, то и чувство *A* может совместно действовать с чувством *C*, иначе говоря, в этом случае одно понятие примыкает к другому потому, что они оба связаны с третьим. В школах это называется следствием.

Все это ясно показывает, что понятия, суждения, следствия могут существовать в нашем теле без духовной сущности, отличной от природы. Нет ничего удивительного, что подобные сложные чувства постоянно возникают в жизни, а нервы тела напрягаются, следуя такому порядку, и тонкие нервы мозга получают импульс по трем указанным направлениям и на основании этого высказывают суждение.

Но так как подобные сложные связи не могут быть поняты во всей нашей нервной системе, то приведем сравнение, способное до некоторой степени осветить факты: если в воздухе возникает музыкальная гармония, то сам воздух — материя довольно твердая по сравнению с нервным флюидом — воспринимает огромное количество различных звуков и передает их без всякой помехи нашему уху. Так почему же раздувание нервного флюида, вызывающего напряжение нервов, не может вызвать в нервной системе гораздо более систематические движения?

53

Несмотря на то, что многие из затронутых мною вопросов не могут быть без знания физиологии полностью поняты, все-таки сделаем из них некоторые выводы, показывающие, что любая деятельность организма человека и остальных животных зависит лишь от механизма тела.

Природа, создав обычным половым путем механизм человеческого тела, тут же принимается растить его. При этом, на тело влияют самые различные окружающие предметы, уши воспринимают человеческие голоса, орган зрения подвергается постоянным впечатлениям, человек познает множество предметов своими органа-

ми чувств. Отдельные части механизма, таким образом, постепенно укрепляются, человек становится активным, может заниматься любой деятельностью в зависимости от того, каким образом он воспринимает своими чувствами предметы, соответственно влиянию внутренней структуры своего организма.

Стимулы возникающей таким образом деятельности, в свою очередь, порождают новую жизненную деятельность, это и есть причина поступков человека, которые он совершает с раннего возраста по повелению природы, и законов, свойственных механизму тела. В любом случае ясно, что во избежание последствий совершенного действия деятельность должна быть совершенно свободной. Но даже из этого краткого обзора видно, что человеческая деятельность в том смысле, как это понимают философские школы, отнюдь не свободна. Пусть никто не думает, что трудно понять, как рождаются в человеке бесконечные по числу и своему разнообразию поступки. Человеческий механизм находится в вечном движении, животное тепло непрерывно приводит в движение части этого механизма, кровь обращается, легкие выдыхают флогистированный воздух и вдыхают чистый, внутренние органы стараются поддержать равновесие с внешним миром.

Человеческий механизм работает в соответствии с давлением атмосферы, он отзывается легкими движениями на любое внешнее влияние, нервы получают стимулы; в зависимости от различных внешних влияний механизм выполняет огромное количество действий, подчиняется другим действиям, из этого и возникает многообразная деятельность человека и животных. Человеческий организм гораздо более развит; мозг человека, по-видимому, состоит из гораздо более тонких нервов, вследствие чего жизненная сила в человеке действует более совершенным образом, чем в животных, или, уточняя, мы должны признать, что у каждого животного имеется свое устройство, отчего и зависит различие в деятельности, жизни, половых отношениях и т. д. у различных животных.

В природе все одинаково совершенно, потому что все создано согласно с неизменным законом природы. До сих пор мы занимались лишь тем, что наблюдали явления, сравнивали их, выявляли действительные и достаточные причины этих явлений. Это было нам гораздо легче делать на основании нашей строгой системы, не наделяя человека благородной душой, а животных чем-то подобным, лишь более низкого уровня. Мы занимались деятельностью людей и животных, не ссылаясь на причины, о которых никто до сих пор не имеет действительного представления. Чванливый смертный! Освободись от всех предрассудков, которые были заложены в тебя со времен твоего нежного детства, выброси из головы порожденные невежеством воображаемые причины и ужасы, познакомься с источниками и природой твоей жизни: законы этой жизни так же обязательны для тебя, как для животных, растений и минералов. Природа в своей деятельности создала тебя, природа

и несет тебе разложение, чтобы создать червя и тем самым продлить свою созидательную деятельность. Не утверждай, что все животные, растения и минералы созданы для тебя. Лишь большей хитростью тебе удалось подчинить себе других животных, которых ты убиваешь, в которых ты отрицаешь существование бессмертной души и т. д. Источник и причина всего зла таится в человеческом обществе, в разделении этого общества по чинам и сословиям...

Глава 8

О необходимости общества

87

Опыт показывает нам, что ни одно животное не обуревают такие многочисленные страсти, как человека. Животные лишь в определенные периоды года чувствуют необходимость в совокуплении для воспроизведения себе подобных, а человек живет в постоянном беспокойстве. Животные относятся друг к другу очень спокойно: самка некоторое время кормит свое потомство, а как только малыши научатся заботиться о себе, она без всякого огорчения расстается с ними; мать беззаботно воспитывает малышей, они не причиняют ей никаких хлопот, любят ее, охотно и радостно играют с ней.

Род же людской склонен к чрезвычайной необузданности. Муж мучает жену, она же вдвойне воздаст ему за все свои мучения: ненавидит и изменяет ему, родители плохо обращаются с детьми, а дети так же ведут себя по отношению к родителям. Животные берут из окружающей природы лишь необходимое для жизни, а люди охотятся не только за пищей, но с озверением бросаются на любое богатство природы даже совсем им не нужное, и не могут никогда ничем насытиться. Все вышесказанное действительно для человеческого рода вообще, но существуют отдельные лица, представляющие собой исключение: например те, кто достиг высшей ступени философии, не подвластны яду подобных мучительных страстей. Из этого каждый легко может сообразить, что люди, не обуреваемые бесчисленными страстями, пребывают в лоне природы, подобно животным. Ведь жизненная сила по своей природе вызывает в теле движения, являющиеся причинами многих следствий, а это значит, что в результате движений в живых существах появляются некоторые свойства, различные между собой и противоположные. Таким образом, деятельность жизненной силы создает господствующих животных, наделенных большими или меньшими страстями, и еще таких животных, чьи страсти совершенно противоположны между собой. Поэтому люди, наделенные от природы

большим количеством страстей, чем остальные животные, страсти которых, так сказать, умеренные, уже с момента своего рождения господствуют над остальными животными. Люди хитростью поработили животных, загнали их в горы и в леса. Но одержанная над животными победа не успокоила людские страсти. Мужчины стали требовать, чтобы жены и дети уважали, любили, почитали их, одобряли каждый их поступок. От родителей и мужей эти стремления были восприняты женами и детьми; жены стали любить, не бояться мужей, а дети с такими же чувствами относятся к родителям. Любовь и страх заставляли женщин и детей выполнять все обязанности по отношению к мужьям и родителям. Так возникло первое общество людей, которое мы и назовем супружеским обществом.

88

Страсти, возникающие в супружестве, скоро поработили не только животных, но и людей.

Таким образом, человеческое общество стало тем, что в школах называют племенем. Когда же племена постепенно заметили, что в некоторых краях находятся многочисленные жизненно важные природные богатства, более или менее ценные, что некоторые страны имеют в изобилии продукты питания, а в других их не хватает, страсти толкнули людей к поискам лучших земель, богатых лесов, удобнейших мест для жилья.

Жажда приобретения плодородных земель привела к столкновениям между различными племенами. В те времена наука еще не была на высоком уровне, и племена, ставшие жертвой безудержных страстей, до такой степени захирели, что стали прибегать к хитростям: несколько племен договаривались между собой, чтобы напасть на одно какое-либо племя, которое, в свою очередь, обращалось к другим племенам за помощью. Таким образом, получилось, что все эти бандиты, способные употребить всю свою силу и волю на совершение любых преступлений, договаривались между собой с целью захвата плодородной или удобной местности, делая это совершенно так же, как разбойники договариваются для совершения какого-либо набега, как будто данная местность лишь для того и предназначена, чтобы принадлежать им. И эту несправедливость в наши дни в школе называют общественным интересом, а шайку ненасытных бандитов гражданским обществом.

Как только это общество уяснило, что в его интересах сохранить согласие, составляющее основу его существования, тут же были придуманы некоторые средства для укрепления этого согласия. Корни этих законов, как и гражданского общества в целом, питаются самыми порочными человеческими страстями. А для того, чтобы заставить уважать эти законы и подавлять внутри общества любую попытку смуты или бунта, понадобилась высшая власть, которую называли королевской властью. В разных цивили-

зованных странах, в зависимости от характера подданных этой страны, власть была захвачена или одним человеком, или разделена между несколькими, или же оказалась в руках всего народа.

В первом случае образовывалась монархия, во втором — аристократия, в третьем — демократия.

Первый же монарх, чтобы смыть с себя клеймо первого преступника и с большей смелостью и безнаказанностью обкрадывать своих подданных и соседей, в качестве ширмы придумал красивые титулы и стал требовать, чтобы его называли святым, великим, христианнейшим королем.

Король Давид, игравший на арфе и певший псалмы, прославился как человек святой и праведной жизни, а в действительности был страшным деспотом и безжалостным грабителем; Александр за свои несправедливые, захватнические походы получил прозвище Великого и т. д.

Историки и знатоки права много спорят о том, какой из способов правления надо считать более древним, и какой самым лучшим; мнения их по этому поводу сильно расходятся. Что касается первого вопроса, то я считаю монархическую форму правления самой древней. Серьезные науки тогда еще не были развиты и народы не заметили, что единоличная власть лишает их природной свободы, не заметили, что интересы народные чудодейственным образом подменились интересами королевского дома Бурбонов или Австрийской монархии.

Таким образом, люди слепо подчинились ничтожной личности, монархия воспользовалась людским невежеством, уподобляющим человека животному, чтобы утвердиться в человеческом обществе, даже в самой своей жестокой форме: деспотизме, который все еще процветает у невежественных турков. Что касается второго вопроса, то я считаю лучшей формой правления монархическую, но только в том случае, если правитель заботится о благоденствии своих подданных и облагает их податями лишь в случаях исключительной необходимости, живет в мире с другими правителями, поощряет развитие промышленности и торговли, награждает достойных своих подданных, наказывает злодеев. На тех же условиях подданным подходит и аристократическая форма правления, если правители республики уважают вышеперечисленные для правителей законы. Но если правитель становится тираном, а знать не заботится об общественном благе, то обществу угрожает ужасающая опасность. Опыт подтверждает, что монархическая форма правления самая устойчивая, а в самое последнее время это становится все очевиднее. Легко убедиться, что аристократическая форма правления хуже монархической, а опасность деспотизма угрожает монархии не больше, чем любой другой форме правления, так как она зависит от взрыва таящихся в людях природных страстей. Любой перегиб в ту или другую сторону причиняет несчастья подданным, угрожает им неизбежными бедствиями.

Все это может убедить, что общества возникают из самых презренных страстей человеческих, подобно тому, как в наши дни объединяются в шайки бандиты. Человек может освободиться от своих страстей, только постигнув высшую ступень философии. С самого начала человечество не могло к этому прийти или потому, что у него не было необходимых для просвещения способностей, или потому что в начале своей истории человечеству были известны лишь немногие явления природы.

Только долгое изучение этих явлений может подвести к принципам философии, а для этого даже в наши дни лишь немногие имеют достаточные способности. Люди непрестанно раздираемы желаниями и завистью, они терзают и преследуют друг друга, делая это или открыто, или тайно; один человек обманывает другого; все хотят командовать. Есть еще много страстей, непрестанно опустошающих нашу жизнь до такой степени, что человечеству грозит гибель, и оно вынуждено искать убежища в гражданском обществе. Из двух зол — последнее все же меньшее, особенно если общество имеет хороших вождей и хорошие законы. Таким образом, общество становится необходимым для всех (как необходимое зло) для сохранения и поддержания жизни, и в этом смысле гражданские законы святы, а значит, мы должны боготворить, страшиться, любить и уважать королевскую власть.

Но если человек одарен от природы превосходным телесным механизмом, позволяющим ему наблюдать и понимать все то, что показывает ему природа, то он должен преодолеть немногие трудности, чтобы подчинить себе некоторые терзающие его страсти, восторжествовать над ними, и тогда ему нет необходимости быть привязанным к обществу, он может жить, как ему хочется. Если бы теперешние правители и министры приняли такую философию, отказались от власти, предоставили людям одинаковые права и возможности и мирно пользовались бы тем немногим, что дает им природа, то тем самым пришел бы конец жестоким войнам, постыдным заговорам министров и королевских дворов и еще многим бедам, необходимо вытекающим из создания общества. Но таких философов пока еще очень мало. Основным естественным законом природы является ее непрерывная деятельность, и она беспрестанно и без разбора производит на свет дураков в любом сословии, среди мещан, знати, королей, наделяя их той или иной долей глупости. Предположим, что этих глупцов еще заразят иезуитизмом или враждебными человечеству религиозными учениями, то правитель из таких глупцов будет хуже самого кровавого тирана. Под предлогом общественного блага он будет совершать самые утонченные преступления, делать все противоречащее здравой философии. Если бы природа могла создавать людей, наделенных одними лишь добрыми свойствами, обладающих пре-

восходными способностями и лишенных всяких вредных страстей, то такие люди могли бы превосходно жить и без общества. Но общая для всех вещей мать-природа не способна к этому; поэтому и невозможна среди людей действительно философская жизнь. Лишь немногие, одаренные природой превосходными способностями и научившиеся путем долгой практики властвовать над собственными страстями, понимают необходимость общества. Но таких людей мало и они разбросаны по всему земному шару; они знают, что существование вне общества невозможно, терпеливо переносят любые законы общества, учат других подчиняться справедливости и сами они уважают законы того общества, в котором живут, чтобы не быть соучастниками беззакония, чтобы их не считали ни забегающими вперед, ни отстающими.

90

В истории человечества было много обществ, но ни одно из них не может считаться необходимым. Если гражданское общество хорошо организовано, иначе говоря, если правитель во всех случаях справедливыми законами заботится о благополучии своих подданных, а они аккуратно выполняют законы, то ни к каким особым средствам прибегать нет надобности. Но зло, таящееся в человеке, то самое зло, которое и привело к созданию общества, непрерывно препятствует миру и порядку: правители превышают власть, подданные проявляют непослушание, и хотя законодатели могли бы на одних лишь политических принципах возвести крепкую плотину против зла, они предпочли подпереть свою власть идеями божества. Цель этого — запугать мстительным божеством нарушающий законы народ. Как ни нелепа эта выдумка, успех ее был велик, больше, чем многих других подобных измышлений. Им даже удалось убедить народ, что власть правителям дана от бога; более того, основатели религии не постеснялись заявить, что один лишь бог может быть судьей их поступков, что сам бог предстал перед ними и через них творит чудеса, через них бог велит народу слушаться правителей, а ослушникам на том свете суждены за их неповиновение самые ужасные муки.

Так, основатели религии вступили на путь коварства, наполнили душу народную страхом перед божеством лишь для того, чтобы самим возбуждать ужас в других и спокойно удовлетворять свои властолюбивые желания. Но основатели религии, чтобы предстать еще более святыми перед народом, создали еще и папу, дав ему чин представителя бога на земле. Это нужно было для того, чтобы так называемые святые отцы могли совершать во все времена любые грехи. Моисей выдумал для своего народа безжалостное божество; другие основатели религий грешны иными прогрешениями; так, контрабандным путем было введено понятие святого общества,

если вообще можно это назвать обществом, ведь они ничуть не заботятся о народном благополучии, а лишь о бездумном существовании самих законодателей.

И еще смеют утверждать, что религия полезна гражданскому обществу, так как она внушает народу — а он-то и составляет огромную часть этого общества, — что нарушителей гражданских законов ждут на том свете вечные муки. Так удается держать народ в страхе, считая, что страх воспитывает хороших подданных. Однако, опыт нам показывает, что страх перед вечными муками способен лишь очень немногих заставить выполнять обязанности. Посмотрим лучше, сколько бед причинила людям религия.

За короткое время на религиозной почве вспыхнули ужасающие споры; религия породила враждебные друг другу системы, секты, взаимно извергающие на головы друг друга самые ужасные проклятия и беды, вплоть до угрозы исчезновения с лица земли; и это продолжается даже в наши дни! Наши предки испытали на себе весь ужас жестоких войн и кровопролитных сражений, причиной которых является все тот же источник религиозной заразы. И у нас имеются все причины бояться, что и в наш век могут повториться подобные несчастья.

Если мы серьезно поразмыслим над этими вопросами, то сразу же поймем, что религия не только не приносит пользы гражданскому обществу, а наоборот, мешает миру и взаимопониманию между людьми. Человеку, знакомому с принципами здоровой философии, не нужна никакая религия. Религия в народных массах часто вырождается в фанатизм. Считающие себя божьими избранниками фанатики ненавидят все, что не совпадает с их учениями, презируют всех, кто не принадлежит к их кругу, живут по выдуманным священниками законам, оставляя без всякого внимания действительные законы природы, хотя и притворяются, что верят в них; они во всем подражают своим учителям, которые носят маску святости и религиозной добродетели, как враги рода человеческого — иезуиты и монахи; все это — прямой путь к тому, чтобы превратиться в отбросы человечества. Против всего этого имеется лишь одно лекарство: вместо религии надо установить твердый порядок: на место духовных отцов в города и села надо назначить политических отцов, что могло бы действительно помешать преступности, так как иначе подданные лишились бы физической возможности нарушать гражданские и природные законы, а люди стали бы бояться вовсе не каких-то там религиозных кошмаров.

Кроме гражданского и религиозного общества люди объединяются и в многочисленные другие общества. Деспотические правители считают их вредными, преследуют их, называя тайными обществами.

Я не стану заниматься здесь вопросом о происхождении этих обществ, их историей и всеми перипетиями их существования; ограничусь лишь разбором их деятельности, из чего каждый, пожелавший узнать о цели существования этих обществ, сможет составить себе о них представление. Цели этих обществ различны, методы борьбы тоже. Я имел возможность познакомиться с такими обществами и считаю, что цель у них может быть лишь одна: несколько способнейших людей, приверженцев здоровой философии, убедившись в нелепости гражданского и религиозного общества, втайне, совместными усилиями начинают распространять учение этой здоровой философии. Они занимаются алхимией, не для обогащения и бичуют деспотизм правителей и стараются улучшить судьбу хотя бы тех, кто наделен от природы лучшим телесным механизмом. А если мы еще подумаем о том, с какой легкостью властители предаются упоению власти, жадности и другим нездоровым страстям, с какой легкой душой терзают своих подчиненных; если мы разберемся, как легко они находят возможность обирать под предлогом общественного блага народ и наживать себе огромные состояния, пускаются в несправедливейшие походы и завоевания, то мы не можем прийти к иному выводу, кроме того, что тайные общества полезны, так как ни один из их членов не служит правителям, а сами общества дают прекрасную возможность находить противоядие, спасти народное достоинство от жадности правителей, от их деспотизма и от зла, причиняемого духовенством.

92

Много условий необходимо для плодотворной деятельности таких обществ. Прежде всего, членами обществ достойны быть лишь люди способные и образованные, хорошо разбирающиеся в серьезных науках, обладающие врожденным человеколюбием, постоянно заставляющим их помогать в нужде ближним.

Из обществ должно быть изгнано властолюбие, их члены не должны различаться ни по знатности происхождения, ни по чинам; единственной связывающей нитью между ними служит справедливая философия. Члены общества должны приспособиться, как к неизбежному злу, к существующим законам, служащим общественным интересам, и с осторожностью противостоять законам, вредным для общего блага. Для этого они должны давать правителям советы, противоречащие вредным законам, увлекая их на путь более полезной деятельности. Таким образом, удастся спасти ближних от тяжести налогов и от других бед — следствий необдуманных законов правителей. Иначе говоря, члены обществ должны, не покладая рук, трудиться на благо своих ближних. Что касается религии, члены обществ должны проповедовать терпимость, хорошо зная, что одна религия стоит другой, и человек вовсе не повинен, что принадлежит от рождения к какой-то секте. Действо-

вать надо осторожно, не поносить гражданские и религиозные законы перед теми, чьи способности и воспитание не достаточно известны, потому что может вполне случиться, что люди, еще не постигшие прочных и величественных учений философии, избавившись от оков религии и гражданского общества, станут жить, подобно диким зверям, и превратятся в самых вредных членов общества. Будет гораздо правильнее, чтобы люди, рожденные под ярмом тирании, продолжали жить по привычным законам, и не нарушали без причины и смысла покой своих близких. Что касается религии, то перед тайными обществами стоит одна лишь задача: защищать людей от злобы священнослужителей, мешать представителям религии устанавливать тесные связи с правителем и тушить пламя фанатизма. Если тайные общества будут преследовать указанные цели, то они смогут стать панацеей от всех бед, причиненных обществу.

93

Но если легко убедиться в пользе тайных обществ, то также легко понять, что для создания таких обществ надо преодолевать невероятные трудности. Прежде всего, в гражданском обществе найдется мало людей — приверженцев истинной философии. Министрам и придворным вообще нет никакого дела до философских учений; как раз наоборот, они занимаются всевозможными интригами, так как их интересы непрестанно сталкиваются с интересами или их правителей, или народа. Они вечно охотятся за чинами, богатством, превыше всего ставят свои цели, обманывают и своих правителей; и за все это им еще иной раз после смерти воздвигают памятники. Священнослужители по шею увязли в разврате, они вовсе не желают заниматься истинной философией, ведя борьбу с другими сектами и защищая свою собственную теологическими вымыслами, в конечном счете они живут несознательностью народных масс. Что же касается манахов, этих червей человечества, они все свои силы кладут служению Венере и Вакху, живут, подобно животным, и лишь по внешнему виду напоминают людей. Немногие мудрецы, объединенные тайными обществами, могут принести лишь очень небольшую пользу, они чрезвычайно редко занимают ответственные посты, которые позволили бы им несколько чаще противостоять вредным законам слабых или злых правителей. А если дела обстоят именно так, то маленькому отряду философов лучше воздержаться от каких-либо тайных обществ, все равно они не смогут создать такого общества, которое могло бы развивать плодотворную деятельность. Существует еще одна большая трудность в организации тайных обществ. Как бы ни были разумны руководители общества, они не могут на практике обладать способностью, которая позволила бы им с полной уверенностью установить, кого из людей можно без риска принять в братство тай-

ного общества. Ведь может легко статься, что человек наденет на себя маску философа и нравственного человека, а в действительности хочет проникнуть в общество для обмана и измены.

По этим и подобным им причинам вряд ли можно себе представить, чтобы когда-нибудь могло существовать тайное общество, преодолевшее все трудности и обладавшее выше перечисленными хорошими качествами. Существовало, правда, когда-то несколько обществ, от которых человечество получило довольно большую помощь, да и в наши дни в Англии, Франции и Америке имеются еще подобные источники благодетений для человечества. Но все же все эти общества не имеют и половины необходимых им хороших качеств, многие из них постепенно перерождаются и не только не служат на пользу роду человеческому, но как раз наоборот — распространению самых опасных заблуждений и отвратительных преступлений. Переодетые монахами иезуиты исподтишка протащили и осуществили многие мероприятия, которые служат на пользу лишь им самим и во вред всему остальному человечеству. Нет на свете другого тайного общества, яд которого был бы опаснее отравы иезуитов, злоупотребляющих всеми видами религиозной деятельности. Члены четвертого ордена, как они сами себя называют, использовали тайну исповеди, чтобы узнать тайны правителей и государственных мужей и обратить себе на пользу полученные таким образом сведения. Без конца побуждали они католиков к фанатизму и слепой вере, развращали народ и знать, а себя заставляли считать святыми, чтобы убедить правителей и министров ничего не скрывать перед ними на исповеди.

Миссионерами отправлялись они в Америку, чтобы показать миру, с каким рвением распространяют они истинную веру, хотя в действительности преследовали цель обогащения, что им и удавалось. Сами они занимались науками, оставляя своих ближних в полном невежестве, чтоб с большей легкостью получить от глупцов то, что им казалось необходимым для их собственного счастья. Вообще же «Общество Иисуса» было действительно тайным и превосходно организованным для осуществления поставленных перед ним целей, в нем царил строжайшая дисциплина. Иезуиты преподавали и в публичных школах, что давало им возможность знакомиться с молодыми талантами и выбирать среди них тех, кто подавал наилучшие надежды, вербовать из них членов своего общества. Юношей подвергали достаточно длительным испытаниям, чтобы они успели достигнуть результатов в усвоении науки и научились обуздывать страсти, ненужные для иезуитов. В четвертый орден допускались лишь наилучшие и самые благонадежные. Солидарность между иезуитами так сильна, что ничто не сможет ее нарушить, пока существуют на земном шаре хоть два иезуита. Иезуиты гордятся своей солидарностью, а всем остальным обществам надо стыдиться отсутствия оной...

Ференц Кельчеи

(1790—1838)



Ференц Кельчеи (Kölcsey Ferenc) — поэт и выдающийся политический деятель эпохи реформ, оратор, основоположник и первый крупный критик венгерской литературы. Кельчеи происходил из дворянской семьи; образование получил в Дебрецене и Будапеште. В молодые годы он примкнул к движению «обновителей языка» и продолжительное время состоял в переписке с организатором этого движения Ф. Казинци. С 1812 г. и до конца своей жизни Кельчеи жил в своем имении. В 1829 г. он был избран нотариусом комитата Сатмар, а в 1832 г. — депутатом Национального собрания. В своих выступлениях Кельчеи неизменно отстаивал принципы общественного прогресса. В «Дневниках Национального собрания» (1832—1833) он изложил программу реформ. Кельчеи стал одним из признанных руководителей либерального дворянства. Не желая защищать неприемлемые для него консервативные взгляды, он в 1834 г. отказывается от депутатства. После победы реакции он отошел от политической деятельности, но в своих работах продолжал бороться за осуществление буржуазных реформ. В это время он написал ряд работ: «Политические записки» (1836—1837), «Исторические очерки» (1838), «Защита Вешелени» (1838).

Кельчеи оставил большое поэтическое наследие — стихотворения «Ракош», «Ванитатум Ванитас», «Тиран» и др. Стихотворение «Гимн», музыка к которому написана выдающимся венгерским композитором Ф. Эркелем, с 1847 г. является Национальным гимном Венгрии.

В 1826 г. Кельчеи вместе с П. Семере основал литературно-критический журнал «Элет эш Иродолом» («Жизнь и литература»).

В 20-е годы XIX в. Кельчеи создал свои лучшие труды по философии, эстетике, литературной критике и педагогике: «Греческая философия» (1823), «Письма о месмеризме» (1833), «Национальные традиции» (1826), «Школа и мир» (1826), «О комедии Кишфалуди «Охранитель девиц»» (1827) и др.

Греческая философия *

Фрагмент

Предметом философии является человеческая душа. Душа мыслит и желает, через мышление приходит к познанию; воля же побуждает к действию. В соответствии с этим, философия охватывает две области: человеческое познание и человеческую деятельность, т. е. пытается установить границы человеческого познания и стимул человеческой деятельности.

Мы можем подразделить все то, что служит неисчерпаемым источником, побуждающим человеческие души к исследованию, на две части. Одну из них составляет сама душа, а вторую — все то, что находится вне ее и дано ей через чувства, либо предполагается разумом. Человек не довольствовался тем, что дано ему непосредственно в чувственном восприятии, а превратил его в ступеньку для проникновения в сущность возможного. Смелый прыжок, не имевший, однако, иного последствия, кроме вечного блуждания, вечной внутренней борьбы и сомнения.

Человек не в состоянии, даже в душевной деятельности своей, освободиться от телесной оболочки. Случилось так, что прежде всего он обратил внимание на внешние предметы, а не на самого себя, ибо это последнее могло служить предметом мысли, первое же могло интересовать чувства. Философ видел великое, бесконечное, находящееся вне его и вопрошал: из чего, как и каким путем возникло это? Так начал он размышлять о мире, о происхождении материи, породившей его, и о причинах этого. Позднее он приблизился к самому себе и стал выяснять ту тайную силу, с помощью которой в нем неведомым путем осуществляется мышление и чувствование. И, наконец, он обратил свой взор на повседневную жизнь и, прослеживая деятельность человека, попытался постигнуть добро и зло, вскрыть конечную цель индивидуального и общественного бытия.

Становится очевидным, что предмет философии определенным образом сходен с предметом религии. Бог, мир, душа, мораль, счастье — вот те моменты, вокруг которых вечно вращается беспо-

койный ум, и, опираясь на которые, религия пытается дать нам *успокоение*, а философия — *удовлетворение*.

Видимо, еще во мраке самой отдаленной древности человечество, находившееся в начале своего развития, пыталось выяснить эти вопросы, и с тех пор как помнит человечество, в течение столетий, передавались от поколения к поколению традиции, в которых религия нашла свои основы. Для философии же эти традиции послужили лишь факелом, освещавшим дальнейшую дорогу вперед. Этим объясняется, что первая — устанавливает определенную границу человеческому познанию и в этих пределах допускает самопознание, т. е. требует признания веры; вторая — раздвигает границы познания до бесконечности и предоставляет человеческий разум самому себе, давая ему возможность самому устанавливать предел познания этой бесконечности, и постигать все то, к чему он стремится. Именно в этом и состоит различие этих двух пастырей человеческого сердца и разума; первая повелевала и вела к цели, вторая же предоставляла свободу и не мешала заблуждаться.

Путь исследования был тернист, каждый шаг приносил все новые трудности. Трудности вызывали борьбу, поиски и раздумья; размышление приводило к сомнению, а сомнение заставляло настойчиво искать. И вот тут предмет философии и религии расходится, ибо настойчиво ищущий, одолеваемый многочисленными сомнениями и не нашедший удовлетворительного ответа философ вновь возвращался к основам чувств и знания: есть ли абсолютно достоверное знание, существуют ли вещи, в которых можно его искать, имеется ли путь, чтобы найти его?

В ответах на поставленные вопросы заключается своеобразие любой самостоятельной философии, в зависимости от того, считал ли философ возможным познать истину либо нет. И каким путем он предполагал найти пути этого познания, различались и учения о душе и ее чувствах, а также о результатах, данных этими чувствами и знаниями.

Имеется два пути для постижения истины, объявляемой Платоном конечной целью философии: опыт, приобретенный посредством чувств, и мышление, основанное на врожденных идеях. Философия опыта (эмпиризм) связана с чувством и тем самым привязана к телесному, однако телесное обладает узкими рамками, философа же интересует душа. И очевидно переход от физического к душе, т. е. от телесных предметов к духовным, от ощущающей природы к только мыслящей — крайне труден. Едва разум исследователя покидает пределы опыта, как перед ним возникают тысячи сомнений, неясностей, кажущиеся и действительные противоречия.

Хотим ли мы, подобно Сократу, снова ограничить себя узкими рамками? Дух исследователя редко смиряется настолько, чтобы стерпеть ограничение. Он занят поиском ключа, нити, светильника, создает гипотезы, предпринимает смертельные скачки, и если не

добивается ничего, готов скорее предаться упорному сомнению, нежели довольствоваться незначительной степенью достоверности. Такое сомнение и наступило, едва лишь философия занялась исследованиями. Философам стало ясно, что опыт не ведет к определенным знаниям. *Физическое обманчиво, источник знания заключен в самой душе*, заявляли они. Так, на руинах эмпиризма возник идеализм. Не естественно ли, что душа, позволив себе раз усомниться в опыте, теперь все подвергает сомнению.

Идеализм бесчисленное множество раз приходил в противоречие с чувственным опытом. И все же, ему за пределами опыта никогда не удавалось выдвинуть более веские и более убедительные гипотезы, по сравнению с эмпиризмом. И разве не естественно было объявить оба принципа ложными? И поэтому в истории философии скепсис, сомнение исследователя — неизбежно. Оно появилось в двух разновидностях. В одном случае утверждалось, что ничего нельзя никаким путем познать, постигнуть, понять (акатаlepsия); в другом случае скромно заявлялось, что, поскольку с одинаковой убедительностью можно доказать реальность и нереальность всего на свете, то люди никогда не смогут с полной определенностью утверждать или отрицать какие-либо положения (пирронизм).

Можно заметить две вещи. Во-первых, что в философию неизбежно должно было проникнуть сомнение; во-вторых, что с проникновением сомнения в философию, последняя утратила свое высокое назначение, ибо теперь основным, главным вопросом стала не разгадка вещей, которая волновала человеческие сердца, а попытка установить, способна ли человеческая душа познать нечто, вернее даже, имеется ли нечто в человеческой душе либо вне ее, что мыслит или исследует. Это вопрос, с которым приходится сталкиваться каждому философу, каким бы путем он ни думал идти и который вот уже сколько веков остается нерешенным и всплывает вновь и вновь с появлением любой философской школы. Он поверг в вечную неспределенность теоретические положения философии и более того, оказал пагубное влияние на ее практическую сторону. Принцип, приведший к сомнению в познании, внес путаницу и в понимание действия. Споры о добре и зле, о прекрасном и безобразном, о счастье и несчастье привели к развитию опасного индифферентизма. Все это явилось следствием поиска, без поиска же нельзя представить себе философию. До тех пор пока по традиции либо без нее отдельными лицами устанавливались некоторые моральные либо понятийные категории типа закона или утверждения, все это было далеко от философии. Первым философом был тот, кто впервые отважился опереться на свой, человеческий разум и попытался в его пределах отыскать в природе причины, на основании которых можно возвести или низвергнуть принципы. Наиболее зримые следы философии, соответствующие такому определению, можно найти у греческого народа.

Стоит ли вопрос о том, что есть то, оу «Ding an sich», идет ли речь о вселенной, боге, душе, о человеческой деятельности, об индивидуальном и общественном, перед ограниченным человеческим разумом непременно открывается определенное число путей, из которых он может выбирать по своему усмотрению, открыть же иные, кроме имеющихся, ему не дано. Все возможные пути были в разное время исхожены греческими философами. Именно поэтому греческую философию следует рассматривать как школу, из которой вышли все более поздние философские течения. Все те принципы, на которых основаны замечательные теории Декарта, Спинозы, Локка, Лейбница, Канта и прочих философов, были вновь извлечены на свет из доставшегося нам от греков наследства. И разве не достойно нашего внимания тщательное изучение столь важного наследия?

Патриархи греческой философии олицетворяют традицию, ставшую святой. И здесь, как и повсюду, выступили на первый план те предметы, которые скрыты от нас в окружающей природе и которые человечество, задумываясь над своей судьбой и будущим, с самого начала считало важными: происхождение мира, божества и загробной жизни. В соответствии с греческим представлением (объединенным в орфическую систему, передаваемым из поколения в поколение мистериями и воспетым поэтами с теми или другими изменениями) — мир вечен, он берет начало в беспорядочном перемещении, содержащем в себе зародыш всех вещей, в так называемом хаосе. Где впервые родилась эта мысль? — тщетно было бы гадать.

И если человечество на самой ранней ступени своего существования располагало более или менее точными сведениями относительно происхождения своих предков и их места проживания, оно передало их последующим поколениям. Очевидно, это древнее предание намного проще, чем учение о хаосе. По всей вероятности, в первоначальном представлении в основе вещей признавалось некое однородное начало, например, вода, которая, по Моисею, некогда заливала всю землю. Ведь наивные предположения старины естественно приводили к тому, что началом всех вещей следует считать то, от существования которого зависит и место жительства человека и урожай. Со временем некто, размышляя, должен был поставить вопрос: каким образом могло случиться, что из однородного начала произошли не только различные, но и противоположные вещи?

В результате этого ставший на путь исследования человеческий род пришел к понятию «хаос». И поэтому наверняка мы не можем исключить из области философии это понятие, как будоражившее человеческий разум или по крайней мере стремившееся будоражить его.

И поскольку мы занялись историей философии, оно заслуживает нашего пристального внимания.

Всем известны знаменитые стихи Овидия, в которых в самом начале «Метаморфоз» этот хаос изображается следующим образом:

Некогда море, земля и над всем распростертое небо,
Лик был природы един на всем пространстве вселенной,—
Хаосом звали его. Нечлененной и грубой громадой,
Бременем косным он был,— и только,— где собраны были
Худо скрепленных вещей семена разнородные вместе.
Миру Титан никакой тогда не давал еще света,
Не возрождала рогов, назревая, и новая Феба.
В воздухе легком земля, обтекаема им в равновесье
Не повисала еще, и над длинным земным океаном
Рук в то время своих не простерла еще Амфитрида.
Там, где суша была, находились и море, и воздух,—
И ни на суше стоять, ни по водам нельзя было плавать.
Воздух был света лишен. Постоянными не были виды.
Все пребывало в борьбе, затем, что в теле едином
Холод сражался с теплом, сражались с сыростью сухость.
С мягкостью твердость, и то, что весомо, с тем, что без веса.
Бог или природа, верней, конец положила раздору.
Небо она от земли и землю от вод отрешила,
Воздух густой отделила она от прозрачного неба.
После же, их разобрав и из груди слепой их извлекши,
Бывшее в разных местах — связала согласием мирным *

Бейль отмечает особо в этом повествовании четыре ошибки и решительно выступает против них. Во-первых, он утверждает, что невозможно представить хаос как целое, заключающее в себе различные и противоположные друг другу элементы, считая в то же самое время его однородным (гомогенным). Во-вторых, говорит он, невозможно, чтобы противоборствующие друг с другом различные силы и тяжести частиц могли бесконечно пребывать в смешанном состоянии, ибо тела различного веса через короткое время должны обязательно занять различное положение и таким образом разделиться. А в-третьих, продолжает он, поскольку, по только что упомянутой причине, материя, обладающая движением, в силу необходимости должна сама по себе развиваться, постольку нельзя утверждать, что подобная работа происходит с помощью божества. И в заключение он отмечает, что утверждение, будто божественная сила усмирила враждующие стихии, несостоятельно, так как последние и до сего дня неустанно продолжают противоборствовать во всей природе, как вне человека, так и в нем самом.

Первое и особенно последнее возражение, относящиеся к поэтическим образам, не требуют, чтобы на них задерживались, тем более, что единый облик, приписываемый природе, не однороден, ибо представляется совершенно естественным, что в смешении не могут выделяться различные формы. А наступивший покой среди

стихий значит лишь, что выделившиеся вещи не мешают больше проявлению своей формы и деятельности. Два средних возражения, касающиеся самой природы хаоса, заслуживают более детального рассмотрения.

По-видимому, универсальным принципом философии греков было положение: из ничего ничто не возникает. Поэтому, говоря о происхождении мира, они всякий раз признавали материю вечно существующей.

Хотя несовершенным разумом, собственно говоря, невозможно представить вечное существование, тем не менее, вещи, представляющиеся нашему взору, легче предположить вечно существующими в своей материальной субстанции, чем, опираясь на законы человеческого разума, предположить совершенно не связанную с миром идею или силу, которая самостоятельно, лишь благодаря своей воле, создает нечто такое, чего ранее не существовало. В действительности, можно сомневаться, если во всем проявлении человеческого разума все же имеется хоть одна ступень, на которой становится возможным подняться до подобной мысли, до собственной идеи сотворения. Бесспорно лишь, что ни один философ не поднимался до такого уровня без [помощи] вдохновения. Правда, Гераклит утверждал, что если материя не создана богом, то он не мог придать ей форму, и что Платон действительно считал материю сотворенной богом. Однако следует сделать два замечания. Первое — у Гераклита была тысяча возможностей познакомиться с учением христианских авторов, а через них с идеей сотворения мира. Второе — приписываемое им Платону полностью опровергается рукописями последнего, а также свидетельством всего древнего мира. Неоспоримо, что идея сотворения из ничего не стояла на пути греческой философии, и можно было бы задать вопрос: вообще, была ли философия, которая столкнулась бы с этим вопросом. Разве не очевидно, что сами христианские философы, разгадавшие тайну происхождения мира — например Декарт — исходили из того, что вначале была бесформенная материя, из которой под действием заключенных в ней сил закономерно развивалась следующая форма.

Ежели человеческий разум, направляющий философа, может дойти до утверждения, что материя возникла из ничего, то почему ему не предположить, что материя, возникающая по мановению палочки из ничего, с первого же мгновения не появилась в совершенном виде? Можно сказать, что подобная трактовка свела бы на нет любую философию, которой нужно оперировать естественными силами и избегать ссылок на сверхъестественное божественное вмешательство подобно тому, как это требовал Гораций. Однако признаемся, что если материя призвана облачиться в определенную форму, не было бы более последовательным, размышляя по-человечески, облачить ее с самого начала в то, что с трудом достигается химическими процессами, путем тысяч вариантов разложения и

соединения в течение столетий и тысячелетий? Для чего понадобились всемогущему духу, пожелавшему создать мир, атомы Картезиуса? Для чего нужны были монады Лейбница? Разве всемогущему было бы труднее создать сразу готовый мир, чем единственный атом, либо одну монаду? Нет, это понадобилось не всемогущему, а философии. А поскольку философия вначале не может обойтись без материи, то что же может быть более правильного, что лучше всего согласуется с наукой, которая стремится идти вперед при свете человеческого разума? Разве этому соответствует желание возложить половину дела на всемогущего? Или же предположить существование материи вечно? В первом случае, могуществу творца приписывается меньше, чем предполагает его идея, а во втором — непостижимость извечного бытия уравнивается сознанием того, что оно сейчас существует, а раз так, то можно предположить его существование в бесконечно отдаленное время.

И таким образом, несовершенный ум через аппроксимации познает вечность, по крайней мере ему это так представляется в то время, как примыслить себе возникновение из ничего он никак не в состоянии, подобно тому, как не может себе представить, что было время, когда ничего не существовало: ни пустоты, ни пространства, словом, ничего такого, что могло бы служить предметом возможных чувств либо мыслей.

Совершенно естественно, что человеческий разум наделил материю вечным существованием и, поскольку замечал, как изо дня в день разрушались формы, естественно заключил, что было время, когда нынешние формы не существовали. Эта вера получила твердую поддержку также в древнейших преданиях. Таким образом, не пришла ли она произвольно? И можно спросить, не пришла ли она закономерно, чтобы предположить, как и мысль о хаосе, вечность материи и далекое начало форм в качестве двух основных истин.

Гипотеза о том, что в первоначальной субстанции были смешаны элементы различного веса, неизбежно предполагала насильственное смешение, беспорядок и возникающие отсюда брожение и внутреннюю борьбу. Самый кратчайший покой привел бы наверняка все частицы на свои места, в соответствии с их весом, и как следствие этого возникли бы формы в своей полноте, а мир предстал бы в готовом виде. Итак, если бы с самого начала покой, подобно материи, был бы вечен, то наверняка формы также находились бы в извечном состоянии. Так как человек из опыта знает, что не может существовать форма, не имеющая начала, то в идее хаоса, даже не будучи ясно выраженной, неизбежно заключена некая мыслящая сила. Эта сила заставляет соединиться в круг частицы, которые, вследствие различия в весе, стремятся на различные места. Это можно сравнить с тем, что происходит в еще не перебродившем вине, содержащем частицы, которые потом должны

быть отделены. Отсюда следует, что вечно наблюдающееся смешение элементов находит прекрасное обоснование в гипотезе о хаосе.

Однако, как замечает Бейль, из этой структуры с неизбежностью вытекает, что материя, состоящая из частиц различного веса, находящихся с самого начала в движении, развивается без божественной помощи, благодаря своему собственному движению. Вопрос лишь в том, считать ли этого бога и эту природу, которые упоминаются у Овидия, внешней по отношению к материи силой, либо под этим разумеет силу, действующую внутри материи, т. е. понимать под этим борьбу элементов, скрытых в материи, движение самой материи, стремящейся к развитию?

Именуемая Овидием «добрая природа» не была одним из тех богов, что почитались народом. Сами эти народные божества берут начало в недрах хаоса, ибо оттуда вышли море, земля и небо, породившие их. Не это ли подсказывается мыслью, что божество и природа, упорядочившие хаос и именуемые в мистериях Деминуром, были не чем иным, как универсальной силой, пронизывающей всю материю, и что всюду почитаемых богов, собственно говоря, можно рассматривать лишь в качестве индивидуализированных проявлений этой универсальной силы. Этим объясняется и данное одному из богов имя Пан, что значит «все», т. е. всю природу, подразумевая при этом природу, в недрах которой бурлит энергия. О Пан, поется в одном из древних гимнов, призываю тебя на помощь! О могучий бог! О вся природа! И небо, и море, и вскормившая всех земля, и вечный огонь, ибо они частица тебя, о всемогущий Пан!

Греческие божества не только никогда не выступают в роли творцов вселенной, но и ни в одном из преданий они не изображаются в качестве полных властителей мира. Даже у Гомера сам Зевс, могущественнейший из богов, открыто признает над собою власть, полную таинства, неизменной силы, именуемую судьбой, роком. Эта судьба, этот рок неумолимо господствует всюду, как об этом говорится во всех греческих преданиях, завещанных потомкам. Что иное может означать эта, держащая даже богов в своем повиновении, сила, как не вечный порядок, на который с самого начала опирается природа, с непоколебимой верностью следующая своим закономерным движением. Извечный порядок возникает из движения элементов, составляющих материю, которые движутся каждый в своем направлении. А сила, что создает это движение и направляет его к цели, которая, по-видимому, заключена и бурлит в самой материи, именуемая богом, упорядочивающим хаос. И вот тут и обнаруживается источник, из которого возник в столь многочисленных философских системах и представляется в столь многообразных формах, пантеизм — учение, согласно которому весь материальный мир создается полностью божественным началом.

Многобожие (политеизм) по своему характеру также есть не что иное, как пантеизм, ибо сила, охватывающая всю природу, получила, в соответствии со своей разнообразной деятельностью, наименование различных богов.

Совершенно естественно, что начавший уже присматриваться, но все еще впотьмах, ощупью пробирающийся человеческий разум, созерцая бьющую отовсюду ключом жизнь, вечное произрастание (несмотря на тленность и преходящий характер), видя великие надземные и подземные преобразования, проявляющиеся с удивительным великолепием либо с потрясающим насилием, задумывался над могучей силой, превосходящей человеческие возможности. Но разве было бы естественным сразу же искать эту силу где-то вне материи? Какая причина могла бы заставить его предполагать наличие внешних импульсов там, где ему приходилось наблюдать лишь движение, развитие, идущее изнутри наружу? Прежде, ему предстояло глубоко проникнуть в универсальные цели простого движения, соразмерить материю с заключенными в ней силами и их следствием, чтобы ясно уловить целесообразный смысл в деятельной силе и прийти к сомнению, нельзя ли, не нужно ли этот целенаправленный смысл отделить от материи? Подобная концепция не могла сразу же возникнуть даже в период, когда философский анализ получил уже широкое применение. Тем более это верно по отношению к преданиям, большей частью основанным лишь на предположениях. Именно поэтому упоминающихся как в легендах, так и в древнейших философских системах богов, никогда не выступающих как нечто самостоятельно существующее от материи, всегда надо воспринимать как реальную материальную силу.

Всякий раз, когда человек начинал задумываться над происхождением мира и божества, он, хотя и смутно и неосознанно, исходил из самого себя.

Занимаясь исследованием происхождения вселенной, он пытается найти в нем объяснение своего происхождения. Желая познать божество, он стремится сделать возможным в нем поклонение властителю своей судьбы. Что же могло быть более необходимым, чем соединение этих двух положений с третьим, несущим человечеству успокоение относительно его будущего? Любовь к жизни в любом живом существе совершенно естественна. Именно эта причина делает жизнь милой, а смерть — ужасной. Но как бы ни была мила первая и ужасна вторая, судьба неизбежно сменит первую второй. Неизбежный рок делает невыполнимым всякое желание добиться вечной жизни. Но разве человек не видел, что в земной обители, кроме него, другие вещи так же преходящи, и при этом действующие в этих вещах силы не превращаются в ничто?

Так, некое тело, существовавшее и двигавшееся в определенной форме, утрачивает свой прежний облик, и заключенные ранее в нем активные силы обретают новые, иные формы и продолжают

свою деятельность в более или менее измененном виде. Разве человек не чувствовал и в своем теле подобные силы?

И его наблюдения о сохранении сил соединялись с неугасимой жаждой жизни. Не достаточно ли это было для того, чтобы он мог представить себе возможность потусторонней, загробной жизни? Но что должна была бы представлять собою жизнь в другой форме, по сравнению с теперешней? Человеческие желания привязаны лишь к прежним, и в те далекие времена не могло бы быть и речи о внутренней силе как о духовном существе, полностью отличающемся от телесной оболочки, которое могло бы сохраниться само в себе. Таким образом, примитивность мышления переносила формы здешней, земной жизни в ту, иную жизнь. Так возникла вера в бессмертие: легенды о счастливых островах и елисейских полях. Смертный, побывавший в могиле, сохранял затем в этих местах не только свой облик, но свои наклонности и надежду на возвращение к земной жизни через некоторое время, подобно тому цветку, который осенью увядает, а весной снова распускается. Мысль об этом возможном возвращении в каком-то смысле напоминает учение о переселении душ, которое впервые было перенесено из Египта в Грецию Ферекидом. Несомненно, что он имел в виду переселение душ, а ведь именно ему первому приписывается провозглашение бессмертия. Последнее находит отражение в мистериях древнейших времен, что наиболее ярко сделано Гомером в описаниях подземных странствий Одиссея.

Греческая философия не содержит, правда, ничего о происхождении противоположных друг другу физических и моральных начал — добра и зла, о которых упоминается в мифах многих древних народов. Человечество очень рано начало задумываться над этим предметом. И в ходе рассуждения по этому вопросу у древнеперсидских теологов было разработано учение о двух началах, согласно которому одно из начал может порождать лишь добро, а второе — одно зло, так как им представлялось невероятным свести к одному и тому же источнику вещи, находившиеся в таком противоречии друг к другу.

В заповедях Моисея доброе начало заключено в самом божестве, сотворившем весь мир; что же касается творца зла, то последний объявляется хотя и могущественным, но все же сотворенным существом.

Этот и многие другие примеры подобного рода свидетельствуют о глубине желания человеческого сердца, направленного на решение этого вопроса. Они заслуживают упоминания, поскольку об этом в столь обширном наследии, которое оставили нам греческие философы, ничего нет.

Хотя почитание многих богов вызывали у них сомнения своими внутренними противоречиями, однако подобного объяснения не дается, поскольку божественные силы сводятся к единому источнику. Как видим, в данном случае имеется указание на то, что, как

нами утверждалось выше, описываемая в мистериях сила, создавшая мир, является не чем иным, как полной деятельности природы, рядом с которой невозможно поставить никакую другую силу, поскольку она уже однажды утверждена как самостоятельное начало.

Таким образом, добро и зло также должны неизбежно проистекать из одного источника. И человек, вследствие вытекающей отсюда необходимости, должен был слепо подчиниться вечному порядку, изменить который он не в состоянии.

Итак, мы снова приходим к идее фатальной неизбежности, которая находится в тесной взаимосвязи с единством начал и которая пронизывает собою с незапамятных времен многие философские системы.

*Заметки о религии**

Религия с первых же своих шагов призывает к счастью, даже делает людей счастливыми, а где благодаря условиям человеческой жизни это невозможно, она утешает и внушает надежду. Надежду, утешение и счастье могут нам дать лишь те, кого мы считаем справедливым, настоящим, непогрешимым, именно это мы чтим; идея справедливого, настоящего, непогрешимого и почитается нами как священная.

Таким образом и религия должна быть для нас священной, если мы хотим найти в ней покой и счастье. Но религия должна быть перед нами завуалированной, сдернуть покров с нее нельзя, а когда философия стремится к этому, то обнаруживает либо дурман, либо обман. Совершенно понятно, что настоящий философ, к каким бы результатам ни привели его рассуждения, не может оставаться спокойным. Но ведь здесь речь идет о счастье того большого народа, который мы называем человечеством, а если даже предположить, что философия может привести к более верным и разумным результатам, чем религия и вера, то приходится задать себе вопрос: какая часть рода человеческого обладает достаточной силой для анализа и самоуспокоения, а также для того, чтобы вынести просвещение? Нет ничего легче, как отнять у кого-нибудь веру, но и нет ничего тяжелее, как успокоить сомневающегося. Ведь вера, если ею охвачено сердце, не жаждет расследований, а сомнение может быть успокоено только через уверенность.

Без исследования нет науки, а без науки — культуры. Но вы хорошо знаете, что настоящая наука доходит лишь до одного человека из многих тысяч, а ее благодеяния делаются достоянием миллионов лишь через обратное отражение. А ведь эти миллионы ни в чем так настойчиво не нуждаются, как в религии, и в такой религии, за которую они могут цепляться, которая может взять их за сердце, привести к кротости и нравственности, а затем и к счастью.

Правильно говорит Монтескье, религия заставляет поклоняться тому, что нужно душе, для того, чтобы верующие еще сильнее

к ней привязывались. Народ, творящий себе божество из мрамора, дерева или соломы, видит в нем лик божий, но когда знания народа расширятся и он поднимется выше по ступеням культуры, то заметит бессилие созданных им богов и сделает, как Диоген: когда боги не снизойдут к его мольбе и не дадут ему огня, он разрубит на куски деревянных идолов и согреется у костра, на котором они будут гореть. Поклонение духовному идеалу есть следствие повышения культуры, доступное пониманию лишь философски углубленному мышлению и не имеющее никакой привлекательности для среднего человека.

Идея теизма могла зародиться лишь в мозгу философа, и даже смысл, обобщающий эту идею, недоступен среднему человеку. Поэт гораздо ближе народу, чем философ, иначе говоря, чувств доступнее размышления. Значит, идея — бог, бестелесное существо, причина, из которой вытекают все следствия, освежающий, оплодотворяющий и поддерживающий дух, свойства которого объясняются многими тысячами явлений видимой природы, но индивидуальность его не может быть никем определена, потому что никто не может подумать о ней, представить себе ее. Скажите же, мудрецы всего мира, существовал ли когда-либо народ, которого вот такая идея заставляла переступить порог храма, преклонять колени? В мозгу каждого философа, каждого теолога эта идея ассимилируется по-иному, так как же вы хотите, чтобы народ усвоил себе так или иначе дух ваших поучений?

Если вам известны, как это надобно, движения человеческого сердца, то вам будет легко понять, что даже самую ясную религию невозможно свести к философской простоте.

Разве сыны Израиля не отвлекались бесчисленное количество раз от преклонения перед невидимым богом, так как их разум был слишком слаб, чтобы найти успокоение в этой простой и чистой идее? Ноев ковчег, блистательный Иерусалимский храм, херувим в святом убежище, в высоте сооруженные алтари (экспедиция), жертвоприношения, все это нужно было для того, чтобы сделать осязаемыми для народа высокие духовные и религиозные учения о божестве, чтобы привлечь на помощь слабому разуму сердечный пыл и воображение.

Иисус опутал свою простую религию таинственностью, чтобы в исследования духа вовлечь сердце, а через него фантазию. Разве не сюда относятся тайна искупления, святая троица, понятие первородного греха, обещания и угрозы о наградах и наказаниях и все то богатство картин, в которое Иисус облек самую чистую и простую мораль?

Сама природа подсказала Монтеスキе замечание: религия должна связать свою духовную сущность с такими идеями, которые помогли бы перекинуть мост между духовным и чувственным миром. Человеческая душа нуждалась в ступенях, по которым она могла бы подняться с самого низу до выпретенных высот. Вот поэтому святое

писание и говорит об ангелах. Поэтому за века христианства небо так густо заселилось святыми.

Существуют еще две вещи, посредством которых религия укрепляет свои пути: церемониал и чистая нравственность. Церемониал не что иное, как форма, без которой религия превратилась бы в философскую секту, провалилась бы в холодный мрак. Церемониал своими обрядами выделяет религиозные предметы, привлекая непонятные разуму вещи, завораживает сердца, раскрывая перед фантазией такие богатые возможности, среди которых не сумеет найти для себя счастья лишь тот, кто достаточно жесток, чтобы мучить себя холодными анализами и упреками. Само собой разумеется, что из всех подпорок, которыми окружила себя религия, подпорки церемониала самые крепкие. И еще они самые устойчивые. Вспомним о народе, которому Моисей дал законы, и пусть это будет самым лучшим доказательством.

Если существует религия, в основы которой проникла безнравственность, то такая религия рано или поздно упадет в глазах просвещенного человечества. Законодатель и философ, мысль, пробуждающаяся от добра и зла, и всеобщая смелость откроют глаза народу. Так исчезли из истории человеческие жертвоприношения, проституция. Так покончили еще в древнем мире с вакханалиями. Но религия, основанная на чистой морали, стоит выше всяческого презрения. Напрасно беспокойный человеческий разум зажигает свой факел, напрасно высказывает свои сомнения, здание стоит непоколебимо: оно выполнило поставленную перед ним цель; революции приходят и уходят, но законодатель, и философ, и народ будут вынуждены вернуться туда, в то единственное место, где душа и сердце, общественное творчество и общественное счастье могут найти себе верную точку опоры.

Религия — божественная река, протекающая через весь неотесанный род человеческий; талисман, заменяющий для многих народов и во многих случаях всякую науку, гражданскую деятельность и законы; краеугольный камень, на котором все законодатели и основатели государств строят свои принципы, так как только опираясь на него, они могут быть долговечными; убежище, где впервые нашли защиту человеческие природные слабости, а из него вышли первые зачатки наций; сила, которая наидейственным образом может положить предел насилию и преступлениям, так как она находится за пределами человеческих законов и кар, показывает надежду и страх перед будущим.

Моисей основал свою религию на первоначальных традициях, а прекрасное здание христианства высятся на построенном Моисеем фундаменте. Да и всякая религия, простая или сложная, ясная или туманная, берет свои истоки за пределами любой науки, до начала любого исследования, где-то в древнейших, чрезвычайно далеких, выступающих из тумана веков, о существовании которых мы можем лишь делать выводы. Даже сам арабский пророк был

вынужден закрепить свою сеть с одной стороны за учение Моисея, с другой — за национальные традиции, и сделал он это для того, чтобы эта сеть не распалась.

Все это показывает, что религии в том, что в них есть творческого, не придуманы людьми. Религии — полотно, на котором человеческая рука начертала многокрасочные узоры, но само полотно и под наложенными на него тысячами красок, пусть пройдут тысячелетия, останется все тем же и никогда не скроется от пытливого взора наблюдателя.

Человечество в начале своего существования лучше помнило о происхождении тех традиций, которые существуют и до сих пор относительно первоначального вида нашей планеты, происхождения человечества, первых мест, где жили люди, и того, какими они были, в каком состоянии пребывали. Теперь эти традиции опутаны туманными идеями о божестве, и эти идеи так естественно хранятся в человеческих душах, что приходится их признать следствием скорей чувства, чем размышления. Эти традиции, передаваясь из поколения в поколение, видоизменялись и с течением времени породили сотни различных религий. Поэтому религии развиваются из традиций, и из традиций же берет свои истоки философия. И вот так эти две сестры, такие разные по духу, провели свое детство вместе, из одного источника брали свои познания, но мерили их разными мерилками и искали объяснения вещей с различных точек зрения...

Иштван Сечени

(1791—1860)



Иштван Сечени (Széchenyi István) — выдающийся государственный деятель эпохи реформ.

Граф Сечени принадлежал к одной из крупнейших аристократических фамилий Венгрии. С 1808 г. был офицером австро-венгерской армии и участвовал в войне против Наполеона. После наполеоновских войн путешествует по Западной Европе и знакомится с культурой и бытом разных стран.

На Государственном собрании 1825 г. Сечени потребовал от австрийского императора соблюдать венгерскую конституцию, и объявить венгерский язык официальным языком. Он предложил также создать Венгерскую академию наук, на нужды которой ассигновал свой годовой доход.

В 30—40-е годы Сечени организует несколько финансовых и промышленных обществ; руководит работами по развитию судоходства на нижнем Дунае и строительством Цепного моста в Будапеште.

В начале революции 1848 г. Сечени становится министром транспорта и труда в первом Независимом венгерском правительстве Батъяни. Однако тяжелое психическое заболевание прерывает его политическую деятельность.

Первая работа Сечени «О лошадях» опубликована в 1828 г. В 1830 и 1831 гг. он издает свои основные произведения «Кредит» и «Мир», в которых анализирует причины разорения венгерского дворянства и излагает программу преобразований в сельском хозяйстве. В 1836 г. в работе «Стадиум» Сечени предлагает ряд мероприятий по развитию хозяйства страны. В 1841 г. выходит его книга «Народ Востока», в которой высказываются опасения по поводу углубляющихся противоречий в стране. В 1857 г. он пишет свои «Мемуары», в которых подводит итог своей деятельности.

*Кредит **

Венгерский помещик не использует своих возможностей землевладельца

Деньги, земля и все остальное может приносить максимальный доход только в том случае, если я имею возможность использовать их там, где нахожу для себя более выгодным.

Чем быстрее я могу получить свои деньги или распорядиться своей землей, тем короче время, необходимое для превращения земли в деньги и для обмена их на иные жизненные блага, тем больший доход получу я с 100 или с 1 млн. форинтов своего капитала, с 10 или 100 тыс. хольдов земли. И наоборот, доход с них может быть равен нулю, так как любая цена зависит от спроса. Освежающий напиток жаждущему, постель уставшему, огонь замерзшему, берег потерпевшему кораблекрушение, крепостные стены или склон холма боязливому кажутся дороже любого сокровища, когда они в этом нуждаются.

Поэтому мы и видим, что человек может быть зажиточным, владея небольшим имуществом, а владелец больших имений — жить в бедности; небольшое имение при правильном использовании может производить множество земных благ, но все богатства Креза окажутся недостаточными, даже если они будут приумножены, если ими не распорядиться смело и как то необходимо.

Уже и это немного объясняет почему венгерский капиталист и помещик бедны, владея такими деньгами и земельными угодьями. Первый из них не может вложить деньги в выгодное дело, ибо хочет держать их в сундуке, а не получать с них приличный доход.

Второй же, владеющий обширными плодородными пашнями, не может честным путем получить ни одного форинта, несмотря на все свои хлопоты и домогания. Могут у него, конечно, и быть честно заработанные тысячи, но дело здесь не в этом.

Не беднее ли, значит, у нас честный капиталист, чем полагалось бы ему по его природе? В стране есть все, что дает право на кредит: земли, дома, скот, хлеб, вино и т. д. Но он не может стать богатым на этой основе, а вынужден строить свое благополучие

на песке или, лучше сказать, на воздухе. Даже люди очень осторожные и осмотрительные, долгие годы державшие свой капитал в сундуке, где он, конечно, не мог увеличиваться, даже такие люди, передавая деньги в другие руки, делают это с чувством, подобным тому, как когда-то Монгольфье, отправивший корабль в опасное воздушное путешествие, был уверен в том, что увидит его еще когда-нибудь, или хотя услышит что-то о нем!

Когда же, наконец, после многих размышлений, таких сложных, что можно было бы найти за это время квадратуру круга, капиталист вложит деньги в так называемое стоящее дело, то часто уже года через два убеждается, что никогда больше не увидит ни капитала, ни процентов.

Но его продолжают считать крупным капиталистом, а если он не хочет прослыть скрягой, то должен тратить деньги, которые, собственно говоря, ему уже не принадлежат, и которые он никогда больше не увидит, помогать ближним и вносить лепту на осуществление общественных дел. А если мы еще примем в расчет всю его злость и досаду, деньги, которые он потратит на судебные издержки, то мне, лично, вполне серьезно кажется, что в десять раз счастливее тот, у кого нет никакого капитала, чем владелец отданных денег, от которых у него осталось лишь одно воспоминание. Я даже не знаю большей танталовой муки.

А если человек денежный не слишком брезглив в средствах, то разве в наших условиях не легче ему сделаться ростовщиком, чем в любом другом месте? Любого человека, который жаждет получить процент выше законного, я считаю ростовщиком, как бы ни приукрашивали его деяния. У нас многие с охотой стали бы давать деньги, получая за них 5—6%, но чтобы дело имело реальную основу, а не повисло бы в воздухе, чтобы оно было основано на ипотеке, а не на гипотезе, лучше иметь эти 5—6%, чем 10—20%, но без всякой гарантии и кредита. Ну, а если кто-либо предпочитает последнее, утешая свою совесть тем, что законы этого не запрещают, то он уподобляется солдату, который, став однажды по необходимости мародером, превратил мародерство в систему. Так, став на этот путь, некоторые превращаются в самых настоящих ростовщиков, которые даже краснеть разучились. Вот к чему приводят недостаточно хорошие законы, которые должны были бы направлять и толкать человека на совсем другой путь.

Венгерский хозяин не может поднять свое хозяйство на должную высоту

Часть наших хозяев идет впереди своего века, и ведут они себя так, как если бы жили уже в 1901 г. Другая же часть ведет хозяйство, как во времена Андраша II.* У одних поля такие, как будто их перетащили сюда из Бельгии, а у других таковы, что человек не удивился бы, встретив там верблюда.

Передовые или отсталые методы не всегда зависят от внешних обстоятельств, чаще всего в них отражается способ мышления помещиков. Одни хвалят мекленбургскую и всякие иные системы и подражают им, другие превозносят старые венгерские или трансильванские обычаи и пахут землю так, как это делали предки, а бывает, что и совсем не пахут! Некоторые покрывают хозяйственные постройки черепицей и даже медью, другие и камыша не кладут и т. д.

Если бы хозяева комитатов Хевеш или Бачкаи * вздумали бы вести хозяйство по-английски, то ничего бы у них из этого не получилось: здесь часто бывают засухи и различные злаки не могут произрастать так хорошо и густо, как на острове Альбиона, где так много тумана и влаги. Но неправ и тот, кто считает, что за границей нет ничего, что подошло бы для нашей страны и мы не сможем сделать ни шагу вперед. Если бы это было так, нам пришлось бы перестать есть и говядину, которая почти что каждый день бывает у нас на столе, ведь нечего таить, что наши предки когда-то питались лишь одной кониной. Но если они тогда, следуя за модой, перешли на говядину и сделали шаг вперед, так почему же нам нельзя заимствовать то, что правильно и здорово? Почему это должно быть нам запрещено? А ведь много и таких, кого каждое новшество выводит из себя точно так же, как три-четыре века назад выводило из себя ему подобных то, что теперь ставится в пример как мудрость предков. Купа * и его люди, гарцуя верхом, возмущались при виде деревянных повозок точно так же, как некоторые у нас тридцать лет назад возмущались колясками, а теперь каретами. Подобные люди всегда и во всем остаются позади: тридцать лет назад, когда все уже ездили в колясках, они упорно сидели на телегах; теперь же, когда многие предпочитая чистоту, приятное общество других людей, а если дорога позволяет, то и чтение, отправляются в путь в карете, меняют телегу на коляску. Но можете быть уверены, если человеческий ум со временем изобретет что-нибудь еще более удобное для передвижения с одного места на другое, и станем мы передвигаться с помощью пара или со скоростью ветра летать по воздуху, то эти упрямы сменят коляску на карету.

Многие хозяева сначала яростно протестовали против испанских овец, а когда лучшее время для их разведения истекло, те же хозяева привязались к ним безмерно. Теперь с такой же страстью протестуют против английских лошадей, конопли, шелковичных червей и т. д., а пройдет время и станут возмущаться еще каким-нибудь нововведением. Я более трезво и положительно вижу ту середину, которую надо выбирать между стремлением забегать вперед и во что бы то ни стало оставаться позади, эту границу определяет хладнокровие и разум.

Все вышесказанное не заслуживало бы такого большого внимания, если бы не касалось недостатков или избытков, делающих земледельца или совершенно беспомощным, или тормозящим все его начинания. Каковы же эти недостатки или излишки? Это недостаток взаимопонимания и кредита, неделимость пастбищ, лесов и имений, цеха, твердые цены и существование барщины и десятины.

Отсутствие взаимопонимания, которое можно было бы объяснить и тем, что «у тебя ничего нет, и у меня ничего нет, ибо мы не понимаем друг друга», безусловно служит причиной того, что добрая часть нашей земли залита водой, покрыта болотами, и что часто, как это всем известно, какая-нибудь захудалая мельница препятствует процветанию целой провинции!

Если мы по-настоящему и без самообмана захотим подсчитать, какую большую прибыль в будущем мы могли бы иметь в некоторых провинциях и не получаем ее лишь потому, что сегодняшние крохотные доходы препятствуют завтрашнему гигантскому развитию, то будет достаточно перечислить лишь самые вопиющие примеры: заросли Кёрёша, разливы Тиссы, Дравы, Бодрога, Ханшага *, т. е. все те земли, на которых тысячи семей могли бы безбедно жить, тех самых семей, которые теперь может быть прозябают в нужде; а может быть впоследствии появились бы и совсем новые поколения, с помощью которых страна, возможно, обрела бы силу и славу. Какие чудесные владения завоевали бы мы для нашей родины, и без единой капли крови!

И насколько милее стала бы наша родная земля, приятнее даже ее воздух, если бы на месте камышей и кочек, царства лисиц и волков, появились бы пышные нивы, радующие глаз поселки!

Отсутствие взаимопонимания влечет за собой и то, что самые большие сокровища недр земли: железо и каменный уголь добываются лишь в очень незначительных количествах; часть наших соотечественников голодает, а другая часть утопает в роскоши, и родина похожа на тело, в котором более не циркулирует кровь; в некоторых местах мы задыхаемся от изобилия продуктов, не стоящих ни гроша у нас дома, но которые могли стать для нас кладом на синем хрустале Амфитриды.

Но почему же мы не понимаем друг друга? Потому что каждый определяет для себя и своих трудов разные сроки. Одни живут только собой и для себя, для них сегодняшний доход, хоть и небольшой, важнее всего; другие же посвящают свои дни своим близким и потомкам и не плачут из-за сегодняшнего убытка, который может завтра стать прибылью, и спокойно переносят его. И тут мы опять приходим к скорейшей необходимости создания

товариществ, ибо каждый намечает свои планы заранее на долгое или короткое время, и если взять, например, таких, кто рассчитывает вперед на два — пять лет, и тех, у кого планы задуманы вперед на 15—30 лет, то между ними никогда не может быть согласия; исправить это может исключительно лишь общий дух товарищества.

* * *

Отсутствие кредита приводит к тому, что никто не возделывает свои земли в такой степени, чтоб извлечь все природные возможности. Сильный конь по обычной дороге не потянет воз вместимостью в 200 центнеров, и это совершенно естественно; но если конь не потянет более двух или трех центнеров, так это естеству противно и это каждому бросится в глаза. Что сегодня в Венгрии поместье в 50 тыс. хольдов не может приносить дохода в 500 тыс. пенгё *, это тоже естественно, но что такие поместья не приносят дохода более 30—40 тыс. — такое положение противоестественно, хотя дело именно так и обстоит.

* * *

Какую отрицательную роль, вернее, какой убыток приносят не подлежащие разделу пастбища, леса и поместья, об этом уже знает и в этом, хвала небу, убеждено большинство. А если во многих местах до сих пор еще не было раздела, в этом нет ничего удивительного, ибо или из двух сторон одна не хочет обмануть другую (сделать это гораздо легче сильнейшему, чем слабейшему), или осуществление самого принципа очень затруднительно и сложно.

Чем выше образование, тем на большее количество отраслей делится каждая наука, каждое ремесло, и чем больше таких отраслей, тем выше ступень, на которую эта наука поднимается, так как отдельные люди, занимающиеся какой-либо наукой или ремеслом, могут поднять их на высший уровень совершенства. И земля только тогда вознаградит за пролитый на нее пот, когда земледelec один и сам для себя трудится на ней, когда лишь его скот на ней пасется, а не чей угодно заходит и вытаптывает траву.

* * *

Всяким изменениям, даже самым благоразумным, обязательно и всегда сопутствует некоторый беспорядок или кризис. Далеко не все хотят или могут выдержать это, а ведь нет никакого сомнения, что в переломный период порядок нарушается, поэтому те, для кого это неожиданно, пугаются, жалеют о старом добром порядке, с самого начала отходят от перемен и еще крепче привязы-

ваются к своим старым местам. Те же, кто с самого начала перемен страдает от них, возвращаясь к жизни, чувствуют себя еще хуже или по крайней мере еще болезненней, чем раньше. Поместья, которые перестраиваются на лучший лад, в период изменений почти не приносят дохода, но если у их владельцев будет достаточно терпения и материальных средств, то за короткое время они с лихвой вернут свои убытки.

* * *

Еще большего внимания заслуживает барщина или, как ее еще называют, отработка и тот вред, который от нее происходит; это ясно как дважды два — четыре. 60 тыс. крепостных за одно лето выполняют такую же работу, какую могут выполнить 20 тыс. поденных наемных рабочих. Каждый, кто обрабатывал свои земли разными способами — барщинным трудом крепостных и наемных рабочих (особенно по договору), обязательно должен заметить, что ту же самую работу, которую может выполнить добросовестный крепостной, пользуясь своей плохой сохой, расшатанной телегой, тощей коровой за 52 дня, — или, если взять целую семью с малыми детьми, то за 104 дня — сам земледелец с наемными рабочими, хорошим скотом может выполнить за третью часть этого времени!

Земледелец, пользующийся барщинным трудом крепостных, никогда не может правильно определить необходимость в рабочей силе: привлекает к работе то слишком много, то слишком мало крестьян, а если ему и удастся найти пропорцию, то по непредвиденным обстоятельствам может оказаться, что работников слишком много или слишком мало и дело, в зависимости от характера помещика, кончается смехом или слезами. И хорошо еще, когда успевают, бездельничая и теряя много драгоценного времени, все-таки вовремя собрать урожай, а крестьяне, которые составляют самую многочисленную, а значит, и самую значительную часть народа, кровавым потом поливают землю, над которой трудятся, и результат их труда кажется даже порой удовлетворительным. Правда, судьба нерадивого и ленивого хозяина, если и кажется со стороны веселой и приятной, часто похожа на жизнь стрекозы, летом поющей, а зимой голодающей и отнюдь не является мерилom счастья. Ни палка, ни кнут никогда еще не приводили к процветанию страну; руки же, работающие по принуждению, выращивают лишь бледные и слабо пахнущие цветы. Что бы ни говорили, только общественная свобода, при которой права и обязанности соответствуют положению человека, может создать всеобщее процветание, а если кого судьба поставила на нижней ступени общественной лестницы и принудила его зарабатывать себе на жизнь физическим трудом, так пусть он не теряет времени зря, занимается упорным трудом, но получает за этот труд и вознаграждение, и поощрение.

Пусть землепашцы трудятся еще упорнее, чем это было до сих пор, но за свои труды они должны иметь большее или лучшее вознаграждение. Причина лени венгерского крестьянина, той самой лени, за которую мы его так часто укоряем, если смотреть по существу, связана большей частью с неуверенностью и глубочайшим отчаянием, выступающим под самыми разными личинами.

Это совершенно так же, как с работающим в хозяйстве. Никогда не будет он одинаково прилежным, если вознаграждение его останется одинаковым, независимо от того, трудится ли он или бездельничает; не будет он так работать, как тот, кто за лучший труд получает больший доход. Что касается потерь при таком труде, то они ужасающе велики каждый год!

Я допускаю, что в мои подсчеты могла вкратиться ошибка, что не $\frac{2}{3}$ барщинной работы пропадают впустую, так как на барщину ходят и несовершеннолетние, а мы им противопоставляем взрослых наемных рабочих. Поэтому будем считать, что потеря составляет лишь $\frac{1}{3}$, а против этого не сможет возразить даже тот, кто придумал барщинный труд; учтем 52 воскресенья в году, многочисленные праздники, проводы, ярмарки, плохую погоду, силы, растраченные на солдат и т. д., и мы тут же приходим к выводу, что беда не в малочисленном населении, а в порочной системе: болота и сухие степи не потому уродуют нашу родину, что не хватает у нас людей, рабочих рук, а потому, что так много работы пропадает впустую.

А еще бесплатная работа по прокладке дорог, на которую часто сгоняют народ издалека за четыре — пять миль, добавим, что иногда приходится переносить камни, находящиеся тоже в четырех — пяти милях от места работы; сколько на это уходит времени! При осушении топких берегов выяснилось, что наемные рабочие, получавшие сдельно за выкопанные каналы, сделали в 13 раз больше, чем подневольные крестьяне, вынужденные делать ту же работу бесплатно.

Никто не желает того, чтобы работающий человек не отдыхал, ведь он и трудится для того, чтобы иметь за свой труд отдых душе и телу; и никто не хочет упразднить воскресенья и праздники, потому что по совести надо отдать богу божье; никто не говорит, что крестьянам нельзя повеселиться на проводях, на ярмарке и т. д., но природа и трезвый взгляд на вещи требуют того, чтобы человек, взявшись за дело, честно и по-человечески доводил его до конца. Если мы будем считать, что всего $\frac{1}{3}$ барщинной работы теряется впустую, то из 30 млн. дней, которые должны по всей стране отработать на барщине крестьяне, это составляет 10 млн. потерянных дней! Подумать только, как много всего можно было бы сделать за какие-нибудь 30 лет, если бы все это не пропадало впустую и было бы направлено на улучшение нашего благополучия.

* * *

А мы, не желающие требовать от других выполнения таких обязательств, которые мы сами не можем выполнить, что если бы мы были крестьянами, стали бы мы работать на барщине с таким усердием, не отвлекаясь ни на минуту, как на хорошо оплачиваемой работе, которую мы, по своему желанию, могли бы выполнить за шесть или шестнадцать дней? Стали бы мы для других проливать пот, как для себя? Поставим себя на место другого, только так мы можем судить справедливо и трезво, и не надо думать, что люди грешат лишь по своей природе и несовершенству.

* * *

Что надо делать и с чего начинать?

Отсутствие кредита я считаю причиной того, что венгерский помещик беднее, чем ему следовало бы быть, обладая такими поместьями, что живет он вовсе не так хорошо, как позволяли ему обстоятельства; хороший хозяин не может сделать свои поля такими цветущими, какими они могли бы быть; и наконец, что Венгрия не имеет торговли. Я думаю о кредите, о вексельно-коммерческом законе и считаю его фундаментом, на котором может быть возведено наше сельскохозяйственное и торговое благосостояние или, иначе говоря, наше дальнейшее возвышение и счастье. Но еще важнее такого кредита кредит в широком смысле слова, по которому мы могли бы верить и доверять друг другу.

* * *

Такой кредит — святость слова, способная рассудить господ с народом, и если ее не будет, то и закон ни к чему, придет конец общественному порядку и удаче. Верность слову у господина то же самое, что святое совершенство в боге: вечная и самая главная истина, религия и вера, приобщающая даже самого дикого человека к вездесущему, и точно так же верность и покорность привяжут гражданина к справедливому властителю. А разве счастье между супругами не зиждется на настоящем слове? Разве ценна верность, которую надо беречь. И разве не истина связывает вместе и нераздельно друзей и соотечественников, независимо от того, какие места они занимают, высокие или низкие?

Но разве нет у всех этих прекрасных качеств еще более глубокого источника, их порождающего?

Гражданская добродетель

Вот мы добрались до еще более глубоких корней! Действительная сила и мужество нашей родины зиждется не на отвесах гор, не в глубине рек, не в морских просторах и не в крепости бастионов.

И конституции не делают людей свободнее или зависимее, все это теперь зависит лишь от людей, которые населяют страну.

В каком бы несчастном положении ни находилась страна, какими бы цепями ни была скована нация, рано или поздно она все же добьется более свободного существования, если в жилах населяющих ее людей течет чистая кровь гражданской добродетели. И наоборот, в каком бы счастливом положении ни находилась страна, какой бы свободой ни пользовались ее жители, она постепенно согнетса под игом рабства, если исчезнет чистая нравственность и угаснет свет гражданской добродетели!

* * *

Но для того, чтобы человек мог возвыситься и увеличить свою собственность, гражданская или национальная добродетель пустить глубокие корни, надо прежде всего, чтобы существовала нация.

Сначала должна быть нация, и только потом можно воспитывать ее в добре и правде, в добродетели. Точно так же, как в безбрежной вселенной все ее большие и малые части существуют сами по себе, а вместе с тем составляют одно целое: солнце, планеты и то, чего мы не видим, на земле все тоже делится на еще более мелкие части и все же остается единым: капли, плоды, самый малый червь составляют единое целое. Это и есть закон природы...

Любовь к отечеству и защита его для нации имеют такое же значение, как притяжение и отталкивание для неодушевленных тел. Сладостная душе забота о родине, привязывающая нас к ней, заставляющая нас обожествлять и незначительную песчинку ее, лежит гораздо глубже в нас, чем многие думают, и гнилая душа у того, кому не присущ этот святой закон природы.

И подобно тому, как комета блуждает и мечется в бесконечной вселенной, не соблюдая ни границ, ни дорог и, потрясая солнечные системы, изводит саму себя, так и человек без родины бродит без цели и закона, соблазняя и зовя за собой крепостных, вызывая беспокойную неуверенность у прежде довольных сограждан и впадая в отчаяние, нередко сам кладет конец своей безрадостной жизни. А ведь еще и такие находятся, что кичливо называют себя космополитами!!! Слабость неотделима от склонности к ошибкам, но бахвалиться ими — самая низшая ступень испорченности; где исчезает чувство стыда, кончается все очарование жизни. К счастью такие люди говорят о том, чего и сами не понимают, хвастают тем, чего надо стыдиться. Космополит считает, что у него душа шире, а значит, что он лучше других. Он носит в своем сердце всех людей земли, а патриот главным образом своих соотечественников. Он воображает себя умнее, потому что не считается со всеми древними обычаями и представлениями, он может быть одновременно и христианином, и турком, а может быть и атеистом, с ловкостью хамелеона приспосабливается он к окружающему, к тому, что ему выгодно.

Наша родина теперь не в моде; это правда; за границей часто не знают о том, что мы существуем. Как будто мы помещаемся на дне колодца, ни наше духовное, ни материальное производство не известно. Правда и то, что чрезмерная похвальба, безграничное громкое восхваление даже с самыми хорошими намерениями причинило нам больше вреда, чем при всей своей ловкости самый злой враг. Правда и то, что к нашему национальному духу пристало так много запахов — капусты, овчины, трубочного табака и тому подобного — что более слабые какое-то время даже стыдились признавать себя венграми и считали хорошим тоном выдавать себя за иностранцев. Мне это кажется совершенно естественным, но я вновь советую искать причину в самих себе.

При всем нашем патриотизме, не станем же мы аплодировать, скажем, при виде грязи Сегеда, землям Хортобадя*, будапештской мостовой, дунайским набережным, грязным театрам, бесконечным отвратительным бродячим нищим и т. д. А так как мы хотели изо всей силы любить подобное и самих себя убеждали, что любим, то это и явилось главной причиной того, что Венгрия вышла из моды. Но пусть космополит не ищет себе оправдания в моих словах, если даже в своих путешествиях он видел много гораздо более красивого, и не считает, что когда-нибудь я могу с ним согласиться. «Где мне хорошо, там моя и родина, — умствует он лукаво, — хотя я и венгр, но в то же время я могу быть англичанином и французом и кем еще захочу, отовсюду я возьму лучшее, а худшее оставляю, и так весь земной шар будет мне родиной».

Другими словами это можно сказать так: «Я жену свою преданно люблю, но и других жен люблю, родина мне дорога, но и чужие родины тоже дороги; и если жена мне надоест, то я покину ее, особенно если найду красивее; а во время войны я всегда буду держаться за сильнейшего; если родина моя победит, то я буду верным патриотом, а если проиграет войну, то я без всяких предрассудков стану гражданином мира». Подобное поведение, надо признать, для преуспевания в жизни может быть очень полезным и ловким, но благородным его никак не назовешь.

Я смотрю на это иначе и думаю, что человек может быть удовлетворен только среди своих соотечественников после того, как поездил по свету и находится в зените своей жизни. И чем более отсталая его родина, тем больше он должен трудиться для ее благополучия, как хороший родич остается дома тогда, когда его присутствие там наиболее необходимо и близка опасность. Нет такой уловки, которая нашла бы прощение для тех, кто всегда уезжает, только потому, чтобы привезти дорогие подарки; покинуть отечество то же самое, как изменить ему. Наконец, пройдя всю школу жизни, мы чувствуем, что ничто не утолит нашей жажды удовлетворения, как уважение нескольких живущих соотечественников и благословение наших потомков.

* * *

У здоровой нации прежде всего должен быть национальный язык, пока существует язык, нация жива, несмотря порой на все свои страдания — тому есть многочисленные примеры — но если случится вдруг, что она онемееет, то и земля наша опустеет, одни лишь плакучие ивы будут расти на ней, грустно клониться к земле унылыми кронами и вспоминать о тех, кто когда-то тут жил.

Но каким путем возникает нация, как может она развиваться, стать сильнее, вознестись выше? Путем объединения, обмена мыслями, а значит, для нации необходимо еще и *объединение*.

* * *

Чем лучше люди будут знать друг друга, тем быстрее исчезнет их боязнь друг друга, и они поймут, что если и не сразу, то когда-нибудь непременно каждый найдет свое благополучие и счастье, а вместе с ними и великую решимость пожертвовать часть своей естественной свободы для завоевания свободы общественной. Так возникают общества, государства и сила нации в них или иссякает, как это бывает даже в семьях, где царили смута и распри, или наоборот — вся нация поднимается на высшую ступень общения, а общественная свобода развивается до совершенства. Это и есть крайние пределы.

* * *

Но достаточно ли одного желания сблизиться, стать едиными, лучше познать друг друга, если нет центра, вокруг которого это сближение может произойти? Можем ли мы похвалиться, что у нас есть духовная сила, понимание, наука для того, чтобы совершенно одним, без чьей-либо помощи совершить нечто великое и непреходящее на земле? Ведь даже в наших самых обычных занятиях, в строительстве, хозяйстве, в повседневной жизни и т. д., так ужасно необходимо сотрудничество; для того, чтобы выпить чашку кофе и то необходимы продукты обоих земных полушарий! В наше время уже всем ясно — и только приходится удивляться, что столько времени понадобилось для познания столь простой истины: один человек — ничто, и лишь общество может долго существовать и иметь подлинный вес.

* * *

Искусственное объединение, концентрация, может быть или случайным, недолговечным, или плодом человеческой мудрости, длительным. Следовательно, самой глубокой основой всякого развития, успеха, силы, ценности и счастья является *образованный человек*.

Глубже этого мы не можем спуститься. Из этого маленького корня происходит счастье и проклятье для человечества. Первое

длится веками и обычно сверкает ярче тогда, когда его создатель уже покойся в земле, а проклятье, по большей части, исчезает бесследно.

Ум — это сила, следовательно, ум — это счастье.

* * *

Количество образованных людей составляет истинное могущество нации. Статистика этого ценна и интересна для государства. Общественная сила состоит не из плодородных земель, гор, ископаемых или климата, ее составляет ум, умеющий все это правильно использовать. Ничто не обладает большей весомостью и силой, чем человеческий ум. И от его наличия зависит большее или меньшее счастье нации.

* * *

Большое счастье, что у нас в Венгрии много умных людей, только не везде имеются возможности для их развития, и если бы существовал обычай разыскивать и привлекать мудрых людей, то нам не пришлось бы за ними далеко ходить.

Чтобы нарисовать картину, сделать часы или двигатель, надо иметь не столь много рук, сколько рук умелых. Даже землю копать, а косить и тем более, хуже сумеют 100 неловких рук, чем 50 привычных к этому. А из этого следует необходимость разделения труда, которое, всем известно, подымает человеческие способности до самого высокого совершенства. Естественно, что человек, занимающийся всегда одним и тем же, может выполнять свою работу искуснее, чем тот, у кого 20 ремесел. Возьмем 20 человек и етанем их учить всему понемножку, чтобы каждый из них за день мог сшить по одному башмаку, переписать половину печатного листа, наточить две бритвы, дать урок танцев, полчаса проработать на металлургическом заводе, ухаживать за двумя больными и делать еще многое другое. Может ли трезвый разум представить, что эти 20 человек будут делать все с таким же совершенством, как если бы каждый из них знал одно свое ремесло: один был бы часовщиком, другой литейщиком или учителем танцев и т. д. Применение этой прогрессивной научной истины даст больший доход, чем любая мануфактура, а совершенство труда покоится на возможно большем его разделении. Поэтому идеальный архаичный способ жизни, при котором все изготовляют у себя дома, не подходит для нашего века, а человек, знающий обо всем понемногу, ничего не знает.

* * *

Мы, выяснили вопрос об основах общественного здания, которые я изложил перед вами в следующем порядке: прежде всего — человек, за ним — коллектив, потом нация, затем гражданская добродетель и лишь после этого Кредит в широком смысле слова. На этой

основе покоится то, что составляет предмет настоящей моей работы,— основа земледелия, искусств, мануфактур, заводов, фабрик и коммерции, т. е. кредит в более узком значении этого слова.

* * *

Кредит в узком смысле слова может быть осуществлен принятием вексельно-коммерческого закона и стать основой всех денежных операций. Отсутствие кредита, я это утверждаю, является не только физически противоестественным и не позволяет с уверенностью ни взять, ни дать денег, но и представляет собой еще и главный источник моральной испорченности.

Я рассмотрел все вредные последствия, происходящие из-за отсутствия кредита, и его акцию (влияние), а затем и распространение и возвращение назад как реакцию (обратное влияние), и должен настаивать на своем мнении. Покружившись, словно муха, долгое время вокруг света, я ставлю вопрос практически и вовсе не для того, чтобы я сам, как слепец, опалился или сгорел на огне безумия, а для того, чтобы мир мог быть использован на общее благо, как я его вижу глазами своей души, и стал для всех видящих и просящих самым благодетельным даром природы!

* * *

Если правительство предоставит помещику возможность, будет доверять ему и предоставит поле деятельности, а помещик даст и некоторую собственность крепостным, то некому будет жаловаться, и придется ему признать, что во всякой отсталости виноват он сам, как бы ему ни хотелось свалить вину на другого. А так как милостивый господь сотворил меня венгерским помещиком, то мне и хочется разъяснить перед всеми свои обязанности, обращая речь, главным образом, к тем, кто находится со мной в одном положении. И я прямо говорю: главным препятствием для прогресса и процветания нашей родины являемся мы, состоятельные помещики.

* * *

Если бы самые крупные и состоятельные помещики нашей страны договорились между собой в осуществлении той или иной общепользуемой цели и совместной волей и силой стремились бы осуществить ее на благо отечества, то, как расцвела бы наша страна всего лишь через несколько лет или через полстолетия! Что было бы нам не под силу? Что было бы неосуществимо?

Только таким образом и таким путем может вознестись наша родина, Венгрия...

Самые свободные люди платят налоги, имеют те или другие обязанности, лишь венгерское дворянство ничего не платит, прово-

дит свои дни, как ему заблагорассудится. У нас дело обстоит совершенно по-иному, чем в других странах, поэтому мои размышления об обязанностях имеют совершенно другой оттенок и другой смысл, чем это было известно до сих пор, и в них нет ничего развращающего, как это может показаться на первый взгляд...

Человек благородной души самую большую радость для себя, после того, как остынет в нем первый пыл юности, находит в служении отечеству, и душа его не найдет покоя до тех пор, пока он говорит себе: «Тебе родина дала все, а ты ей никогда ничего».

* * *

Одержим же сами над собой блестящую победу, осмелимся быть по-настоящему великими и благородными и скажем без оговорок: тот, кто находясь в нашем счастливом положении, не делает всего возможного, используя свои лучшие способности для общего блага и счастья своей родины, вовсе не человек, а позор для своей страны. Но не надо забывать, что тот, кто берет на свои плечи более того, чем может выдержать, кто всегда мечтает пролить кровь и всем пожертвовать на алтарь отечества, безумен и достоин помещения в тот дом, которого еще в Венгрии нет. Человек лишь тогда может принести пользу родине, если он не проявляет ни чрезмерной горячности, ни хладнокровия, если он живет, борясь, а не кладет голову на плаху. Богатство же его ценно лишь тогда, когда человек обладает им, когда оно дает ему возможность жить самостоятельно и претворять свои намерения в жизнь.

Было бы мудрее сознательно и благородно сделать сейчас то, к чему неизбежно принудит нас рано или поздно время и мировой дух. Кто бы и что бы ни говорил, для каждого человека, который в нашем мире умеет видеть, размышлять и ставить вопрос ребром, ясно, как божий день, что не может быть прочным такой порядок, при котором часть общества, возрастая изо дня в день, берет все блага страны и в то же время не несет никаких тягот.

* * *

Я мог бы привести еще многое в подкрепление своих утверждений, например, что венгерский помещик может быть действительно счастливым, если будет называть крепостного крепостным в самом прямом значении этого слова, а сам станет большим патриотом, но рассуждения мои затянулись бы до бесконечности. Поэтому посмотрим кратко, что могут сказать по вопросу об изложенных мною обязанностях, и какие голоса в столь часто меня преследующем шуме и сумятице раздадутся в дальнейшем за мои высказывания.

Как может говорить такое прирожденный венгерский магнат? Как может он выставять себе равных на посмешище и делать их

предметом ненависти нации. Чего он хочет? Нарушить своими опасными принципами старинный святой порядок, создать хаос? И так далее.

Истины, хотя бы и горькие, высказать в конце концов не только полезно, но и необходимо; ибо самопознание всегда является предпосылкой и началом всякого улучшения; выслушивать такое неприятно, но лучше уж выслушать от соотечественников, родственников, чем ждать, когда это скажут чужие, или когда у нас в стране появится опасный голос предупреждения и порицания.

* * *

Галилею никто не поручал сделать открытие, что Земля вращается вокруг своей оси. И Ньютону никто не давал поручения открыть закон притяжения. Франклина никто не уполномочивал делать то, что сохранило для потомства память о нем и сделало славной его биографию, он похитил молнию с небес и жезл у властителей. Но все они пошли своим бессмертным путем, не имея на то никакого полномочия, титулов, привилегий, оплаты и тому подобного, но они прошли этот путь, потому что были призваны просветить человечество, и прославились этим и заняли самые достойные места, какие только есть на земле. Итак, уважаемые противники,— ведь речь здесь не идет о тех, кто ошибки видит лишь у других, а за собой никогда ничего не замечает — не ждите ничего, идите вперед, мудрые мужи, а я охотно пойду за вами, дайте хороший совет, учите нас мудрости, подкрепляйте свое учение личным примером и делами, с которых другие будут брать пример, и вашим самым верным учеником буду я. А если я ошибся, исправьте меня, и давайте пойдем одной дорогой. Я не желаю ничего другого, как при вашей помощи убедиться в своем патриотизме, и ничего лучшего, как в исполнении своих патриотических обязанностей остаться далеко позади вас, ибо таким путем, и я это заявляю с гордостью, наша страна в очень скором времени выглядела бы совсем иначе!

Последнее слово пусть скажет читатель. Поразмыслить ему будет над чем, а я в конце своих рассуждений хочу дать ему дружеский и испытанный краткий совет.

И совет мой заключается всего лишь в следующем: «Пусть у нас в стране ни у кого или почти ни у кого не будет пустого желудка, головы и кошелька, более того, пусть каждый старается приобрести себе как можно больше жизненных благ и удобств, пусть трудится и добивается этого, а добившись, спокойно пользуется ими».

Чем больше народ ест мяса, пьет вина, носит суконной одежды и т. д., тем тверже стоит на ногах производитель, и нечего ему бояться колебаний рынка, запретов на ввоз и вывоз товаров из страны, банкротства из-за вялой торговли, так как каждый его

продукт будет продан еще на корню. И чем больше будет он покупать мебели, красивой посуды для кухни и стола и всяких других жизненных удобств, всего в изобилии, тем больше будет выгоды для мастерового и для купца, а чем больше потребление внутри страны и желания получать вещи еще и из-за границы, тем пышнее расцветает торговля.

Таким образом, может быть достигнуто хорошее земледелие, увеличение промышленности, цветущая торговля, словом, лучшее хозяйство в стране, что является преддверием обеспеченной жизни. И в этой основной истине заключается, если можно будет так выразиться, сокровищница помещиков, «создание для большей части населения таких условий, чтобы люди могли есть не только говядину, но и телятину, пить не только кислое, но и хорошее вино, носить не только суконную одежду, но и узорчатые ткани и т. д.» Еще скажу коротко и как можно яснее; надо сделать так, чтобы платящий налоги народ постепенно поднялся до высшей нравственности, чтобы усталое тело за свои труды и ум, за свои устремления получало определенную и обнадеживающую награду, без которой, кто бы и что бы ни говорил, не может возвыситься страна, освободиться от серости и от печальной участи пребывания на низком уровне!



Лайош Кошут

(1802—1894)

Лайош Кошут (Kossuth Lajos) — крупнейший общественный и политический деятель, руководитель и организатор национально-освободительной борьбы венгров 1848—1849 гг. Родился в семье обедневшего дворянина. Получил юридическое образование и до 1832 г. занимался адвокатской практикой.

С 1832 по 1836 г. Кошут пишет «Корреспонденции Государственных собраний», в которых пропагандирует политику либеральной оппозиции. После окончания работы Государственного собрания он приступает к изданию «Корреспонденций городского самоуправления». В 1837 г. Кошут был обвинен в государственной измене и осужден на четыре года тюремного заключения.

В 1841 г. Кошут приступает к изданию газеты «Пешти Хирлап», ставшей воинствующим пропагандистом идей либеральной оппозиции. За три года Кошут опубликовал в газете свыше 200 своих статей, заложивших прочные основы политической публицистики в Венгрии. В 1842 г. он организует первую промышленную выставку, а в 1844 г. создает «Общество по охране национальной промышленности». В 1847 г. по инициативе Л. Кошута была организована «Оппозиционная партия», лидером которой он стал. В октябре 1847 г. он был избран депутатом Государственного собрания.

Во время революции 1848 г., когда было создано первое Независимое правительство Батъяни, Кошут стал министром финансов. В сентябре 1848 г. он возглавил Комитет обороны и за короткий срок организовал революционную армию. Кошут возглавил национально-освободительную борьбу венгерского народа. 14 апреля 1849 г. он становится во главе революционного правительства Венгрии.

После подавления революции до конца своей жизни Кошут был вынужден находиться в эмиграции.

*Важнейшая задача **

Подобно тому, как приближение бури заставляет путника осмотреться, чтобы найти укрытие от ливня, так и события, о которых пойдет речь в нашей статье, неизбежно заставляют каждого мыслящего венгра прийти к выводу, одинаковому с моим. Я уверен, что мы, т. е. те, кто видит в этом вопросе важнейшую задачу, не одиноки, совсем не одиноки.

Выражая такие же чувства, руководствуясь теми же убеждениями, я уже не раз обращался к вопросам, в связи с которыми мои выступления звучали в унисон с развитием общественной мысли, именно потому, что предмет своих рассуждений я считаю необходимым избирать не произвольно, а в соответствии с обстоятельствами. Так будет, и я хочу, чтобы так было и в данном случае. Пусть будет только так; удалось бы лишь воспроизвести те различные мнения, которые существуют по избранному нами вопросу, и цель будет достигнута. Не льщу себе надеждой, что обладаю достаточным кругозором, чтобы распутать узел, который не могли развязать на протяжении многих столетий. Верю, что моя нация обладает достаточным разумом, чтобы найти правильное решение, что у нее достаточно сил для осуществления решения, в котором должны слиться воедино национальный разум и добрая воля правительства.

Итак, перейдем к сути дела. Речь пойдет о ликвидации барщинных отношений, потому что это и есть та проблема, разрешение которой является, на мой взгляд, самой главной задачей. Я уже обращал внимание на важность вопроса в 51 номере «Хирлап». Я уже говорил, что эта проблема не является исключительным предметом частного права, а принадлежит главным образом к сфере общественного права и еще нигде в мире не удавалось окончательно разрешить ее при помощи частного права. Не удастся это и у нас. Неизбежно вмешательство административных органов.

Ныне мы имеем закон, допускающий выкуп при согласии обеих сторон (землевладельца и крепостного). Этот закон основан на

частном праве. Спрашивается, найдется ли у нас человек, который верил бы, что на основании такого закона наша страна может освободиться от барщинных отношений, хотя бы через несколько столетий?

Но пойдем далее.

Пусть будет издан закон, который обяжет землевладельца не чинить препятствий крепостному, пожелавшему выкупиться. Спрашивается, найдется ли у нас человек, который поверит, что с помощью такого закона наша родина сможет полностью освободиться от отношений барщины за одно столетие? Осмелюсь утверждать, что тот, кто верит в это, знает, может быть, положение в своей деревне, расположенной в благодатном крае, но он не знаком с обстановкой во всей стране, с жизнью всего народа.

* * *

Теперь спрашивается, если бы даже надежды на возможность подобной развязки не были беспредметной фантазией, не является ли опасным самообманом вера в то, что мы можем ждать несколько столетий, пока эта проблема будет разрешена столь медлительными средствами. Не возвращаемся ли мы к старой ситуации, напоминающей древние истории Сибиалы, когда слишком медлительный покупатель платит за три вещи сумму, на которую, будь он порасторопнее, мог бы купить девять таких же вещей.

Закон о барщине 1836 г.* это минимум, который могли дать миллионам венгров законодательство и гуманизм XIX столетия; вернее это меньше минимума. И все же спрашивается, найдется ли у нас землевладелец, который после принятия закона 1836 г. был бы доволен отношениями барщины? Подобного «редкого зверя», если такой имеется, можно было бы показывать за деньги.

Стоит ли говорить о неисчислимых бедствиях, которые влечет за собой подобное положение с точки зрения ведения хозяйства в государственном масштабе?

Не придется ли мне макать перо свое в раскаленную лаву, чтобы подлинно передать всю ту враждебность, неисчерпаемым источником которой является барщина? Стоит ли перечислять весь тот страшный ущерб, который причиняет нашему государству, землевладельцам и всему народу эта адская школа барщины и оброка, препятствующая развитию промышленности и порождающая лень, воровство, сознательный обман и всякого рода безнравственность? Стоит ли говорить о том разочаровании, которое непрерывно усиливается и с той и с другой стороны, и о являющемся следствием этого изнурительном бессилии, в которое мы впадаем? Смешно тот, кто стал бы доказывать, что солнце светит, а огонь обжигает. Я обращаюсь к разуму нации, к тем седобородым старцам, которые мнят себя авраамскими патриархами по отношению к своим крепостным; представьте себе все дни года от весенней пахоты до подснежной уборки гречихи в горных долинах и признай-

тес, могут ли патриархальные сердца восторгаться отношениями барщины.

Если не могут, если это невозможно, то прислушайтесь к тому, что нашептывает вам, патриотам своего народа, ваша любовь к родине! Священное чувство нашей души! Ты не можешь погаснуть в груди сынов Венгрии. Хотя бури партийных страстей толкают нас, братьев по гражданству, во враждующие между собой лагеря, хотя эгоизм обессиливает биение патриотических чувств, возможны и такие мгновения, когда те, кто верен чувству любви к родине, молятся, подобно покинутым нищим в опустевшем храме патриотизма. Господь, покровитель этого храма, существует, хотя его обитель иногда и пустует: искра великого мгновения вновь зажигает в нас пламя полета и войны враждебной армии, рабы минутных страстей, жадно припадут к подножью алтаря, исторгнув из глубины своего сердца: «Живи, о Отечество! Будь превыше всего, даже если мы падём жертвами во имя твое!»

Я обращаюсь к этому священному чувству моих сограждан, потому что я уже говорил о горечи разочарования, которое постиг класс землевладельцев из-за барщины. Пятнадцать лет мы сочиняли невообразимо пестрые планы обеспечения будущего нашей родины; мы хотим того, хотим этого, рассчитываем свои поступки, как шахматные ходы; но ведь если судьба нации и имеет что-либо общее с шахматной игрой, то только с такой, при которой могуче врывается ураган истории и расчетливые игроки вдруг обнаруживают, что фигуры сметены ветром. Зачем мы заговорили здесь об азарте шахматной игры? Разве мы рассчитываем спасти родину с помощью реформ, напоминающих заплаты? Разве мы рассчитываем обеспечить завтрашний день нации, не заложив прочный фундамент будущего здания? И что может послужить таким фундаментом, как не сплочение воедино всего народа, для чего и необходимо создание здорового национального организма?

Но как мы можем мечтать об этом, пока нас разделяет непреодолимая стена ненависти, создаваемая отношениями барщины, стена, деморализующее воздействие которой настолько велико, что в стране получило широкое распространение невероятное латинское изречение, согласно которому самый снисходительный землевладелец терпит наибольший ущерб от барщинных отношений.

Все мы принадлежим к одному народу, населяющему нашу родину, и если правительство существует не для народа, то я не знаю, для чего оно вообще существует. Конечно, я понимаю, что каждое доброе стремление для обеспечения будущего нашей страны подобно «меди звенящей и цимбалам бряцающим», если это стремление не покоится на моральной основе единства народа.

Таким образом, даже философии обычного понимания повседневных отношений было бы достаточно, чтобы признать, что сейчас, в 1846 г., нет более необходимого шага, чем ликвидация барщинных отношений. Зная, однако, что непоследовательность

также имеет свою логику, я не хотел бы сеять сомнения, если бы не произошли события, в которых виден указующий перст господен. Вероятно, можно было бы терпеть и дальше подобное состояние, ограничиваясь отдельными заплатами, которые наложило бы Национальное собрание, хотя все это означало бы ущерб для класса землевладельцев, поскольку книги Сибиллы приносили бы все меньше пользы, а плата оставалась бы все той же. Но вдруг произошло неожиданное, не входившее ни в какие расчеты чрезвычайное событие, которое безусловно выдвинуло этот вопрос в разряд первоочередных задач и сделало нетерпимым всякое отлагательство.

В 51-м номере еженедельника «Хирлап», коротко характеризуя позицию Австрии по финансовым вопросам*, я уже упоминал, что вследствие беспорядков, произошедших в Галиции*, там стала очевидной необходимость ликвидации барщинных отношений административным путем. Иностранные и отечественные газеты сообщали, что государственные советники его императорского величества изучают планы общего изменения барщины в Галиции. Эта окрыляющая новость бесспорно поучительна и для нас, но поскольку точно ничего не известно, все это не может служить предметом научного исследования. Очевидно, и я уже говорил об этом, что каждый мыслящий человек в Европе чувствует и знает: там, в соседней с нами стране, развитие не может остановиться на структуре, исключающей обмен товарами на большие расстояния и окончательная ликвидация барщинных отношений становится неизбежной необходимостью.

Если же это происходит в Галиции, то тем более вероятно, что то же самое может произойти и в других провинциях Австрийской империи, где еще сохраняется барщина. Противного не могут допустить ни господствующие повсюду настроения, ни сила связанных с этим отношений.

Если же это так, то я представляю каждому мыслящему венгру самостоятельно решить, можно ли поверить, что подобные неизбежные преобразования, проводимые по соседству с нами, могут не затронуть нас, связанных общим повелителем с районом, где происходят столь важные события? Это невозможно, а если так, не является ли естественным постулатом нашей конституционной деятельности, если конечно мы не хотим пережить второе издание эпохи Марии-Терезии*, то, чтобы эта неизбежная проблема не застала бы нас врасплох. Путем открытого и лояльного обмена мнениями мы должны вырабатывать общественное мнение в отношении способов, с помощью которых эта проблема может быть решена без нанесения ущерба классу землевладельцев, причем решением этой проблемы мы можем заложить основы будущего нашей родины, уничтожив ненависть, порождаемую непреодолимой преградой между аристократией и народом.

Я беседовал по этому вопросу с самыми различными людьми и могу сказать, что каких бы политических взглядов ни придержи-

вались люди, с которыми я разговаривал, я не встретил никого, кто бы восторгался барщинными отношениями, кто не хотел бы избавиться от них подобающим для этого образом. Я интересовался настроением компетентных лиц в особенности из северо-западных областей Венгрии, интересовался тем, какое мнение господствует среди них в связи с данным вопросом. Выяснилось, что они, естественно, не являются сторонниками идей ликвидации барщины без возмещения ущерба, но что представители класса землевладельцев повсеместно положительно относятся к проведению реформы в масштабах всей страны при условии возмещения убытков, поскольку они повседневно чувствуют вред и ненависть к барщинным отношениям, а запоздание с установлением равноправия чревато если не опасностью, то по крайней мере все увеличивающимися жертвами.

Думаю, что подобное мнение имеет свои причины. Никто не осмеливается отрицать, что самая лучшая система частичного выкупа не дала бы ничего, поскольку она не означала бы решения проблемы, а этот вопрос должен быть решен окончательно, иначе мы ничего не сделали, ничего не устранили. Было бы величайшей глупостью, если бы нас захотели усыпить безрезультатными заявлениями или разговорами об исторической необходимости. Нам следует подойти к этому вопросу с мужественной прямоотой, следует изучить обстановку и с учетом существующих взаимоотношений выяснить пути и средства решения этого большого и жизненно важного вопроса государственного управления, привлечь административный аппарат, решить таким образом, чтобы от этого выиграла вся страна, чтобы выиграл как класс землевладельцев, так и народ. Это возможно, надо только желать этого, надо уметь использовать момент, когда события в силу божьей мудрости складываются так, что становится возможным окончательно решить проблему, в том числе и в интересах землевладельцев, воспринимающих как патриоты общественные интересы в самом высоком смысле этого слова.

Я хотел, соблюдая необходимую осторожность, повторить то, о чем уже говорилось, но только с меньшей горячностью, в цитировавшемся выше номере «Хирлап»: «Общая, осуществляемая в рамках всей страны ликвидация барщинных отношений является самой важной и самой необходимой задачей».

*О нашей конституции **

Безгранично мое уважение к конституции, которая несмотря на тысячи опасностей, восемь столетий поддерживала венгров, которая не позволила им утратить свое существование как нации, несмотря на грубое насилие и железную десницу власти, несмотря на смертоносный яд сознательно планируемого вырождения. Сам бог не может вернуть прошлое, а потому не будем углубляться в вопрос о том, что могло бы стать с венгерским народом, если бы он

или сохранил свою гражданскую конституцию в первоначальной чистоте, или с самого начала построил ее на более широкой основе.

Уважение не позволяет поднять вопрос о том, насколько совершенна конституция, основанная на предоставлении привилегий одному немногочисленному классу. Возможно, что свободы, которыми мы, венгры, гордимся, как раз противоречат свободе, поскольку свобода одна, обычная, не имеющая множественного числа; возможно, что те, кто пользуется свободами, как раз лишены свободы; возможно что там, где на одном полюсе существуют прерогативы и привилегии (поскольку привилегии являются исключением из закона), на другом полюсе можно встретить рабство и беззаконие. Все это я не хочу затрагивать. Но все же позволю себе спросить: можно ли, не будучи предубежденным, утверждать в XIX в., что конституция, которая в десятиmillionном народе признает в качестве нации только 600 тыс. человек, которая именует народ «*misera plebs contribuens*» * и не распространяет на него свое действие, которая исходит из того, что бедный, страждущий народ, согласно формуле закона, может существовать и только существовать, что такая конституция не нуждается в изменении при условии постоянного сохранения неприкосновенности права собственности и уважения к древним традициям.

Я допускаю, что в мрачное столетие произвола, когда законы диктовались с помощью кулака и сила определяла право собственности, когда только сила могла защитить от насилия, и существовать с некоторой уверенностью можно было только под покровительством более могущественного суверена, когда мигающий ночник закона не обеспечивал защиту невинному, поддержку бессильному, наказание преступнику, возможно, и были хороши нормы, мирившие с произволом могущественного покровителя тех, кто пользовался его покровительством.

И хотя я признаю подобные принципы общественной жизни вполне естественными для условий тех времен, поскольку тогда, можно было сказать, мир находился в состоянии беспрерывных войн, и должны были господствовать законы войны, согласно которым вождю предоставлялось право произвола в отношении тех, кто был ему подвластен, а эти подвластные служили слепым орудием воли своих вождей, теперь же времена изменились, а вместе с ними утратили силу и старые учреждения. Общественные отношения шли вперед гигантскими шагами, особенно в течение последних пятидесяти лет. Политическая жизнь нации представляется теперь в совершенно ином свете, новая эпоха создает новые потребности, а те соответственно и новые учреждения, и тот, кто намеренно не закрывает глаза на действительность, кто, выходя за рамки узкого эгоизма, рассматривает себя как составную часть единой нации, тот может подняться более высоко, чем те, кто безразличен ко всему, что касается общественных интересов и ограничивается удобствами сегодняшнего дня. Он вынужден признать, что время

неумолимо торопит с движением вперед, что продолжать цепляться за старое так же невозможно, как желать, чтобы воды Дуная остановились или потекли вспять...

Когда заходит речь о более широком распространении гражданских прав или о том, чтобы законные, конституционные блага распространялись не только на 600 тысяч членов венгерской нации, кое-кто возражает: мол, венгерский народ еще недостаточно созрел для свободы. Но что такое свобода? Свобода есть повиновение закону. Таким образом, упомянутое возражение, говоря иными словами, означает, что венгерский народ недостаточно созрел для того, чтобы над ним господствовал закон, а не произвол. И есть ли человеческое существо, в отношении которого можно было бы по праву утверждать подобное? Может ли кто-нибудь быть недостаточно созревшим для того, чтобы иметь возможность пользоваться свободой личности, т. е. считать себя зависимым только от закона, пользоваться правом собственности на свое имущество, причем чтобы все это гарантировалось защитой со стороны закона в одинаковой мере как для богатых, так и для бедных. Можно ли подвергать в вечную зависимость целые будущие поколения, ограничивая их возможности заранее определенными узкими рамками? и т. д. и т. п.

Но хотя я и допускаю, что среди подлинных национальных прав возможны такие, для осуществления которых желателен определенный уровень образования, очевидно, что одинаковая для всех человеческая природа наделяет каждого умом и душевными качествами вне всякой зависимости от классовых различий в обществе: может быть, я и ошибаюсь, но мой слабый разум не может примириться с тем, что человек за несколько столетий до его рождения получает право пользоваться определенными национальными правами или признается безусловным обладателем определенных душевных и умственных качеств только на основании того, что он родился от знатного отца, а другой, в то же время, несмотря на все его добродетели и гениальность, объявляется навеки недостойным этих национальных прав только потому, что он родился в иной семье. К этому необходимо также добавить, что, на мой взгляд, свобода, основывающаяся на справедливых законах, стремится как можно скорее подготовить людей для пользования этой свободой, а потому я не верю, что есть люди, которые недостаточно зрелы, для того чтобы пользоваться благами основанной на законе свободы. А чтобы и впрямь не было таких людей, мы должны спешно заняться целенаправленным гражданским воспитанием. Если для того чтобы восстановить, я повторяю, восстановить осуществление народом его поистине вечных и неотъемлемых прав не хватает лишь образования, то это ложится на нас тяжелым грузом ошибок, поскольку с тех пор, как выдвинуто данное возражение, прошло достаточно времени для восполнения этого недостатка, более чем достаточно времени, чтобы вложить в сердце выросшего поколе-

ния чувство человеческого достоинства, которое делает человека способным быть человеком, общество — способным быть нацией. Но позвольте спросить с укоризной, почему же мы так долго пренебрегали выполнением этого высокого долга, благоприятные последствия которого послужили бы источником безграничной благодарности наших потомков. Может быть, не следует вносить ясность в этот вопрос?

Холод ужаса охватывает все мое существо, и я не хочу верить, что венгр, гордый своей свободой, должен насаждать невежество в интересах сохранения своей свободы. Воистину, это было бы самым несчастным заблуждением. Только турецкий деспотизм может бояться того, что просвещение народа подорвет шаткие основы его произвола; он вынужден насаждать невежество, обречен бояться просвещения, потому что повелевает рабами, а власть, попирающая человечность и общественные начала жизни, не знает другого закона, кроме грубого произвола. Венгерское конституционное правительство, свободная венгерская нация не нуждаются в насаждении мрака, и я молю бога венгров, чтобы этого никогда не было. Лучше мне умереть, чем когда-либо увидеть подобное. Или, может быть, мы не делали этого потому, что нас не принуждало к этому правительство? Я знаю, очень хорошо знаю, что обладающее всей полнотой власти правительство может дать могучий толчок всему хорошему, если оно этого захочет; но неужели мы будем пребывать в вечном бездействии только потому, что правительство этого не сделало? Когда же перестанем мы постоянно ждать всего от других, когда же начнем мы сознавать, что в нас достаточно силы, чтобы стремительно продвигаться вперед по пути создания счастья своей нации? Когда же мы создадим планы нашим разумом, обретем волю в нашей груди, ощутим жажду деятельности в наших руках? Ведь для этого не так уж необходимо содействие правительства, это зависит от доброй воли каждого землевладельца, каждого поселения, каждого комитата.

Приводят и другие возражения. Обычно говорят, что основные законы, обеспечивающие дворянские привилегии, не могут быть подвергнуты изменениям, поскольку они являются основой нашей гражданской конституции, больше того, что даже говорить об этом не следует... Охотно согласен, что было бы вредно изменять существующие законы легкомысленно, без всестороннего взвешивания, без крайней на то необходимости. Но признаюсь, что при всей моей серьезности, у меня невольно возникает улыбка всякий раз, когда я слышу, как в нашем законодательном собрании в качестве возражения против какого-либо предложения заявляют: все это верно, но такой-то и такой-то закон Вербеци * предусматривает иное, а следовательно предложение не может быть принято. Какая божественная сила придала древнему сборнику Вербеци силу вечной истины, присущую лишь вечной книге вечной Природы?

Повиновение закону! Это неуклонная обязанность каждого отдельного гражданина, но с точки зрения законодателя, любые сборники законов минувших столетий могут рассматриваться как цветы, из которых трудолюбивая пчела тщательно выбирает лишь то, что может стать медом. Да будет позволено мне рассмотреть это возражение и с другой стороны. Я тоже считаю не подлежащей изменению девятую главу первой части тройственного сборника Вербечи и относящиеся к этой главе законы, поскольку дворян нельзя лишить предоставляемых им этими законами личных и имущественных прав и свобод; при этом, я имею в виду именно смысл этих прав, а не слепое преклонение перед законом, порожденное пояснениями, искажающими смысл самого закона.

Например, венгерский дворянин является членом Святой Короны — этого признака национального величия, а потому венгерский дворянин является членом законодательного органа и пользуется правами землевладения. Даже король не может покушаться на личность и имущество венгерского дворянина за исключением случаев, предусмотренных законом; дворянин свободен распоряжаться своей собственностью и т. д. Все эти права опираются на основы национального величия, органически слившиеся с первоначальной структурой общественной жизни, а потому они священны, неизменны, вечны. Но спрашивается, что потеряет из всех этих прав венгерский дворянин, если будет провозглашено, что личность и имущество венгерского крестьянина могут быть затронуты лишь на основании закона, что крестьянин тоже пользуется правом собственности на землю, тоже является членом нации и принадлежит к Святой Короне, что потеряет от этого дворянин? Разве его личность будет от этого менее свободной, а право собственности менее надежным? Ведь ценность всех этих законных прав состоит не в том, что ими может пользоваться только дворянин, а в том, что он может ими пользоваться.

Я могу наслаждаться свежим воздухом, радоваться живительному теплу солнца и терять ли я что-нибудь от того, что пользуюсь этим правом, наряду со всеми живыми существами, наряду с самым последним червяком? Таковы и блага гражданских свобод. Свобода — это настолько неисчерпаемое сокровище, что она не оскудеет и не ослабеет от того, что ее разделят многие, больше того, от этого она только возрастет и укрепит. Кто осмелится требовать, чтобы венгерский дворянин отказался от своих конституционных прав, чтобы он опустился до того уровня, на котором пребывает простой народ? И я первым открыто обвиню каждого, кто выдвигает подобные требования, каким бы могуществом он ни располагал, в преступлении против национального величия. Речь идет совсем не о том, чтобы мы, дворяне, опустились до уровня народа, а о том, чтобы поднять народ до нашего уровня. Против раздела между десятью миллионами сограждан такого богатства, которое от этого нисколько не иссякнет, может выступать лишь

зависть. Но разве на этом гнусном грехе основана наша свобода? Я уже говорил, что справедливы только те интересы, которые разделяют многие и соблюдение которых многие принимают близко к сердцу. Это значит, что если мы распространим права венгерского дворянина на весь венгерский народ, то это окажет на венгерского короля и дворянина лишь благоприятное воздействие. Сейчас на страже конституции, соблюдение которой в одинаковой мере отвечает интересам как короля, так и каждого гражданина, стоит лишь 600 тыс. человек, тогда конституцию оберегали бы десять миллионов и единая венгерская нация имела бы на политических весах Европы вес в 16 раз больший, чем сейчас. Желать этого, горячо и искренне стремиться к этому — не только дело национальной чести, а это уже само по себе является не только выражением творческих начал внутренней жизни, не стремиться к которым было бы грешно, но и необходимое требование в интересах самостоятельности и независимости нашей родины, прочности нашего королевского престола.

Некоторые утверждают, что с помощью так называемых уступок (1) предпринимается попытка нарушить право собственности, которое должно быть священным и неприкосновенным. Возражая на это, я хочу прежде всего заметить, что не принадлежу к числу сторонников термина «уступки», поскольку считаю, что отдать кому-нибудь то, на что тот имеет подлинное и неоспоримое право — это не уступка, а долг и неременная обязанность; дать больше — это милость, требовать больше — это необузданность, но то и другое я хотел бы полностью искоренить в обществе вместе с произволом. Первое я ненавижу, о втором мне и думать страшно, но точно так же я ненавижу мрак деспотизма и произвола, осуществляются ли они отдельным лицом, особым классом или большой группой людей. Я хочу жить только под сенью одинаково всех защищающего и одинаково всех карающего закона, который являлся бы выражением свободной национальной воли, высказанной большинством. Подлинная собственность, а не собственность, являющаяся плодом вымогательства, должна быть действительно священна и навеки неприкосновенна, ибо если общество объединилось не для того, чтобы обеспечить неприкосновенность личности и имущества, то тогда я не понимаю, что же такое — общество. В то же время, я, признаться, не понимаю, каким образом могут перечисленные выше личные и имущественные права нарушить чье-либо право собственности? Я, а вместе со мной и многие другие не можем этого понять...

А ведь мои намерения, мои горячие стремления относятся только к этим правам и к тому, что естественно из них вытекает; все другие так называемые уступки, есть не что иное, как заплаты, как цветы, утратившие утреннюю свежесть и увядшие в полуденном зное. Однако в ряде случаев, уступки, по-видимому, до какой-то степени затрагивают право собственности, это относится, на-

пример, к барщине, десятине, девятой доле, выкупу участка. В отношении этих вопросов мое политическое кредо состоит в том, что административные органы, исходя из соображений общественной пользы, имеют все же право, если не отбирать собственность некоторых, то производить определенную замену с выплатой соответствующего возмещения, или так регулировать пользование ею, чтобы это не наносило ущерба трудолюбию и благосостоянию других. Это не новое утверждение и вовсе не теоретическое измышление, поскольку наши законы демонстрируют немало примеров практического осуществления административным аппаратом такого права...

Так разлетаются, подобно легкому дыму, все возражения, и если мы исследуем вопрос, руководствуясь чистыми намерениями, мы должны признать, что согласно закону поднятие так называемого «*misera plebs contribuens*» из его нынешнего низменного положения не встречает иных препятствий, кроме предрассудков,

Воззвание к венгерскому народу *

Земляки! Единокровные братья! Соотечественники! Во имя всемогущего бога, вступающего за правду и карающего за измену, призываю нацию к оружию, к защите нашей многострадальной венгерской родины.

Сколько мучений выпало на долю венгерской нации за последние 300 лет. Турки и татары бесчинствовали на земле нашей родимой отчизны; ее несчастный народ коварно предавали чужеземные советники королей и те неблагодарные, которых он считал своими сынами. Но с самого сотворения мира люди не знали еще столь гнусного предательства, которое готовят сейчас против нашей страны вероломные изменники.

Обездоленный венгерский народ! Если сейчас каждый твой сын, способный держать оружие в руках, не станет на защиту своего отечества, тебя истребят на твоей родной земле. Страну, которую твои предки обрели своей кровью, хотят предательски расчленить. Венгерскую землю, обильно политую потом и кровью народа и ставшую благодаря дворянству и вопреки пронкам коварных советников короля свободной, намереваются поделить между сербскими захватчиками и иллирийскими раскольниками, а тебя, горемычный венгерский народ, предать, уничтожить, стереть с лица земли, чтобы даже памяти не сохранилось о твоей несчастной родине.

Нет! Всевышний не допустит этого. Венгерская нация, которой за ее преданность, за ее долготерпение и неимоверные страдания платят ныне таким подлым вероломством, такой черной неблагодарностью, не окажется настолько малодушной, чтобы покорно склонить свою голову перед убийцами, не позволит погубить свою несчастную родину, отдав ее на позор и разграбление презренным изменникам.

Даже ничтожная тварь готова постоять за себя, если ее попирают ногами. Неужели венгерский народ трусливее ничтожнейшей твари? Кто не хочет стать бездомным бродягой, лишенным родины; в чьем сердце теплится хоть малейшая искорка чести; кто не

согласен носить тяжкие цепи рабства; у кого есть жена, дети; кто не хочет, чтобы на его глазах осквернили могилы его предков и чтобы собственные дети проклинали его; кому дороги свобода на земле и блаженство на небе, тот поднимется во имя всего святого и отчизны, дабы развеять в прах захватчиков и раскольников, свершить акт возмездия за вероломство, отстоять независимость Венгрии и законное право венгерского народа быть свободным.

Соотечественники! Прислушайтесь к моим словам. Я жил и страдал вместе с народом, и целью всех моих действий было благо народа. Это сущая правда, я говорю вам, как на духу.

Триста лет назад венгерский народ избрал короля с тем условием, чтобы он и его наследники, царствующие в Венгрии и поныне, правили ею как свободным и суверенным государством, в соответствии с ее собственными законами.

Только при соблюдении этого условия венгерский народ дал свое согласие на то, чтобы королевская власть переходила по наследству от отца к сыну.

Именно благодаря этому обладателем короны стал и ныне правящий король.

Один за другим 14 королей перед лицом всемогущего бога клялись оберегать свободу и свято блюсти законы страны. Но нам от этих клятв не становилось легче.

Ведь короли, вопреки многочисленным торжественным обещаниям, всегда обитали за границей, окружали там себя чужеземными советниками, которые, не питая особой любви к нашей родине, терзали народ, попирали наши законы, права и свободы.

Народ изнывал под тяжестью обременительных налогов, содержал чужеземных солдат, бесчинства которых усугубляли его несчастия, лишая покоя даже в собственном доме.

Но ни одного филлера * из огромной суммы взимаемых налогов казна ни разу не обратила на пользу народа. Король не считал нужным давать отчет в расходовании народных средств. Большую часть из них поглощала чужеземная солдатня, содержащаяся для угнетения народа; остававшиеся деньги переправляли в Вену и там транжирили, а народ был обречен на прозябание и безысходную нищету.

Ваших сыновей, братьев угоняли в солдатчину; но не для защиты нашей родины от врагов, а для того чтобы с помощью штыков венгерских солдат, оторванных от родных очагов, угнетать и держать в рабстве другие народы, точно так же, как опираясь на штыки чужеземных солдат, удерживали в ярме рабства и угнетали вас самих.

И никто никогда не давал себе труда объяснить нации, во имя чего проливалась кровь доблестных венгерских солдат, ваших сыновей.

Подавляющее большинство их погибло на чужбине, причем в последний путь их провожали проклятия народов стран, подверг-

шихся нападению; те же, кому через многие годы посчастливится вернуться на родину, возвратятся домой нищими, и некому будет вознаградить их за пережитые страдания, протянуть им хотя бы кусок черствого хлеба.

В поте лица вы отбывали барщину, платили разорительный оброк и десятину, терпели судебный произвол феодалов; у вас отняли все блага и гражданские права; плодами земли, обильно политой вашим потом, пользовались другие; будучи подневольными крепостными, вы, как и возделываемая вами земля, принадлежали феодалам.

Я, вместе с другими патриотами, на протяжении многих лет боролся за ваше раскрепощение.

Но коварные чужеземные советники короля противодействовали нашим стремлениям, препятствовали вашему освобождению, больше того: многих из нас преследовали, притесняли, бросали в темницы только за то, что мы не побоялись открыто и смело вступить за народ.

И поскольку сам народ был несвободен, мы не располагали силами, достаточными для того, чтобы отстоять независимость поращенной родины.

И наша угнетенная, преданная изменниками отчизна лишилась всех своих прав. Алчные чужеземные угнетатели превратили ее в дойную корову и руками предателей родины безжалостно, до крови выдаивали ее.

Многострадальная Венгрия стала страной бедствий, нищеты и рабства.

Вот такая, мои соотечественники, гнетущая обстановка сложилась в прошлом в нашей стране.

Наконец, всевышний, сочтя ваши страдания чрезмерными, сжалился над исстрадавшейся родиной венгров.

На прошлой сессии Государственного собрания * принятие законов всецело зависело от дворянства, но среди депутатов-дворян, в том числе и магнатов, было немало истинных друзей венгерского народа.

Лучше умереть, сказали мы, чем допустить, чтобы венгерский народ и впредь стонал под чужеземным игом.

Мы решили во что бы то ни стало вернуть нашей угнетенной родине свободу, причем сделать свободным не только дворянство, но и весь народ.

Дворянство великодушно решило поделить с народом все права, равно как и все тяготы и невзгоды.

И взамен оно не требует от венгерского народа ничего, кроме любви к своей родине и помощи в борьбе против ее предателей и угнетателей, за ее независимость.

И всевышний благословил нашу справедливую борьбу.

Мы вернули свободу народам Венгрии, Трансильвании, Хорватии и Словакии.

Мы отменили барщину, оброк и десятину.

Мы в равной мере распределили на всех бремя налогов и обязанности по защите родины. Мы предоставили народу все конституционные права и свободы.

И чтобы чужеземные порабитители не лишили народ его прав, а родину — независимости, мы учредили ответственное, подлинно национальное правительство, состоящее из людей, облеченных доверием большинства нации, истинных друзей народа, преисполненных решимости бескорыстно, от всего сердца способствовать благу и свободе народа.

Мы возложили на это национальное правительство обязанность свято оберегать права народа и независимость родины и ответственность за расходование народных средств с тем, чтобы поступления от налогов обратить на благо самого народа.

И чтобы национальное правительство не уклонилось от выполнения своего патриотического долга, мы предоставили народу право избирать в Государственное собрание своих депутатов. Они будут требовать от правительства отчета и принимать в интересах народа законы, в соответствии с которыми правительство должно управлять страной.

Все это мы провозгласили на прошлой сессии Государственного собрания и разработали соответствующие законы. Мы представили их королю, и король утвердил их, торжественно пообещав всегда следовать им.

Король сделал это по доброй воле. Поступить именно так его обязывал взятый им на себя торжественный обет.

Удовлетворению наших законных требований благоприятствовало то счастливое обстоятельство, что в ту пору в окружении короля не было, как прежде, коварных советников, ибо их прогнал восставший народ Вены.

Но едва минуло несколько недель, как заклятые враги Венгрии, словно шипящие змеи, снова опутали короля и стали плести тайные интриги против нашей многострадальной родины, ополчились против законных прав венгерского народа. И заговор коварных предателей увенчался успехом.

Заболевший нынешним летом король стал настолько беспомощным, что вероломные советники, прикрываясь его именем, привели нашу несчастную родину на край гибели.

Соотечественники! Вы должны знать в какие страшные бедствия уже повергло нашу родину предательство.

Ловко действуя от имени короля, изменники подстрекали к мятежу лютых рацов * и сербских захватчиков.

И те истребляют венгерский народ, убивают мужчин, женщин, детей. Они сжигают дотла венгерские деревни и хотят захватить исконные земли венгерского народа.

Прикрываясь именем короля, против нас выступили размещенные в нашей стране чужеземные солдаты, содержание которых

оплачивали вы же сами, трудясь денно и нощно в поте лица своего.

От имени короля изменники выдвинули Елашича полководцем в истребительной войне, развязанной против несчастного венгерского народа.

Орудя все тем же именем короля, изменники вызвали мятеж хорватов, которые восстали против нашей страны, хотя пользовались у нас равными правами с венграми, которые приняли их как братьев и предоставили такие широкие права, какими не обладают сами. Хорваты платят вдвое меньший налог, чем венгры; они не содержат солдат; из населенного ими края, словно прокаженная, изгнана кальвинистская и лютеранская вера наших предков; у них даже есть свое Законодательное собрание и они свободно решают свои дела, пользуясь родным языком.

Однако в ответ на все эти благодеяния, хорваты, предводительствуемые отщепенцем Елашичем, словно злые вороги, напали на нашу страну и грабят, убивают венгров. Прикрываясь именем короля, хорваты подбили к мятежу против венгров румын, и, осенив себя именем короля, в северные районы нашей страны вторглись вооруженные чешские захватчики, чтобы поднять против нас словаков.

Одним словом, прикрываясь именем короля, в пределы нашей страны со всех сторон вторглись враги, в результате вся она охвачена огнем и залита кровью.

Полчища вооруженных захватчиков, своры предателей-отщепенцев отовсюду хлынули на нашу землю и, устремившись в глубь страны, хотят стереть с лица земли венгерский народ.

Конечная цель этой истребительной войны — восстановить прежнее тяжелое положение, силой оружия лишить Венгрию независимости, а тех из нас, кто не будет убит, снова ввергнуть в рабство и нищету, снова надеть на нас ненавистное ярмо.

Мы в огненном кольце врагов.

Если мы не стоим за себя, нас истребят, уничтожат; наш народ перестанет существовать.

Встань же на свою защиту, многострадальный, любящий родину народ! Защити себя, свой очаг, своих детей, жену с такой же решимостью и бесстрашием, как ты поступил бы, если бы на тебя напали разбойники с большой дороги.

Если ты будешь защищаться, тебе нечего бояться, ибо на твоей стороне святая правда.

Но если ты не окажешь отпор врагам, сам господь-бог не поможет тебе.

К оружию же, страждущий, преданный изменниками, мужественный венгерский народ!

Вооружайся косою, мотыгой, всем, что есть под рукой!

Пусть дружно, как один человек, поднимется весь венгерский народ и спасет себя, спасет свое стонущее отечество.

Но если ты спасуешь и трусливо отречешься от своей жизни и достоинства, от родины своей, то я, всю свою жизнь боровшийся за народ, прежде чем сердце мое разорвется при виде гибели моей родины, прокляну тебя и каждое слово моего проклятия будет вещим.

Слово «венгр» станет постыдным на этой земле и равнозначным слову «позор»; если венгерский народ не постоит за себя и тем осквернит священную память предков своих, всевышний покарает его и изречет: «Сгинь, пропади пропадом, я раскаиваюсь, что сотворил тебя»; бог проклянет этот народ, сделает воздух, которым он дышит, ядовитым, землю, которую он обрабатывает,— неплодородной, и она не будет родить ничего, кроме чертополоха; родник, к которому он припадает устами, чтобы утолить жажду, будет источать зловоние; бог предаст его анафеме, и сколько бы венгр ни скитался по земле, подобно бродяге без роду и племени, ему никто не подаст милостыни, наоборот, вместо милостыни чужеземцы будут хлестать его по щекам; даже в своем бывшем отечестве он станет бродячим нищим, которого безнаказанно, как бездомную собаку, может прибить любой негодяй; на него будут натравливать цепных псов, и он уподобится прокаженному, которого обходит каждый встречный. Напрасно он будет уповать на бога! Вера не принесет ему утешения. Бог, чье творение он осквернил своей трусостью, не простит ему грехопадения ни на этом, ни на том свете; девушка, на которую он взглянет, прогонит его с порога метлой, как паршивую тварь; его супруга презрительно плюнет ему в трусливые глаза; и первое слово, которое произнесет его дитя, будет проклятием своему отцу; его мертвое тело будет валяться непогребенным, пока его не сожрут дикие звери или хищные птицы.

Да, избавь нас, милосердный бог, от такого проклятия! Но мы избежим его лишь в том случае, если дружно и смело, твердой рукой защитим многострадальную, преданную изменниками родину — Венгрию.

*Речь на массовом митинге в Сегеде **

Жители Сегеда, я с благоговением склоняю свою голову перед вашим городом, которым гордится вся нация и который моя многострадальная, поруганная изменниками родина, считает своей цитаделью.

Подъезжая к Сегеду, я опасался, что не найду нужных слов, но, увидев вас, убедился, что мои опасения напрасны, ибо вас не нужно ни в чем убеждать и, что мне не остается ничего другого, как преклониться перед вашим воодушевлением.

Если я как полномочный комиссар страны, один из членов Комитета обороны родины и организатор народного ополчения, заезжал по пути в тот или иной населенный пункт, чтобы пробудить в людях героические чувства, то в Сегед я прибыл лишь за тем, чтобы стать свидетелем вашего невиданного патриотизма.

Я не могу умолчать о том, что радость, с которой я взираю на воодушевление жителей Сегеда, омрачена опасностью, нависшей над нашей несчастной, преданной изменниками родиной, такой опасностью, какой не знают наши летописи. Она настолько серьезна, что некоторые столичные маловеры утверждают, будто дни венгерской нации сочтены. Но я категорически заявляю: это ложь!

Маловеры намереваются вступить в сговор с Елашичем, этим гнусным предателем, которого изменники избрали орудием осуществления своих коварных целей, надеясь с его помощью вырвать из наших рук недавно завоеванную свободу и независимость и снова надеть на шею народа ярмо рабства. Но я заявил: прежде чем я поступлюсь хоть малейшей крупницей свободы нации, завоеванной в упорной борьбе неимоверно дорогой ценой, я отправляюсь по стране и встречу с народом.

И теперь, взирая на вас, жители Сегеда, видя ваши пламенные взоры, я не премину написать в столицу, что население Сегеда гневно протестует против какого бы то ни было сговора с предателем. Могу ли я написать об этом? (Единодушные возгласы народа: «Да!»)

Хорошо, я напишу, что, увидев какой подъем вызвала любовь

к родине у тысяч жителей Сегеда, я обрел твердую, непоколебимую уверенность, что эта страна будет спасена, даже в том случае, если заговорщики вступят в союз хоть с самим дьяволом.

Христос, основавший царство небесное на земле, сказал одному из своих апостолов: на сем камне я воздвигну свой храм; я, подобно ему, тоже говорю: свобода зиждется на энтузиазме народа Сегеда, на его воодушевлении, и силам ада не одолеть ее.

Народ представляется мне таким всесильным, что если он поднимется в едином порыве, то своими могучими руками способен удерживать даже с грохотом обрушивающийся небосвод.

Соотечественники! Я обращаюсь к вам в исключительно ответственный момент; возможно, именно в эти минуты вступили в бой наши доблестные полки с полчищами предателей. Кто знает, что ждет нас: победа или поражение? Но что бы там ни было, я рассчитываю на вас, жители Сегеда. И в том и в другом случае мы будем нуждаться в поддержке народа: если победим — чтобы развить успех и добиться полной победы, если потерпим поражение — чтобы продолжать борьбу до нашей окончательной победы.

Итак, я спрашиваю в столь грозный час, в исключительно ответственный момент: найдется ли хоть один сын своей отчизны, хоть один житель города, который не выразит готовность сражаться за счастье горячо любимой родины, не щадя своей крови и самой жизни? (Народ единодушно заверил: «Нет! Не найдется!»)

Клянусь всемогущим богом, стоящим за правду и карающим вероломных предателей, клянусь, что до последней капли крови буду бороться, дабы не допустить малейшего ущемления свободы своей родины: клянусь, что буду защищать свою отчизну, пока способен поднять руку. Да поможет мне и благословит меня бог венгров! (Народ, сняв шапки и высоко подняв руки, повторяет вслед за оратором слова клятвы.)

В былые времена, когда родине угрожала опасность, наши героические предки обходили страну с окровавленным мечом, и при виде его на поле брани, как орлы, слетались доблестные венгры. Я же, в грозный час опасности, нависшей над родиной, высоко поднял знамя и поклялся не успокаиваться и не склонять своей мятежной головы до тех пор, пока не соберу под свое знамя всех сынов своей преданной изменниками родины, чтобы отстоять ее независимость в борьбе против предателей. И вот теперь, взирая на мужество народа Сегеда, я без колебаний передаю свое знамя Сегеду и сам становлюсь под него. Уповая на бога венгров и воодушевление народа Сегеда, я заверяю вас: близок час спасения родины. Если же на поле брани счастье нам не улыбнется, если исполнительная власть будет вынуждена покинуть столицу вследствие козней врага, в этом случае Сегед станет тем бастионом, опираясь на который — я в этом твердо уверен! — удастся отстоять национальную независимость и свободу нашей родины.

Жители Сегеда! Нас объединяет чувство товарищества! Среди нас нет больше знатных и незнатных, мы все сыны, граждане, братья одной страны. Следовательно, тесно, по-братски сплотившись, возьмемся за оружие и обратим его против предателей, будем готовы к защите своей родины.

Братья! Если бы я, направляясь в ваш город, вез с собой какую-нибудь необычайно радостную весть, способную вызвать всеобщее ликование, то гирлянды цветов были бы вполне заслужены мною. Но поскольку, я прибыл к вам для того, чтобы призвать вас к оружию, к спасению страны, то те букеты цветов, которыми усеяли мой путь ваши преисполненные воодушевления женщины, я не могу оценить иначе, как знамение грядущей победы, которую мы вскоре одержим над заклятыми врагами нашей родины.

Вся моя жизнь — непрерывная борьба и страдания; но в эту минуту я чувствую себя вознагражденным за все невзгоды. Однако сейчас не время почивать на лаврах. Я не преклоню усталой головы до тех пор, пока не смогу произнести слов писания: «Отпусти, господи, с миром слугу, ибо мои глаза узрели свободу и счастье моей родины спасенными».

Мою грудь распирают переполнившие ее чувства, многое еще я хотел бы сказать вам, но чувства мешают собраться с мыслями, найти нужные слова. Впрочем, я намерен остаться у вас на несколько дней, и еще представится возможность побеседовать с вами. Вот смотрите — со мной никогда не случалось ничего подобного! — слезы застилают мне глаза сейчас, и я не стыжусь их.

Янош Эрдейи

(1814—1868)

Янош Эрдейи (Erdélyi János) известен своими трудами в области эстетики, литературной критики, философии и поэзии.

Родился в семье крепостного крестьянина. В 1839 г. его избирают в Венгерскую академию наук. В 1843 г. Эрдейи становится секретарем крупнейшего литературного общества им. Кишфалуди. В 40-е годы он редактировал крупнейшие литературные журналы «Пешти Диватлап» и «Мадьяр Сепи-родалми Семле».

В годы революции Эрдейи руководит Национальным театром и редактирует газету «Республика». После поражения революции он в течение трех лет скрывается от ареста.

В 1851 г. Я. Эрдейи был приглашен на должность профессора литературы в горсд Шарошпатак. В 1857—1859 и 1864—1866 гг. издавал журнал «Шарошпатаки Фюзетек» («Тетради из Шарошпатака»).

Главные произведения: «О народной поэзии» (1842), «Индивидуальное и идеальное» (1843), «Четверть века венгерской литературы» (1859), «Венгерская лирика» (1859 и 1863), «Я, проза и форма» (1858), «Настоящее отечественной философии» (1857), «Философия в Венгрии» (опубликовано в 1885) и др.

*О народной поэзии **

Там, где историография становится бессильной что-либо сказать, а исследования тех, кто приподнимает перед нами завесу древности, теряются во мраке веков, там еще не окончательно выпадает из наших рук путеводная нить, там еще горит светоч, озаряющий и за пределами, казалось бы, недоступного, жизнь и дух того времени. Здесь слово принадлежит не историографии, а самой серьезной музе — истории; и подтверждением здесь являются не предположения, а сама жизнь в ее самом сокровенном проявлении — в поэзии, которая, подобно волшебному зеркальцу, верно отражает жизнь, даже тогда, когда она миновала. Значит, каждый народ прежде всего имеет свою поэзию, а потом уже историю, иначе говоря, поэзия — это и есть всякая история, передающаяся как святое наследие из уст в уста, из поколения в поколение в форме традиций, напевов и песен.

Через какие изменения проходит народ, прежде чем сразу или постепенно стать монолитной массой с едиными интересами, занять подобающее ему место в мировой истории, лишь providению известно. Ответить на этот вопрос нелегко, поскольку о своем детстве никто ничего не знает, а некоторые народы начинают замечать соседей лишь тогда, когда они порой ценой мучений добиваются или уже добились многого. Итак, история не может выдавать свидетельств о рождении народов. Да и редко встречается такой народ, который умирает на той земле, где он родился. Но что толкает его в поисках счастья по белу свету? Что это за тайные грезы, которые подсознательно связывают людей, единых в своих чувствах, и без явного согласия на то их воли влекут их, подобно тому, как инстинкт направляет птицу странствовать, а недуг — лунатика к волшебному сиянию луны. Пускаются они в дорогу по зову всевышнего, являющегося им то в виде туманного столба, то в свете молнии, оставляя четкие следы своих могучих дланей. И верю я в то, что немалая причина и сила сплачивает отдельных людей в народы или способна вырвать их из объединений, к которым

примкнули они волею судеб. Но сдается мне, что и удача порой оказывает влияние на то, жить им дальше или нет.

Воистину, ничто не удивляет больше, чем происхождение народов. Нет большего сюрприза, чем тот, который преподносит нам история, когда новый народ, не будучи ранее никем замеченным, вдруг предстает неожиданно-негаданно перед лицом мира и начинает говорить на совершенно неведомом языке. Но нет ничего отраднее для сердца, отраднее и для ума, чем сознание того, что мы можем шаг за шагом проследить его развитие, уловить ту точку, когда зародыш государственной жизни еще сокрыт глубоко в жизни семьи; когда природа и культура нераздельно выражены в нравах, пока каждая из сил этих не вырвется на свой собственный путь; а потом из рук провидения попадает народ во власть гражданских контрактов, ничем не прикрытого торга и законов; и культура начинает облагораживать природу, она подобна няньке, оставшейся при доме и продолжающей ревностно охранять уже взрослую, расцветшую в своей красе деву, имя которой — поэзия божья.

Еще в предысторические времена обретает народ свои характерные черты. В плоть и кровь свою впитывает он атмосферу, окружающую его, и влияние среды; он обретает основной свой тон, который проходит по нему, словно звук по струне; появляется у него и основное чувство, в котором едины отдельные люди, в котором открывают, находят они свою внутреннюю человеческую суть или то, что столь любо их сердцам, то, во имя чего они живут и умирают, то, что потом становится их характерной чертой и сохраняется навеки как своеобразие народа.

В те времена все хорошее было слито воедино с массой, и хотелось бы сказать: все, что находится с массой — это добро, ибо это и есть своеобразие, оригинальное. Страсти тогда еще голы и грубы, как музыкальный инструмент, не обретший еще своего подлинного звучания; справедливость еще ищется во вдохновении, главную гарантию ее находят в материальной силе, и коль скоро жизнь иль смерть зависимы от переменчивости удачи ратных дел, кровь и есть та цена, какую приносит народ на суд истории, чтоб быть уверенным.

Как в сумерках любой предмет выступает перед нами в гигантских формах, а в полумраке — различные явления сливаются в огромную картину, так и в народе, живущем во цвете юности своей, происходит приятное заблуждение, вершителей судеб своих, вождей он возвеличивает над собой в полубожество, сосредоточивая силу многих в небольшом количестве своих избранников, иначе говоря, он открывает своим героям Пантеон памяти — в поэзии своей.

Не ради пустого красноречия столь расширяю я рамки своего изложения. Но поскольку я буду вести речь о народной поэзии, мне хотелось наметить такой момент в ходе истории, в котором

можно найти идею во всей ее шире. И делаю я это потому, что по моему, из наших времен мы можем почерпнуть о народной поэзии лишь узкие и весьма неопределенные понятия, которые исказили идею народа как в жизни, так и в эстетике, и народную поэзию способны показать лишь отрывочно. Вот почему ныне многие не очень-то высоко чтят народную поэзию, исходя из ее сегодняшнего состояния; а под этим названием, пожалуй, лишь мало кто из людей подразумевает нечто большее, чем те немногочисленные народные песни, которые поэт пишет тогда, когда ему на ум приходят дватри выражения в народном стиле или когда случается, что драмы или роман он писать не имеет возможности. Если бы народные песни можно было бы творить, не выходя из дома, и все, что писатели так называют, действительно было бы песней народной, то я бы успокоился, ведь в этом случае так или иначе, пусть по крохам, но все же обогащалась бы народная поэзия.

Но летопись развития человечества глаголет нам иное: пора расцвета подлинной народной поэзии без исключения, как правило, опережает появление книгопечатания и приходится на эпоху, когда литературы еще нет. С другой стороны, по мере роста книжного дела у каждого народа звезда его поэзии закатывается все ниже; прогресс культуры постоянно сужает пути ее развития, пока, наконец, вовсе не вытеснит ее из жизни, как это и случилось у голландского народа, совсем предавшего забвению свои песни, за исключением уличных напевов; или искажает их, как это было в райских землях*, где поэзия, по новейшим данным, стала занятием лишь девушек, чтобы дурачить парней, а у персов превратилась в придворного шута.

Из сказанного выше, даже на первый взгляд, становится очевидным, что не каждая эпоха способна показать нам народную поэзию в ее жизненном величии и полноте, вследствие этого ее понятия в обиходе нет, оно утрачено из жизни, как древние замки, как герои, как полубоги, ведь над ними сомкнулось время, а жизнь разгладила в такую ровную поверхность, как ширь земная, как полотно, на котором горы и равнины изображены в одинаковой плоскости.

Не располагая понятием народной поэзии в такой его полноте, чтобы оно само могло бы дать себе же объяснение, мы должны посему шагнуть назад на несколько столетий, в глубь истории, когда поэзия, как озеро Балатон, как море, не осушалась, а была центром всех проявлений разума, откуда черпал народ свои законы, религию, историю, нравственность. И время это есть предэпоха, юность наций.

Нет сомнения, что времена, столь древние, не многим могут похвалиться, помимо даров, даваемых природой. Культуры, правда, еще нет, но тем могущественнее страсть, тем больше кипение чувств, ибо, как говорит один немецкий писатель, «вместо крови у людей расплавленное железо текло по жилам»*. Язык и поэзия без

всякого притворства, без собственных и внешних влияний являли собой неподдельную чистоту. Отсюда и все, что произведено на языке неграмотного народа и с помощью его на языке, таково, что возразить нельзя; ни грамматика, ни наука о прекрасном не критикуют этого, а принимают как готовое сокровище, следуют ему, как божественному изъявлению гения народа. Так нашел у греческого народа свои творения, или их большую часть, Гомер, а Фердоуси — персидские традиции в готовом виде. Так же произошло и у более поздних наций, особенно у англичан — Перси *, у немцев главным образом Гримм, у датчан — историограф Андре Велдель Сёфренсон. Так собрал известные ныне по всему миру сербские песни и былины Вук Стефанович Караджичи *; а у финнов за последний десяток лет Илья Д. Лённрот * записал замечательную поэму из уст самого народа, и это — «Калевала» в тридцати двух песнях; при этом, они прислушивались к голосу других европейских наций, прислушивались к тому, что добыто было ценой трудов и внимания путешественников и миссионеров, которые изучали и раскрывали характеры даже самых отдаленных и диких народов по их поэзии.

Если бы меня спросили, что за особенности, преимущества или недостатки имеет данный народ, я отнюдь не стал бы ссылаться на историю его, которая научит нас, по утверждению Хердера, как правило, тому, как позволял народ сей править собой и убивать себя; я сослался бы на остатки, дошедшие до нас в целом или обрывочном состоянии, поэзии народа, в которые вотканы и вдохнуты не только свежесть, прелесть и упорство языка, но, так сказать, каждое биение сердца народа, его любимые идеи, чаяния, вера, предрассудки, суеверия, вся сфера способности воображения, иначе говоря, целое мирозерцание.

В определение народной поэзии больше всего неясности вносит толкование слова «народ», и некоторые подобные понятия. Пожалуй, с тех пор, как в Риме записали «сенатус популюск романус», народ превращает свой низший слой — во что? вы спросите, в собственно народ. Итак, слово отныне берется в более широком и более прямом смысле. Однако здесь нет никакой надобности в такой классификации, она под стать статистике, если не считать за народ тех простоватых людей, которые землю обрабатывают, одевают чистое по воскресеньям и раз в неделю идут в храм божий. Это — простолюдины, «простой народ».

Более широкий и более прямой смысл охватывает и то, что уже упоминалось, а именно: культура, условия развития и потребности формирующихся буржуазных отношений сужают народную поэзию, но не ее понятие. После установления государств рано или поздно жизнь нации выходит за рамки жизни семьи, а некоторые представители нации становятся одни судьями, другие — воинами, третьи — священниками, учеными и прочее; а затем и простолюдины все больше получают воспитание, ходят в школу, доступной

становится им книга, и народ читает, наслаждаясь благами культуры, раз и навсегда теряет веру в традиции, в чудо, в сказочное; отсюда и вывод: в более открытую эпоху буржуазного прогресса эпос — поистине народная поэма — не пользуется большим успехом; религия не столь уж безупречна.

Народная поэзия всегда навеивает воспоминания о семейной жизни у данной нации, иначе говоря, о тех временах, когда государственная жизнь таилась еще в жизни семейной; привилегированных сословий не было, а если и были, то были они венцом, цветом народа; иначе откуда взяться в старинных романах и балладах сведениям о том, что люди благородных званий смешивались с народом, как неразрывная часть его; более того: сколько раз принцесса и пастушок находятся друг с дружкой в любовной связи? И будь мы, венгры, нацией, ну, скажем, вдвое большей, чем теперь, разве не было бы среди отдельных людей отношений, под стать тем, что существуют между членами одной большой семьи? Ведь «самый первый средь венгров есть король» *.

Народную поэзию следует отличать от той дикой и природной поэзии, с которой сталкивались путешественники у неизвестных новых народов, особенно сопровождаемую танцами.

Это напоминает мне формирование языков, где части человеческого тела, прежде всего мимика лица, играют главную роль, и язык жестов (*Gebärdensprache*) закономерно заменяет язык звуков, напоминающих лепет младенца, более того, в некотором отношении он даже предшествует им. Танец сопровождает поэзию, однако важной роли он в ней не играет: никакой определенности, никакой чистоты форм; лирический элемент мог бы господствовать здесь, но и он обрывочен, как радости момента; вспышки же его — пустое восклицание, и эстетика занимается им лишь постольку, поскольку для начала он хорош. И все, что следует затем в развитии духа, — есть продукт времен, тех самых времен, когда народ уже имеет историю, героев, испытал превратности судьбы, которые потрясают человека природы, однообразно живущего день за днем, изменяя, преобразуя жизненные отношения. Сдается, что природная поэзия всегда сохраняется, особенно у низших слоев народа, в скабрезных и грязных стишках, в языке шутов и разбойников; они, стишки сии — безвкусица; они — непристойность, и, будучи таковыми, принадлежат к поэзии точно так же, как к золоту — шлак.

Легче всего смешать народную поэзию с национальной. Различие здесь создают те основные черты, которые народный характер приобретает тогда, когда народ превращается в нацию. Какие бы договоры, конституции и формы правления ни были бы записаны в скрижалях нации, им не изменить духа народа, они всего лишь придают ему новые черты. Так получает нация некоторые особенности во внешних признаках, как-то: знамя, герб, национальные цвета, одежда и народные одеяния, но и они бесспорно обретут

такие форму и характер, идеи которых коренятся в самом нраве народа. Отсюда и происходит чарующая любовь к цветам национальным и к боевым знаменам в битвах; отсюда даже не пристрастие к костюмам и одежам, а исконная склонность.

С этой точки зрения и национальная поэзия есть не что иное, как канал, через который изливается мир страстей народа, но различие между ними двумя очевидно. Народная поэзия уже имеет свои эстетические идеи, которые принес с собой в жизнь народ, когда выделился из общего понятия человечества, но, с другой стороны, они, эти идеи, связывают народ с человечеством. Суть этих идей — вера, любовь, геройство. На этих чувствах зиждется поэзия. Нет такого народа, даже наполовину пробудившегося, который не воспевал бы эти чувства за исключением, если верить путешественникам, бедных ирокезов, которые пьют лишь воду и даже песнь застольную доселе не сложили и воспевают любовь ни одному из них на ум не приходит.

Характер национальной поэзии зависит от времени. Ее идеи в большинстве своем формируются и утверждаются современностью; но дух времени меняется, и что до сих пор было современным, ныне уже перестает быть таковым. Так появляются и в национальной поэзии взгляды и мечты, занимающие господствующее положение и полностью захватывающие душу целой эпохи; они распространяются чуть ли не на все области жизни нации, как например, воспевание самых сильных патриотических чувств, происходящее у нас вот уже несколько лет. Таким образом, национальная поэзия под определенным углом может рассматриваться и как нечто случайное, которому время настает именно сейчас. Но случай этот — не день рождения или именин кого-либо, а, как правило, национальный праздник, возрождение; и поэтому среди всех ветвей и видов поэзии самое сильное влияние на наши страсти, подчас становящееся насильственным, имеет родное национальное, родное наше. Народная же поэзия всегда направлена к чисто человеческому, свой мир она находит в семейной жизни, отношения которой на всей земле одни и те же; и по этой же причине и чисто человеческое должно обнаруживаться в семейной жизни; и поскольку здесь есть и страсть и более развитое чувство, то человек здесь проявляется человеком без всякой лжи; точно так же древнее искусство брало свои шедевры именно отсюда.

Для меня не имеет никакого значения, что в старинных английских народных поэмах, положенных в основу и прославленных трагедий Шекспира, встречаются имена Лира и Корделии, а не Эдварда и Кунигунды; мне все равно, где происходит действие, ведь событие должно было где-то там или здесь произойти; это — все внешнее и не что иное, как слияние с жизнью; но стоит рассмотреть внутреннее, зерно мыслей, силу эмоций, и сразу предо мной человеческое, т. е. изображение неблагодарности. Человечна особенно одна датская баллада, где говорится, как мать встает из могилы,

чтобы проведать детей своих, оставшихся на попечении мачехи. Баллада, хотя и противоречит законам природы, не является абсурдом, поскольку в ней воплощена вечная истина, реальность материнской любви.

То, что утверждаю я о двух видах поэзии, вкратце может быть сформулировано так: объект поэзии народной есть чисто человеческое; национальное же — любовь к родине. На обеих поэзиях эмалевый блеск характерных особенностей народа, причем следует заметить, что национальная поэзия со временем распространяется в народе, становясь народной песней, как английская национальная песнь, и это ее, поэзии национальной — наипрекраснейший триумф. Кстати, национальная поэзия в более широком смысле есть совокупность всех тех произведений, которые написаны на языке той или иной нации, но если и не написаны, — понимая это дословно, живут, летая на крыльях песен у народа или передаваясь из уст в уста, в понятие свое включая немецкую, венгерскую, английскую литературу.

Говоря о том, что давало на протяжении долгого времени духовную пищу для чувств народа, мы отличаем наш предмет от священной или культовой поэзии. Итак, царство поэзии словно раскололось на две страны: на светскую и на ту, что происходит не из этого мира. С первого же взгляда различие между ними очевидно. Достаточно сказать, что там, где в делах религии все происходит своим постепенным путем, как у древних греков или древних евреев, культовая поэзия тоже выходит из народа, в нем она берет начало, она родственна ему, а иногда даже составляет одно целое с ним; если же народу навязана данная религия, то после длительной борьбы и уговоров он хоть и воспримет ее, но воспринимает, приспособив к нравам и своему характеру, придав ей своеобразие. Так распространилось в Европе христианское вероучение, а в сочетании с особенностями отдельных народов и наций, породило то знаменательное явление, которое навеки разделило искусство древнего и нового времени; перед нами предстал романтизм.

Было сказано: культура наносит ущерб народной поэзии, и это справедливо, но зачем проклинать солнце за то, что оно согнало с небес зарю. Мать худеет, ребенок мужает; первая умирает, второй живет и сохраняет себя в роде своем. Согласно вечному порядку природы идет и развитие духа. Как бог, по преданию, создал человека по своему образу и подобию, так и развивающаяся поэзия должна отражать народное, иначе говоря, приобрести народный элемент; в противном случае она не истинна, а уродец, незаконно-рожденна, безродна.

В чем же состоит сила народной поэзии? Прежде всего в языке, в кристально чистом, благородном способе преподнесения материала, причем способ сей понятен всякому человеку чистого ума и здравого мышления, приносит ему радость и наслаждение. Итак, пусть воспримет просвещенная поэзия чистоту народа, все смелое

словотворчество народное, независимое от всякого закона, поговорки, жизненные черты народа, которые никогда не обосновываются ни грамматикой, ни синтаксисом; перевести же их дословно на другой язык — нелепость, а с другой стороны — невозможно. Такими выражениями и оборотами насыщен каждый язык, причем тем в большей мере, чем целее и здоровее по своей структуре организм его. Это не образы, не тропы, а неподвижные звезды языка, и, если хотите, жемчужины его, особенности, которые известны школе под названиями «граэцизмы», «галлицизмы» и т. д. В них и заложен народный элемент. Поэтом может быть тот, кто сможет пользоваться ими, выкладывая из них мозаику; по этой причине поэт может писать по-настоящему лишь на одном языке, который он впитал в себя с материнским молоком.

Без языка нет поэта, а посему язык и есть предмет, который вечно изучался всеми великими поэтами; и я думаю, что сама мысль в глубине души подобна голому ребенку, она не более, не менее, как пустое сновидение и не стоит больших трудов, как всякая игривая идея, поскольку приходит она сама по себе. А вот сохранить ее для жизни, вдохнуть в нее плоть и кровь и называть дитя по имени его — это уже заслуга слова, заслуга языка. Язык для поэта, что земля для Прометея, чтоб создать человека для принятия искры божьей.

А теперь о форме. Здесь к месту отметить, что она — одна из характерных черт народной поэзии, она неразрывна с песней. Взгляд сей ошибочен, если, не дай бог, понимать под песней то, что исполняет одна итальянская примадонна в новейшей опере, которую сочинили для нее, в соответствии с особенностями ее данных. Возьмем шестисложный греческий размер. Поистине, греческий народ пел так, и сам Фидий, как это описано, заимствовал идею о статуе Юпитера у уличного певца, исполнявшего песню на стихи Гомера; но правда и то, что народная поэзия, вещая о делах, достойных знания и памяти, разгадывая тайны господни, должна быть понятна, и не будучи написанной, народу манерой изложения материала и быть назидательной.

Вот так, по всей вероятности, песня, если даже и означала больше, чем декламация, не выходила за рамки торжественного повышения, взлета голоса, пожалуй, напоминающих нынешний речитатив. Здесь было бы целесообразным показать, что те старинные баллады, в которых история излагается с помощью участников действия, т. е. в диалоге, драматически, не только приятнее, но и лучше тех, которые подобны хронике и носят только повествовательный характер.

Причина кроется в том, что в них настолько больше изменений тона, а посему и вокальности, насколько больше действующих лиц участвует в балладе. Я точно не знаю, но думается: это является и причиной того, что, как утверждает Талви, даже лучшие древнеанглийские, скандинавские и германские баллады сложены в

такой же манере: они заимствованы из больших и длинных эпосов, которые монотонным повествованием убивали душу.

Пение потребовало необходимость ритма: через столько слогов должна последовать новая строка, где понизиться, где повыситься голосу, мотиву, словно волна за волной, словно нива, колышущаяся на ветру — все это строго обозначено и точно определено ритмом, который создается и устанавливается бессознательным искусством народа с помощью мастера, величаемого ухом. Так, в греческом гекзаметре первый слог третьей стопы должен кончать слово, равно как и в пятистопном ямбе. В сербских троях слово кончается во второй стопе; и сербы во всех своих формах весьма строго придерживаются этого правила, правила цезуры. А в отношении строк без цезуры, согласно утверждению венгерского переводчика сербских песен, даже простой серб — и тот сказал бы: этого спеть нельзя! Поэтому и не годятся для пения такие стихи: «Зинге, вэн ге-занг гегебен» (Уланд) или

Ты родине своей навеки
Будь верен, о мадьяр!
Она и колыбель, потом — могила:
Взрастит тебя, затем укроет.

(Вёрёшмарти) *

Такое тождество, в определенном месте и через некоторое время появляющееся вновь и вновь, и порождает целое мастерство стихосложения. Оно словно дыхание, словно биение сердца, словно звук прибоя, т. е. самое натуральное; точно так же, как и научиться ему человек может не у кого иного, а только у природы. Слог, рифма, стопы, рефрен — все это основано на идее повторения, и является условиями мелодичности; отсюда самым музыкальным языком является такой, который может объединить все эти качества в своих творениях.

А для этого я утверждаю: каждый народ имеет свою форму, подходящую для его настроения и темперамента, даже и в том случае, если форму сию он заимствует и берет не у себя. Шестистопный размер струится, берет начало из бодрой греческой души и гибкого языка; напротив, европейская культура распространила различные формы рифмы, в то время как сербская сохранила свою форму без рифмы, но с присущим ей размером. И если все народы пусть даже не имеют столь самобытной формы, как сербы, греки, тем не менее, нетрудно узнать, какую из форм они любят больше, узнать, в какой форме народ сочиняет и поет песни и баллады больше всего и краше всего.

Весьма естественно, что просвещенная поэзия и в этом отношении будет прислушиваться к духу народному. Поэтому никому не совершить более разумного, чем сделал Беранже, который стихи свои, за небольшим исключением, писал в соответствии с песенны-

ми формами, бытующими у французского народа, указывая перед каждым из них, на мотив какой народной песни они поются. Тем самым он добился того, что народ, зная мелодию, тотчас же пел ее со свежим текстом, и произведения Беранже прочно вошли в быт и быстро распространились по всей Франции.

Все можно легко измерить, только не ту сферу идей, в которой живет народная поэзия. Она, эта сфера — самый широкий мир приключений, являющийся плодом воображения. Какие образы, понятия, мирозерцание вкладывает в нее сила фантазии; она формирует эстетические идеи народной поэзии, ее объекты. Здесь разграничивающее действие или скорее разделяющее влияние оказывает климат, образ жизни людей. Такое явление наблюдается в поэзии южных и северных народов, находя при этом доступное и понятное объяснение. Однако не следует думать, что из-за различных климатических условий, способа правления, законодательства или каких-либо иных влияний, круг идей одного народа исключает другой, или даже они пересекают друг друга и сливаются, как круги на воде, как райская музыка на площади, которая слышалась Платону в небесах, идущая от звезд, и которая приводит к той истине, что поэзия народов есть лишь вариация тонов природы.

Я уже говорил о том, какие три идеи общи для всякой народной поэзии, причем на этих идеях зиждется стройная народная поэзия. Крайности сферы идей находятся во власти определенных видений, чрезвычайно фантастических, сказочных воображений. К таким относится блуждание души и та вера, согласно которой мертвецы не могут успокоиться в могилах, если их кто-нибудь обидел или они сделали это с другим. Покойный влюбленный навещает ее к оставшейся в живых любимой, мать — к своему дитяти и наоборот. Такой верой является плач ребенка-уродца, похороненного без святой воды или потерянного, и он слышится до тех пор, пока душа его не избавится от мук после свершения церемоний, которыми раньше пренебрегли. Бьет час духов; единожды, дважды, трижды пропоет петух, из недр земных послышится звон колоколов и в темноте над могилами начинает бродить призрак; человек погружается в гнетущий сон, ему видится, что он хочет бежать, но не может, а вот летать — да, может! Душа трепещет, волосы становятся дыбом, а подходящее волшебное словцо, осенение крестом и помощь божья превращают призрачное видение в ничто; утратив все чары, гигантская фигура, растворяясь в воздухе, исчезает, грудь освобождается от давящего груза, и дышать становится легче. К таким явлениям относятся и воображаемые феи и бог знает какие еще заманивающие водяные, воздушные, горные, и равнинные духи, а также те крайние мысли о превращении, которые карликов превращают в героев, влюбленных — в птиц и т. д.

Но какими бы странными ни были такого рода поверья, нынешнее христианство встречает их с радостью, поскольку на них лежит печать его самого. Это же можно сказать и про восток и про

древних греков. Поэтому сплошная нелепость мифологизировать их нам, да еще ныне, когда религия стоит совсем на иных устоях, проделав путь древнего мира сказок. Но греческая и римская культура была могуча, она сообщалась с христианской жизнью, как Италия, Греция — с морями; и есть пример тому, что в новой Европе, особенно в Голландии, да и в других землях, в том числе и у нас, крепостной и бюргер, влюбившись, воспевали слепого Амура, Купидона со стрелами, словно хотели воссоздать именно мифологию; но постепенно время научило народы чтить свои особенности, и в новое время не было более удачного поворота, чем тот, когда внимание обращают на ревностно хранимые сокровища каждой нации, на язык и литературу, когда люди стремятся познать себя духовно и физически.

Для этой цели выпускаются словари, большие и малые, куда ученые собирают богатства языка, спорят о том, что принадлежит ему, а что нет, учат народ, эту великую живую книгу, буквы в которой суть люди; и пусть не столь броско, как это делается на картах, когда обозначают границы стран цветными линиями, но стараются как можно вернее наметить их духовные владения. И, если отдельные слова в такой огромной мере могут завладевать вниманием ученых, то насколько больше получит национальное самопознание ценностей народной поэзии, где слова уже сплавлены в порядок и гармонию, а она, поэзия, не только филологическое, но и эстетическое богатство, выросшее, словно чертоги, среди руин Пальмиры.

Да, она — сокровище эстетическое, даже без знания Аристотеля или Горация. Ведь кто пишет народные песни? Народ. Или, согласно Гримму, они сами пишут себя. Это положение требует объяснения. Народная поэма часто сама подтверждает себя. В конце немецких народных песен в таких случаях ставится вопрос: «Вер ист, дер Ойх диге Лидляйн занг?», т. е. некоторые пели эти слова в конце песни. Известно, что многие английские баллады написаны неизвестными поэтами по народным мотивам и продавались за гроши и там и сям. И в сербских песнях есть некоторые указания на старых слепых певцов, как это делал и Шебештьен Тиноди*:

«Есть тому запись в Коложваре добром,
В книгопечатании Шебештьена Тиноди».

Об авторах протурецких, персидских и турецких песен зачистую можно догадаться; это напоминает средневековую живопись, в композицию которой включены портреты герцогов и графов, написанные художником. В большинстве же случаев известен лишь пол автора, особенно когда речь идет о любовных песнях. Однако пришлось убедиться, что у нашего народа одну и ту же песню в разных районах страны поют по-разному, или, если она исходит первоначально от одного, то при передаче из уст в уста легко до-

полняется, делается краше, лучше или наоборот. В конечном счете она не остается в той девственной чистоте, как это думал автор. Вот в этом и объяснение.

Кто бы ни сочинял народные поэтические произведения, среди них есть весьма красивые, как иначе слились бы они с языком народа настолько, что народ столетиями распевает их. Если любовно относиться к запорошенным пылью записям, более того, даже к конским подковам времен наших праотцов, то мы бы увидели, как золотом сияет глагол каждый во всякой песне доставившей сердцам наших предков радость. Но время обрело материальный дух и угрожает растоптать традиции. Посему тем бдительнее должны быть те, кого господь-бог, вдохнув в них душу от духа своего, произвел на свет славить сердца народов, чтобы уберечь все сохраненное доселе народом — чистый и настоящий язык, а также памятники его. Забота с языке возлагается на поэтов. Итак, мы подошли к тому, что зарю сказок согнало с небосвобода солнце серьезного разума, и о поэзии народной, достоянии бардов, мечтать уже нельзя. Да и к чему? Облака над морем никогда не иссякнут, сколько бы ни шел из них дождь.

Такое море — народ, жизнь. Если поэт черпает из него, будет кому и слушать поэта; будет находить он всегда открытые сердца всякий раз, пока нация не почувствует приближающейся кончины. Итак, учить народ, учить жизнь, идти в море, как Иисус, приняв милость души, в Иордан. Таково призвание, благородный долг поэта ныне.

*Индивидуальное и идеальное **

Когда мы говорим, что искусство творит по законам природы, мы понимаем под этим лишь аналогию с деятельностью природы. В этом смысле естествоиспытатели могли бы нас поправить, и, сославшись на авторитет своей науки, преподать урок того, как в каждом мельчайшем творении животворящая сила природы стремится вновь выразить свою специфику и тем самым отличить одно творение от другого. Мы видим это в так называемом царстве живой природы, где род проявляется не только посредством видовых признаков, но и среди последних имеется множество разновидностей, отличающихся, например, цветовыми оттенками.

Если мы признаем, что древнейшие закономерности искусств — ритмика в поэзии, ритм в музыке, изобразительность в живописи, монументальность в скульптуре и т. п. прежде всего проявляются в природе и только потом становятся известными в искусстве, как следствие того, что природа сама подсказывает эти законы, — то почему бы в таком случае не исследовать законы природы, по которым она творит. В этом случае мы узнали бы закономерности самого организма природы и сказали бы: все живое имеет свои основы и собственную целесообразность, даже в том случае, если мы не находим в нем ничего иного, как те же самые составные элементы природы, смешанные в различных пропорциях.

Ограничиваясь областью искусства, можно утверждать, что человеческая сущность и, в особенности составляющие ее основу четыре вида темперамента, проявляется в стольких сочетаниях, сколько есть людей на земле, и таким образом представляет бесконечное множество разновидностей. Поскольку человека как существо, наделенное моралью, характеризуют более высокие качества, чем, скажем, животных или растений, то видовые признаки в человеке тоже проявляются через индивидуальность.

Понять и изобразить человека в этой его особенности и своеобразии является, по нашему убеждению, задачей искусства, неза-

висимо от того, использует ли оно слово или изображение. Некоторые, рассуждая почти диаметрально противоположно вышеизложенному, не позволяют искусству дойти до последней, неделимой, живой единицы, до единичного и останавливаются на видовых или родовых признаках, заявляя, что целью искусства является показ в индивидуальном родового и называют затем этот метод идеализацией или идеализированием.

На основе этих принципов ученые обоих направлений создали свои системы, проводя резкую грань между ними, так что одну систему нельзя согласовать с другой без чреватого гибельными последствиями риска, ибо, как принято говорить, достаточно вынуть один камень из здания, как оно рухнет целиком. Эти эстетические системы, конечно, еще никого не сделали поэтом, но они воздействуют на творчество того, кто родился им. Большого ждать от них было бы глупо, поскольку ни одна из этих систем не имеет преимуществ перед другой. Речь, таким образом, идет не о том, как создавать поэтов, а о том, какой путь должны избрать для себя поэты, чтобы их искусство было жизнеспособным. Таким образом, мы рассматриваем систему как необходимое проявление законов разума, ибо если расшифровать содержание обеих систем, мы можем согласиться с той или другой только в том случае, когда наши посылки, начиная с самого простого и до самого сложного, пронизывают все ее части, связаны в одно неразрывное целое, но их взаимосвязь только тогда будет представлять какую-либо ценность, когда будет реализована на практике или, на счастье, будет воплощена в творчестве наиболее крупных поэтов.

Итак, два принципа, две системы выражены понятиями: индивидуализация и идеализация. В основе индивидуализации лежит знание предмета; к изобразительной способности художника присоединяется еще и другая сила — знание, необходимым условием которого является самое тесное знакомство поэта с предметом своего изображения с целью выяснения его постоянных и преходящих черт, необходимых и случайных признаков.

Благодаря этому автор приобретает возможность получить правильное представление о предмете, постигнуть природу предмета, его внутренние свойства, отличающие его от других предметов, характерные только для него. Когда это своеобразие, особенность предстает перед нами в картине, скульптуре или поэзии, мы можем сказать и говорим, что схвачено индивидуальное, и, вместе с тем, мы верим в его характерность, подлинность, ибо жизнь не может проявиться в иной форме, кроме индивидуального. Таким образом, мы хотим раскрыть предмет искусства из него самого, из его внутренней природы и судить о поэте не по выдвинутому строгому принципу, который можно якобы без всяких исключений применить к любому понятию, стоит лишь его познать, мы стремимся к тому, чтобы при суждении о каждом предмете искусства проводить серьезное исследование, ибо только таким образом возможно

выявить своеобразие идеи или индивидуальность предмета; каким образом, например, Шекспир добился того, что создал галерею злодеев, в которой ни один даже отдаленно не напоминает другого: Ричард III, Эгмонд и Яго не похожи друг на друга. Итак, надо проводить различие между качествами, присущими тому или иному предмету или явлению, и качествами понятий, рожденных в нашей голове, ибо понятие, скажем, злодея сложилось таким образом, что может относиться к любому из злодеев.

В жизни, в каждом отдельном случае, каждый злодей имеет свои отличительные признаки, которые и отличают его от ему подобных, в то время как понятие злодея предполагает всех их равными и одинаковыми, исходя из одного единственного мерила.

Тем не менее ошибаются те, кто понятие индивидуального рассматривает как сугубо материальное, ибо мы не желаем ничего иного, как придать данной идее, только ей и исключительно ей присущее облачение, в котором она может предстать на свет; наше утверждение в этом смысле согласуется с тем положением естествоиспытателей, согласно которому каждое тело настолько велико, насколько позволяют его объемы (*volumen*).

Мы утверждаем, со своей стороны, что ценность художественной идеи зависит от ее способности охватывать и выражать материальный мир. Таким образом, суть наших рассуждений сводится к сочетанию и согласованию духовного и материального, и ни одно из этих двух понятий не может первенствовать, подобно тому, как физическое тело не может выйти за пределы своего объема, но в то же время и не может быть меньше последнего.

Упрек в доминанте материального был правомерным лишь тогда, когда, по утверждению старой школы *, главным принципом творчества являлось подражание природе, поскольку подражание распространяется лишь на внешние, т. е. на материальные свойства вещей. В противоположность этому, мы считаем более правомерным обвинение нас в идеализме, в примате духовного начала, поскольку утверждаем, что человек творит в соответствии с понятиями, выработанными его мышлением. Именно ради того, чтобы избежать этих двух крайних и потому ложных мнений, мы стоим за принцип единства, при котором, как мы уже говорили, не будет предпочтения одному над другим (духовному над материальным или наоборот), а напротив все усилия будут направляться на соединение этих двух начал в тесном единстве тела и его духовных качеств на взаимозависимость формы и содержания.

Здесь следует сразу сказать, что мы не полагаем жизнеспособной в искусстве никакую абстракцию, не считаем, что в индивидуальном должно проявиться отвлеченное, не верим в то, что поэзии приносит пользу тип человека-принципа, выставленного в качестве образца. Мы не верим в это потому, что рано или поздно такое творчество, лишенное разнообразия, превратится в манерничанье, в штамп, художественный образ в этом случае изготавливается как

башмак, по одной колодке. Это сразу замечается в творчестве поэтов и художников, вступивших на сию стезю и обрекших тем самым свое искусство на вечное следование шаблону, на господство всеобщего, никого и ничего не выделяющего мерила, которое порождает однообразие и всех подвергает в скуку и уныние.

Учитывая главный аргумент наших противников, обвиняющих нас в материализме, мы зададим лишь один вопрос: является ли материализмом наше требование выявлять сущность каждого предмета, в том числе и при передаче внешнего его облика? С понятием камня мы, например, всегда связываем понятие твердости, а потому в каждом изображении камня, выходящем из-под кисти художника, желаем видеть это присущее ему качество.

Так же обстоит дело с портретной живописью; мы требуем от нее передачи внутренних качеств изображаемого лица; в равной мере мы хотим увидеть внутренний мир человека, узнать его душу в словах поэта, который раскрывает перед нами самого себя, заветные тайники своего сердца. Понятие индивидуального мы переносим не только на слово, но и на вытекающее из него действие, и желаем, чтобы поступки героев в драме проявлялись исключительно лишь в тех условиях и при тех обстоятельствах, которые продиктованы объективной необходимостью и психологическим состоянием персонажа. Более того, мы надеемся благодаря такому изображению получить от спектакля то высокое эстетическое наслаждение, за которое Шиллер так глубоко ценил Шекспира.

«Was er weise verschweigt, zeigt mit den Meister des Styls» *. Ибо то, что подразумевал поэт, станет понятным лишь тогда, когда зритель будет поставлен в те индивидуальные обстоятельства, при которых он сможет воспринять не только то, что сказано, но и то, о чем умолчал поэт.

Это подход не материалиста, подражающего природе, и не идеалиста, исходящего из мира идеального. В данном случае мы имеем в виду проявление в материальном духовного и в духовном материального, когда одно поясняет другое, и каждый предмет в искусстве, любое изображение в нем проявляется так, как в природе, как в жизни; следовательно, не просто наблюдение природы и подражание ей, а раскрытие единства тела и души, соответствующее жизни, свободное от крайнего увлечения тем или другим, подобно тому, как живой человек, являющийся перед нами, состоит не из тела и души, взятых по отдельности, а из их единства.

Из сказанного вытекает, что принцип индивидуального не только ничего не исключает из поэзии, но благодаря своей всеобщности, позволяющей применить его без промедления во всех случаях, является свидетельством жизненной правды искусства: в этом его главное достоинство. Однако путь, следуя которому мы достигнем такой цели, весьма долог. Идеалист придет к этой цели путем украшения некоторых облюбованных им (красивых) явлений, предметов жизни и природы, человек и природа изображается им

не в своих особых проявлениях, а в соответствии с отвлеченной абстрактной идеей. Натуралист довольствуется тем, что видит глаз, и то, что для глаза красиво, он возводит в принцип подражания в искусстве или литературе. Сторонник принципа индивидуализации не делает различия между явлениями природы и жизни, не признает отдельно безобразное и прекрасное, поскольку и то и другое дано нам лишь в чувственном восприятии, а это лишь начало осмысливания. Он подходит к каждому предмету, как садовник к растению, стремится ближе узнать его, познакомиться с ним поглубже и на основе этого внутреннего, подробного, глубокого познания, т. е. на основе истины, пытается охватить явление целиком.

Как ботаник не делает различий между растениями с точки зрения своей науки, и последний подорожник, в его глазах, стремится к своей цели и выполняет свое предназначение так же, как и самый могучий кедр, так и сторонники эстетической доктрины индивидуального оценивают предметы изображения, исходя из них самих. Они далеки от того, чтобы одно провозгласить прекрасным, другое безобразным, поскольку различные по своей природе, по функции, по образу жизни предметы не могут сравниваться друг с другом, а должны быть оценены и рассмотрены сами по себе.

Прекрасное не есть нечто постоянное для всех времен и народов, это не понятие, построенное на неизменном принципе, а понятие, зависящее от субъекта. Если найдется эстетик, который сочтет возможным выбросить слово «прекрасное» из той науки, которая скорее по привычке, чем по глубокому размышлению, называется «наукой о прекрасном», то это не будет с его стороны непоследовательностью, а явится мудрым утверждением, указывающим на то, что законы эстетики следует формулировать не по подсказке исключительно внешних органов чувств (глаз, ухо), а необходимо строить на вечных основах, которые выдержали бы могучее здание науки. Поэтому мы вынуждены признать, что понятия прекрасного и безобразного, в силу своей случайности, нам кажутся неподходящими для науки, в противовес же им поиски в искусстве характерного, индивидуального, поиски внутренней природы предметов и явлений, на наш взгляд, не могут вызвать серьезных возражений.

Разумеется, мы изложили свои принципы в упрощенно доступной форме... мы не сможем ничего иного сказать о наших противниках, обвинявших нас в узости взглядов, кроме того, что они, будучи идеалистами, всего-навсего исповедуют принцип идеальности, провозглашенный Винкельманом и Шиллером, первым в качестве теоретика, вторым в качестве практика. Признаемся самим себе, что до сих пор отечественные эстетики в своих высказываниях об идеале неизменно варьируют положение «жизнь — облагоро-

женная природа», которое, возможно, они сами и уяснили, но ни разу не изложили нам в доступной пониманию форме.

Прежде чем перейти к нашим дальнейшим рассуждениям, познакомимся теперь с представлениями и теориями некоторых ученых об идеальном.

Взгляды Винкельмана: «Высшая красота в божестве и понятие о человеческой красоте совершенствуется по мере приближения и согласования ее с идеей верховного существа». «...Понятие о высшей красоте кажется вещью самой простой, самой легкой, не требующей ни философского знания человека, ни изучения душевных страстей и их внешнего проявления...; ...но чистая красота не может быть единственным предметом нашего изучения: нам надо придать ей положение действия и страстей, т. е. то, что в искусстве мы понимаем под выражением».

«Образование красоты может быть или индивидуальным, т. е. направленным на единичное, или собирательным, т. е. состоять из прекраснейших частей, избранных от многих отдельных лиц и соединенных в одно целое, которое мы называем идеальным...» (Наряду с этим нельзя забывать, что идеальное может и не быть красивым)».

«...греки стремились соединить прекрасное из многих прекрасных тел. Они очищали свои образы от всех личных склонностей, отвлекающих наше сознание от истинно прекрасного».

«Греческим художникам, начавшим изучение красоты, были также известны примеры как бы двуполой молодости, которую создавало сладострастие азиатских народов, кастрируя красивых мальчиков, чтобы задержать быстрый бег ускользающей молодости» *.

Таковы рассуждения Винкельмана о прекрасном. Уже с первых его слов о том, что высшая красота заключена в божестве, он исключает нас не только из мира нашей интуиции и чувств, но и из мира нашего разума и фантазии, выдвигая критерием то, о чем мы не имеем ни малейшего понятия.

Если самое прекрасное — это бог, божественное, почему в таком случае, мы вынуждены в искусстве изображать бога в образе человека, а не человека в образе бога! Это происходит потому, что так называемая высшая красота, сверхпрекрасное не может явиться предметом нашего изучения и наблюдения, мы не в силах изобразить его в состоянии действия или страдания иначе, чем поместив его в человеческую среду. Ведь даже древнегреческое искусство, из которого выводит свои правила Винкельман, не смогло осуществить свои идеалы и не осуществило их, создав вместо них лишь типы и типические формы, которые запечатляли исключительно данный жизненный момент, живость и естественность настоящего.

Позже произведения древних греков воспринимались как холодные и застывшие внешние образы, в которых отсутствуют жизненное выражение и внутреннее чувство, благодаря чему их

рассматривали как воплощение покоя. Нельзя, однако, отрицать, что уже в древнегреческом искусстве мы находим заметные следы представлений об идеале и отказ от типических форм. Как ни знаменито изображение Аполлона Бельведерского, все же непредубежденный наблюдатель отдаст предпочтение скульптуре Ниобеи, в которой заключено гораздо больше от жизни и природы, или Геркулесу из дворца Фарнезе, который, хотя и изображен отдыхающим после подвига, но его взбухшие вены, еще напряженные после тяжелой работы мышцы, прекрасно передают в нем состояние усталости и борьбы, в которое его повергли поиски золотых яблок Геспериды.

Мы не говорим о голове Геркулеса, которая в данном случае изображена нежизненно и нетипично. То, что греки стремились выразить и обобщить представления об идеале прекрасного именно через изображение человеческого тела, а не лица, видно на всей древнегреческой скульптуре, в которой чрезвычайно редки произведения, где изображение лица стояло на том же уровне искусства, что и изображение тела. Вот почему у них отсутствовало внутреннее содержание искусства, художественное развитие, утверждалась противоестественность, которая увенчивалась кажущимся идеальным изображением скопцов и кентавров, ибо в них находила выражение изуродованная жизнь; и в то же время, мы не находим изображений Гермафродита, в котором равным образом было бы выражено развитие двух начал без постоянного доминирования одного либо другого. Вот почему мы не считаем возможным отвергнуть, подобно Винкельману, суждение Бернини, который полагал неразумным решение Зевксиса: последний, получив задание написать Юнону в Кротоне, выбрал для этого пять римских красавиц, заимствуя у каждой лучшие черты. Это являлось таким же насильственным сочетанием личных по своему роду элементов, как голова человека и шея лошади, как *undigue collecta tembra* у Горация; прекрасные сами по себе, они безгранично далеки друг от друга по своим пропорциям; смягчение же резких диспропорций и разницы между ними, стремление сочетать и примирить непримиримое является для любого искусства самой неблагоприятной задачей. Если вместо изобразительного искусства взять примеры из литературы, ведь большинство из наших читателей лучше знает поэзию, чем скульптуру, то можно сослаться на тех плохих поэтов, которые сегодня берут слова и образы отсюда, завтра оттуда, или на драматургов, искусственно нанизывающих явления и сцены. В их произведениях отсутствует оригинальная целостная природа, для изображения которой необходимо иметь вкус и способность к мышлению, она не может вовсе отсутствовать, ибо в противном случае обнаруживается несостоятельность художника.

Исходя из подобных принципов, говорит Винкельман, самые мудрые из древних художников стремились избежать бесформен-

ности и предпочитали отойти скорее от правды искусства, чем от красоты; с этой точки зрения и следует рассматривать облик Медузы, изображенной на кувшине, где она выглядит не старше своей дочери. Пусть упоминание об этих нескольких положениях, взятых из учения Винкельмана, послужит отправным пунктом наших рассуждений об идеальном.

Свои эстетические взгляды Шиллер изложил прежде всего в работе под названием «Über die ästhetische Erziehung des Menschen», в которой Шиллер использует эпистолярную форму для изложения своих взглядов на искусство. Он решительно заявляет, что «искусство должно оторваться от действительности и с достойной смелостью подняться над бедностью (потребностью), ибо искусство — дитя свободы и выводит свои законы из духовных требований, а не из материальных потребностей». Мы, сторонники индивидуализации, не считаем материю столь неполноценной, ограниченной и бедной, как Шиллер, и рассуждаем иным образом: материя или то, что служит предметом искусства, как таковая не произошла от самой себя, а следовательно, и присущие ей качества и внутренние свойства тоже не сами по себе вселились в нее, а дарованы ей с большей или меньшей щедростью высшей силой, созидательным духом. И в этом, дарованном ей состоянии, мы и воспринимаем материю как предмет искусства, воспринимаем со всеми ее качествами, которые под влиянием духа художника претерпевают новые преобразования. Материя вновь рождается в искусстве, отличная от первоначального своего значения в природе.

Таким образом, материя как предмет не имеет влияния на свою судьбу в искусстве, ибо один и тот же предмет, ставший объектом искусства, приобретает различные свойства и эстетическое содержание, в зависимости от воли и способности творца, или, проще говоря, из хорошего можно сделать плохое. С другой стороны, предмет искусства, а еще точнее созидательная идея, господствует над нами с помощью заложенных в данном предмете свойств и качеств. Поэтому отрицать их силу или вовсе не замечать ее, как это делает Шиллер, неверно по существу и создает одностороннее представление. Мы не видим в этом факте, как он, деспотического ярма материализма, которое-де надело на себя сгибающееся под его тяжестью человечество. Оставляя за материей все то, что ей свойственно, мы утверждаем важность подхода к ней, и таким образом, представляем власть духу над материей; потому мы признаем за искусством возможность влиять на материю, воссоздавая или перерабатывая ее. Жизнь того и другого — искусства и материи — переплетена и слита воедино, и необходимо, чтобы одно не подчиняло себе другого и одно не приносило бы себя в жертву другому (у идеалистов материя — духу, а у натуралистов дух — материи).

Шиллер, будучи идеалистом, впал именно в эту ошибку, когда «индивидуальное возвысил до родового», отказавшись от требова-

ний жизни, хотя сам учил в своем четвертом письме, что человека следует рассматривать как человека, не забывая за внешним обликом о содержании, ибо живое чувство тоже имеет право голоса. В этом же смысле Шиллер высказывается и в двадцать втором письме, но то, что он говорит там в заключении, противоречит и ему самому и нашему взгляду.

«В истинно прекрасном произведении искусства,— заявляет он,— все должно зависеть от формы, и ничто — от содержания, ибо только форма действует на всего человека в целом, содержание же — лишь на отдельные силы. Содержание, как бы ни было оно возвышенно и всеобъемлюще, всегда действует на дух ограничивающим образом, и истинной эстетической свободы можно ожидать только от формы. Итак, настоящая тайна искусства мастера заключается в том, чтобы формою уничтожить содержание». Как достичь этого, он советует ниже, доходя до утверждения, что в художественном образе человека следует уничтожить все индивидуальное и сохранить только понятие; т. е. в искусстве нужно таким образом, создать философскую схему человека — идеи, а не живую личность. В противовес этому тезису, мы утверждаем прямо противоположное и тем самым не только не убиваем содержание, а напротив именно в эстетических целях ставим его на службу духу.

Борьба Шиллера с философскими и эстетическими категориями, стремление отождествить первые со вторыми, со всей очевидностью проявляется в десятом письме, в котором он пишет: «Это чистое, разумное понятие красоты (*reiner Vernunftbegriff der Schönheit*), если вообще может быть найдено такое понятие, должно искать путем отвлечения, и оно может быть выведено из возможности чувственно разумной природы (ибо почерпнуть его из действительного факта нельзя, так как это понятие само определяет наше суждение относительно каждого действительного факта и руководит им): одним словом, красоту чужно понять как необходимое условие существа человечества. Итак, мы должны теперь подняться до понятия человечности, и так как в опыте даны отдельные люди в том или ином состоянии и никогда не дано человечество как таковое, то нам приходится выявлять общее и непреходящее (неизменное) из отдельных и изменчивых явлений, и отклонив все случайное, иметь в виду необходимые условия его существования. Правда, этот внеопытный (трансцендентальный) путь отдалит нас на время от близкого нашему сердцу круга явлений и от живой сущности предметов и поведет нас по путям отвлеченных понятий; однако мы ведь стремимся к твердым основам познания, и тот, кто недостаточно смел, чтобы перейти границы действительности, тот никогда не завоеует истины».

Таковы послышки Шиллера, являющиеся вполне философскими, но от того, что они философские, становятся ли они одновременно эстетическими?

Мы не можем согласиться с Шиллером, особенно со следующим его положением, вытекающим из пятнадцатого письма: «Предмет чувственного побуждения, выраженный общим понятием, называется жизнью в самом обширном значении этого слова; предмет побуждения к форме (Formtrieb), выраженный общим понятием, называется формой»*.

Мы никак не можем подписаться под таким определением, ибо сколько ни рассуждай таким образом, неминуемо впадешь в крайность; мы полагаем другое: существует предмет и он обладает той или другой формой, ибо он живет, и наоборот, нет жизни без формы; искусство поэзии и живописи потому и возвышается над другими видами культуры и претендует на название живой и животворящей науки, что господствует благодаря своей форме, охватывая в самой себе все условия существования, удовлетворяя самое себя.

«Красота в идее,— говорит Шиллер в шестнадцатом письме,— вечна, едина и неделима». На это мы заметим, что именно так и возникает трафаретное искусство, подобное картинам Льюини, в которых, увидя одну женщину, ты узнаешь всех остальных!

Идеал сообщает величественность живой форме — так может думать про себя художник, создавая для себя любые цельные и благородные образы, но если, приняв эти образы и идеи, он будет копировать их, если он все жизненное приравнивает к идеалу, натягивает на раму возведенной им идеи, он лишает произведение искусства жизни, создает штамп и шаблонный тип.

Мы верим не в идеал, а в идею, не в идеальное, а в идейное, т. е. стремимся до конца проникнуть в любую идею, придающую жизненность любому предмету или явлению, будь то цветок или человек. Таким образом, мы желаем познать жизненную основу существования любого предмета с целью преобразования его и введения его в круг искусства. Чтобы не быть голословным, сошлемся опять на самого Шиллера, не потому, что он не отличался от других, а потому, что он, за исключением «Лагеря Валленштейна», никогда не изменял самому себе в подходе к характерам персонажей в драме. К этому же подходу в драме, дабы расширить круг примеров, можно причислить всю новую французскую драматургию, уже не говоря о классиках, ибо, начиная с того, как Виктор Гюго по-солдатски поставил свои произведения на пять основных принципов, ни одна французская пьеса не посмела или не смогла превзойти их и расширить свои рамки. Поэтому и нет во всей мировой литературе явления, подобного Гюго. Мы встречаемся все время с одними и теми же образами, и то, что у Гюго было оригинальным и новаторским, сегодня является шаблонным и фальшивым.

Таким образом, каким бы благородным ни был идеал в морально-этическом или эстетическом отношении, со временем он искажается, как Венера, которая поначалу олицетворяла собой чистую любовь, а позднее пала до олицетворения грубой чувственной

похоти. В противовес этому, жизненную свежесть искусству может придать интерес к новому.

Те бледные доктрины об идеале не могли быть порождены не чем иным, как пристрастием к абстрактному, ибо и эстетику некоторые хотят разрабатывать не только с точки зрения ее самой, но и в философском и моральном аспекте, объединяя в идеале хорошее, прекрасное и правдивое. Но природа не сдается и не оставляет себя неотомщенной. Действительность жизни или жизнь какова она есть в такой же степени отвечает эстетической истине, как в этике учение о том, что если вы хотите, чтобы люди пошли за вами, вы тоже должны идти с ними, или, как знаменитое «*cogito, ergo sum*» (я мыслю, следовательно, я существую) в декартовской философии, как дважды два четыре в математике.

Таким образом, если философ полагает, что понятие рода выше понятия вида и на этом основании считает должным перенести его в эстетику, он тем самым лишь принижает его, ибо убивает в нем ступень содержания (*das Kerhafte*), движение жизни, ибо чем выше понятие, тем меньше в нем содержания, подобно атмосфере, окружающей нашу планету: чем выше поднимаешься, тем она разреженнее, и в конце концов становится неуловимой и неосязаемой для наших органов чувств. Ведь в математической науке наибольшее содержание заключено в единице, ибо любое число есть лишь результат, совокупность единиц — множество, а все, что меньше ее, — лишь частица единицы; так же обстоит дело и с единичным, индивидуальным в эстетике. В нем раскрываются не только все условия жизни, но и обнаруживается самостоятельная цельность, т. е. мы можем видеть жизнь в достойной самой себя полноте; только с помощью индивидуального мы с наибольшим успехом и правом защитим принцип простоты, не желая творить красоту из красоты, а стремясь к тому, чтобы воссоздать жизнь, следуя за идеей, как величайшие поэты, чей пример лишь подтверждает правоту высказанных нами тезисов.

* * *

В нашей литературе объяснение идеализации как приукрашивания или поэтизации первым дал Казинци* во многих местах своих прозаических и непрозаических произведений. И он же, одержав победу в борьбе за неологизмы, авторитетно ввел это понятие в эстетику, что явилось у него не результатом его научных исследований, а просто отзвуком знакомства с зарубежной и прежде всего немецкой эстетикой. И это неудивительно, ибо даже такие большие поэты и критики, как Лессинг и Гете, не были едины в своей теории и практике, и сами писали иначе, чем учили других. Как ни прославляет Гете актрису Филие в «*Meister Vilmos*», считая, что она исчерпывающе выражает собой весь род актрис, тем не менее она создала индивидуальные образы, которые скорее представляют

самих себя, чем родовые признаки философской системы. Кроме того, Гете достаточно часто высказывал свои эстетические взгляды и то, что он назвал «поэтическим правдоподобием», есть не что иное, как склонность к явно намеченной определенной индивидуальности. Казинци, как мы знаем, находился под его влиянием и был большим ценителем прекрасного, точнее приукрашенного, о чем свидетельствует его оценка бюста Чоконаи *; «Это не Чоконаи, да и в том нет необходимости. Пластические искусства имеют своей целью не сходство, а поэтизацию». Или о скульптуре Ференца *. «Лицо Ференца идеализировано, приукрашено, однако, верно, как и подобает пластическому искусству».

Высказывая такие суждения, он исходил из своих принципов. А между тем, кто поймет такое искусство, которое вместо Чоконаи показывает не Чоконаи, как совместить идеализацию с жизненной достоверностью, если это два противоречащих друг другу понятия? Казинци как эстетик был очень разборчивым и даже подчас привередливым критиком и больше полагался на свои глаза, чем следовало бы, не идя, таким образом, дальше внешнего. Кельчеи же, как и он, тоже был приверженцем идеализации и это он показал в начале своей критической работы о творчестве Бержени. Но в то же время он упрекал Шиллера за то, что тот в своем реферате «О комическом» не идеализированную природу ставит за рамки поэзии, и приводит ему в пример Бюргера, доказывая, «сколько прекрасного света разлито на лоне невозвышенной (неприукрашенной, необлагороженной) природы». В этом Кельчеи безусловно отклоняется от застывшего идеала, что весьма похвально для его самостоятельного, оригинального образа мышления, но это еще не дает основания говорить, что здесь имеет место отступление от самого принципа идеализации. Если бы Кельчеи лучше и больше знал изобразительные искусства, он наверняка разочаровался бы в своих представлениях об идеале, и, спустившись хотя бы на одну ступеньку ближе к земле, мог бы стать у нас основоположником новейшей критики — ведь он и теперь придерживается и старой и новой доктрины.

Более сильное влияние оказал принцип идеализации на Бержени *, чьи взгляды, в своей основе, мы считаем, правда, опровергнутыми рядом критических статей о нем; принцип идеализации он низвел к словам. В антикритике, написанной против Кельчеи, защищая неологизмы венгерского языка, он утверждает: «чем выигрывает мое стихотворение, если вместо „эфирное“ я скажу „небесное“, вместо „нивы“ — „луга“? Наверное только потеряет, ибо вместо идеальных слов получит обыденные, самая большая польза которых сводится к тому, что они не так бросаются в глаза, как те; с точки зрения холодного исследователя, это выигрыш, но в глазах идеального критика идеальное выражение во многом бы снизилось, тогда как существо дела осталось бы таким же, как и было». Это утверждение обнаруживает школярские взгляды нашего

поэта, доведенное до наивности манерничанье понятием идеализации. Выяснения существа дела достаточно, на наш взгляд, это и есть водораздел, разделяющий нас от эстетиков, проповедующих приукрашивание и облагораживание.

Еще дальше заходит Бержени, когда, подвергая критическому разбору поэму М. Верешмартти «Две соседние крепости», это, на наш взгляд, лучшее его эпическое произведение, упрекает ее героев в каннибализме. Бержени, исходя из критерия христианской философии, согласно которому предметом поэзии может служить лишь «идеалистический идеал», заявляет: весьма противостоительно выглядит, когда герой, плача, ест и пьет, и делает вывод, что в душевном мире поэзии вообще не может быть изображения еды и питья. И далее: «признаюсь, что в моих глазах... изображение стакана вина в произведениях литературы — это прозаизм, точно такой, как винная фляга на боку храброго и гордого витязя!». Пожалуй, довольно! Сегодня Бержени, пожалуй, лишился бы чувств, прочитай он «Цыган из Надьиды» * или «Хари Яноша» Гараи * или, увидя многочисленные отступления от идеализации в произведениях М. Верешмартти, например, такие строки: «Вино игриво, как цыганка», или у Петефи — «козлятина», «наелся доотвала» и бесчетное множество других характерно венгерских выражений, благодаря которым многие считают его плохим поэтом, хотя, к счастью, мы перешли уже за этот рубикон. Такие слова, как «Олимп, эфир, мирт» и подобные «идеальные» слова, слава господу-богу, искореняются из нашей поэзии, чему радуются все люди здравого чувства и вкуса, несущие в себе понятие неприкрашенной действительности, характерности и правды. Шатобриан как-то сказал: «Прекрасно только то, что правдиво». Мы разделяем этот взгляд.

Байза * еще решительнее, чем Кельчеи, и не так подробно, как Бержени, писал об идеале: «Как известно, одной из главных обязанностей поэта является идеализация предметов, а это не что иное, как возможно более совершенное и возвышенное облагораживание картин природы, действий и чувств человека. Подлинный поэт воспринимает этот постулат таким образом, что стремится избавиться от всего низкого, пошлого, повседневно в предметах, явившихся объектом для своего произведения, и, собрав воедино рассеянные лучи совершенной жизни, гармонически сочетать их в известной точке». Более подробное изложение этого взгляда наш знаменитый писатель дает несколько позднее: «Для любого художника... единственным предметом изображения является эстетически прекрасное, и это эстетически прекрасное он переносит из природы в мир искусства, причем в атмосфере искусства эстетически прекрасное природы должно подвергнуться изменению и оно действительно изменяется, приобретая качество идеального; эта идеализация разливает и отделяет красоты материального мира от художественно прекрасного: без этого вмешательства художествен-

ность искусства и повседневность природы выполняло бы, собственно одну и ту же функцию, и я не вижу причин в этом случае заниматься искусствами, если все то, чего мы ждем от искусства само по себе есть в материальном мире и может быть нами обнаружено в прозаичной природе.

Конечно, прекрасное существует в природе и может быть там обнаружено даже тогда, когда оно возведено в идеал, ибо идеал есть не что иное, как облагороженная природа, но в голом виде, как продукт материальной природы оно не может быть перенесено в мир искусства».

Из этих рассуждений явствует, что Байза был эклектиком, пытавшимся отобрать и соединить совершенства, рассеянные в природе. Однако мы не можем не заметить, что таким методом, таким путем искусство никогда не сможет достичь органичного творческого единства, не говоря уже о том, что гармоническое соединение различных компонентов природы — задача непосильная. Никто не стал великим, находясь на почве эклектизма; того, кто ради внешнего жертвовал душой, обычно захлестывала манерность, пестрота. Великие творцы создали произведения однородные, самостоятельные, новые, и не смешанные искусственно из разных материалов; более того: именно через них передавалась преемственность от цельных произведений одной эпохи к другой, тогда как художники-эклектики в период междоусобицы, когда отсутствовали подлинные мастера искусства, создавали произведения посредственного вкуса, находящиеся на грани ремесленничества и искусства. Кроме того, Байза, сам видя прекрасное в природе, пытается выйти за рамки окаменелой доктрины об идеале, однако его ошибка заключается в том, что он воспринимает природу только лишь как чисто материальное, тогда как в ней повсюду видны следы идеи, творческой души, духовности; доказательство тому, помимо всего прочего — все возрастающее наслаждение, которое испытывает, наблюдая природу, человек по мере того, как узнает ее. Все, что имеет свои законы, наделено духом; а природа имеет свои постоянные законы.

Среди приверженцев идеала последним прозвучал голос Густава Сонтага* во втором выпуске шестого тома трудов «Общества Кишфалуди». Анализируя «образный мир прекрасного» на основе наших знаний, полученных от зрения и слуха, он преимущественно не выходит за рамки внешнего. Как ни сильно влияют эти два органа чувств на формирование нашего опыта и знаний о мире, тем не менее, это еще не все. Примером могут послужить животные, чьи слух и зрение значительно острее нашего, а между тем они не могут воспринимать искусство. Впрочем взяв за отправное знание, а не голос воображения, Сонтаг лишь на йоту отошел от принципа, который мы считаем единственно истинным, а в той части, в которой он ошибся, это произошло, как мы думаем, потому, что он не смог до конца освободиться от влияния авторитетов.

Эти авторитеты и заставили его дать противоречивое толкование прекрасного и безобразного, а также сослаться на идеальную «высшую ступень», несмотря на то, что он утверждает: «мы отделяем искусство от философии, рассматриваем высшим призванием и целью искусства единственно — украшение жизни, а целью философии — просвещение и облагораживающее влияние».

Таким образом, Сонтаг, с одной стороны, сам себе противоречит, ибо считает высшей ступенью именно философию и прямо заявляет это, несмотря на то, что отделяет философию от искусства; с другой стороны, он отступает от доктрины об идеале, требуя облагораживающего влияния не от эстетики, а от философии. Однако все, что проповедует Сонтаг, станет яснее после приводимых им примеров, один из которых — случай с И. Г. Жоке, который считал идеалом красоты свою жену, даже тогда, когда она постарела. По этому поводу Сонтаг замечает, что Жоке не желает отступить ни на йоту от своих взглядов, и нам якобы не остается ничего иного, как капитулировать перед его доктриной идеала. Этот пример не подходит нам потому, что субъективен от начала до конца; мы тоже верим в идеалы, например, в области морали: таков в данном случае и идеал Жоке, который не имеет никакого отношения к эстетике. Мы допускаем, что для Жоке его жена всегда остается идеалом; но какой она представляется нам — другой вопрос. В науке, если она принимает в качестве принципа идеал женщины, требуется такой объект, который соответствовал бы действительности не только в глазах мужа, но и в глазах других людей.

Высказав некоторые соображения по поводу специфики индивидуального и идеального, мы, собственно говоря, только едва коснулись самого предмета, величие которого в глазах тех, кто понимает и способен рассуждать, и так уж очевидно, но подлинное значение и ценность его можно охватить лишь благодаря систематическому изучению и критическому анализу. У нас эстетика до последнего времени напоминала забытую целину, ибо мы едва располагали тремя-четырьмя мыслящими умами, занимающимися ею по убеждению. Да и они писали по эстетике от случая к случаю, по частным ее проблемам, тогда как к подлинному пониманию предмета следовало искать иной подход, и, в первую очередь, познакомиться с зарубежными работами по эстетике, чтобы забить в одну из эстетических систем собственные сваи из покуда разрозненных наших взглядов. Вступить у нас на столь неподготовленное, заброшенное поле с совершенно новой наукой — поистине не малая дерзость.

В этом смысле все наши теоретические рассуждения, возможно, ждет судьба принца Ахмеда из «Тысячи и одной ночи», который, состязаясь со своими братьями в стрельбе из лука на дальнее расстояние, запустил свою стрелу так далеко, что вовсе потерял ее. Все это так, но не стоит забывать и о том, что эту стрелу

подобрала одна прекрасная фея, которая заманила отправившегося на поиски стрелы принца к себе и принц от этого нисколько не проиграл, скорее, наоборот, так как обрел вместо кажущейся потери прекрасную реальную награду — любовь сказочной феи. Так и у нашей науки, мы верим, есть будущее, даже если и нет настоящего; причиной последнего является единственно то обстоятельство, что нет настоящего у всей эстетики.

Чтобы подкрепить примерами наши утверждения, мы везде ссылаемся прежде всего на народную поэзию там, где она хоть в малейшей степени развита и сохранена. Интересно увидеть, каким образом включают народную поэзию в свою эстетику и поэзию сторонники идеализации, провозглашающие принцип обобщения, если они называют безобразным, низким и пошлым то, что является таковым лишь с позиций их сверхутонченного, подчиненного правилам этикета вкуса. Подобные эстеты найдут много безобразного, неподобающего, «грязного» и обыденного в творчестве величайших поэтов мира, как нашел это, к примеру, наш Бержени, который до предела сузил границы прекрасного, расположив направо прекрасное и налево — безобразное.

С наступлением новых времен, трактовка поэзии как «праздничной», а не «будничной» все более не выдерживает критики, ибо поэзия должна стать общим достоянием и выражать художественный вкус народа и эпохи; вот почему, обнаружив в Шекспире или Гете открыто грубое, мы не должны немедленно применить теорию безобразного, а должны подумать о том, что кажущееся не принадлежит искусству на самом деле, благодаря вмешательству художника, принадлежит ему, и наоборот; ибо, если и существует в быходе безобразное, то все зависит от того, как оно преподносится, в этом заключается искусство и из безобразного предмета материального мира точно так же может быть создано произведение искусства, как и из предмета, приятного для глаза. Если Гейне был в чем-то прав, то прежде всего в том, что утверждал: легче изобразить ангела, чем цирюльника, так как изъяны при изображении последнего может заметить любой смертный человек.

Аналогичным образом сторонники идеализма впадают в ошибки при толковании национального своеобразия, поскольку оно так же отходит от общего понятия прекрасного, как и народная поэзия в узком значении этого слова. Свидетельствами тому в нашей литературе являются прежде всего те представленные на конкурсы критические работы, которые посвящены народной и национальной поэзии. Авторы этих работ оказались бессильными перекинуть мост между поэзией идеально прекрасной и поэзией национальной и вынуждены были покинуть почву пустых и бессодержательных общих рассуждений о прекрасном, как только речь заходила о подлинной поэзии, дающей изображение плоти и крови, поэзии, выраженной формулой «жизнь, как она есть», и, исходя из этого, не требуют появления на сцене ни ангела, ни дьявола, а исключи-

тельно только взятого из жизни живого человека. Встает вопрос: благодаря какому принципу можно достичь этого наикратчайшим путем, идя по линии индивидуализации или идеализации? На этот вопрос, нам кажется, не может быть иного ответа, чем тот, который напрашивается сам собой и подсказывается любому мыслителю самой правдой жизни.

Рассматривая эти два принципа с точки зрения практики, опираясь, с одной стороны, на наши собственные доводы, с другой, — на пример некоторых великих художников, мы видим расцвет нашего искусства только в осуществлении принципа индивидуализации и характерности. Разницу между Шиллером и Шекспиром заметит каждый, кто читает с умом. Он сразу поймет, что, идя разными путями, оба они были великими, но не могут быть объединены под одно эстетическое знамя; но выбор здесь не труден. Надо только найти и раскрыть ту жизненную силу, которая их вела за собой.

Шиллер прежде всего был идеалистом. Какой англичанин, француз или венгр, находясь под влиянием Шекспира, не будет завидовать его славе? Англичанам же из-за Шекспира завидуют все, любая нация. Вот он, плод эстетических принципов и убеждений! Можем ли мы дать лучшую рекомендацию нашей поэзии, парящей в облаках на крылатом Пегасе, которая вместо того, чтобы изучать жизнь и человека, поклоняется холодным идеалам? Здесь нам приходит на ум то, что мы знаем о Казинци, который, читая одно стихотворение Кельчей («Девушка при свете луны»), заметил: «Кельчей не помешало бы научиться покрепче обнимать девушек».

Это замечание мы перефразируем так: да, не мешало бы нашим поэтам лучше узнать жизнь, душу своей родины, ибо только зная жизнь своего народа, можно создать вдохновляющие, жизненные, самобытные произведения, живущие в вечности.

Если бы мы считали необходимым продолжить и дальше нить своих рассуждений, мы отправились бы на родину эстетики — Германию и процитировали бы ее новейших поэтов, которые, спустившись с высот старых идеалов, стали ближе к жизни, за что мы можем быть только благодарны, ибо они принесли нам новые доказательства нашей правоты оттуда, где идеализм был развит до такого предела, что вынужден был спуститься с облаков на грешную землю, на поле практики и подлинной поэзии. Показав путь, по которому нам следует идти, мы заключаем свои размышления тем, что призываем эстетическую науку встать на уровень современной стадии развития. Это ее долг по отношению к нашей литературе.

*Настоящее отечественной философии **

Сдается по крайней мере мне, что та возвышенная наука, которую, согласно легендам, со времен Пифагора ученый мир величает философией, в наши дни уже утвердилась. Возможно, настали иные времена, времена так называемых практических умов, но более вероятно, что в жизни науки произошло какое-то великое событие, из-за которого (или потому, что оно или помеха или же важный шаг вперед) наука больше не могла оставаться в неустановившемся состоянии: в первом случае — чтобы устранить помехи; во втором — чтобы идти в ногу с эпохой и вести за собой умы. Я верю во второе.

По этой части слава принадлежит германскому духу. Признать это — значит воздать должное истине. Раз и навсегда можно утверждать: философия вступила в зрелый возраст, или по крайней мере оставила позади муки становления. Этим заявлением, скажу по чести, хотелось бы доставить радость тем нашим ученым, которые в философских движениях в Германии, произошедших со времен Канта, осуждающе отнеслись к стремительному — одна за другой — возникновению различных систем. Но этим же ученым нашим, с другой стороны, доставлю огорчение, утверждая, что этой концепцией и возражениями они невольно отстают или идут неправильным путем, а может даже и окончательно порывают с современной философской наукой.

Ныне уже не является великой та философия, которая руководствуется опытом, сомнением, критикой и прочими такого рода звонкими словечками. Наука завоевала на свою сторону вот уже всевозможные институты и приняла из их элементов все то, что было в них жизнеспособно, что усваивалось, что можно было использовать в своих интересах.

Аналогичным образом прошли весенние деньки эклектической философии; запоздалыми вещами кажутся искаженно видимые формирования национальной философии: аспекты английского и шотландского национального чувства, французского просвещения, немецкого субъективизма.

На здании науки воздвигнут еще один этаж: его нужно обжить, укрепить, чтобы строить дальше. Дух, по-видимому, утомился от трудов великих и удалился на покой до тех пор, пока не обратит нового направления. Правда, заметны и сейчас некоторые следы, но далеко не с новым, а лишь с обновленным началом. Идеализму удалось слиться в систему, обрести научную форму, в то время как другая сторона — материализм тщетно борется за то, чтобы стать самостоятельным организмом, иметь форму, быть жизнеспособным. Итак, ныне этот последний вновь начинает борьбу¹, подобно Макбет Макреди, когда он еще раз поднимается на смертном одре, в последний раз пытаюсь собраться с силами.

Ведь с тех пор, как природа, материальный мир одухотворились, т. е. в своих явлениях имеют нечто более высокое, более благородное, чем они сами, никто не окажется столь наивным, чтобы привести идею духа на судилище естественных наук. А ведь это был правильный способ. Природа как царство фактов — вот что было судилищем, верховным судом. Сколько раз оказывались друг перед другом разум и материя, дух и природа. Ныне именно крупнейшие исследователи природы Либих, Гумбольдт и другие свидетельствуют в пользу духа.

Итак, если обновлен древний вопрос о материи и духе, то после этого можно ожидать приблизительно столько, сколько произошло и до сих пор, а именно: идея вновь постоит за себя, предполагая, что найдется кто-то, у кого хватит пыла продолжать битву за проигранное дело.

Об этом я уже думал, когда высказывался о стабилизации развития философии. Главное, что за этот период мы получаем возможность догнать литературу, ушедшую вперед, и подняться с ней на один уровень. Вопрос лишь в том, как использовать данное нам время. Ведь и это можно сделать несколькими способами. У нас до сих пор было принято, что философские или вообще научные явления надо было сначала усваивать за рубежом, а потом с большим трудом пересаживать и внедрять у себя. При этом ученые наши, уцепившись за какую-нибудь заграничную фигуру, несли ее имя в науку с усердием, достойным удивления, сквозь огонь и воду, стараясь больше, чем ее соотечественники на родине. Никогда доселе не любили Коккея, Вотия, Петера Рамо свои народы больше, чем это делаем мы.

Но так же обстояло дело и с противниками, с ненавистными. Никогда не преследовали Гегеля на родине так, как у нас. Однако любить было так же грешно, как и ненавидеть. И то и другое шло в ущерб авторитету и характерно для той позиции, которую мы занимаем в отношении философии как науки, тогда и сейчас. Поэтому и теперь у нас распространены многие разновидности философии. О Руссо и Вольтере, если угодно, мы только сейчас начи-

¹ Фейербах, Фогт, Молешотт.

наем рассуждать, внося ясность в вопрос о них. Есть такие сторонники философии прошлого века, которые считают все последующие учения неоправданными. Вот так мы портим себе жизнь излишними сведениями, которые давно бы следовало забыть, оставив из них лишь столько, сколько, скажем, желудку нужно пищи, т. е. сколько необходимо для питания. Тем не менее, заслугой венгров является то, что не было такого всплеска в философских движениях в Европе, который бы не дошел до нас. Всякий раз, когда мы оказывались в сфере такого движения, расширялся наш духовный кругозор, как от солнца проясняется свет. Это большое счастье, и именно этим и не чем иным можно объяснить, что мы не выпали из сита времени, подобно народу, развитие которого протекает изолированно.

Но наше проявление любви или ненависти было до сих пор естественным явлением. Народы творят друг друга. Один учится у другого, и не сыскать на земле такой нации, которая не имела бы своих мастеров. Бывает, правда, что грубые формы отшлифовываются под воздействием образования и в процессе этого нации обретают родство одна с другой. Но было бы преждевременно утратить пыл к работе, ведь наука наша не может похвастаться плодотворным прошлым, да это и выглядело бы не по-мужски, ведь можно подумать, что мы утратили свои силы и боимся труда.

Давайте же изучать другие народы, их литературу, и мы увидим: то, что не подходит нам, не привьется у нас и путем насилия. Только бы нас не покидала способность размышлять, способность думать о себе. Для того чтобы оставаться самобытными в науке, чтобы быть самостоятельными, не столь необходимо национальное своеобразие, сколь познание человеческого разума. Судьба у философа в этой части благоприятнее, чем у поэта, поскольку для него не столь существен язык и форма, сокрытая в нем, как для поэта. Но если даже для поэзии, воспитывающей себя на чужих формах, не закрыта дорога к самобытности, то насколько меньше причин у нас сомневаться в возможности самостоятельной философии, в развитии на свой собственный лад и возражать против всякой возможной национальной философии, основанной на какой-то собственной смеси, соотношении интеллектуального и эмоционального, исходящей из каких-то климатических условий, как этого хочет автор «Пропилей».

Однако самостоятельность философии придает не заново погребенные способы и принципы, рассуждения со стороны, надоевшие чудачества мыслителей, а объективная оценка всего того, что было сказано у нас в ходе истории в пользу и в интересах идеи. Это было бы тем вторым полезным способом занятий, которым я хотел бы предложить нашей нации и литературе воспользоваться, чтобы заполнить время. Итак, следует принять одну историческую точку зрения и с этой точки зрения окинуть взглядом развитие венгерской духовной мысли.

Не я первый, кто настаивает на этом. Первенство по этой части принадлежит Венгерской академии*, ведь сразу после основания в 1831 г. она сочла нужным вынести на конкурс вопросы: что говорит история нашего научного просвещения в отдельные периоды о состоянии философии; в чем и по каким причинам отстаем мы от некоторых наций в развитии философии. И именно то, что не я первый, а академия подняла эти вопросы, показывает, что речь идет об уровне национальной науки. Поступившие на конкурс работы, возможно, ответили на поставленный вопрос, но они вовсе не сделали лишним и дальнейшие поиски. Признавая ценность конкурсных работ Пала Балого и Хетеньи*, поскольку они были соперниками, тем не менее у обоих можно найти недостатки: первый скорее опирается на авторов философии, при этом связывая свои рассуждения с границей, а второй — на историю философии, не рассказывая подробно о писателях. И если у обоих и показаны определенные нити истории науки, тем не менее первый довольствуется лишь нагромождением их, перечислением одного за другим имен; второй, приводя записки наших старых философов, излагает даже определенное содержание, но всего лишь в немногих местах, а в большинстве случаев оставляет непонятным, откуда и почему он берет свои положения. По этой причине его работа не дает нам гарантий того, что мы находимся на правильном пути; историческая основа словно шатается у нас под ногами. Например, нам понятно, каким образом следует тот или иной наш философ Аристотелю или Декарту, но не больше; и не остается ничего иного, как верить им на слово, не вникая в суть.

* * *

С этой стороны, желательно каждого отдельного философа изучить еще и еще раз, публикуя отрывки из его произведений и тем самым отдавая его на суд других, чтобы ожило то, что находится под спудом, в душах наших. Я имею все основания надеяться на то, что как бы ни было невспаханным поле нашей древней научной жизни, оно тем не менее наше и вызовет к себе именно поэтому интерес не одного пытливого ума.

Но если все же после того, как мы затронем историческую точку зрения, возникнет опасение, что сведения наши приведут нас назад к скудному прошлому, к бесславному началу, то сие не имеет бы под собой никаких оснований или было бы как раз противоположно исторической точке зрения.

Дело в том, что история должна показывать как раз то, что случилось, что произошло; и признаюсь, я не стал бы столько разглаживать, как обычно делают историографы, о том, что наши предки, преклоняясь огню, как раз не очень-то имели представление о боге. Более того, для меня вообще сомнительно всякое большое начало, а если после такого большого начала потомки к тому же еще и деградировали, то оно смешно. Никогда не приходилось гению греков, особенно Ионической школе, стыдиться за

то, что началом вещей Фалес считает воду, Анаксимен — воздух, Анаксимандр — воду и воздух, Гераклит — огонь, Эмпедокл — хаотическое соединение элементов, в то время как Левкипп и Демокрит — атомы.

Кто может упрекнуть Итальянскую школу, основанную Пифагором, в том, что она, считая началом бога вместе с материей, объясняет возникновение мира гармонией их взаимодействия? Так же обстоит дело и с другими школами. А почему бы не относиться аналогичным образом и впредь ко всякому отдельному народу и их ученым? Нам, венграм в конечном итоге только самим нужно понять, познать себя. И нужно ли с опаской подходить к философии Петера Чокаша Ласкои*, поскольку он считает, что после смерти тела все души находятся вместе, в каком-то большом обществе в совершенно своеобразном, подобающем им месте, а это едва ли может быть известно философу. Краснеть ли нам из-за того, что для Пошахази* не казалось именно смешным вращение земли вокруг солнца, в то время как Бернат Шартори* даже столетием позже считал эту истину небылицей?

Привыкнем замечать мелочи, и тогда увидим и большое. В ошибках, заблуждениях хорошее может быть лишь тогда, когда их немного. Историческая точка зрения самым надежным образом приводит нас к этому хорошему, которому не следует завидовать. Но если лучшего нет, то это уже больше, чем ничто. И если вдруг увидим, что этот великий философский вывод и в других местах есть результат больших трудов, времени и стремлений, не появится ли у нас настроение и пыл заняться наукой в большей мере, чем это принято у наших философов, которые, усвоив главные идеи ученых зарубежных стран, преподносят их нам в качестве чего-то совершенно нового с тем, чтобы мы ломали голову над ними и ссорились из-за них, как в эпоху Пошахази* — над Декартом, во времена Розгоны* — над Кантом, в годы Густава Сонтага — над Гегелем?

Кто был свидетелем тех обстоятельств и условий, при которых, с помощью которых и среди которых учения упомянутых философов как раз оказались не уродцами или неудачными плодами рассуждений человека, а предстают перед нами творением, созданным естественным, нормальным, собственным путем? Никто! Хотя, по мнению наших ученых, на это должна быть какая-то внутренняя причина. Нельзя же сказать, что наука эта досталась нам случайно. Размышлениями о таких методах и хотел я занять на некоторое время нашу философскую литературу. Но поскольку до сих пор мы пренебрегали развитием философии по такому пути, то обнаружились обрывочные знания вместо непрерывного изучения этой науки. Мы начинали заниматься и прекращали заниматься предметом, словно на судебном процессе, а коль наука не получает ничего свежего от души нашей, то даже самое прекрасное новое быстро старится, дряхлеет, пока наконец, словно позор, не пристанет

к нам, как бесполезный груз. Иначе говоря, нам не хватает органического труда, развития.

Все это было бы само по себе не страшно, если бы не происходило некоторым образом на принципиальной основе. Пожалуй, без всякой злобы я мог бы утверждать, что мы между собой создали теорию немышления. В недобрый час кто-то не выдержал и крикнул, что венгерский дух близок к закату, и тут-то мы начали быть практицистами, людьми, умудренными жизнью и врагами всяких рассуждений.

Необходимость в усилении практики испытывал Хетени, который стремился доказать, что венгры принадлежат к «восточной расе» и что «они практичные по натуре». Утверждая это, он поднял бурю против комнатных ученых. Вообще звание «ученый» академики стали употреблять в ироническом смысле, точно так же, как говорят, скажем, о журналистах, причем делали это до Хетени, и после него, без всякого исключения. Потом они обратили внимание на умы наши и стали мерить соотношение эмоциональной и интеллектуальной природы. Откуда берутся утверждения такого рода? Разве удавалось кому-либо показать в чем суть духа венгров, их мышления с момента возникновения их до наших дней? История нашего просвещения начинается лишь сейчас, когда некоторые умы заговорили о литературе и науке, но мы еще не подошли к точке познания самих себя.

Пусть будет сказано без злого умысла, но все сказано прямо и откровенно, что для венгерского народа, придающего столь большое значение своей жизни в истории, вовсе будет непохвальным тот полугорячий, полухолодный пыл, с каким он принимает историческое направление новейшей венгерской литературы, если даже и в наши дни писателю нужно заниматься наукой, жертвуя собой и не имея перспектив моральной и материальной выгоды. Чего только не совершает литература, чтобы возбудить достойное отношение к подобной инициативе, проявленной Салаи, Телеки, Толди? * Сколь искусствен тот восторг, проявленный к «национальной библиотеке»! Перспективы «Трансильванского исторического сборника» и «Венгерских исторических памятников» *, издаваемых ученым обществом — аналогичны. Хочется не говорить о них, но это необходимо, хотя до боли мучительно. Но молчание все же еще мучительней.

Никто не читал с бóльшей добросовестностью историографии, чем это делал я. Но где же тот венгерский исторический труд, который меня бы удовлетворил? О наших ратных делах, о военных подвигах я слышал вдоволь. Кроме этого, я присутствовал не раз на заседаниях нации в Ракоше или Буде.

Я внимательно относился к прошлому промышленности, цеховой и крепостной системам, и из меня чуть-чуть не получился историограф, но я никак не мог увидеть, обнаружить той сущности, или скорее древней основы, которая могла бы стать центром моей

философско-исторической работы. Художник, создавая портрет, в первую очередь рисует глаза, чтобы, так сказать, иметь возможность постоянно заглядывать в душу лица, с которого пишется портрет, вот так и я искал те глаза, через которые я мог увидеть отражение духовной жизни венгерского народа, и их я не нашел.

Кое-кто может понять, что мой взгляд и мое томление можно объяснить жадной внутренней истории страны, знание которой дает литература. Но не всякая область литературы может оказать в этом помощь, ибо одно дело история какой-либо науки в литературе нации, и другое дело — история такой науки, которая есть внутренняя история самой науки и относится к ее основной сущности. Как отдельная личность как-то функционирует, создает что-то, что-то портит в жизни, не имея полного знания и понятия об этом, так поступает и нация. И тщетно объявлять подобные проявления духа у отдельной личности юношеской несообразительностью, а у нации — начальной эпохой, когда отсутствует культура. Оба явления сами все объясняют и совершенно ясны. Не без причины стал я заниматься такими движениями в духовной жизни венгерской нации, не без причины собирал я песни нашего народа, поговорки, сказки, а теперь хотел бы знать и философию. Гражданская или мировая история не открывает передо мной своих основных черт. Сложность гражданской жизни, зависимость ее от близких и далеких влияний — все это раскрывает передо мной самые неожиданные события военного и мирного времени. Но сама гражданская жизнь такова, что в ней многие делают одно. Кто из многих подлинный творец, я не могу определить, ведь часто и вождем руководят. Дух зависим, его можно определить. Как играют душой человека всевозможные возбудители. Славолюбие еще самое безобидное явление, хотя и самое определенное. А внешние и насильственные явления! Если мы и замечаем во многих индивидуумах национальную душу, тем не менее гораздо чаще мы видим присутствие духа в истине, когда она свои мысли и чувства открывает нашему разуму, сердцу в произведениях религиозных, философских, а затем художественных. И я думаю, что знание этих вещей и есть те глаза, в которых можно увидеть душу нации.

Итак, не меньше и мое желание узнать, убедиться, какую степень мышления выдержит наш дух и что представляет собой внутренний мир венгра как человека, если судить по его мышлению; выявляется все это в истории философии. Мне бы все это разгадать, объяснить!

Если бы мне представилась возможность не ставить на ноги униженное до земли философское просвещение, а оградить его от глубокого падения! Если даже сотню раз золотом озарить солнце, ведь материальные интересы со времен господства силы и жажды наживы вошли в моду, то и тогда не будут падать с высот своих небесные светила, путеводные звезды для великих первооткрывателей мира. Ими являются и высокие метафизические идеи —

светочи духовного мира. И если все же призадуматься и попробовать решить в чем состоит наша ничтожность как нации, народа, что руководило нашей судьбой до сих пор в религии и гражданском развитии, во имя чего столько и столько раз формировались мы заново в эти тысячу лет, то окажется, что все это происходило всегда и без исключения во имя разумного, измененного убеждения, концепции, более достойной человечества, во имя разумной основы и в интересах этого. И хотя историограф даже наделит материальное особым наименованием и отметит время, когда внешнее благополучие, имущество особенно развивалось, все же факторы, решающие судьбы большой жизни, всегда порождаются силой идеи, истины более высокого мышления; более того, сама материя начинает пользоваться большим почетом по той причине, что ею занимается более высокая концепция, тогда как без прогресса в умах, без опыта в подходе к идеям можно оказаться в таком положении, что материя убивает идею.

Поскольку же у нас спешат оторвать друг от друга живые истины, например, утверждая, что нет материи без духа и наоборот, я предостерегаю, что всякая односторонняя, оборонительная концепция, которая способна познавать истину только на основе противоречий, в раздвоенном состоянии и утверждать, что материю и дух следует воспринимать в совокупности, совместно, вообще не состоятельно и посему заслуживает сожаления. Против такой концепции я и предостерегаю и вновь заявляю: те великие перемены, которые сохранили венгерскую стихию, чуждую европейским народам, вели ее вперед от эпохи к эпохе, всегда происходили под лозунгом идей. Разве не интересно знать более глубокие причины этих перемен, иначе говоря, познать смысл, заключенный в духе времени, понять убеждение, ведь трудно представить, будто христианство, вассальные отношения, новая вера, либерализм пристали к нам лишь поверхностно, а не проникли в убеждение, обретая там себе основу. История, правда, намечает место влияний — германское и византийское, затем славянское и смешанное по своей природе. Она же и вовлекает нас в поток движений философской мысли в Европе новейшего времени, но объяснить все это, разгадать причину до сих пор ей или не представлялось возможным или не отвечало ее интересам. Этому способствовало и безразличное холодное отношение людей к этим вопросам. Таким, например, было убеждение в том, что венгров никогда не занимали отвлеченные идеи, они не были им свойственны: раз наши предки не очень-то заботились о них, зачем нам быть иными?

Это очень важная мысль, стоящая перед некоторой односторонней просвещенностью в истории, но, с другой стороны, она не соответствует истине. И наряду с ней совершенно очевидно положение, согласно которому, кто ищет историю вне человеческого разума или выхолащивает из эпизодов истории само сознание, мысль, рано или поздно и сам выпадает из истории со всем своим скар-

бом. Детализация, выхватывание обрывочных фактов никогда не сохраняются долго. Признаюсь, в этом пункте меня интересуют отдельные фразы при общении людей, и даже произвольно оброненные слова из уст порядочных людей. Здесь нет необходимости указывать, кто должен быть таким господином, а это и ныне здравствующий венгерский писатель, от которого я слышал такое категорическое, прямое заявление: «Ближайшее изменение наук, их совершенствование будет определяться тем, что метафизика потеряет среди них свое значение». Такая фраза, как бы ни звучала она одиноко, тем не менее далеко не единична. Допустим, что из перечня наук исчезнет всякая метафизика — разве будет после этого лучше? Но фраза и сама по себе неправильна вообще. Чтобы это произошло, человеку, собственно говоря, нужно отказаться — ни мало, ни много — от разума. Однако возникает вопрос, может ли он отказаться от разума? Крот роет землю, потому что ему надо ее рыть; человек мыслит, поскольку и потому, что он человек. Но совсем не лишний и другой вопрос: что иное останется в этом случае от науки, если не будет метафизики? Разве что бесплодный, пустой взгляд во внешний мир, как взирают на него животные. Не осталось бы у нас и перспектив даже на геральдику.

Справедливо, правда, и то, что великие люди, и даже целые ученые общества, сторонились метафизики. Конкретно — Ньютон, но только в естествознании. И вместе с тем, нет ничего определенного в отношении того, что он действительно делал это, хотя и говорил такое. Так или иначе, но после таких речей о том, что он побаивается метафизики, имя этого ученого стало известно и авторитетно. Бог знает, сколько раз люди могут обронить слово, как и он, иной раз не понимая его. Аналогичным образом противится метафизике философ — сторонник материи и опыта, но нет ни единого, а может быть и найдется, всего лишь один, кто смог бы уберечь себя от влияния умов, начиная от Локка вплоть до Молешотта. Ни природа, ни духовный мир не познаны и не изучены должным образом до тех пор, пока они не станут видны насквозь благодаря пытливому изучению. Как природу в наши дни мы видим уже не пустым бессодержательным событием, так же хорошо должны мы ориентироваться в истории духа, которая в масштабах всего человечества или отдельных этнографических групп становится зеркалом духовного мира всего человечества или нации. Иначе и быть не может, ведь история — это не только множество фактов, их регистрация; скорее всего и сами факторы суть операции воли, решимости, убеждения. Согласно этому, все, что у нас с течением времени становилось фактом раз и навсегда ретроспективно указывает на душу, на то, в чем существуют убеждения. Только строгое соединение фактов и убеждений может ускорить наш культурный рост, дать нам познание своего существования, национального достоинства, нас самих и человечества, национального самосознания.

Вот все, что я хотел сказать; вот все, что я рекомендую учесть деятелям венгерской науки в период, когда философия уже установилась как наука или по крайней мере кажется установившейся. С особым почтением я обращаюсь к тем, кто ведет вперед отечественную философию. Я напоминаю им о тех бесплодных до сих пор попытках на пути философии, которые, будучи, как правило, отголосками зарубежных мыслей, являются лишь приложениями иностранного творчества, бесплодной тратой сил. Дух никогда не будет развиваться вне своей природы. Жизнь духа есть мышление, которому присуще движение вперед, и уж коль скоро дух играет столь большую роль и в материальном мире, то как велика его роль в мире культуры. Более того, органичность есть истина духа, есть его целое. Вне этого он лишь обрывок, несвязанная деталь. Мое желание, исходя из этого, вернуться и в философии назад к тем самым временам, где еще можно найти ее следы, т. е. к памятникам старины. Итак, давайте и в области философии встанем на историческую позицию, как это делали до сих пор в поэзии. А желая этого, я уже не говорю о какой-то никогда не подозреваемой самобытности, а буду вести разговор о мышлении, таком, какое оно есть. В этом и будет заключена самобытность. Ведь для самобытности не нужно иного, кроме исследования, познания человеческого духа.

На этом пути ни перед кем не закрыты возможности для такой деятельности. Поэтому я заодно с теми, кто сторонится философских движений за рубежом. Но делаю это далеко не из национального эгоизма, а лишь потому, что люблю, когда и мы мыслим во имя того, чтобы не погиб в нас человек. Далее, я заодно с теми, кем материально руководит страсть соревнования с заграничным. Но меня бросает в дрожь от того духовного рабства, в котором мы находились до сего времени, когда мы, листая чужую книгу, не имели своих идей. Это такое завоевание, ради которого мы трудились не сами; это такая слава, которая унижает нас перед собой, это такой прогресс, в котором еще много отставания; это такой выигрыш, который под стать проигрышу.

Мне известно, что мышление ведет к общему: оно связывает нацию с человечеством. Знаю я, что всякая река спешит к морю, но не море дает пищу рекам, а реки дают морю жизнь. Взаимно влияя друг на друга нация и человечество, точно так же, как реки и море. Знаю я, что природа капли воды всюду одинакова, будь то капля из Тиссы или Рейна; однако Тисса течет на юг, Рейн на север. Может, таково и то, что я подразумеваю под именем отечественной философии? Да, именно таково! Все сказанное не что иное, как сравнение. А истина заключается в следующем: река, образуемая из событий нашего прошлого, сольется с движением, живым потоком духовной жизни; и здесь проявится та часть труда, которую произведет венгерский разум на трудной стезе мышления, та часть, которой нация наша сослужит службу делу челове-

ства. Часть эта — долг наш, возложенный на нас, как нацию, как одну из семей человечества, она — наш долг, как граждан мира.

О, если бы никто не считал себя столь великим, чтобы видеть слишком мало и видеть недостойное себя! О, если б предрассудки утратили почву на просторах философии, и, наоборот, возникла бы опора для самопознания и национального сознания благодаря тому, что в ходе истории дух наш всегда обладал способностью жить, причем так, чтобы в случае необходимости, он мог постоять за себя достойно на тяжелом, но славном пути разума, мышления. Пять-шесть столетий — вот время, когда мы можем говорить о нашей философии; и то, что мы можем говорить о ней, это и есть дух и философия венгерской нации, и это безусловно.

Пал Вашвари

(1827—1849)

Пал Вашвари (Vasvári Pál) — друг и соратник Шандора Петефи, один из организаторов и руководителей мартовской революции 1848 года.

Родился в семье католического священника. Окончил Пештский университет, после чего преподавал историю в первом венгерском заведении для девушек.

Когда началась венгерская революция 1848 г., Вашвари первый обратился с речью к восставшему народу и призвал его объединить свои усилия в борьбе за свободу. Осенью 1848 г., когда развернулась национально-освободительная борьба венгерского народа, он проводит большую работу по организации армии.

Вашвари возглавил один из организованных им отрядов и погиб в сражениях последних дней революции.

Основные работы: «Поэт Зриньи Миклош» (1848), «Историческое собрание жизнеописаний» (1848).

*Историческое собрание жизнеописаний **

*Природа и история **

В душе человека горит неугасимая жажда счастья. Речь идет о земном счастье. Каждый хочет быть счастливым, но каждый по-своему. Жажду счастья вселила в душу человека природа, и природа побуждает человека искать счастья на извилистых дорогах земли. И в его поисках люди тысячелетиями скитаются по дорогам жизни.

Прочитаем книгу мировой истории: большая часть человечества со дня своего существования несчастна, она прозябает в нищете, и страшно подумать, прозябает лучшая, более добродетельная часть человечества.

Природа не потому вселила в наши души жажду счастья, чтобы никогда не утолить ее: настанут дни торжества справедливости.

Человек жаждет счастья и все-таки несчастен. В чем же причина этого? Может быть, в природе? Но может ли мать быть жестокой по отношению к своим детям? Присмотримся к природе. Препятствует ли она нам в достижении своего счастья? Возможно, когда-то препятствовала; теперь эти препятствия преодолены. Огнедышащие лавы вулканов больше не засыпают города, наводнения больше не заливают земли, молнии больше не поражают людей, а холод и жара больше не губят их: против всего этого человеческий ум избрал средства защиты.

Откуда же в таком случае эти преграды и препятствия на пути человечества? Кто мешает смертному в достижении своего счастья? Ни небо, ни земля и ни природа, а злая воля отдельных людей мешает свободному развитию мирового духа. С преградами, которые ставит природа, мы можем бороться и преодолевать их, ибо они всегда неизменны, всегда одни и те же.

Ужасы же, порожденные злой волей отдельных людей, лучшие представители человечества не могут преодолеть и до сегодняшнего дня: ибо в то время, как человечество побеждает одно зло, умы злоумышленников порождают новое, и лучшая часть человечества тысячелетиями вынуждена бороться со злодеями...

Борьба еще не окончена, но мы уверены в том, что справедливость восторжествует; все препятствия будут преодолены, наступят дни благоденствия! И чтобы народы могли оградить себя от все новых и новых препятствий и напастей, они должны знать, что происходило на Земле в прошлом. В каких условиях приходилось бороться прежним поколениям? Каким образом наши предки добивались счастья и почему не смогли достичь его? Главная задача историка — исследовать события отшумевших столетий и извлечь уроки из событий и ошибок тех времен.

История составлена из коротких, но поучительных событий; их поучительность — это тот трофей, который мы унаследовали из битв и борьбы прошлого. Эзоп писал пространные басни, в конце в нескольких словах помещал мораль; и эти несколько слов заключали суть всего повествования. У нас же речь идет не о баснях, а о действительных фактах, из которых следует вывод; люди должны учиться на примере других. Прежде чем мы смогли преодолеть препятствия, поставленные природой на пути человечества к прогрессу, мы должны были познать ее тайны, исследовать ее движущие силы, ее мощь. Мы победили могучую природную стихию и преодолеем и препятствия, чинимые на нашем пути злой человеческой волей, но прежде необходимо изучить их природу, силу и действие. Этому учит нас книга истории. Нужно читать ее, а прочитав, подняться над фактами.

Процесс развития исторических событий

Не следует забывать, что человечество не родилось мудрым: камень мудрости пришлось приобрести ценой горького опыта многих столетий.

В ходе исторических событий есть явления, учреждения, которые для своей эпохи необходимы, целесообразны и неизбежны; в дальнейшем они перестают быть таковыми. Многие учреждения присущи своей эпохе, с окончанием которой они изживают себя. Ведь для достижений высоких целей человечества необходимы могучие средства; годы, десятилетия, столетия служили лишь средством к достижению более счастливого будущего. Отсюда следует, что те идеи, перед которыми преклонялись в одно столетие, в более просвещенный век ниспровергаются, кумир низводится с пьедестала, и новая эпоха поклоняется новому божеству. И действительно новая эпоха просвещеннее предыдущей, послужившей ступенькой, по которой новое столетие сумело подняться еще выше. Нужен ствол дерева, который пустил бы ветви, нужны ветви, чтобы на них появились почки, нужны почки, чтобы расцвели цветы, нужны цветы, чтобы выросли плоды. И если плод уже созрел, нет больше надобности в почках, ветвях и стволе, ибо вся их суть содержится в плоде; но кто, наблюдая созревание плода, осмелится

утверждать, что время, пока поднимался ствол, появлялись ветви, распускались цветы, было лишним и ненужным? В природе нет скачков. То, что впоследствии перестает быть необходимым, в свое время было необходимым и неизбежным. И все, что произошло на огромной мировой арене со дня сотворения мира, ведет к одной цели, все это способствует просвещению человечества. Глаза смертных столетиями взирают на попирающий человеческое право деспотизм, и могло показаться, будто они уже привыкли к многовековому угнетению. Однако это не так. Едва ли могут прийти к душе кровавые картины деспотизма, они могут лишь вызвать ненависть к нему. Оказавшийся в нищете учится на своей беде и служит примером предостережения для других поколений. Все, что уже произошло, хорошее или плохое, способствует просвещению человечества. С начала мировой истории уже произошло столько событий, что недалеко то время, когда люди не будут вынуждены учиться и дальше на своем горьком опыте.

Венский Конгресс принес мир Европе. Главным приобретением народов за это мирное время является то, что они могут спокойно думать и размышлять, их не беспокоит шум битв. Большинство разумных народов все яснее отдает себе отчет во всем, заботится об обеспечении своего будущего. «Конечное не должно служить помехой бесконечному», — так поет Селештеи... *

Это верная точка зрения, исходя из которой мы и должны рассматривать события прошедших столетий... Если люди прошлого ошибались, заблуждались, спотыкались, не всегда нужно предавать их анафеме: нас с полным правом можно упрекнуть, если мы не сделаем выводов из заблуждений и ошибок наших предков.

Когда я говорю о становлении наций, я всегда стараюсь поставить себя в одну эпоху с ними, ибо лишь в этом случае можно справедливо судить о фактах.

Если садовник хочет постичь эволюцию природы, он должен знать как развивается дерево. Садовник испытывает радость, когда прорастает посеянное им семя дерева, когда из ростка появляются листочки, из листочков вытягивается слабый побег, когда впоследствии из стебля появляются новые ветви, когда ветви покрываются цветами, но самую большую радость испытывает он, когда из завязей образуются плоды.

Точно такое же чувство испытываю я, когда исследую жизнь народов. Я знаю историю развития жизненного древа народов. И поэтому появление даже самого крохотного ростка нового вызывает чувство радости, ибо я заранее знаю, что разовьется из этого ростка в дальнейшем.

В природе не может быть скачкообразного развития. Точно так же один народ может подниматься по ступеням своего развития быстрее, чем другой, но ни один из них не может перескочить через ступень.

Именно этому закону учит нас природа.

И если бы его знали все те, кто осмеливается судить о жизни народов, не зная закономерностей их развития!

Либо они недовольны развитием народов, либо считают это развитие преждевременным.

Не смешон ли садовник, который ожидает появление плода прежде, чем зацветет дерево.

И не смешон ли садовник, который пытается распутившиеся цветы втиснуть снова в бутон.

Было бы преступлением задерживать развитие народа, так же как и принуждать неразвившийся саженец к преждевременному цветению.

Где задерживают свободное развитие, там уничтожают плод еще в зародыше.

Где принуждают дерево к преждевременному цветению, там внезапно распутившиеся цветы на мгновение порадуют глаз, но плодов не принесут.

Прочтем священную книгу мировой истории.

Из нее можно узнать обычаи из жизни наций.

И согласно этим обычаям надо рассматривать историю собственной нации.

Зная это, мы будем радоваться даже малейшему прогрессу нашей нации. И еще не раз мы одобрим исторические события предшествующих веков, хотя они и не соответствуют требованиям настоящего времени. Ибо все эти факты служили ступенями, по которым мы смогли подняться на высоты XIX столетия.

Цель направляющих идей

Нам необходимо мировоззрение.

Для человека правильные идеи, которыми он руководствуется, то же самое, что для птицы крылья.

Мировоззрение придает человеку крылья, паруса, при помощи которых он может грести на гребне самых высоких волн.

Эти крылья помогут нам оторваться от земли.

В мгновение ока мы охватим взором большую часть земли

Кто не имеет мировоззрения, тот прикован к пещере горного ущелья и может наблюдать мир лишь в узкий просвет, ибо не способен, не может подняться выше, чтобы окинуть взором весь горизонт.

Такой человек, словно неоперившийся птенец, которого приковывает к гнезду его собственная беспомощность, и дальше своего гнезда он ничего не видит. Поглядывая же вверх, единственно, что он может увидеть, это кусочек неба сквозь ветви деревьев.

Но у птенца вырастают крылья, он вылетает из гнездышка и парит в высоких воздушных пространствах. Распростершееся над ним бескрайнее небо предстает тогда в полном великолепии и взор его охватывает темнеющие внизу широкие просторы земли.

Крылья мировоззрения особенно необходимы при странствии по царству теней истории.

Кто способен подняться ввысь, кто не прикован к многообразным изменениям событий, тот может сверху взирать на многообразие фактов и обосноваться на более высокой точке.

Пусть бушует внизу поток событий, он не позволит их волнам увлечь себя. Он не принимает во внимание пену на гребне волн, а судит о течении на основании всего потока событий.

Кто не может, подобно жаворонку, подняться ввысь, тот вынужден цепляться за отдельные факты.

Эней плыл из Трои в Италию, но нам необязательно плыть в его челне и вместе с ним садиться на мель, если мы на своих крыльях способны витать над его челном.

Эта сила мировоззрения избавляет нас от неприятных мелочей прошлого.

Кто, идя по дорогам памяти, среди цветов отшумевших событий, хочет с каждого кустика сорвать на память лепесток, тот легко может стать жертвой чрезмерной чувствительности.

Среди редких цветов радости много увядших цветов печали, горести, страданий. Их аромат приятен страдающим, но это яд, несущий в себе медленную смерть.

Если мы будем проливать слезы над всеми мучениками мировой истории, у нас не останется ни слезинки, чтобы оплакивать собственную судьбу.

Если мы всем невинно пострадавшим будем расточать хотя бы по одному вздоху жалости и сострадания, то в нашей душе не останется ни одного вздоха для своих собственных страданий. А ведь этот вздох — голубиная почта страдающей души. Он уносит с собой письма наших горестей, и эти немые жалобы облегчают душевные муки.

Не задерживайтесь у каждого факта прошлого, не срывайте с каждого кустика цветы печали.

Поднимемся же ввысь и мы увидим, как расстилается под нами ковер прошлого.

Если мы пронесемся над полем, покрытым пестрыми цветами событий минувших времен, мы словно испытаем сочувствие к бледнеющим под нами лилиям печали.

Но по крайней мере мы не будем срывать их. Не будем прятать на вечную память в свои сердца темные цветы горестей. С высоты нашего полета цвета сольются воедино, цветы печали сольются с розами радости.

И мы воспримем в единстве страдания и радости человечества.

Это в основном целесообразно делать при изучении мировой истории, с которой мы должны соотносить события из истории нашего отечества. И зачастую события целых столетий, а иногда и тысячелетий мы будем наблюдать в миниатюре.

Твердость воли историка, его способность к самостоятельному суждению проявляются в том, что он, поднимаясь над изменчивыми картинами прошлого, движется в определенном направлении, что исследуя разнообразные факты, многие столетия, он не утонет в этих фактах, никогда не заблудится в сумрачных долинах прошлого.

Исследователь истории, словно рудокоп, который ищет в недрах веков руду благородных металлов. Но эту руду нужно сначала извлечь из темных глубин подземелья и внимательно исследовать при дневном свете.

Историк должен судить о фактах прошлого в свете современной эпохи.

Поток событий низвергается с горных высот и растекается по скалистым ущельям. Если мы не сможем подняться над волнами отдельных фактов, мы никогда не выясним основное направление всего потока. Мы заметим лишь ущелье и через узкий просвет не увидим всего горизонта. Поэтому нам нужно подняться на более высокую скалу, лишь при этом мы сможем обозреть все течение бушующего под нами потока, и только тогда можно будет судить о его направлении.

Следовательно, нам необходимо выработать мировоззрение, которое направляло бы наш путь среди волн событий. И это мировоззрение поможет нам ориентироваться в бушующем море фактов.

Эпоха воздействует на человека

Существуют люди, которые знаменитых деятелей нашего народа, живших в прошлых столетиях, не признают лишь потому, что те в своих поступках не всегда могли помнить о самых святых интересах человечества. Такое пренебрежение говорит о несправедливости и предвзятости.

Осуждать людей отшумевших столетий лишь за то, что они рассуждали о священных интересах человечества не так, как в XIX веке — несправедливость по отношению к усопшим, неуважение по отношению к предкам, жившим столетия назад.

Вправе ли мы требовать от людей прошедших столетий, чтобы они поднялись над своей эпохой? Можно ли их упрекать в том, что они не опередили эпоху, в которой жили, на столетия?

Надо удивляться и поражаться тем людям, которые сумели выйти за круг идей своего столетия и высоко подняться над своей невежественной эпохой. Это действительно чудо, которому мы вправе удивляться. Но на это способны лишь отдельные гении, свободный дух которых вырвался за пределы сумрачного круга своего покрытого туманами столетия. Они страстно желают прекрасного будущего и убеждены в его наступлении, но у них нет надежд на то, что оно наступит при тогдашних неблагоприятных обстоятельствах.

Человек господствует над природой, но над человеком довлеет дух времени. Принципы, понятия, идеи эпохи управляют поступками людей. Господствующие принципы, идеи и понятия — паруса на челноке человеческой жизни, и если эти идеи темны, принципы искажены, понятия туманны, то причиной тому учителя, которые привили своему столетию фальшивые принципы и провозгласили лжеидеи. Часто дух всей эпохи зависит от предыдущих столетий; ибо они рассыпали семена принципов, которые проросли к несчастью последующих столетий.

Поэтому, если встречаются люди, которые поднимаются выше круга идей своего темного столетия, то это достойно восхищения, но если человек не может, не в состоянии освободиться от пут господствующих идей, то и тогда мы не вправе осуждать его, и было бы несправедливо осыпать его проклятиями.

Поток господствующих идей бурно несется над миром, и его огромные волны увлекают за собой людей. И мы не можем упрекать тех, кто действовал в соответствии с идеями своей эпохи. Мы осудим их поступки, если они были ошибочными, но мы должны уважать их благие намерения, если не убедились в обратном. Обрушимся лучше на тех, кто определял дух времени, кто давал направление духу столетия. Наше неодобрение распространится лишь на тех, в действиях которых проглядывал злой умысел, которые распространяли мрак, чтоб уподобиться филину в темной ночи и стать единственными обладателями света. Мы еще не раз встретимся с людьми, вызывающими у нас восхищение своими хорошими поступками, их дела принесли много пользы, — но не будем торопиться с оценкой их деятельности. Необходимо глубже исследовать источники их поступков, и если в основе их будут лежать личные интересы и ядовитые змеи корыстолюбия, это надо выявить без всякого приукрашения с тем, чтобы разграничить поступки, совершенные в личных интересах, от добродетельных действий, совершенных во имя добродетели.

О великих личностях

Человеческая жизнь столь коротка, что большинство людей справедливо считает свою жизнь очень недолговечной. В этом кроется причина того часто неосуществимого, но величественного стремления, когда люди хотят остаться жить и после своей смерти — в памяти потомков. Это прекрасное стремление — одна из основ нравственности. Каждый стремится сделать для своих ближних нечто такое, что вызвало бы к нему душевную признательность. Если земледелец на закате своей жизни строит дом, и вдруг заболевает, из его груди вырываются искренние слова: «Только бы достроить этот домик, чтобы хоть внуки помнили обо мне». Вот именно! Он рассчитывает на память потомков и, хотя он знает

и чувствует, как ничтожен человек, все же он хочет остаться в памяти хотя бы своих немногих родственников.

Потомство вспоминает с благодарностью лучших из умерших, дети и внуки сажают цветы на могилах своих отцов; брат и друг проливают слезы над своими любимыми, вспоминая о них. И эта относительная слабость, эти священные узы, связывающие живых и мертвых, отнюдь не изобретение нашего чрезвычайно цивилизованного мира, это чувства неиспорченной человеческой души, основа которых является сладостной тайной смертных. Эти чувства присущи не только людям благородного воспитания, но и простолюдинам, в которых человеческая природа сохраняется в нетронutom виде. Народ десятилетиями помнит высоконравственных людей, и сиротливой человеческой душе приятно, если он обнаруживает в своем кругу людей, достойных его памяти. Именно этим можно объяснить, что если в народе нет великих людей — или они есть, но народ не знает их — он воспекает разбойников и, пренебрегая правилами морали, прославляет их смелость и мужество, и обещает бессмертие Шобри * и его товарищам.

«Герои, ваши имена останутся,
Потому что вы храбро сражались», и т. д.

Те, кого капризная судьба поставила в более благоприятные условия, пытались увековечить свои имена свершением великих дел. Древние завоеватели в битвах, сотрясавших земли, низвергали троны, стирали с лица земли целые народы, погружали в мрак целые страны и причиной всего этого была жажда славы и известности. Они предполагали, что потомки будут их считать самыми великими людьми мира, ибо они выигрывали самые кровавые битвы и преобразовывали мир. Они ошибались. Они поработщали независимые народы, отнимали независимость у самостоятельных государств, попирали права народов, непрерывно убивали направо и налево; потомки с ужасом будут вспоминать сотрясавшие землю битвы, но никогда не будут гордиться. На их могилах лежит проклятие — тяжелое проклятие поработщенных народов — и для потомков это лишь пример ужасающих действий. Народ под бременем гнета время от времени восставал. Но слушая слова недовольства, тираны не хотели понять, что против них восстает униженное человеческое достоинство, и они обрушивали на народы еще большее угнетение и в душах их не было никакого уважения к правам человека.

Были правители, особенно в ужасающие времена деспотизма, которые отгораживались от угнетенного народа и, поскольку они не могли рассчитывать на его благодарность, приближали к себе льстецов, чтобы слушать из их продажных уст сладостно звучащие слова восхваления. Но эта похвала, этот фимиам исходили не из источников всенародной благодарности, а носили на себе явную

печать принуждения, и тираны сами не верили тому, что им шептали наемные льстецы.

Даже Нерон признавал чрезмерной подлую лесть толпы окружавших его наемных льстецов, и однажды, видя, как слепо исполняются его приказы, а каждое его слово принимается за истину, он воскликнул: «О, человек, как ты низок в своем раболепии!». Похвалы подобных льстецов живут лишь до гроба. У могилы уста лести смолкают: здесь вступает во власть серьезная муза истории.

Были могущественные правители, которые хотели увековечить свои имена огромными сооружениями. На просторах Египта и Нубии, выдерживая все грозы и бури, стоят, соперничающие с вечностью, пирамиды и обелиски. На этих пирамидах — мох четырехтысячелетней давности, а у проходящего мимо странника при взгляде на них от мечты кружится голова; именно перед этими огромными памятниками Наполеон сказал своим генералам: «Эти каменные громады уже четыре тысячи лет смотрят на вас и выжидают, на что же способны французы!»

Мерис, Озимандиас и другие фараоны, провозглашая свое величие, высекали на этих памятниках свои имена буквами, сохранившимися на вечные времена, и были уверены, что все потомки, все столетия будут восхищаться их колоссальными творениями, а память об их именах останется навеки. Они страшно обманулись, Если уж они хотели быть достойными имени великих фараонов, они должны были постараться завоевать доверие и любовь своих народов, ибо бессмертен лишь тот памятник, который воздвигнут чувством всенародной благодарности и признательности. Не величина памятника делает человека бессмертным, а благодарность нации, признательность народа, воздвигшего этот памятник.

Кто осмелится сегодня сказать, что каменные громады Египта возвещают о величии египетских фараонов? Разве эти громадные памятники, воздвигнуты народом из чувства благодарности и признательности? Может быть, это признаки общенародного уважения и признания? Отнюдь нет. Гордые фараоны Египта силой пытались вырвать из рук судьбы венок бессмертия, они хотели увековечить свои имена, но они страшно ошиблись в выборе средств, ведущих к цели, они забыли, что только благодарность нации и доверие народа способны создать величие правителя. Они были угнетателями народа и, если бы камни могли говорить, они бы поведали о страданиях миллионов, которые были вынуждены воздвигать эти памятники, они поведали бы об изможденных тяжелой работой людях, невинная кровь которых призывала к мести за попранное человеческое достоинство. На этих камнях можно прочесть не о величии фараонов, а о проклятии целых народов, которые, сгибаясь под игом деспотизма, служили немым орудием достижения честолюбивых замыслов одного правителя.

Так судит о людях прошлого наше столетие; и по современным,

ясным для нас понятиям, мы делим всех великих деятелей на три категории.

К первой категории относятся те немногие люди, в душе которых живет величественная идея — сделать человечество счастливым, и они совершают великие дела во имя свободы и счастья всего человечества. Они готовы обнять весь мир, их сердца стучат во имя счастья всех народов, они, подобно творцу, парят над смертными и хотят обновить мир, превращенный человеческим злом и деспотизмом в долину скорби.

Таких людей очень немного, ибо здесь речь идет не только о человеке, осененном великой идеей счастья человечества, не только о сердце, которое неустанно бьется во имя этого человеческого счастья: здесь нужна огромная сила, чтобы освободить мир от бремени его испорченных нравов и разорвать оковы стонущего под игом рабства человечества. Эти люди всемогущи.

Судьба такого человека тяжела. Когда уверенный в своем успехе, он смело мчится вперед, желая опередить время, природа выступает против него, и все его помыслы идут прахом. Если он хочет подняться до небес, завистливые руки людей сбрасывают его на землю, ибо они считают, что он оскорбил человеческое достоинство. Если он советуется с людьми, то все, что он строит, несовершенно; если он опирается на милость неба, рано или поздно его уверенность пошатнется. В один прекрасный день начинает он свой жизненный путь, уверенный, что так будет продолжаться вечно, но день проходит, наступает ночь сомнений, и вот он стоит в темной ночи, держа в руках тлеющую лучину, свет которой придает лишь призрачность темноте, но не рассеивает мрачные тучи сомнений.

Такие люди должны заключить союз со своим счастьем, со стихией: но это невозможно. Что же делать человеку такого высокого призвания? Он принимает своим советчиком бессмертную чистоту вечной истины, и тогда его покровителем становится небо, ибо оно породило эту чистоту; его советчиком становится время, ибо оно сродни вечной истины; его советчиками становятся люди, ведь они столетиями жаждут истины. Эти великие люди постоянно идут вперед по святой тропе истины. И если они хотят быть истинно великими, они должны ясно осознавать, что вступают на стезю осуществления идей, которые сделают мир счастливым. Их мысли и дела, желания и поступки должны находиться в прекрасной гармонии. Они должны ясно осознавать свои цели, а в выборе средств должны быть последовательными. Многие вступали на путь поиска истины, но мало примеров тому, что они остаются последовательными в достижении своих целей. Слава тем немногим, у которых не закружилась голова от высокого назначения. Вот первая категория великих людей.

К первой категории никоим образом нельзя относить так называемых космополитов, которые любят называть себя гражданами мира, апостолами человечества. Они хотят убедить нас, что все,

что они делают, делается для святого блага человечества, если они хлопочут о чем-либо, то это делается в интересах всего мира. В конце концов они доходят до утверждения, что даже то, что они гуляют и едят, тоже делается в высоких интересах всего человечества. Я всегда избегал таких людей. Такие могут спокойно взирать на цепи рабства, опутывающие его соотечественников, и в то же время хладнокровно рассуждать о том, в каком соотношении находится давление, оказываемое в настоящее время этими цепями, и то давление, которое способны оказывать цепи, будучи в два с половиной раза тяжелее, за тот же промежуток времени. Разглагольствуя об этом и твердя, что дважды два четыре, он уверен, что действует в интересах всего человечества. Сердца таких людей из камня, ум из проржавленного железа. Иногда они забывают даже о себе; не знаю, правда ли это, но говорят, что если над космополитом загорается крыша, он может намеренно не спастись, и, когда соседи вытаскивают его из огня и спрашивают, почему он не покинул горящий дом сразу, он отвечает, что благодаря пожару, у него есть возможность совершить научное открытие, и он терпеливо сидел в горящей комнате для того, чтобы определить, какую температуру может выдержать человек в такой комнате и в каком соотношении находится температура человеческого тела и воздуха в комнате. Он считает, что это открытие тоже делается им в интересах человечества. Можно смело утверждать, что космополит считает себя апостолом человечества и гражданином мира лишь затем, чтобы не делать ничего хорошего для окружающих его несчастных соотечественников; и он отказывается от своей родины лишь, чтобы освободить себя от обязанностей по отношению к ней. Он во что бы то ни стало хочет осчастливить весь мир, хотя едва ли он принесет ему пользу, но о своей отчизне забывает; поскольку быть полезным всему человечеству он не способен, а своей отчизне он не склонен и не хочет приносить пользу, то в конечном счете жизнь его проходит бесследно. О подобных людях венгры говорят: у них нет ни роду, ни племени.

Ко второй категории великих людей относятся те, кто хотя бы некоторое время утешает в страданиях плачущий народ, чтобы он по крайней мере на это время забыл свои муки.

Они знают, что все человечество состоит из семьи народов, и, если они принесут пользу одному народу, то тем самым принесут пользу всему человечеству. В их груди пылает благородный огонь во имя священных интересов человечества, их сердца стучат во имя великих идей, но успешно бороться за эти великие идеи у них не хватает сил. Многих людей подобного рода эпоха, в которой они жили, не признала, не поняла. Большое удовлетворение приносит то, что хотя бы потомки признают их стремления и справедливо оценивают их поступки. Многие из них истекли кровью в борьбе, не признавать их заслуги лишь потому, что их стремления не увенчались блестящим успехом, было бы несправедливостью.

Главное — это намерения, а они были благородными, успех же зависит в основном от обстоятельств.

Были и такие люди, которые оплакивали свою родину, проливали слезы над страдающим человечеством, но их современники не понимали причины этих слез. И хотя иногда слова певца печали вызывали минутную жалость, и окружающие возлагали на его голову венок сочувствия и сострадания... Этот венок не смягчал боль, а наоборот, жег чело певца, не уменьшая, а удваивая его страдания. Их прах ждет признания потомков, имеющих более ясное мировоззрение, и мы протягиваем им руки в знак примирения, в знак того, что мы хотим исправить ошибки наших жестокосердных предков и примириться с оскорбленной тенью певца, покоящегося в глубокой могиле. К этой категории относятся и писатели-патриоты, в одиночестве творившие для блага своего народа, сюда же относятся все те, которые трудились для блага своей родины, ибо тот, кто трудится для блага своей родины, трудится для блага всего человечества, состоящего из семи народов.

Приносить пользу всему человечеству способно мало людей, своей родине — каждый. Быть патриотом нетрудно. Некоторые мужи, принадлежащие к этой же категории, своими поступками иногда противоречили своим жизненным принципам, но их единичные заблуждения не портят общей картины. Были и такие, которые сделали для своей родины много хорошего, ибо в их сердцах жил великий дух патриотизма, их дела характеризуют их как истинных патриотов, но и они иногда спотыкались и ошибались. В их оправдание можно сказать: будучи большим патриотом, он был и просто человеком.

К третьей категории великих деятелей относятся те, в сердцах которых заложена большая любовь к миру и дружелюбие, но эти чувства не проявляются и не становятся целью жизни. У них есть склонность к красивому, благородному, хорошему, но эта склонность не получает нужного развития. У них есть стремление к действию, но они не могут найти арену для своих действий. Однако у них нет высокого идеала, который бы руководил всеми их действиями, в их поступках нет целеустремленности, которая направляла бы всю жизнь их и носила бы на себе благородную печать гуманности, стремления к равноправию во всем мире. Дремлющие в их душе благородные чувства воспаляются временами, и в такие минуты они готовы к великим делам и жертвам.

Так, прочитав страницу из исторической книги, где герой представлен во всем своем величии, один человек закрывает книгу и тут же, схватив меч в руки, готов бороться со всей решительностью. Другой прочтет о прекрасном времени, когда народ был счастливым, и в его душе поднимется желание восстановить эти прекрасные времена; создав себе огромные планы и потрясая святым знаменем свободы и равенства, он мнит себя спасителем народа; но луч света, светивший ему, вскоре рассеивается, миг вдохновения

проходит, и он снова возвращается в мир обыденности; восхищение, пробудившее в нем желание подвига, исчезает; величие, казавшееся таким прочным, сокрушается; ибо его побудило на этот шаг не внутреннее убеждение, не выношенная им идея свободы, а минутный порыв. Порыв, который внешне выглядит таким благородным, не длится долго, ибо он основывался на плодах воображения, на видении, которое неожиданно исчезло; он не может остановиться на середине своего пути и не может продолжить начатое им великое дело, ибо причина его поступков не внутреннее убеждение, не потребность души в вечной истине, а достойный восхищения пример, минутное вдохновение, которое очень быстро проходит. Такой человек не борется за великие идеи. То, что он вершит для блага своей отчизны, он делает инстинктивно, то, что он делает для блага человечества, он совершает потому, что так поступают и другие, а он, будучи по своей природе положительным человеком, не хочет быть хуже других.

Бывают времена, когда подобные люди могут принести огромную пользу своей родине. Там, где дело решает минутное вдохновение, где все зависит от одной минуты, где от одного часа зависит освобождение или гибель целой страны, там нужны такие люди, ибо если найдется человек, который вдохновит их в нужные минуты, они в состоянии проделать огромную работу. Таких людей обычно много у народов-патриотов. Они с достоинством выдерживают роль самых великих, и все их благородные стремления лишь потому не находят выхода, что дремлющие в их груди силы не получили нужного развития, их природные силы не были развиты соответствующим воспитанием. Это воспитанные дети доброй природы, и, хотя в их действиях нет целенаправленности, они способны нести во имя народа великую службу.

До сих пор речь в основном шла о мужчинах, точно так же обстоит дело и с женщинами, только в более слабом проявлении. У нас были женщины, имена которых золотыми буквами вписаны в книгу истории нашей родины; мы не позволим их именам погрузиться в темное море забвения. Определить злодеев по категориям было бы затруднительно — ведь они порождение ада. Воображение рисует нам ад мрачным. Определить там ранги очень трудно. Они палачи человечества: их жизнь мы будем вспоминать лишь для устрашения других, чтобы показать, как управляет делами человеческими обладающая тайным могуществом рука, которая не оставляет ни одного преступления на земле неотмщенным.

Если мы будем иметь в виду эту классификацию, то мы увидим, что наиболее великим деятелем является не тот, кто выиграл самые блестящие сражения, и не тот, кому курили фимиам миллионы. Исторiku не следует восторгаться блестящими победами, нельзя опускаться до уровня зеваки, который восхищается внешним блеском; всегда и везде нужно выискивать исторические причины поступков; мотив поступков важнее, чем их моральная ценность.

Чтобы понять характер великих деятелей всех трех категорий, справедливо оценить их достоинства, необходимо перенестись в ту эпоху, к которой они принадлежали. Когда мы вспоминаем Бодог Зача *, презиравшего безнравственность венгра, мы вспоминаем его стоящим над обломками своей чести как патриота, оплакивающего родину, как отца опозоренной дочери, который хотел уничтожить королевскую семью за поруганную женскую добродетель; мы говорим, как Банк Бан * от имени возмущенной отчизны и опозоренной жены клянется отомстить королеве, которая жестоко притесняла права венгров и, оттеснив мужа, взяла бразды правления в свои капризные руки; когда речь идет о Секеи, Чаке, Ракоци *, недостаточно судить о них как о наших современниках, нам самим нужно перенестись в ту эпоху и обстоятельства, которые их окружали, и если мы будем иметь представление об их делах и не будем знать духа времени, отличавшее это столетие, то это все равно, что обрисовать моряка без моря, без описания шторма...

Еще не раз мы столкнемся с личностями сегодня, возможно, потерявшими свое величие, ибо их действия не соответствовали принципам нашего столетия. Но тем не менее, мы должны быть справедливыми по отношению к ним: они действовали в интересах человечества, согласно духу своего времени; все, что они делали, они делали из чистых побуждений, и последний вздох их истстрадавшихся душ был вздохом о счастье родины.

Если мы будем судить о деятелях прошлого, исходя из высоких принципов нашего времени, то мы зачеркнем своеобразие минувших столетий; прошлое лишится своей характерной особенности, заслуги столетия назад жившего деятеля потускнеют в свете новой эпохи. Конечно, они претерпели меньше, чем во времена могущественного духа нового времени, но не следует забывать, что в свое время они с честью выполняли обязанности истинных патриотов и проложили дорогу вперед будущим поколениям.

Жизненный путь человечества бесконечен, кто знает, чего оно достигнет через тысячелетие? Хорошо бы провозгласить принципы современности как самые лучшие, как самые справедливые, и сказать: кто не следовал этим принципам, тот не был патриотом, тот не был другом человечества.

Кто знает, не придет ли более могучее столетие, принципы которого будут чище, величественнее, чем наши? И приятно ли будет нам, если, взирая на XIX столетие, будут говорить: они занимались пустяками, штопали и чинили. Принципы их в большинстве ошибочны, они не так рассуждали, как мы; так пусть они канут в вечность, они не заслуживают даже нашего внимания. Не восстанут ли тогда наши призраки, услышав подобный суд, не подойдут ли они к правосудию, чтобы оправдаться в своих ошибках, чтобы засвидетельствовать свои благие намерения, свои искренние стремления? Не крикнут ли они из могилы, что этот век несправедлив, жесток к ним и не учитывает тех условий, в которых они жили?

*Направляющие идеи**

I

Миром управляют принципы, мнения, идеи. Они определяют дух времени, который реет над отчизной и окутывает горизонт своим покрывалом.

Общественное мнение часто ошибочно, но оно правит миром и руководит действиями миллионов.

Именно поэтому столетия средневековья были мрачными в жизни народов. Темный дух невежества опутывал людей своими черными крыльями и застилал от взора народов лучи истины.

Народ чувствовал себя одиноким в борьбе, и в отчаянии отдавался в жестокие руки судьбы.

Мрачные века средневековья показывают, как долго дух времени, основанный даже на ошибочных взглядах, может господствовать над миллионами.

А кто управляет толпой? Тот, кто из громоглаголющих на горизонте туч смог высечь разящие молнии, кто утверждает, что его устами глаголет сам господь-бог.

Самое страшное использование силы авторитета это, когда толпой понукают от имени бога. И размышлять при этом не дозволено: нужно лишь слепо подчиняться. Ибо, «кто изведal дороги его мудрости, кто был его доверенным, кто был посвящен в его тайны?!», так говорит апостол о боге.

Кто осмелится противиться приказу, который ниспосылает небесный гром?..

В древности Моисей от имени могучих богов мести отдавал свои приказы при громе и молнии.

И кто осмеливался противоречить ему? Кто смел сомневаться в его словах?

Толпа даже не смеет задумываться о правильности или неправильности законов.

Народ становится рабом авторитета. Величественное сознание индивидуальности умирает в его душе. Он не узнает могущества своей собственной воли. В руках авторитета он превратится в машину.

Человеческое убито в нем, он остается на земле лишь в качестве живого орудия.

Следовательно, принцип правления Моисея можно оправдать, но лишь на короткое время как неизбежное зло, как средство для достижения более высокой цели.

Во времена египетского рабства угнетенные народы не имели чувства собственного достоинства и тем более определенных стремлений.

И лишь исключительные события могли вывести толпу из состояния глубокого покоя.

И поэтому Моисей обращался к ним при свете молнии, натравливая на них змей, заставляя землю поглощать недовольных.

Горе народу, который находился постоянно под таким правлением.

Тиран олицетворяет верховную власть в ее самом отвратительном состоянии.

Лишь в руках Моисея верховная власть не переродилась в угнетение.

Если верховная власть попадает в руки человека, рассматривающего ее как средство для укрепления собственного могущества, он использует алтарь народной веры как фундамент своего деспотизма.

И, возможно, этот фундамент никогда не рухнет, ибо он зиждется на вере народа.

Следовательно, там, где гражданская верховная власть использовала религию в своих целях, светский и поповский деспотизм, объединившись навеки, представляют собой двойной гнет для народа.

II

Власть авторитета довольно легко вырождается.

Она пригодна лишь до тех пор, пока народ — младенец, пока еще не выявилось его самосознание.

Правителю нравится положение, в котором он находится.

Народ принимает его слова за пророчество божье, добровольно выполняет его приказы...

Как легко подобному правителю может прийти на ум мысль, что хорошо было бы закрепить свое верховное положение навечно. И он задумывается о способах для претворения этой мысли в жизнь.

И чтобы народ беспрекословно повиновался и в дальнейшем, необходимо сохранить его в состоянии вечного младенчества. Если у правителя плохие намерения, то его интересы подавляют интересы миллионов.

До сих пор правитель был предводителем народа, теперь он захотел стать его господином, повелителем.

Чтобы сохранить власть учителя, нужны ученики.

Правитель издает для народа такие законы, которые удерживали бы его в вечном детстве.

Страна превращается в школу, где все зависит от приказа учителя, где дети должны повиноваться, хотя бы они того или нет.

Может ли так продолжаться вечно?

Не вырастет ли народ из школьного возраста?

Не осудит ли он своего учителя? Не задумается ли? Не захочет ли из узких стен вырваться на свободу?

Народ невозможно обречь на вечное детство.

Придет время, когда он перестанет повиноваться своему учителю! Цепи авторитета порвутся, и возмужавший юноша больше не позволит слепо управлять собой!

III

Эпоха авторитета длится лишь до тех пор, пока не наступит время просвещения.

Авторитет подобен луне, которая светит лишь до тех пор, пока не взойдет солнце.

Эпоха авторитета так же призрачна, как полная лунного света ночь. Толпа ничего не видит ясно и в то же время при воображаемом свете надежды видит очень много.

Кричит филин на колокольне, а нам слышится крик смерти.

В воздухе носится летучая мышь, а воображение рисует нам витающих в сумерках духов.

На кладбище светится блуждающий огонек, а толпа видит там привидения.

Днем всего этого нет. Время призраков и привидений проходит. Мы видим все в ясном свете.

Мы видим лишь то, что есть, что существует. Мы порываем с воображаемыми несчастьями. Мы рвем рабские цепи предрассудков. На смену предчувствий, предположений приходят наука, опыт. Мы не только жаждем счастья, но и ищем его. Мы учимся опираться на собственные силы. Мы не ждем милостей, не нуждаемся в чудесах. До сих пор нас вели по тропе жизни какие-то неясные желания, необъяснимый инстинкт, теперь мы вступили в пору ясного сознания. Мы не только живем, но и думаем. Мы возвращены самим себе. У нас нет больше надобности в костылях. Мы можем ходить и на своих собственных ногах. Мы помним прошлое, знаем настоящее, заглядываем в тайны будущего. У нас есть крылья, на которых мы можем перелететь в царство прошлого. У нас есть глаза, которые ясно видят настоящее. У нас есть ум, способный угадать даже тайны будущего. Наша вера превратилась в науку. Из безвольных машин мы превратились в свободных людей.

Такова разница между эпохой авторитета и эпохой просвещения...

XXVIII

История средневековья — печальная галерея жертв. Каждое явление достойно траура! Если просвещенный ум просмотрит все эти темные картины, ему откроются великие истины.

История европейских народов горька и поучительна: кровь наших отцов часто невинно лилась из-за мрачных идей, которые, подобно черным тучам, закрывали полмира.

Но если разыскать исторические причины тысячелетних бедствий народов, то наряду с печальными событиями, перед нами предстанут и великие истины.

И среди многих горестей нас утешит радостное чувство убеждения, что даже самый сильный гнет не способен сделать вечными страдания народа.

Ибо угнетатель стремится лишь к угнетению народа и не скрывает своих намерений.

Подобный угнетатель хочет попираť ногами права народа и прибегает к насилию.

Но разве мы не знаем, что насилие всегда вызывает противодействие?

Чем сильнее угнетение, тем большее противодействие оно вызывает.

И если сталкиваются две силы, более слабая будет сломлена, побеждена.

Угнетение — это лишь временное состояние, положение: народ вечен, как и сама земля. Он не может погибнуть. Уничтожить его не в силах человеческих.

Как бы холодна ни была зима, земля перенесет ее, наступит весенняя пора...

XXIX

Самовластье, выступающее с открытым забралом, не сможет уничтожить народ.

Но если приказы самовластья излагаются в законной форме, если его коварные планы глубоко скрыты, у народа нет повода к недовольству.

Непросвещенная толпа судит обо всем по внешнему виду: она неспособна вникнуть в суть дела.

Сладкие, как мед, слова служат ярким покрывалом, представляющее даже самовластье в сверкающем образе.

Многие ли разгадают лживую змею, шипящую под этим покрывалом?!

Правитель — тиран лишь в том случае может угнетать народ, если он сильнее его: коварными путями лицемерия обходит он волю народа, и основа его могущества не в силе, а в кознях, ядах, лоушках, интригах...

Лицемер, ластясь, прижимается к тебе и в то время, как правой рукой он обнимает тебя, левой рукой он плетет интригу, поражающую тебя в сердце...

Если суждено умереть, то пусть народ погибнет от удара льва, ибо лев даже убивать привык с величием, приличествующим его достоинству...

Может ли быть чувство мучительнее, чем, когда пригретая на собственной груди змея ужалит нас?.. Так поступает лицемер, злоупотребляющий доверием народа и предающий дело родины.

XXX

Тот поддерживает деспотизм, кто укореняет его в сознании народа.

Он вдальблывает в голову народа, что тот должен повиноваться законам самовластья, ибо «от этого зависит его будущее, его благо, его счастье — все»...

В таких случаях угнетение не открытое, не насильственное, и поэтому оно не вызывает ответной реакции.

Народ начинает верить, что единственное спасение от всех притеснений — холодное спокойствие.

Величественного сознания индивидуальности больше не существует. Чувство человеческого достоинства умерло.

И тогда человек не ищет цели жизни в самом себе. Человек превращается в покорную машину.

Вольтер, говоря о холодящих душу ужасах средневековья, вопрошал: «Что же послужило причиной всего этого?»

И властитель дум XVIII столетия, воздвигнутое на пьедестал полубожество — новая философия, ищет исторические причины всего этого в невежестве народа.

Если народ просвещен, он не останется покорным рабом слепого авторитета.

Авторитет деспотизма подобен призраку.

Могущество его основано не на собственных силах, а в тех чертах, которыми наделяет его народ.

Привидение бессильно, оно не способно убивать, уничтожать: оно пугает, однако, народ, ибо он приписывает ему сверхъестественные силы, бороться с которыми человеку нельзя, победить которые человеку не дано.

Но если темный человек просветится, привидение в его глазах потеряет всякую силу!

Следовательно, основа деспотизма — заблуждение, невежество, душевная темнота.

Прогоним же с горизонта тучи, и мрак рассеется.

Пробудившиеся ото сна средневековья народы пришли в движение, ибо они хотели жить.

Они знали, что холодное спокойствие, застой, окаменелость — верные признаки медленной смерти.

Каждый способный к жизни народ пришел в движение. Из потревоженной долины можно было выйти на свободу только по узкой тропе.

Но на спасительной тропе стояли враги народа. Они хотели заставить народ вернуться в безжизненную долину сна.

Однако возмужавшего юношу невозможно вернуть в страшящуюся всего пору несовершеннолетия. Он волком смотрит на своего врага и с чувством полного достоинства гордо противостоит ему. Но повернуться назад, снова погрузиться в сон, превратиться в ребенка он не хочет. Он пытается идти вперед: на его пути стоит противник и толкает его назад.

Может ли это не привести к насильственной борьбе?

Два врага сцепились друг с другом. Начался поединок. Побеждает то один, то другой. Обойти узкую тропу было невозможно. Столетия прошли в борьбе, но народ не сделал ни шага вперед.

Два врага стоят друг против друга, словно два быка на поле боя. Толкая друг друга, каждый видит свое торжество в победе над врагом, и жаждет его крови.

Но это не движение вперед!

Оба растрачивают силы, жаждут кровопролития, смертельной борьбы.

Подобное состояние нужно отличать от прогресса!

*Смысл существования человечества и развитие мирового духа **

Вопрос о конечной цели человечества на земле очень важен.

Человек блуждает по таинственному саду великой природы, и даже один из тысячи не смог бы ответить на вопрос, для чего он живет, к чему он должен стремиться?

Напрасно спрашивать об этом природу, она не даст ответа. Напрасно идти к журчащему ручейку, прислушиваться к загадочному шепоту ласкового вечернего ветерка — природа не сможет дать ответа на вопрос о конечной цели, о назначении человечества на земле.

Кто же произнесет высокие слова о цели человека на земле, кто удовлетворит его любознательность, кто поможет навести ясность в его мыслях?

Обратитесь к разуму, прислушайтесь к его словам.

Отправляя человека на темную тропу жизни, природа дала ему в руки факел, — разум, чтобы при его свете он мог идти вперед.

Но природа дала факел-разум незажженным. Факел лишь приспособлен для горения и может быть зажжен двумя способами.

Либо он должен воспламениться от трения, от внутреннего огня, либо от соприкосновения с другим горящим факелом, от которого можно позаимствовать огонь.

Думайте глубоко, серьезно, и факел разума засветится сам, или же соприкасайтесь с пламенем уже горящего факела, и ваш разум обретет свет и ясность.

У некоторых избранных факел разума горит, поднимаясь ввысь ярким пламенем. И пусть другие сами зажгут от этого пламени свой факел, и свет их разума изо дня в день будет все сильнее и сильнее.

Факел, зажигающий другие, не уменьшается. Пламя горящей свечи не уменьшится, если от ее пламени зажечь другую свечу.

Но людей губит недоверие.

Человек, факел разума которого горит в замкнутом одиночестве, старается сохранить свет для себя, он не хочет смешиваться с толпой, не хочет зажигать факелы разума других, ибо он не уверен, что другие затмят его.

Подобные просвещенные люди не заслуживают щедрого духовного дара, которым, в отличие от других, их наделила природа.

С другой стороны, большая ошибка кроется и в самой толпе. Она не хочет доверять просвещенным людям, и это недоверие объясняется тем историческим фактом, что некоторые люди для достижения своих честолюбивых целей, часто злоупотребляли доверием толпы; с тех пор толпа перестала доверять отдельному человеку.

Взаимное недоверие приводит к тому, что человечество распадается на два лагеря.

К первому из них относятся немногие люди просвещенного ума, но фактически не обладающие большой силой.

Ко второму лагерю относится большинство со своей духовной темнотой. Со скрытым недоверием смотрят они на представителей первого лагеря и часто видят в них своих врагов.

Мыслящих людей очень мало, и остальные, чаще всего, считают их лентяями, ибо они не трудятся на одном поприще с ними. Те же, которые работают, не размышляют.

Отсюда недоверие двух лагерей друг к другу.

И до тех пор, пока люди разума не вступят в союз с народом, дело человечества будет постоянно находиться под угрозой.

Разум слаб без силы, сила не направлена без разума.

Следовательно, если мы хотим узнать конечную цель человечества, мы должны слушать великих деятелей, которые оторвались от мира и, замкнувшись в одиночестве, размышляли над разрешением этой великой задачи.

Но, даже говоря об очень серьезных делах, я не хочу, подобно кабинетному ученому, разбирать их с мелочной щепетильностью и чрезмерной сухостью.

Читатель убедится на опыте, что, при рассмотрении по крайней мере очень важных вопросов, я избегаю метода школьных преподавателей, ибо моим твердым убеждением является то, что чрезмерные умничанья оторвали науку от жизни. Я стараюсь обычно преподносить сухие истины в приятном облачении, чтобы их не-принужденная внешняя форма вызывала симпатию и к самой, пусть маленькой, но способной осчастливить мир, истине.

Целесообразность этого метода подтвердили и великие писатели нашего столетия, они доступно излагали самые высокие истины, так как они не хотели окружить себя нимбом неясности, отрываться от толпы, которая бы их не понимала, наоборот, они стремились преподнести науку широкой публике, которую лишили науки мрачные столетия прошлого. Следовательно, вместо того чтобы перечислять различные положения мыслителей и лжемыслителей мира о конечной цели человека, я лишь коротко напомним о конечном результате этих тысячелетних споров.

Ученые новейшего времени признают конечной целью человечества совершенство. Но алтарь совершенства стоит так высоко, что тысячи людей на раненых крыльях своих мыслей даже не могут долететь до него. Значит, перед человечеством стоит бесконечно высокая цель, и, если мы мысленно пронесемся над неизмеримым пространством, которое нужно преодолеть человечеству, то, пока наши мысли долетят до алтаря совершенства, наши души устанут, крылья нашего воображения опустятся, и, утомленная, надломленная душа упадет обратно в наше будничное настоящее.

Мне кажется, что такая недостижимо высокая цель поставлена перед человечеством, для того, чтобы оно никогда не отдыхало, никогда не удовлетворялось совершённым прогрессом, чтобы оно постоянно видело перед собой бесконечное пространство, которое отделяет его от алтаря совершенства, и старалось как можно быстрее пройти по негладким дорогам, чтобы достичь его.

Чем ближе мы будем подходить к алтарю совершенства, тем легче движение вперед, тем притягательнее действует на борющегося человечество маячащий вдали алтарь совершенства, у которого с чувством выполненной перед природой обязанностью, возложат венок победы на головы долго боровшихся людей.

Будет ли когда-нибудь такое счастливое поколение, которое после бесконечной борьбы все-таки достигнет алтаря совершенства?

Или, может быть, эта цель так высока, что человек сможет лишь бесконечно приблизиться к ней, но достичь ее не сможет никогда?!

Разгадка этих смелых вопросов находится в черной книге тайнств природы, куда человеческий глаз заглянуть не может.

Однако достаточно знать, что алтарь совершенства маячит вдалеке перед человечеством, и приблизиться к нему наша моральная обязанность.

Но есть люди, которые просто отрицают это высокое назначение человечества и хотят уверить нас в том, что развитие человечества идет по вечному кругу и что человечество не имеет прав даже на надежду когда-нибудь достичь алтаря совершенства.

По этому вопросу мне довелось спорить с одним из способнейших учеников данной школы мировых мыслителей. Духовно богатый противник привел следующее шутовское сравнение: Люди долго трудились над усовершенствованием часового механизма. Наконец, было обнаружено, что стрелка часов будет точно вращаться по кругу лишь в том случае, если часовой механизм будет сделан из различных металлов.

Если первая часть механизма сжимается от понижения температуры, то вторая часть удерживает нужное положение механизма, но, если весь механизм будет подобен первой части, то каждое следующее круговое движение стрелки будет не похоже на предыдущее. Если вторая часть механизма расширяется в тепле, то первая препятствует расширению и не дает ей поломаться, форма механизма в тепле и холоде остается неизменной, и только в таком случае круговое движение может быть постоянным, подтверждением чему служит стрелка.

С этой интересной картиной и сравнивал мой находчивый противник жизнь человечества. По его мнению, машинный механизм человечества состоит из двух движущихся элементов: нравственности и внешней культуры.

Вдруг он неожиданно спросил: действительно ли эти два движущихся элемента развиваются одновременно, в зависимости друг от друга, или, может быть, иногда они уравниваются, взаимно дополняют друг друга и, подобно часовому механизму, они движутся по вечному кругу?

Я придерживаюсь точки зрения вечного прогресса человечества.

Тогда он сослался на события мировой истории вплоть до средневековья, где, по его мнению, стрелка человеческого развития достигла 12, и нужно было начинать сначала. Следовательно, человечество заново начало свой жизненный путь.

Услышав об этой удивительной картине, он спросил, думаю ли я, что возвращение назад происходит по причине органической структуры человечества, или же по чему-либо другому.

При этом каверзном вопросе мне нужно было или объяснить причины, ввиду которых, по моему мнению, в период великого переселения народов человечество вновь оказалось в младенческом возрасте, или же нужно было согласиться, что возврат назад произошел из-за природы органической структуры человека.

Из этого непременно должно было следовать, что возврат человечества назад должен происходить снова и снова, ибо это вечные законы природы, ибо это неизлечимая болезнь человечества.

Из двух положений я придерживаюсь первого, так как я знаком с учением о знаменитых триадах и считаю их прекрасными поэтическими идеями, но, по моему убеждению, они будут ниспровергнуты так же, как были ниспровергнуты знаменитые триады Канта в его «Критике практического разума».

Я считаю древние добродетели людей, живущих в окружении первозданной природы, приемлемыми даже в просвещенном мире, и поэтому зародыши добродетелей, канувших в прошлое народов, могут быть обнаружены повсюду, в душе всех народов.

До сих пор народы губила односторонность.

Греки погружались в фантастический мир искусства, они полюбили идеал свободы, но не позаботились о средствах, чтобы защитить его. Изнеженные руки неспособны защитить свободу от сильных внешних бурь.

Римляне, подобно самоубийцам, сами в себя вонзили нож, ибо они позволили возвыситься некоторым гордым сыновьям над республикой и с молчаливой покорностью одели на себя ярмо рабства.

Я ненавижу идеи, подавляющие в человеке волю к свободе. Человека я не считаю машиной в руках природы. Не удручает ли, не подавляет ли душу мысль, что индусы терпят кастовые отношения лишь потому, что те обусловлены климатом, что народ Индии по собственной воле наложил на себя цепи рабства?! Значит, человек должен быть рабом климата? Климат влияет на склонности людей, влияет на его поступки,— но он не довлеет над духом. Пример этому дает история. Так, на территории Италии патриархальные народы через короткое время оказываются под властью королей. Позднее римляне создали свободную республику, а еще позднее тот же народ становится угнетателем всего мира, потом угнетателем самого себя и, наконец, он попадает в рабство, и мировая империя рушится от одного толчка. Судьбы народов не зависят от климата. Нельзя привязать человечество к груде бездушных математических законов!

Мой противник сравнил далее культуру человечества с летящим орлом, который парит над миром, и там, где он пролетел, повсюду по земле тянется его тень. Начались длинные исторические размышления о том, как поднялся этот орел в Индии, как прилетел в Финикию, Грецию, а оттуда в Рим.

Я согласился с образом летящего орла, только заметил, что он взлетел в небо в молодом возрасте, в пути его крылья все росли, становились все больше. И по его тени мы видим, что культура охватывает все больше пространства. Поскольку, крылья бросают свою тень, слабую тень культуры на все части света, то почему бы нам не надеяться, что когда-нибудь тень этих крыльев покроет весь земной шар.

Мой противник хотел в конце концов убедить меня, что человечество может соответствовать своему назначению даже и в том случае, если оно будет идти по вечному кругу, то вперед, то назад. И он хотел вновь подтвердить спасительный довод гениальным сравнением. Охотник, начал он, где-то останавливается и выпускает гончую. Гончая бежит то вперед, то назад, но она выполняет желание охотника, поскольку преследует зайца. Охотник — природа, а человечество — его гончая.

Это сногшибательное сравнение, на первый взгляд, может легко убедить нас, но я обернул кинжал против его владельца — он преподнес мне его рукояткой вперед — подчеркнув, что задача гончей — обнаружить зайца, преследует ли она его по прямой дорожке, или окольными путями, она все же постоянно преследует его.

Конечная цель человечества — совершенство, придет ли оно к нему прямой дорогой, или же после долгих блужданий, придет ли окольными путями — оно постоянно идет к своей цели. Человечество старается достичь своей цели и, если оно заблуждается, спотыкается, то будет лишь учиться на своих ошибках и заблуждениях, подобно гончей, шедшей сначала по неверному следу.

Тисса течет с северо-востока на юг, но много раз на своем пути она поворачивает то на север, то на запад — но все ее течение это течение вперед. Подтверждением этому служит само стремление. Сама жизнь. Тисса течет к юго-западу, чтобы после утомительной дороги отдохнуть на груди спокойного Дуная, но на своем пути она встречает холмы и горы, и чтобы миновать их, ей приходится поворачивать то на север, то на запад. Подобные преграды стояли и на пути человечества к прогрессу, но они не смогли окончательно помешать ему в его движении вперед. Поток, минуя все преграды, снося все на своем пути, спешит к своей конечной цели.

Так закончился случайно возникший, но интересный спор.

Скромный противник признал законченным обсуждение данного вопроса, потому что мои единомышленники указали на то, что в нравственных понятиях человечества наблюдается постоянный прогресс, очищение; что здесь дело обстоит не так, как в часовом механизме, ведь, по его мнению, два элемента — нравственность и культура — лишь уравнивают друг друга, зависят друг от друга, и развитие их идет по вечному кругу. Здесь было целесообразным уточнить понятие свободы. Когда-то даже самые просвещенные народы называли свободой уже то, что они поднимались над своими ближними¹. Рим был монополистом мировой свободы. А сейчас разве иначе обстоит дело с очищением нравственных идей?!

Могущественные народы больше не хотят быть монополистами свободы и признают всех жителей земли своими братьями; и на-

¹ Греция и Рим могли породить в лучшем случае лишь выдающихся греков и римлян, но нация даже в эпоху расцвета не имела массы выдающихся людей.

родам, которые до сих пор могли свободно пользоваться лишь воздухом, они хотят дать и другие живительные силы, чтобы солнечный свет свободы впитывали в себя люди во всех уголках земли, чтобы они были не только «смертными», но и «счастливыми».

Этого хочет судьба, покровительница человечества. Во имя этой цели работает она своими невидимыми руками.

Точно так же обстоит дело и с другими идеями нравственности.

Рим пересадила все деревья культуры в свой город и в этом мировом центре свалил все молодые греческие саженцы друг на друга.

Рим хотел владеть монополией мировой культуры точно так же, как владел когда-то монополией свободы.

Но природа во имя спасения будущего человечества отомстила ему.

Большая часть пересаженных деревьев погибла в огромном саду Рима. Нежным саженцам культуры пришлось не по душе земля, которую жестокие римляне привыкли поливать кровью своих граждан.

В этой кровоточащей земле корни нежных саженцев культуры одичали, огрубели и вместо того чтобы питать высокие ветви живой влагой, они поили их кровью жестокости.

Раздобревшие на крови ветви стремительно разрослись, и римляне радовались. Они думали, что в тени этой листвы они наслаждаются свободой Греции.

Но не этого хотела природа.

Высокие ветви разросшихся со стремительной быстротой деревьев культуры простерлись до дальних владений Рима и бросили и на них некоторую тень.

Рим хотел быть монополистом мировой культуры, поэтому он пересадила ее корни в Рим, но покровительница человечества перехитрила угнетателя мира. Внезапно выросшие ветви бросили свою тень даже на самые далекие уголки римских владений.

Пришла пора вынужденного цветения, и выросшие на крови деревья вместо «нежных греческих плодов» принесли плоды «жестокости просвещенности». Во все уголки земли к угнетенным народам упало по несколько яблок, и плоды знаний раскрыли глаза народам.

Они начали чувствовать свое угнетенное положение и постепенно стали приходить в сознание от одурманившей их дремоты. Просвещение привело поработанные народы в бешенство, и они повернули свое окровавленное оружие против Рима, который держал их до сих пор в невежестве, рассчитывая использовать их в качестве слепого орудия достижения своих целей. Они неистовствовали с такой жестокостью, что с корнями вырывали даже деревья культуры, плоды которых римляне использовали лишь для того, чтобы, благодаря превосходству своего ума, угнетать миллионы людей.

Но культура уже не могла погибнуть. Семена ее плодов, упавших в провинциях, развеялись по всему существующему миру.

Рассыпанные по земле семена нужно было закопать, чтобы они проросли в лучшие времена и зацвели на всей земле. Эту черную работу выполнил наш праотец Этел * и его современники, устранившие мир.

Они засеяли всю Европу, чтобы когда-нибудь повсюду проросли посеянные зерна культуры.

Следовательно, развитие человеческой культуры не приостановилось в средневековье, в столь часто упоминаемое средневековье, оно лишь временно спало и ждало, пока посеянные по всей Европе семена прорастут. Оно ждало, когда культура, бывшая когда-то исключительной принадлежностью Рима, станет достоянием всего мира.

На мой взгляд, человеческая культура развивается по параболе. И хотя всякое сравнение односторонне — это признавал и мой противник, автор бесчисленных сравнений, — но я ради сравнения не поступаюсь истиной, а лишь одухотворяю ее.

Мировая история тоже подтверждает мои мысли. В грозные времена великого переселения народов культура спряталась в могилы, чтобы переждать, пока дикий ураган свирепствующих народных орд пронесется над ее гробом. Ураган пронесся, и она снова воскресла. Это подобно действию каравана в пустынях Сахары. Когда приближается опасность, разумные путешественники падают ниц на землю, чтобы несущий смерть ураган не коснулся их. Грозный ураган проносится над пустыней, уничтожая все живущее. Лежащих на земле людей дух смерти не затрагивает, ибо он уверен, что те и так уже мертвы. Ураган проносится, и притворившиеся мертвыми люди воскресают к новой жизни. Подобное случилось и с мировой цивилизацией. Она притихла, переживая пока опасность пронесется над ее головой.

Подобный ураган лишь однажды мог свирепствовать над мировой культурой, и она уже пережила его.

Большой ошибкой было бы считать мнимую смерть римской культуры гибелью всей мировой культуры. Да и в самой Римской империи причиной гибели нравственности служили надменные преступления народа, губившего самого себя. Народ Италии с жестокой последовательностью шел навстречу собственной гибели. Дела Рима свидетельствуют не о мировом прогрессе, а о мировом гнете, не сумевшем осчастливить даже самого угнетателя.

Римляне своим жизненным путем прошли через все перипетии плохого и хорошего в судьбе человечества, и история этого народа самая поучительная во всем мире. Поэтому опыт исторического развития римлян мы должны учитывать и использовать во всех формах. Бразды правления народами земли один только раз сконцентрировались в руках одного государства, и этот единственный случай служит народам грозным предостережением: люди земли никогда не должны отдавать судьбы народов мира в руки одного государства. Картина жизни римского народа стоит перед нами, как

пирамида, подобно давалагирской вершине, гордой вершине гор над возвышенностями Азии. У ее ног расстилаются прекрасные долины с богатой южной растительностью. Мы поднимаемся выше, и богатая растительность исчезает. Склоны гор покрывают хвойные и карликовые деревья. Потом встречается только мох. Вокруг нас возвышаются горные скалы. Мы поднимаемся еще выше и попадаем в холодное царство вечного снега; мы начинаем мерзнуть, дрожать от холода, нам не хочется подниматься выше, ибо над собой мы видим лишь цепь голых скал, вершины которых, покрытые снегом, разрывают плывущие под ними облака.

Такова же судьба римского народа.

Выбравшись из своей цветущей долины, он отправился по дороге прогресса и чем выше он поднимался, тем несчастнее становился. Ибо он шел не по цветущей долине, а взбирался вверх, на горную вершину, чтобы оттуда управлять далекими странами и отдавать свои приказы половине человечества. Он искал счастья в господстве над миром. Но это неправильное представление о счастье скорее сделало несчастным большинство человечества и самих римлян.

Жажда власти отправила римлян на тропу угнетения. Большинство погибло в пути. Однако многие преодолевали трудности во имя того, чтобы когда-нибудь подняться на вершину человечества. И они уже мечтали о том, как оттуда будут править всем миром.

Они смешали понятие счастья с преступной идеей мирового господства.

Появлялись все новые и новые полководцы, которые призывали народ к смелости и единодушию, а сами вели войну между собой, завидуя друг другу.

Народ верил прекрасным словам и, жертвуя собой, преодолевал все препятствия во имя достижения вершины мира. Братья Гракхи родились поздно. Поздно предостерегли они народ, что не это дорога счастья. Вернуться назад было уже невозможно.

Враждовавшие друг с другом полководцы, чтобы осилить своего врага, вступали в союз с народом, и после пятивековых кровопролитий и смертельной борьбы последний отпрыск римлян все же достиг сияющей вершины обещанного.

Но полководец, который стоял во главе их, стал лживым и жестоким тираном.

И поскольку он взобрался на вершину первым, он стал властно приказывать обессиленной, утомленной, поредевшей группе людей.

И когда народ взывал к его величеству, угнетатель устрашал толпу тем, что он в союзе с богами, и здесь, в стране молний, никто не смел ослушаться его.

Народ увидел плывущие под ним облака, в которых сверкали крохотные молнии. Он смотрел с головокружительной высоты вниз, на далекий огромный мир и на всей земле он не видел никого не-

счастнее себя. Другие народы боролись против угнетения, и слезы сочувствия падали на могилы их бойцов. Но римляне были ору-
дием угнетения всего мира, и другие народы не могли жалеть об их гибели.

И римляне начали завидовать судьбе жителей долин, которые проводят в своих жилищах жизнь более счастливую, чем они. В те времена Гораций пел о счастье простых землепашцев, Virgilий воспевал идиллическую жизнь пастухов.

Но отступить было невозможно.

Песни поэтов взволновали душу воинствующей толпы, и она почувствовала алчные желания жестоких кровопролитий, желания, которые влекли их назад, к более счастливому прошлому.

И суровый приказ тирана пробудил жаждущий лучшей судьбы народ от его сладких снов. Этот приказ, словно эхо, возвестил неожиданный гром неба. Молнии ударили в толпу, и народ в ужасе, дрожа от страха, упал к ногам тирана. Народ думал, что сам Юпитер вложил молнии в руки угнетателя, и что истина и добродетель только иллюзия. Народ борется напрасно: он обречен на вечные страдания.

Такова история римлян.

Наконец, сотрясаясь земля, пошатнула подобную давалагирской вершине пирамиду римской империи, и тиран вместе со своими рабами упал с головокружительной высоты мирового господства.

Закончим статью этой картиной, простым линиям параболы не нужны длинные объяснения.

Я хочу попросить прощения за подобный способ изложения, но я уверен, что даже о самых серьезных истинах иногда целесообразно говорить именно в такой форме. Когда я размышляю над мировыми событиями, в моей душе одна картина вызывает другую.

Сравнения — единственное оружие моего противника, которого я уважал после первой же нашей встречи, и знаком моего уважения пусть послужит то, что я запомнил идеи его ошеломляющих сравнений и, благодаря этим строчкам, спас их от сумерек забвения и сохранил их для духовной истории людей.

Я считаю, что выполнил свое обещание, и после всего сказанного мы можем быть уверены, что мировой дух развивается в постоянном движении вперед и доказывает на практике, что конечная цель человечества — совершенство, приблизить которое как можно скорее — святая обязанность человечества.

Совершенство — выпуклое стекло, в фокусе которого должна сконцентрироваться вся деятельность человечества. Собранные на кристально чистом стекле совершенства лучи этой деятельности, засверкав прекрасными цветами, рассеются снова, и, отображаясь на стене в увеличенном виде, рисуют все то, что красиво, величественно, похвально, все то, что приносит счастье.

Лучи удовлетворения и радости, истины и победной добродетели, переплетаясь друг с другом, образуют величественную картину счастья.

Чем дальше мы будем идти, тем больше таких лучей мы сможем собрать в фокусе совершенства, тем в более прекрасной, величественной форме предстанет перед нами прекрасная картина счастья.

Роль народа в государстве

Человек, изучающий государство поверхностно, не может со знанием дела судить о его действительной основе.

Мы видим дерево. Его ветви, покрытые густой листвой, тянутся к небу. Его могучий ствол прочен. Дерево гордо возносит свою коронованную голову в воздушное царство вихрей, его зеленые кудри треплет мчащийся ураган.

Мы видим дерево. Мы славим его живучесть. Мы гордимся его величием.

Но, глядя на дерево, кто думает о скрытых в земле корнях, которые питают это дерево, дают ему жизненную силу? Корни дерева не бросаются в глаза зеленой листвой, они не украшены цветами, они не поднимаются горделиво к небу, чтобы ими могли любоваться, но тем не менее, корни — живительная основа всего дерева.

Таков и народ.

Из-за своей простоты он не замечен, скромно трудится в уединении и легкомысленные люди даже не замечают его.

Но глубоко мыслящий человек, говоря о родине, никогда не забудет о народе и, глядя на дерево, вспомнит и о корнях, этой основе всего.

*Народное движение **

Народное движение подобно землетрясению.

Никто не знает ни часа, ни минуты, когда оно начнется.

Кто знает, где начнется землетрясение? Где оно зарождается?

Город величаво стоит со своими башнями, люди уверенно ходят по шумным улицам. Они не видят силы, которая восстанет против них, не подозревают об опасности, не дрожат от страха.

И вдруг под землей послышался шум, задрожала земля, закачались дома, начали рушиться стены.

Скопившиеся в темном подземельи силы прорываются наружу, разверзшаяся земля, словно огромная пасть, загробным голосом произносит внятные, но ужасные слова.

В писании говорится, что придет время, когда даже мертвые воскреснут... Как бы не поднялись мнимо умершие и все заживо погребенные?

Представления первобытных людей о религии *

Человек рождается и живет. Он присматривается к огромной природе. Он взирает на небеса. Он видит восходящее на востоке солнце, плывущие по небу облака, меркнувшие и вновь зажигающиеся звезды, огромный небосвод.

Эти великолепные зрелища заставляют человека задуматься. Он видит движения, действия и не видит руки, направляющей все это. Человек начинает думать. Он удивленно спрашивает себя, кто сотворил такой правильной формы небосклон? Кто усеял синее небо сверкающими звездами? Человек начинает думать, что должен быть творец всего этого; так зарождается мысль о религии.

Человек начинает думать, что только могущественная сила могла так искусно сделать небесную арку, лишь рука необыкновенного существа могла так красиво окрасить небосвод в синий цвет...

Простодушный смертный, поднимая свои удивленные глаза к небу, наивно размышляет о великом мгновении сотворения мира, в то время как горизонт темнеет, солнце скрывается за темные тучи, и черная тень траурным покрывалом затягивает землю, тяжелые галеры туч проплывают по воздушным волнам и останавливаются друг против друга, словно вражеские полки.

Человек смотрит на эти превращения, но все эти явления представляются ему вечной загадкой. Он видит галеры туч, но не видит гребцов, сидящих на галерах. Он видит уходящее на запад солнце, но не видит коней, запряженных в солнечную колесницу...

Видя все эти явления, процессы, простой смертный начинает подозревать, что за всем этим кроется тайная рука, узреть которую ему не дано.

Сгромоздившиеся на небе тучи сталкиваются, по всему небу прокатываются потрясающие землю громы. Змеи молний, преследуя друг друга, бегут по черным тучам. Горизонт темнеет. Время от времени сверкающие молнии ослепительным потоком света заливают пространство. Мир на мгновение освещается и снова темнеет. Неясные подозрения человека сменяются тревожной думой. Он видит, что природа разгневана, и гнев ее страшен: от него дрожат земля и небо.

Человек трепещет и робко спрашивает себя, не на него ли гневается природа? Не он ли разгневал могущественного повелителя туч?

Все живое спасается от гнева природы. Хлещет ливень, бьет град, с горных вершин потоком катятся камни, ураган с корнями вырывает гордые деревья со склонов и бросает их в глубокие долины. Страшна природа в своем гневе. При виде всего этого ужас охватывает живые существа.

Лев перестает реветь, тигр уходит в свое жилище, более кроткие животные в страхе ищут убежища, где бы они могли укрыться

от сурового гнева природы. Даже самые маленькие насекомые уползают в свои норки. Самые свободные создания неба — птицы прячутся в дупла деревьев, в трещины скал; крыльями укрывают своих птенцов, стараясь уберечь их от страшного гнева природы.

Все живое на земле напугано. Дрожит от страха и сам человек. Он ищет спасения от гнева неба. Он идет к своим ближним, желая в минуты опасности обрести друзей, он торопливо скрывается в своем жилище или же останавливается под развесистым деревом, чтобы ливень не обрушивался на него так безжалостно...

Тучи по-прежнему набегают друг на друга. Горизонт темен. Могуущественный повелитель бурь, словно кнутом, страшно щелкает молниями.

Человек боится, человек дрожит от страха.

Двое стоят под стройным деревом, они вопрошающе смотрят друг на друга, и каждый читает в глазах другого горькую боль отчаяния. В это время слышится треск.

Молния ударяет в дерево, и один из них, сраженный, падает. Другой, видя, что его товарищ замертво упал к стволу дерева, боится, что такая же судьба постигнет и его. Человек не видит руки, поразившей его товарища, но он боится ее, дрожит от страха, чувствует ужас перед ней, содрогается от отвращения, ненавидит ее...

В отчаянии человек бросается на колени. Он хочет умилистить всемогущего, поражающего своей рукой жителей земли. Он прижимает к груди холодеющие руки, поднимает молящие глаза к нему и его дрожащие губы выговаривают молитву.

Так зарождаются религиозные понятия. Этому учит история.

Человек боится существа могущественнее себя и, если он видит его гнев, то пытается смягчить его.

Открыватель Нового Света — Христофор Колумб встретился на своем пути с дикарями, которые, уверенные в своем численном превосходстве, хотели прогнать его с открытых им земель. Колумб выстрелил из ружья, несколько человек упали навзничь, остальные же испуганно смотрели на Колумба, думая, что сами повелители туч пришли навестить смертных.

Так невежественны были понятия о религии, так нелепы были неверные представления о природе у первобытных людей.

Мы знаем, откуда берется ливень, знаем, как вращается солнце, знаем причины небесных войн, а энергию молний мы используем так, как нам нужно...

Разум помог разобраться нам и в более сложных законах природы: в грозе и сверкании молний, в землетрясении и морском шторме мы усматриваем не гнев природы, а лишь результаты действий ее вечных законов.

Но мы не должны судить о людях древних времен с позиций нашего времени. Перенесемся в то время, когда люди совсем не знали законов природы, и мы поймем, каким огромным должно было

быть влияние этих понятий на человеческую душу. Люди соприкасались с невидимой могущественной силой, действовавшей в природе, и с ней связывали они свои судьбы, от нее ждали они благословения и проклятия.

Просмотрим бегло историю человечества и мы увидим, какое огромное влияние оказывали религиозные понятия на человеческую душу, на весь мировой дух. У некоторых народов из чувства благодарности развился культ божества.

Природа наделила индийский народ огромными дарами. Добросердечный народ воспылал к ней чувством благодарности за эти щедрые дары. Сначала люди просто любили воды Ганга, приносящие земле плодородие, потом их стали почитать и, наконец, их обожествили и начали считать Ганг источником всех благ. Сначала любили зверей, как себе подобных созданий, но потом и это чувство перешло в поклонение. В грустных глазах животных люди читали немые проявления чувств, они были уверены, что бессловесные существа лишь потому не жалуется на свою судьбу, лишь потому не высказывают своих внутренних чувств, что не умеют говорить; отсюда родилось сострадание, жалость, переродившиеся впоследствии в поклонение.

У непросвещенных людей даже самые прекрасные душевные качества вырождаются и унижают человеческое достоинство. У неразвитых народов даже самое невинное чувство подобно кинжалу, который злая воля людей может повернуть против них же самих.

*Дух средневековья**

Средневековье по отношению к нашему столетию составляет младенческий период в жизни человечества.

Неокрепшему младенцу нужны были няньки. Ими были правители. Правители-няньки злоупотребляли доверчивостью народов-младенцев. Они запугивали эти народы ужасными картинами.

Целая армия запуганных детей-народов не могла освободиться из-под власти своих нянек, которые властвовали над душами детей, благодаря величию своего духа.

Что может сделать малый ребенок с няней, произносящей страшные слова, сомневаться в которых ребенок не осмеливается?

Если дети начинают сомневаться, обманщица няня еще серьезнее начинает рассказывать о семиголовом драконе, о злом духе и т. д., и очень убедительно говорит; если надо будет, позовут страшного дракона. С холодным спокойствием она говорит доверчивым детям: открой дверь и вызванный дух войдет.

Найдется ли ребенок, который осмелится распахнуть дверь?

Наемные проповедники правителей обещают народам ад и вечное проклятие, если те будут восставать против тирании. Вспомните письма-проклятия римского папы...

Народные взмущения не раз умирлялись с помощью проклятий церкви.

Почему так происходило?

Потому что народ-младенец не был просвещен.

Чтобы народ развивался, необходимы два решающих элемента: физическая сила и духовное могущество.

Пока народ не просвещен, не может быть речи о прогрессе.

Народ подобен птенцу, сидящему в своем гнезде, если мать не покормит его, он будет голодным, ибо прокормить себя собственными силами он не способен до тех пор, пока не вырастут крылья.

Пока народ не просветится, его удел — быть узником в своем тесном гнезде.

Духовная сила придает крылья, с помощью которых народ может идти вперед. Пока не вырастут крылья, он не сможет сдвинуться с места, а если сдвинется, упадет после первого же шага.

Движение вперед всего народа можно сравнить с движением вперед одного человека.

Чтобы идти вперед, нужны две опоры — физическая и духовная сила.

Чтобы добиться настоящего прогресса, обе ноги должны ступать одновременно.

В противном случае мы делаем лишь один шаг. Вторая, застрявшая нога увязает так в земле, что ее и не вытащишь.

Гибели народов-младенцев средневековья способствовали и остатки прежней культуры.

По крайней мере так кажется на первый взгляд.

Провозглашаемое Христом учение всеобщей любви, способной осчастливить мир, из-за греха вероломных служителей церкви низведено до настоящего фетишизма. Ибо человек, олицетворяющий бога в каждом насекомом, в каждой деревяшке, унижает себя, считает себя ничтожнее насекомого, деревяшки. Где же возвышенное чувство человеческого достоинства?..

В руках народа-младенца все превращается в игрушки.

Ибо младенец не может использовать что-нибудь по его назначению.

Если нож, обычно полезный предмет, дать младенцу, он порежет этим ножом самого себя. Безусловно, огонь необходим для практического применения, но если горящее полено дать в руки ребенку, он будет играть с ним, пока не обожжется.

Невежественные люди средневековья не могли подняться до великих идей.

Чем выше поднимается бумажный змей, тем сильнее он тянет нитку, которую ребенок держит в своих руках.

Бумажный змей не может поднять за собой сына земли, который также не хочет выпустить парящего в небесах змея.

Заоблачная птица с высоты спускается на будничную землю, где она теряет всю красоту, всю свою притягательную силу.

Парившая в облаках воздушная птица снова превращается в намалеванный кусок бумаги, который больше не вызывает восхищения и не привлекает.

То же самое сделал непросвещенный народ средневековья с небесными птицами великих идей христианства.

Он спустил звезды на землю.

Он хотел, чтобы над головой смертных светились лучи божественного ореола.

Он усматривал чудо во всех случайных явлениях.

«Могилы открылись. Мертвые воскресли. Ангелы поднялись против Юлиана Апостата. самого Юлиана убил из-за угла ангел-убийца». Что может быть лучше для убийцы, чем скрываться за спиной ангела? Ангела никто никогда не обвинит, не привлечет к ответу. Из подобных обманов наемники деспотизма создавали историю... «При крещении Клодвига чашу с водой держал ангел». Такими историческими данными дурачили невежественный народ...

Нетленность тела считалась признаком бессмертия. В Италии существуют целые могильные склепы, где тела умерших сохраняются неизменными, будь то Нерон, Людовик или Шобри.

Дети любят все удивительное, все необычное.

*Двойной гнет **

В первобытные времена культура народов была тесно связана с религиозными представлениями. Поэтому изучение древних религий очень важно. Темные религиозные понятия на вечные времена калечат душу человека. Ясные, правильные религиозные понятия являются вожаками человечества в его младенческом возрасте.

Религия зародилась в Азии, колыбели человечества, а потом распространилась по всему миру. Человеческая культура в обнимку с религией облетала земной шар. Куда бы ни переселялся народ, повсюду его сопровождал дух религии, он витал над островами, где жили люди, над морями, по которым они плавали. В древности человек и религиозные понятия тесно смыкались друг с другом. Даже самые дикие народы имели свою религию.

От религиозных понятий зависела жизнь, будущее, счастье народов. Проповедники говорили о религии, о ее высоких идеях загадочными словами и пробуждали воображение толпы. Люди слушали и верили их словам.

Если проповедники хотели пробудить в народе самолюбие, самоуверенность они направляли разбуженное воображение толпы к свету истины. Если же они хотели использовать религиозные понятия для обманов, для увлечения толпы, они легко могли сделать это. Простодушная толпа восхищалась ими, дрожала в страхе от их пугающих слов. Так по-разному воздействовали на психику толпы.

На опыте мировой истории мы с печалью убеждаемся в том, что народные вожди древнего мира часто сильно злоупотребляли слепой верой простодушной толпы. Они пугали народ потусторонними ужасами, засоряли его сознание непонятными учениями, использовали неокрепший народ для поддержания собственной мощи. Итак, мы видим, как обманывали народ его вожди, как благодаря ему удовлетворялось честолюбие отдельных людей.

Чтобы одурманивать народ, они создают касты и говорят, что главное назначение народа — нищенствовать, страдать и работать для их блага. И такое надругание над природой происходило еще в древности! Миллионы подавлялись одиночками, а церковники становились угнетателями большей части человечества.

Китай и Индия служат ужасным примером, подтверждающим нищету и страдания народов тогдашней Азии. Эти два государства, подобно живым мумиям, сохранились без всяких изменений с древних времен, чтобы показать, во что может превратиться народ, если при его воспитании религиозный и светский деспотизм объединятся. Если эти две силы отделены друг от друга, то обречь народ на вечный застой невозможно. Если даже обе силы стремятся к самовластью, угнетению и подавлению народа, то и тогда дело миллионов нельзя считать погибшим навсегда.

Некоторое время над ним может тяготеть груз деспотизма, но над ним стоят два деспота; эти два палача не придут к соглашению. Они оба стремятся к неограниченной власти и хотят, чтобы никто не препятствовал им; в таких случаях то один, то другой вынужден быть в союзе с народом для свержения своего врага. Эта борьба рано или поздно приведет к освобождению народа! Деспотизм изживет себя, народ — никогда. Деспота можно убить, народ — нельзя. Деспотизм не может удержаться без поддержки народа, народ может существовать и без деспотизма.

Но если светский и поповский гнет объединятся, то прогресс народа в корне подрублен, и мечтать о прекрасном будущем не так просто. Если народ находится под гнетом только светского деспотизма, религия и воспитание могут порвать рабские оковы. Но если светский деспотизм поддерживают люди, занимающиеся религией и воспитанием, в душе народа пробуждается какое-то боязливое уважение по отношению к угнетателю. Воспитатели настолько уродуют душу народа, что тот даже не смеет думать об улучшении своей судьбы. Если в униженной толпе подавляют даже мысль, то она привыкает к мукам угнетения.

В этом смысле ужасным примером служат Китай и Индия.

Миллионы людей стонут под игом тысячелетнего рабства, а воспитатели народа вместо того, чтобы просветить их, скорее подавляют их и лживыми словами религии провозглашают оковы деспотизма священными.

Народ страдает, нищенствует, горюет и задумывается о своей судьбе. Он спрашивает себя, действительно ли воля природы, бога

проявляется в том, чтобы миллионы были рабами отдельных каст людей. Неужели бог — угнетатель, наслаждающийся муками, страданиями миллионов?

В эти минуты сомнения перед народом выступают проповедники деспотизма и пытаются успокоить бунтующую толпу придуманными религиозными учениями. Народ говорит, что ему надоели страдания и он хочет лучшей судьбы. Обманщики-проповедники говорят ему, что таков неизбежный приказ самого всевышнего, он окончательный и бесповоротный. Терпение народа иссякает. Проповедник пытается доказать, что страдания народа законны, что избежать или отдалить их невозможно. Народ ссылается на свою невиновность, на свою добродетель. Но лживого проповедника это не смущает. Он не может обвинить людей в том, что они грешны и обречены на страдания из-за своих собственных грехов, поэтому он ссылается на предков, которые были грешными, и потомки должны расплачиваться за их грехи.

Эти слова, словно молнией, поражают народ. Останавливается мысль, замирает сердце, смолкают уста. Проповедники клеветают на предков и называют страдания невинных потомков законным наказанием. Так в человеке убивают личность, волю. Народ смолкает. Он понуро опускает голову и тянет дальше свою лямку.

Светский гнет уродует только тело, религиозный — и душу, низводит человека до уровня живой машины. На долю таких народов улучшение судьбы выпадает лишь в том случае, если религия и воспитание будут отделены друг от друга. Если найдутся истинные друзья народа, которые просветят массы, будет и надежда на уничтожение двойного гнета, в противном случае такой надежды нет. Народ будет восставать, бить, убивать, но улучшить свое положение он не сможет.

Примером этому служит Китай. Сколько народных революций уже начиналось в этой огромной империи? Как велика сила народа там, где все охвачено единой волей, единым желанием — свергнуть угнетателя — и все же как безрезультатны все попытки китайского народа. Он борется лишь против угнетателя, а не против угнетения. Он чувствует свое угнетенное положение, свое рабское состояние, и его терпение иссякает. Миллионы, объединенные общим угнетением и страданиями, берутся за оружие. Они, подобно буре, налетают на угнетателя и сметают его. Но дальше в своих действиях они не идут. Они свергают одного тирана-правителя, чтобы на его место поставить другого. Угнетатель меняется, а угнетение остается. И все потому, что народ не просвещен. Он не знает, с чего начать, как преградить дорогу самовластью.

Для народной революции необходимы два условия: свержение монарха и просвещение. Угнетение вызывает революцию, просвещение обычно делает ее успешной. Просвещенный народ не закончит революцию свержением угнетателя, он уничтожит и учреждения угнетения и сделает невозможным новое угнетение.



Михай Танчич

(1799—1884)

Михай Танчич (Táncsics Mihály) — выдающийся венгерский революционный демократ, участник революции 1848 г., публицист и автор многочисленных научных и политических трудов. Родился в семье крепостного крестьянина и прожил большую, полную лишений и невзгод жизнь. Поздно окончив латинскую школу, он начинает слушать курс лекций по философии. Много внимания уделяет проблемам развития венгерского языка, пишет учебные пособия. Летом 1846 г. Танчич отправляется в путешествие, надеясь издать свои работы за границей без надзора цензуры. По возвращении на родину, он вынужден скрываться, так как правительство приняло решение о его аресте. В 1847 г. он был арестован и пробыл в тюрьме вплоть до революции.

После освобождения Танчич активно включается в политическую жизнь страны, приступает к изданию еженедельной газеты «Мункашок уйшага». Танчич был единственным представителем народа в Национальном собрании, где он выступил с предложением об отмене десятины с урожая винограда.

После подавления революции Танчич в течение восьми лет вынужден был скрываться. После амнистии 1857 г. он вновь включается в борьбу, принимает участие в движении «красных республиканцев», представляет план нового восстания. В 1860 г. Танчич был вновь арестован и просидел в тюрьме семь лет. Больным, слепым и старым он сохраняет волю к борьбе за интересы народа. В 1869 г. он основывает газету «Арань тромбита», в которой горячо приветствует венгерский рабочий класс. Танчич был избран председателем «Всеобщей рабочей организации».

Основные произведения: «Взгляды раба на свободу печати» (1843), «Независимость Гуний» (1845), «Глас народа — глас божий» (1846), «Что такое социализм и что такое коммунизм» (1857), «Союз семи национальностей», «Кто такие красные республиканцы и чего они хотят», «Мой жизненный путь» (1873—1878).

*Взгляды раба на свободу печати **

Вступление

В нынешние времена на повестке дня почти везде стоит политика, все остальное отодвигается на задний план. Так и должно быть: мы переживаем самый чудесный период в жизни нашего народа, когда он встал на борьбу, чтобы вновь обрести утерянную свободу. Но это свидетельствует и о том, что теперь у нас еще нет свободы, что она только будет, если вообще будет.

Говорят, что борьба за свободу прекрасна, что она приносит славу (мы этого еще не испытали: мы не боролись, нельзя же называть борьбой беспорядки *, во время которых наряду с другими словами прозвучало и слово «свобода»?), но наслаждаться свободой еще почетнее (и этого мы не испытали, поэтому и не можем судить).

Будет уместно обратить внимание на то, что мы подразумеваем под словом «политика» *. Когда мы не смеем высказать свои мысли, свою уверенность, то мы ссылаемся на политику; если мы не решаемся или, скажем прямо, если мы трусим защищать с открытым забралом свои права, то мы опять ссылаемся на политику, и т. д. Даже из этого немногого с полной очевидностью следует, что политика заменяет у нас истину. Опасные времена! А если и отыщется кто-нибудь, не боящийся резать правду-матку в глаза, так его считают недотепой, говорят: неспособен он заниматься политическими, государственными делами. Потеряв по трусости права и свободу, кто посмеет сегодня сказать: ничто, созданное человеком, не может лишить нас полученного от природы. Говорить так, рассуждать не политично. По закону разума и стяжательства у нас были отобраны и права, и свобода, нам же было оставлено лишь одно право: бить земные поклоны, благодарить с рабской покорностью. А если кто-нибудь из нас осмелится сказать, что те самые права и свобода, малую толику которых мы обрели снова, когда-то были нашими, что наши предки по трусости потеряли их, а мы требуем их целиком обратно и не обязаны никого за них благодарить, если, говорю я, кто-нибудь осмелился сказать такое, то у него отнимут

право заниматься политикой и даже сочтут опасным подстрекателем. Вот это и есть политика.

Присвоившие себе права и свободу народа поступили умно: уж если скотина сама подставляет шею, почему бы не надеть на нее ярмо? Такой поступок, конечно, некрасив, христиане так не поступают, это несправедливо, ведь образованный человек даже скотину мучить не станет, но кому нужна справедливость, если ее столь прекрасно заменяет политика? Второй стих XV псалтыря гласит: «Пребывающий в совершенстве действует по истине, голос истины звучит в его сердце», а в наши дни разве кто-нибудь совершенен? Теперь люди заботятся не о совершенстве, а о политике. Автор псалтыря был, должно быть, стар и написал этот стих, когда уже осушил чашу мирских наслаждений, а до этого он и сам поступал часто несовершенно.

Нашу эпоху принято называть эпохой преобразований, как будто бы человек, словно шелковичный червь, способен вылупиться вдруг из кокона. Начиная с первого человека и до наших дней происходит процесс постоянного преобразования, и он будет продолжаться до тех пор, пока с земли не исчезнет последний человек. Творец создал человека таким, чтоб род человеческий находился в постоянном развитии. А те, кто считает, что преобразования совершаются лишь в нашу эпоху, глубоко ошибаются, совсем не знают человека, а значит и самих себя. В природе все развивается и совершенствуется постепенно, поэтому и народы, в том числе и венгерский, должны развиваться постепенно. Иногда возникают препятствия для развития, но само развитие не останавливается, лишь меняет направление. Так случилось и с венгерским народом. Ни один мыслящий человек не усомнится в истине, что большая сила побеждает меньшую, и сильный в своих интересах может помешать развитию слабого, но, с другой стороны, и помочь ему, если на то будет его воля и желание. Случается, однако, что помощь становится препятствием, приносит больше вреда, чем пользы. У нас так и хотят сделать, но пока это еще не удастся.

Возьмем для примера какое-либо растение. Ему нужна земля, влага, тепло и свет. Если растение получает все это от природы, то оно растет ввысь и красуется во всей своей красе, надо только позаботиться, чтобы его не задушили сорняки. Но достаточно отнять у него что-нибудь одно, тепло, влагу или землю, растение начинает хиреть и скоро увядает. Напрасно будем мы поливать растение, если оно не в земле или охвачено морозом, оно погибнет. Возьмем теперь человека еще молодого или совсем ребенка... Для того чтобы ребенок развивался и стал тем, кем ему и полагается быть, кем ему предназначено быть от природы, мы не должны его лишать прав и свободы. Но если какая-либо превосходящая ребенка сила все же лишит его этих прав, то из него никогда не вырастет достойный муж, каким он мог бы стать, если бы обладал своими естественными правами и свободой; он точно так же поблекнет, завянет

и пропадет, как растение, лишенное необходимого ему тепла или влаги. То же самое происходит и с целыми народами. Если народ лишен своих естественных прав и свободы, то что бы мы с ним ни делали, он никогда не станет тем, чем должен бы быть. Напрасно строить народу самые комфортабельные тюрьмы, создавать самое либеральное законодательство *, одевать его в шелк и парчу, а голову набивать всяческими науками, словом, что бы мы для него ни сделали, народ останется лишь стадом рабов...

Нет на свете такого человека, который осмелился бы сказать своему ближнему: ты не имеешь права расти так, как хочешь, не смеешь испытывать голод, а жажда может охватывать тебя только с моего дозволения. Нет такого человека, говорю я вам, который одобрил бы такие безумные мысли. И все же существуют безумцы. провозглашающие: ты не имеешь права мыслить и говорить, т. е. сообщать другим свои мысли.

Точно так же, как голод утоляется пищей, а жажда питьем, как воля побуждает к действию и т. д., так и мысли должны быть переданы словами. Значит, если человека лишают права говорить, его делают таким же рабом, отнимают у него свободу, как у тех, кому не дают есть, пить, спать и т. д. Из всего этого, как мне кажется, совершенно ясно следует: мы не свободны, если цензура мешает нам говорить. Пусть венгерская знать считает себя вольной, «блаженны нищие духом!» — говорит святое писание...

Пока существует цензура, и там, где она существует, не может быть полной свободы. А если кто-нибудь думает, что она все-таки есть, то он просто понятия не имеет о свободе.

История цензуры

В древние времена цензуры не было. Человеческий род свободно выражал свои мысли, чувства, делился опытом. Так продолжалось вплоть до начала XV в. Цензуру выдумал римский папа Александр VI в 1496 г., а в 1515 г. другой папа Лев X усилил ее. Из светских властителей первым ввел у себя цензуру испанский король Филипп II. Я не знаю точно, когда цензура появилась в Венгрии, но когда бы это зло ни произошло, именно с этого времени благородная венгерская свобода перестала быть настоящей свободой, сделалась унижительной привилегией. Но если б даже цензура была изобретена самим Адамом и существовала с тех пор до сегодняшнего дня, я все равно считал бы ее самым большим беззаконием. А у нас в Венгрии лишь в самое последнее время можно услышать протесты против цензуры...

Я не собираюсь рассказывать о том, как обстоит дело с цензурой у других наций, где печать пользуется большей свободой, и какие по этому поводу существуют законы. Скажу лишь одно: свободной печати в полном смысле этого слова нет нигде, а это

значит, что все нации в большей или меньшей степени лишены своих прав и свободы...

Но ведь народы, лишенные прав и свободы, не развиваются, как надо, не становятся большой нацией в моральном смысле, а превращаются в жалких торгашей, не ведающих ни красоты, ни славы, заботящихся лишь о своей выгоде. Это и есть дух политики и нашей развратной эпохи.

Будут ли когда-нибудь у наций права и свобода, это еще не известно, будущее покажет. Я лично живу надеждой и желанием, что когда-нибудь это случится...

Есть два пути, по которым современные люди смогли бы образовать славные, достойные нации: или правительства добровольно откажутся от прав и свободы, похищенных ими у народов (но политика не даст им этого сделать, и нельзя себе представить, чтобы справедливость сосуществовала рядом с политикой), или народы сами отберут у правительства свои права и свободу. Для этого необходимо лишь одно — воля. Но вся беда и состоит в том, что народы, лишенные прав и свободы, становятся неспособны даже желать.

Человек по природе своей общителен

Те, кто препятствуют человеческому общению, совершают преступление по отношению к природе. Без общения не может быть развития, не может быть общества, и человек никогда не смог бы подняться над уровнем животного... Каждый здравомыслящий человек не может даже сомневаться в этом...

Речь — это своеобразное средство общения людей... Речь неотделима от природы самого человека. Посмотрите на совсем маленького ребенка: увидев нечто необычное, он бросается к своим сверстникам, рассказывает им о виденном... А юноша, чье воображение поражено чем-то новым... Он не успокоится до тех пор, пока не сможет поделиться с друзьями, родителями, с кем угодно... И возьмем взрослого мужа, открывшего что-то до сих пор неизвестное, он сделает все возможное, чтобы обнародовать свое открытие. Для этого и существует печать. Пусть людей толкает к общению желание получить вознаграждение или любое другое желание — все равно, людям по природе своей присуще общение. Люди высказывают свои мнения, говорят о своих убеждениях даже тогда, когда заранее знают, что это может быть опасно и принесет им вред. Нам известны писатели (хоть их и не так много), которые совершенно бескорыстно делают все возможное, даже приносят жертвы, чтобы опубликовать свои труды, потому что не могут подавить в себе желания это сделать. Но стоит ли обо всем этом распространяться дальше? Разве каждый человек сам не чувствует полную невозможность жить без общения?

Одним словом, невозможно себе представить ни государства, ни общества без человеческого общения. Для того чтобы первые четыре, пять или десять человек могли для самосохранения объединиться в общество, им надо было сперва обменяться по этому поводу мыслями... Если б они не могли общаться, то и общества между ними никогда не возникло бы; я, во всяком случае, не могу себе этого представить, но, может быть, противники печати умеют создавать общество и другим путем. Любая коллективная работа, законы, религия могут быть созданы и осуществлены только через взаимное общение. О том, что человек по своей природе инстинктивно тянется к общению, свидетельствуют и эти строки, рожденные вопреки всякой и всяческой цензуре, скажем даже больше: если бы вместо цензуры существовала свобода печати, то этих строк, вероятно, и не было бы.

Человек должен совершенствоваться

Собственный опыт в достаточной степени подтверждает, что человек должен совершенствоваться. Другими словами: человек должен развиваться.

Совершенствование происходит согласно вечным законам природы, но по каким-то непостижимым причинам в человеке взяло верх несовершенство, и некоторые хитрецы сумели выдать себя за вождей, властителей этих несовершенных людей и присвоить себе их свободу, а народы опустили морально и стали развиваться не в том направлении, как это было нужно, поэтому и совершенствование их происходило лишь частично...

Я показал, что людям по их природе необходимо общаться, обмениваться мыслями, доказал, что человек создан для того, чтобы непрерывно совершенствоваться. Препятствовать в этих его стремлениях, значит лишать его свободы...

Цензура — самое большое преступление

В чьих бы руках ни была цензура, у отдельных лиц или у народных вождей, результат будет один и тот же. Нет ничего другого, что так явно противоречило бы как природе, так и христианской религии, как цензура...

Цензура убивает не отдельных людей, она убивает или стремится убить душу всего человечества. Но и физически она уничтожает миллионы людей. Кто может подсчитать, сколько человек подавлено цензурой, лишилось прав и свободы и стало жертвами нищеты?! Я истинно говорю, что трудно себе представить, когда подумаешь, как пали народы, поставляющие солдат и деньги своим угнетателям, чтобы они могли еще больше угнетать их.

Но как вы думаете, читатель, кого я виню в этом — угнетателя или сам народ? Виноват сам народ, угнетатель не может осуществить своих намерений там, где нет рабских душ. Нет и еще раз нет. Целью правительства является не стремление привить веру и мораль при помощи цензуры, а то, чтобы народ не просветился, чтобы с ним можно было обращаться, как со скотиной... Нет у них религии, иначе не могли бы они действовать против законов бога и природы и препятствовать цензурой совершенствованию человека...

Думаю, что из сказанного ясно, что цензура — величайшее преступление, но если б и не было ясно, так ведь каждый мыслящий человек и сам это знает. Вы, стоящие у кормила правительства и управляющие машиной цензуры, вы считаете преступлением, если кто-нибудь не соблюдает постов или пьянствует, хотя этим он не вредит никому, ни богу, ни людям. Но сколь больше преступление подавлять при помощи цензуры свободу и права народов, и тем самым вынуждать миллионы людей жить в бедности. Вы утверждаете, что неповиновение родителям и вышестоящим преступно. Я согласен с вами, но лишь в том случае, если они руководствуются законами здравого смысла. Но как это преступление незначительно по сравнению с тем, когда самовольно введенной цензурой попираются законы! Вы считаете, и я считаю, что грех напасть на кого-нибудь и похитить его имущество, но что это за грех, по сравнению с тем, что вы похищаете всякое счастье у целых народов. Разве есть без свободы и прав счастье?

Истинно говорю вам, что та нация, которая не способна исправить такое положение вещей, оскверняет святое слово свобода. И если какой-либо народ не стремится прежде всего и всеми своими силами стать полностью свободным, а хочет во что бы то ни стало поклоняться лишь золотому тельцу, такой народ не призван играть роли в истории человечества.

Воззвания о свободе печати и против цензуры

Много прекрасных слов прозвучало впустую и может прозвучать еще больше, а цензура существует и будет продолжать существовать. Чтобы покончить с ней, не слова нужны, а решимость к действию. Мужички, способные на прекрасные поступки, рождаются только в лоне свободы, но иногда могут появиться на свет и при большом угнетении. Сколько людей отшатываются в ужасе, если на них прикрикнут сверху. Но кое-где все же встречаются люди с крепкими нервами, готовые до конца дней своих бороться за свободу...

Может ли цензура когда-нибудь быть полезной?

Я не могу себе этого представить, значит, и сказать мне об этом нечего.

Даже если кажется, что на деле или, лучше сказать, в мире политики самые либерально настроенные люди допускают, чтобы то или иное мнение было подавлено, из этого еще не следует, что цензура в данном случае благотворна. Допустим, что это мнение, если его не подавить, причинит какую-либо беду, но ведь и это послужило бы наукой, а от каждой науки, несомненно, больше пользы, чем от избегнутой беды. Если один свободный человек и грешит в печати, то другой свободный человек в той же печати его грех исправляет. Мнения одного плохи, вредны, а у другого хороши, что и создает равновесие. Цензуры еще и потому не должно быть, что она завтра или послезавтра разрешает запрещенное сегодня, значит, нет у нее правдивой основы. А если уж и допускать пользу цензуры, то цензорами должны быть самые ученые и мыслящие люди страны, которые могли бы справедливо судить о любом труде. Но как можно без помощи печати узнать, кто именно самый ученый человек? Все люди свободны, но проявлять свою свободу человек может только через свою деятельность и высказывания, а если цензура ставит ему в этом препоны, то он не может считать себя свободным. Ни для земного, ни для небесного счастья не нужна нам цензура...

Что говорит здравый смысл о печати

Настоящий здравый смысл всегда и везде говорит одно: человек не имеет права отбирать у другого человека то, что дано ему самой природой. Но ведь и цензоры претендуют на здравый смысл; давайте поэтому сначала разберемся получше в этом вопросе. Если человек могущественный отбирает у слабого свободу, значит, это ему выгодно, ведь и здравый смысл говорит, что каждый действует в своих интересах — утверждает власть имущий, угнетая слабого. Уже из одного этого видно, что каждый объясняет понятие здравого смысла, как ему это выгоднее, и таких объяснений могут быть тысячи. Но можно ли назвать здравым смыслом, если кто-нибудь рассуждает примерно так: вы для того и существуете, чтоб носить ярмо и трудиться на меня в поте лица своего, нет у вас никаких прав, одни лишь обязанности. Я господин, а вы слуги, это подсказывает мне здравый смысл, так как никто не станет отрицать, что легче господствовать, чем тянуть ярмо раба. Но такие рассуждения противоречат здравому смыслу, потому что это произвол угнетателя.

Можно без конца приводить такие примеры, но каждый раз без всякого колебания я отвечу на них: это не здравый смысл. Значит,

надо найти нечто такое, с чем каждый вынужден согласиться. Никто, например, не станет отрицать, что дважды два четыре, потому что отрицать это было бы бессмысленно. Так же обстоит дело и со здравым смыслом, но зачем осложнять вопрос? Здравый смысл — самая вечная истина. И именно поэтому он не дает нам возможности сказать, что дважды два не четыре, а пять...

Поэтому, если я буду употреблять то одно, то другое слово, пусть читатели воспринимают здравый смысл и истину как синонимы, ведь и я сам не могу провести между ними различия. Здравый смысл говорит нам, что один человек сотворен богом совершенно таким же, как другой. Никто из людей не имеет привилегий, так как бог создал всего одного человека. Каким бог сотворил первого человека, таким же и всех остальных, от этого человека происшедших. И пока кто-нибудь не докажет мне, что бог оделил одного человека большей свободой, чем другого, я останусь при своем мнении: все люди имеют одинаковое право на свободу.

Значит, здравый смысл говорит нам, что человек имеет право любым доступным ему способом общаться с другими людьми, говорить с ними, писать, обнародовать свои мысли, мнения, убеждения, а таких людей, которым от природы дано право мешать ему в этом, просто не существует...

Вы скажете, что мои доводы дерзки, некоторые сочтут их абсурдными, но придет время, обязательно придет, когда сама жизнь осуществит их. Не напрасно бог заронил в умы людей семена здравого смысла, когда-нибудь они взойдут, расцветут, принесут плоды. Когда нынешнее испорченное поколение постепенно сойдет в могилу, то все же останутся отдельные личности, которые будут представлять это племя спервоначала, служить будущим более благородным поколениям.

Опасность я вижу не в тех, кто подавляет печать, а в самих теперешних трусливых народах. Если б даже врагам печати удалось каким-нибудь образом истребить не только всю печать, но и стереть с лица земли каждую букву, написанную или напечатанную, то род человеческий не потерпел бы еще непоправимой беды, потому что остался бы еще разум, который нельзя уничтожить, и если он уже один раз изобрел бы печать, то изобретет ее снова. А если к тому же исчезли бы все законы и религиозные предписания, изложенные на бумаге, то я не могу это назвать уроном, я даже глубоко убежден, что человечество от этого только выиграло бы, так как лишь немногие из этих законов и предписаний выдержали бы испытание здравым смыслом. Нынешний человек еще не может освободиться от своих привычек, и если бы исчезли законы и предписания, то здравый смысл, безусловно, сотворил бы новые и лучшие. Все существующие до сих пор законы подсказаны не здравым смыслом, а различными интересами, так же как большая часть положений религии происходит не от бога и не от здравого смысла, а от ханжества, фанатизма и своекорыстия.

Мы нигде не найдем и следа того, чтоб бог где-либо указал: только такие-то, мол, и такие люди имеют права и свободу. До тех пор пока кто-нибудь не обнаружит такое указание божье, каждый человек должен иметь право сообщать свои мысли через печать. И запрещают это, противятся этому только тираны. Но назвать их тиранами слишком мало. Они хуже тиранов. Не знаю, как и называть, трудно придумать другое слово.

Вижу, что сотни людей, а может быть и больше, станут возражать мне, говоря, что люди, объединившись в общество, потеряли свою природную свободу, передали все свои права государству. Такие утверждения попросту смешны, говорящие так не знают ни людей, ни себя. Каждый отдельный человек уже рождается с полученными от природы правами, свободой, и именно потому, что они составляют его природу, он не может их с себя сбросить, иначе он перестанет быть человеком. Что такое, по вашему, государство? Может быть, это группа людей, стоящая вне общества? А я считаю, что государство — это сумма отдельных граждан, объединенных в общество. А вы как считаете? Вы, вероятно, думаете, что государство — это правитель или, самое большее, группа людей, вместе с ним управляющая. Я же всегда обращаюсь к здравому смыслу, и он мне говорит, что государство — это сумма отдельных людей, объединенных в общество...

Я спрашиваю, куда деваает человек, вступающий в любое общество, свои природные права и свободу? Мне ничего не известно о существовании какого-либо рва за крепостной стеной общества, куда можно их сбросить. Или, может быть, у ворот общества стоят некие стражи, отбирающие права у входящих?..

Друзья мои, глубоко ошибается тот, кто осмеливается утверждать такую нелепость, что человек, вступая в общество, теряет свою природную свободу. Если человек так сотворен, что ему надобно совершенствоваться — а оно именно так и есть — то он не только не теряет ничего, имеющегося у него в момент рождения, но и в процессе совершенствования приобретает еще и другие качества...

Но если общество вовсе не такое, если один отбирает у другого, у третьего, у сотен и тысяч им принадлежащее, то оно не может называться обществом. Принцип общества в том и заключается, что его члены объединяются по доброй воле, а человек, если он не безумен, не жертвует по доброй воле своими правами и свободой. Каждый человек ищет в обществе свою выгоду, иначе никто и не вступал бы в него.

Бывает и так, что как только кто-нибудь заговорит о природных правах и свободе, так сейчас же садится на своего любимого конька и принимается толковать о первобытном состоянии человека. Считаю поэтому необходимым сказать еще несколько слов об этом важнейшем предмете. Человек рожден жить в обществе, так как он должен бесконечно совершенствоваться, а без общества он не может развиваться. Человек не обязан иметь владения, прости-

рающиеся на многие тысячи миль, но в обществе человек быть должен. Первое общество было, по-видимому, основано первым человеком и его детьми. Появились внуки, некоторые из них отделились от прародителя, но большинство осталось вместе, такова уж природа человека, чтобы жить в обществе. Дети этих отделившихся и рассеянных по свету внуков опять-таки образовали свое общество; ведь было бы нелепо предполагать, что как только дети и внуки достигают 20—25-летнего возраста, то сейчас же отделяются от своих родителей и братьев.

Если я буду утверждать, что люди с самого начала жили в обществе, то на моей стороне будут гораздо более убедительные доводы, чем на стороне тех, кто утверждает противное и говорит: как только дети подрастали, они разбредались куда глаза глядят, никакие родственные узы не связывали их с семьей, и они одиноко бродили по земле. И если окажется, что люди сразу объединились в большие или меньшие общества,— что, как я уже сказал, гораздо правдоподобнее, чем противное утверждение,— то не существовало и того натурального состояния, когда человек одиноко бродил среди зверей девственного леса, за исключением, конечно, немногих отдельных лиц. Если бы несколько самых первых людей на земле, тотчас же разведившись, стали бы ждать, чтоб им попался кто-нибудь, у кого можно отнять все его добро, чтобы потом самим на это добро беспечно существовать, то такие люди, безусловно, погибли бы голодной смертью. Поэтому я и говорю, что люди, по всей вероятности, оставались вместе, питались плодами и мясом пойманных животных и не мечтали о том, что им попадется кто-то, кого можно ограбить и жить на его добро.

Таким образом, люди и в природном состоянии, даже помимо своего сознания, объединялись в общества, и значит, им не надо было оставлять где-то за крепостными стенами свою природную свободу и права. С прибавлением семьи росло и общество. Так оно увеличивалось вплоть до сегодняшнего дня. В какое же время члены этих медленно разрастающихся обществ отказались от своей природной свободы и прав, передали их некоему фантому, находящемуся вне общества и именуемому государством?

Людам не свойственно желание присвоить себе весь мир (хотя и встречаются в виде исключения такие ненасытные натуры). Человек может прокормиться плодами небольшого куска земли. Опять-таки здравый смысл подсказывает ему, что если он будет браться за многое, разевать рот на все, что содержать окажется не в состоянии, то может потерять и свое первоначальное имущество. Не возражайте мне, что человеческая натура свидетельствует как раз об обратном: всякий старается приобрести побольше имущества, стать побогаче, круглые сутки трудится, чтоб было у него побольше добра. Это результат нашей испорченности, вытекающей из абсурдных и противных здравому смыслу действий. Сначала человек должен обливаться потом, чтобы прожить, так как его потом кормит-

ся еще много бездельников; затем он опять должен обливаться потом, чтоб выдержать тяжесть всего, что на него наваливается; поэтому, если в его судьбе иногда и наступает облегчение, то он уже потеет по привычке.

Если бы человек не стремился изо всех сил добыть себе некоторые материальные блага, то множество голодных волков проглотило бы и то немного, что у него есть, и он впал бы в полную нищету. Рабочий видит, что много таких, кто не работает, а за счет его труда жиреет, и удваивает свои старания. Почему он это делает? Для того, чтоб самому вознестись до положения, когда можно, не работая, жить по-господски. Это и толкает его трудиться сверх своих сил. Но на чрезмерное старание толкает его еще трусость, слепота, скудоумие. Почитание всевозможных чинов, господ, вплоть до самого правителя, так велико, что уже граничит с поклонением. Можно ли поэтому удивляться, что ослепленный человек забывает о своем собственном природном предназначении, не видит цели и стремится приблизиться к ослепительному источнику света? Но если вы мне скажете, что это, мол, в природе человеческой так биться и толочься, то почему же не делают этого те, кто живет, никогда не работая, все тунеядцы, живущие за счет нашего общества? Если б действительно жажда чрезмерной наживы и стяжательства была бы свойственна человеку по природе, как мы это с грустью отмечаем, то можно было бы заключить, что бог ошибся в своем творении, так как для стяжательства человека земной шар скоро оказался бы мал...

Разве можно себе представить общество, члены которого, объединяясь, сказали бы: с этого дня мы не будем свободны, у нас не будет прав, мы выберем среди нас одного и пусть он решает, когда и как нам работать, когда голодать, когда спать, о чем размышлять, что нам есть, что думать и т. д. Говорю я вам, что такое общество совершенно невозможно. Где бы мы ни увидели, что свобода и права принадлежат лишь одному или немногим, это везде произошло путем насилия, обмана, подвоха...

Такое ненормальное положение за сотни и тысячи лет настолько окрепло, что стало считаться почти естественным, когда одному человеку из всего человеческого общества принадлежат права и свобода, а все остальные рождены, чтоб повиноваться. Вот так и вошло в моду говорить: я одежаю вас свободой и правами. Но это вовсе не такая уж нелепость, если такими словами не возмущаются даже те, у кого нет ни прав, ни свободы. А вот когда они задают вопрос: можно ли давать народу права и свободу? Это можно услышать бесчисленное множество раз на комитатских собраниях; просто смешно, если б у благодушных людей было бы желание смеяться в таких условиях.

Мне кажется, что я высказался вполне ясно: каждый человек по своей природе имеет полную свободу сообщать, иначе говоря, опубликовывать свои мысли. Творец не создал никаких привиле-

гий, значит, и в природе их быть не должно. А там, где для издания книг требуются привилегии, где я должен сообщать свои мысли другому человеку, прося разрешения напечатать свою книгу, там нет человеческого общества, есть только людское стадо, мало чем отличающееся от стада животных. Так говорит здравый смысл.

Люди еще не созрели для того, чтобы дать им в руки права и свободу, они бы стали злоупотреблять ими. Мы заботимся о них по-отцовски и поэтому отбираем у них свободу, как нож у ребенка. Пусть созревают они, и мы великодушно дадим им права. Тогда и мысли свои они смогут обнародовать свободно — вот так, или приблизительно так, говорят отцы народа. Когда я слышу или читаю нечто подобное, это меня так возмущает, что я боюсь, как бы меня не хватил удар. Вот и сейчас, когда я писал эти строки, пришлось остановиться, у меня перепутались мысли, и я действительно не знал, что ответить.

Успокоившись немного, продолжаю писать. Неужели вы не понимаете, что оскорбляете господа-бога, когда говорите: человек еще не созрел, чтоб дать ему в руки свободу, оделить его правами? А если он и не созрел, так не вы ли помешали ему в этом вашей цензурой? И не ту ли цель преследуете вы, не потому ли настаиваете на сохранении цензуры, чтоб он никогда не созрел? Вы обманываете природу да еще и приукрашиваете ваши действия словами об отеческой заботливости. Это ужасно, это чудовищно! Как это можно назвать? Грехом или преступлением не назовешь, эти слова определяют слишком мелкие преступления, а тут надо придумать какое-то новое слово.

Значит, народ еще не созрел? Каковы же признаки того, созрел он или нет? Платить налоги, трудиться, нести на себе бремя всего общества — для этого он уже несколько тысячелетий созревает. Но, спрашиваю я, не легче ли тратить готовое, чем добывать его заново? Жить на готовом, наживаться на кровавом поте других людей, такое ли это совершенство, до которого народ в течение тысячелетий не мог созреть? А уж если вы, не стесняясь в средствах, захватили в свои руки права и свободу народа, так хоть не старайтесь придать этому вид добродетели, скажите прямо: мы были умнее, а значит, и сильнее трусливого народа. Мы извлекли для себя выгоду из народной доверчивости. Это, во всяком случае, было бы более по-рыцарски, такой ответ не унижает. Я уже сказал, что понимаю это и с точки зрения разума, и с точки зрения личного интереса, но считаю подлостью желание придать этому моральную окраску, внушить народу, заставить его поверить силой, что все это сотворено богом, что вас вылепил он из особой глины и предназначил быть правителями, а народ сотворил для вечного рабства.

Правьте трусливым народом, пока вам это дано, но признайте, что это в ваших интересах и не рядитесь в тогу религиозности. Придет время, когда религия растеряет все красивые слова, и вам придется за это жестоко поплатиться.

Вы утверждаете, что как только народ созреет, вы великодушно предоставите ему права и свободу. Мир, вероятно, существовал еще задолго до нашего летоисчисления, потому что потребовалось много времени, чтобы человек пал так низко. Я могу простить все, даже самому большому тирану, но только не таких обещаний: «Когда ты созреешь, народ, я дам тебе права и свободу!» Откуда возьмете вы лишнюю свободу и права, кроме тех, которые у вас самих имеются, чтоб так легко раздавать их? Вам принадлежит не больше свободы и прав, чем самому маленькому человеку из народа, но у вас есть самовластие; природа же, распределяя права и свободу, оделила всех в равной мере. Но как только вы опомнитесь, и в груди у вас пробудится хоть сколько-нибудь человеческое чувство, и прекратится ваша тирания, народ сам обретет свои права и свободу, не ожидая, пока вы их передадите ему.

Вы по-отечески заботитесь, чтоб народ не злоупотреблял свободой и не наделал этим себе бед. Так почему же ваши отеческие заботы не простираются дальше? Надо бы связать народ по рукам и ногам, отрезать ему язык, чтоб он не повредил себе, даже при существовании цензуры. А еще надо запретить людям зажигать огонь, от которого тоже часто бывает беда. Может быть, надо приказать и солнцу, чтоб оно не светило и не жгло так сильно, не дай бог, повредит своими жаркими лучами вашему любимому детищу-народу. Да воздаст вам бог в полной мере за всю вашу любовь к ребенку, дорогие отцы!

Самая главная, даже, можно сказать, единственная ваша наука — политика, а она говорит вам, если вы поглубже в нее вникните, что лучше дать (если это только от вас будет зависеть) народу права и свободу хоть сейчас, хоть сегодня, а не ждать пока он созреет, чем раньше, тем лучше. Когда же народ созреет, он не будет просить вас. Народ станет свободным на деле и претворит свою свободу на практике. И тогда некоторым из вас не сдобровать!

Вообще говоря, ваша беда в том, что вы не можете знать, какой степени зрелости уже достиг народ. Показываются ли на нем лишь теперь бутоны, расцвели ли они, а может быть, он уже и достиг полной зрелости? А вероятно это было бы неплохо, чтоб не запоздали вы с вашей милостью, чтоб не была она, как зонтик после дождя...

— Что бы там ни говорили, но свободная печать причинила бы много бед, отрицать это невозможно, — говорят многие, и большинство совершенно убеждено в этом.

Они правы. Если б печать всего лишь на двадцать лет стала свободной, но только совершенно, полностью свободной (пока еще на всем земном шаре не существует полностью свободной печати), то это изменило бы весь теперешний строй, камня на камне не осталось бы или, лучше сказать, ни одного чиновника не осталось бы на прежнем месте. Большая часть из них ушла бы по старости,

другие перешли бы на иные должности. А это для многих было бы, действительно, большой бедой...

Не бесполезно, пожалуй, заранее перечислить свойства печати, вернее, свободной печати, хоть и знаю я ее не по опыту, а как подсказывает мне здравый смысл. Этим я надеюсь оказать услугу врагам печати, чтоб могли они познакомиться с этим страшным чудовищем и заранее принять меры и не допустить к нам в дом ни одной главы стоголавого дракона...

Властитель

О тебе, государь, свободная печать будет отзываться с полным уважением, но никогда не склонит перед тобой головы, потому что свободная печать стоит над законами, а ты им подчиняешься. И еще свободная печать до конца своего существования станет отрицать, что у твоего величества якобы больше прав, чем у всех остальных твоих сограждан. Твое величество не слушал, да никогда и не услышит от своих советников всей той правды, которую будет сообщать свободная печать.

Если ты, государь, будешь править справедливо, то нечего тебе бояться свободной печати: она нападает только на несправедливости. Но если твои намерения противоположны, то у тебя, конечно, имеются все причины издавать самые строгие распоряжения, чтоб свобода печати была задушена в самом зародыше. Но если свободная печать, преодолев все препятствия, рано или поздно все же появится (а я в это твердо верю), то она обратится к твоему величеству с такими примерно словами: государь мой король, если до этого дня ты был величеством, то с сегодняшнего дня я признаю лишь одно величество — Народ, кроме него других величеств быть не может. Ты, как и я, считаешь абсурдным, чтоб один человек был господином всей нации. Властелином может быть лишь весь народ, которому и ты принадлежишь, и этот народ не признает никакой земной власти, кроме закона, им самим созданного, да и его признает лишь до той поры, пока считает это нужным.

А я буду следить за соблюдением законов, стану указывать, когда, где и в чем их надо изменить. А если понадобится, то я буду сообщать о том, нужны ли еще законы. На место устаревшего закона я буду предлагать новый, более соответствующий степени усовершенствования человеческого разума. Все это войдет в мои обязанности. Ты же должен будешь следить, чтоб законы, созданные Его Величеством Народом, строго соблюдались, пока они остаются в силе, пока по моей инициативе Его Величество Народ не вынесет вместо них новые законы.

Твое величество будет освобождено от всяких других обязанностей, руководящие учреждения будут установлены Его Величеством Народом, он же создаст законы и избирать будет открытым боль-

шинством. Постоянное войско станет излишним, о сохранении мира будет заботиться Его Величество Народ: было бы нелепым считать, что наемники могут быть лучшей охраной родины, чем сама нация. Твое величество не будет никогда больше обладать привилегиями, ибо в свободном отечестве не может быть привилегий. Из языка нации будет навеки вычеркнуто слово: привилегия. И я буду стоять на страже, чтоб нация никогда не пала так низко, и не позволила снова возникнуть привилегиям. Вопросы воспитания тоже будут решаться самим народом, я в этих вопросах хорошо разбираюсь и буду оказывать на них самое большое давление, ведь без меня нельзя себе даже представить воспитание, сообразное целям человечества. Именно поэтому у твоего величества не будет больше права назначать профессоров. Духовенство будет подчиняться общему воспитанию и особой роли играть не будет; Его Величество Народ освобождает тебя от обязанности назначать епископов. А если кто-нибудь из священнослужителей пожелает проповедовать слово божие, то пусть он проповедует учение христово, шествуя по стране босиком и с непокрытой головой, как это делал когда-то спаситель, ибо только так может оно дойти до сердец человеческих; проповеди божьего слова из коляски, запряженной четверкой или шестеркой лошадей, только одурачивают человеческие души. Уважаемое духовное сословие до сих пор не просвещало людей, а повергало их в слепоту, проповедовало, что покорность — высшая добродетель (сами они были горды и чванливы), в то время как покорность ведет к рабству.

Прежде твое величество считало духовенство опорой трона, теперь этого не будет: там, где существую я, трон не будет шататься, и его не надо будет подпирать, я сама буду его опорой. А вообще-то я и трон построю иначе, он будет ниже и на более широкой основе, что помешает ему рухнуть, и не будет этот трон слишком выделяться, лишь в мелочах станет отличаться от самых обычных кресел.

Твое величество, государь мой король, будет символом народа. Даже если будет создано такое совершенное общество, не зарождавшееся до сих пор ни в одном уме человеческом — и только свободная печать будет способна вообразить себе его — ты, государь, будешь стрелкой, показывающей центр этого общества, так как у нас имеются отношения с соседними обществами, и нам нужен человек, который будет принимать послов из этих стран. Если, например, соседняя страна, будь то Россия или Франция, хочет вести с нами переговоры и посылает для этого своих представителей, то не могут же они ходить по городам и селам, объяснять всем гражданам цель и причину своего прибытия. Поэтому и будет в центре нашей страны уполномоченный на то человек, король, но никаких решений принимать самолично он не будет иметь права. А как мы будем называть этого человека: король, князь, император, султан или еще как, особого значения иметь не будет.

Двум господам одновременно служить нельзя, поэтому ты, государь мой король, и будешь только венгерским королем*. Его Величество Народ прикажет тебе жить в Будапеште. И если у тебя при дворе будет проводиться здравая политика, то тебе посоветуют отказаться от императорского звания. Это вполне возможно. В Риме, Константинополе и Париже было уничтожено уже много императорских званий. Некоторые обломки крохотной Австрии, уже стоящей на краю гибели, сольются с Германией, с которой у тебя, государь, не может быть никакого будущего.

Если же твое величество сможет остаться венгерским властителем и соблюдать интересы Венгрии, то перед тобой откроется будущее, может быть, самое лучшее из всего, что ждет ныне царствующих в Европе властителей. Вот уже триста лет, как Австрия стремится превратить венгров в австрийцев, но этого ей до сих пор не удалось, да и не удастся. При особо неблагоприятных условиях венгерский народ, если не возьмется за ум, то, пожалуй, дойдет до самоуничтожения, но надеяться, что венгры станут австрийцами, именно австрийцами, совершенно невозможно. Если бы твое величество решилось превратиться из отчима, каким ты был до сих пор, в отца родного венгров и протянул бы им руку, обменялся бы с ними рукопожатием, то это стало бы фактом такого политического значения, до которого не додумалась даже седая голова Меттерниха, а венгры оценили бы это на вечные времена. Мы, венгры, по своей природе народ благодарный, умеем ценить даже мелочи, а такой шаг при данных условиях был бы великим событием.

Вот как примерно обратилась бы к твоему величеству свободная печать. Но она сказала бы тебе не только это, у нее язык лучше моего, и она сама за себя постоит, если сможет занять подобающее положение...

Многие испугаются такого тона, обвинят меня в недостаточном уважении к твоему величеству, но наступит время, обязательно наступит, когда придут люди, которые не найдут в моих речах ничего крамольного. Некоторые считают королевскую особу священной и неприкосновенной, но это всего лишь лесть. Я считаю, что среди людей нет святых, свят лишь бог в небесах. Отрицаю я и королевскую неприкосновенность, король такой же человек, и были уже примеры, когда короли платились своей жизнью. Королевское звание не в силах изменить человеческой природы. Каждый властитель — или тиран, или блюститель законов. Если он тиран, а значит, последний из злодеев, так почему же он должен быть в таком случае неприкосновенен? Если же он блюдет законы и сам подчиняется им, то разве не бессмысленно считать его неприкосновенным? Как только закон объявляет короля неприкосновенным, так он сразу становится тираном, да и как он может не стать им, если его неприкосновенность позволяет ему нарушать любые законы.

Глас народа — глас божий*

Лайошу Кошуту

Посвящаю тебе эту маленькую книжку. Тебя изберут депутатом в Национальное собрание, где ты сможешь высказывать требования моих братьев крестьян и ратовать за бедствующий народ.

Тебе самому достаточно известно, что человек полон несовершенств. Мы знаем по опыту, что люди, для которых судьба уготовила удобную городскую жизнь, не только несовершенны, что свойственно человеческой природе, но еще и бездеятельны и изнежены. Все они до такой степени заняты своими мелкими делишками, что не могут хоть сколько-нибудь из своего времени посвятить делам общественным.

Искать поддержки среди таких людей не приходится. Поэтому, повторяю я, и предлагаю тебе и всем, кто разделяет твои мысли и чувства, это воззвание моих братьев-крестьян.

Я не знаю, много ли таких, на кого мы можем рассчитывать, кто поставил перед собой цель служения общему делу. Но все равно, если ты даже в единственном числе, опираясь на законность, будешь представлять интересы всего народа, воздействие твоих речей будет необыкновенным, потому что каждому твоему слову, и без того обладающему волшебными чарами, мы, крестьяне, будем придавать особый вес и значение.

Почему называю я тебя глашатаем моих братьев-крестьян? Тому есть две простых причины: во-первых, у нас нет возможности устным или печатным словом бороться за свои интересы; во-вторых, согласно существующим обычаям и законам, мы лишены избирательного права и не можем посылать своего представителя в Национальное собрание, чтоб он выступил там в защиту наших прав.

Люди обычно говорят, например, про подвал или источник: зимой он теплый, а летом холодный; а ведь это нелепость, гигантский обман. Летом, при большой жаре подвал или источник кажутся прохладными, а зимой, когда внешний воздух ледяной и морозный, то вырывающийся из-под земли родник или подвал дома кажутся нам теплыми.

Много в жизни таких обманов, но мы привыкли к ним и считаем их естественными. Наши гражданские мероприятия как раз и основаны на подобных обманах.

Говорят, что барщина и освобождение господ от налогов полезны в нашей стране, что к этому привыкли и в этом усматривают свободу венгерской знати. Это грандиозный обман, и о том свидетельствует нищенское положение страны.

И еще говорят: дадим народу права! Какой обман! Как может маленькая группа людей оделить огромное множество, весь народ правами? У народа и так оно есть, право большинства, надо только, чтоб он сумел им воспользоваться и применить на деле.

А потом говорят еще: загоним народ в окоп конституции! Ужасающий обман! Как будто эта маленькая часть могла бы включить в свои узкие рвы многомиллионный народ? В них сидит знать, изнеженные аристократы, но кто угодно может и их выкинуть оттуда, лишь бы было желание и решимость. Что это за глупости? Как поместится в вырытом для немногих окопе весь большой народ?

Не старайтесь нарушить законы природы. Разве вздорная мысль вылить в крохотную бутылочку бочку вина может кому-нибудь прийти в голову? Как раз наоборот, говорят у нас, в бочку можно вылить и содержимое бутылки. Какой же это грандиозный обман утверждать, что маленькая часть согласна включить в кладбище своих окопов многомиллионный народ!

Национальное собрание созывается, чтобы что-то предпринять для подъема общественного благосостояния. Свершить это может только нация, а нас нацией назвать еще нельзя.

В нашей стране живет 14 миллионов человек. Было бы нелепым утверждать, что около 800 тысяч человек, освобожденных от уплаты налога, и есть нация, а остальные 13 миллионов 200 тысяч человек ничто. Но и утверждать противное, т. е. что эти 13 миллионов 200 тысяч рабов и есть нация, тоже было бы абсурдным: у них нет права голоса, они не устанавливают законов, только ждут, что прикажут им власть имущие, и покорно выполняют приказанное.

Значит, если кто-нибудь хочет нам добра, он должен прежде всего желать, чтоб мы стали нацией. А если наш благодетель не хочет этого, то он сам не знает, чего хочет. Некоторые стараются забиться под крылышко правительства, под его опеку, будучи по своей природе нежизнеспособны, они и просят, как милости, жалованья, синекуры. Разве можно назвать это волей к действию? Попрошайничество и нахальство — вот как это называется.

Кто понимает причину такого плачевного состояния, должен понимать и то, что такое положение должно измениться к лучшему. Там, где нет нации, ничего нет, а значит, нет и благосостояния, некому создавать его. Из этого совершенно ясно следует, что необходимо сначала стать нацией, а потом уже и о другом заботиться.

Пусть предлагают многие сотни других спешных дел, ты должен знать, что в первую очередь надо требовать: «Давайте станем нацией!» До тех пор, пока мы не нация, нет у нас и родины, в которой что-то может или должно произойти.

Как можем мы стать нацией? Ты это прекрасно и сам понимаешь, мы слышали, что ты говорил об этом: через отмену барщины и всеобщее несение налоговой повинности. Это та домна, тот котел, в которых мы сольемся воедино.

Чтобы стать нацией, надо поднять народ до себя, говорят некоторые. Но если наша знать катится в пропасть, то не поднять народ, а лишь увлечь его за собой может она. Какой обман, что меньший может поднять большего, даже если допустить, что этот меньший находится не на дне пропасти, а на крутом и безопасном берегу. Горстка знати не может растворить в себе многомиллионный народ, скорей наоборот.

Мои братья-крестьяне не просят у Государственного собрания либо у кого другого прав для себя, они требуют, чтобы привилегированный класс, отказавшись от самовластно присвоенного себе права не платить налоги, был справедливым. Лишь в таком случае народ обретет свои права, станет пользоваться ими, а не ждать, когда привилегированный класс скажет ему: «дарую тебе права, народ!»

Ужасная ошибка, говорю я, заявлять: мы даем вам права.

Поскольку каждый человек, наравне с другими, обладает правами, то любые привилегии в действительности есть лишь несправедливость и насилие.

Общественное мнение считает, а народ во всеуслышанье говорит, что повинности должны нести все, а барщину и десятину за некоторую государственную компенсацию надо отменить. Венгерское экономическое объединение *, в которое входят все землевладельцы, создало комитет, долженствующий обсудить книгу «Барщина и десятина» *. Венгерское экономическое объединение согласно с этой книгой, в которой сказано, что барщина и десятина убыточны и для самих помещиков. Значит, пришло время всеми силами бороться за их прекращение. Почему же тебе не надеяться на успех? Ведь говоря о правительстве, мы думаем, что именно Кошут в нем по-отечески заботится о народе, и если ему до сих пор ничего не удалось сделать, пусть совершит хоть это, иначе не будет правдой, что он принадлежит к партии народа...

В каждом государстве и во все времена главной обязанностью законодателя, если он действительно достоин этого имени, было выявление стремлений и желаний всего народа или громадного его большинства, следовательно, и наше государство должно желать отмены налогов и барщины.

Законодательство является главнейшим делом в каждом государстве и вполне естественно, что всякий законодатель, принима-

ясь за работу, должен поставить перед собой вопрос: что надо возводить в закон — желание небольшой кучки людей, принадлежащих к одному классу, или волю большинства, всего народа? На такой вопрос не только ученый муж, но и малый ребенок может ответить лишь одно: законом должно быть признано лишь желание народное. А у нас весь народ хочет, чтоб была отменена барщина и десятина, а налоги платили бы все без исключения.

После того как законодатель уяснит все это должным образом, ему следует еще по совести поразмыслить справедливо ли, своевременно ли то, что желает народ, нет ли в этом ошибки? Невозможно представить себе, что среди наших законодателей найдется хоть одна пустая голова, которая признает несправедливым всеобщее несение налоговой повинности и отмену барщины с десятиной, хотя бы за некоторое материальное возмещение. Таким образом, можно надеяться на полный успех.

У нас есть обычай давать депутатам наказ. Но если найдется в Венгрии хоть один комитат, который даст своему депутату наказ стоять за сохранение барщины, десятины, воспротивиться несению знатью повинностей, то ни один человек, в котором имеется хоть капля совести, чести, справедливости и разума, не согласится быть представителем такого комитата. А если кто-нибудь согласился бы, то тем самым унизил бы святое звание законодателя, предал бы народ. Нет, пока общественное мнение требует отмены барщины и десятины, не может найтись человека, который согласился бы запятнать себя таким позором, восстать против общественного мнения. Значит, и тут у нас имеются веские основания надеяться на успех...

Нельзя даже подумать, что среди венгерских законодателей найдется человек здравого ума, который посмеет открыто заявлять и отстаивать необходимость закона, прямо противоположного стремлениям всего народа. Разве что кто-нибудь схитрит, задаст вопрос: а правда ли, что весь народ желает отмены барщины и десятины, требует несения для всех равных повинностей? Если кто-нибудь сомневается, что это желание всеобщее, то пусть попытается соответствующим образом выяснить это. Если он твердо хочет создать справедливый закон, то его прямая обязанность употребить все средства для выявления общественного мнения и устранить все препятствия с пути свободного высказывания этого мнения. Главное препятствие — цензура, а самое мощное средство, как и в других случаях, — свободная печать. А если кто-нибудь сомневается, действительно ли общественное мнение — мнение всеобщее, и для выяснения этого не только не стремится всеми силами применить самое верное средство — свободную печать, но даже высказывается против нее, такой человек — обманщик, более того, враг народа...

Все необходимые для законодателя качества могут быть выражены всего двумя словами: добродетель и ум. Добродетель нужна

ему, чтобы желать хороших законов, ум,— чтобы в действительности создавать их.

Самая великая добродетель: не надеяться на других, не умалять их возможности, верить в свои силы, опираться на них и действовать самостоятельно. На последнем Государственном собрании* законодатели хотели вынести хороший закон, было у них для этого и самообладание, и способности, а значит, и добродетель. Но если у законодателей нет достаточной силы, чтобы быть уверенными в себе, то пусть они пораскинут умом, как им приобрести эту самостоятельность. Разум подскажет знати, что она должна слиться с нами, ибо только в слиянии с нами сможет она обрести самостоятельную добродетель. На последнем Государственном собрании законодатели показали признаки такого ума именно в связи с упомянутым уже законом. Так почему же нам тогда не надеяться на успех?

Напоследок мне хочется упомянуть об одной вещи, на которую не удостоились обратить внимания законодатели других европейских государств. Было бы чудесно, если бы мы впервые ввели у себя такой закон, это обеспечило бы нам вечную славу.

Самые бедные люди, которые ничем не могут способствовать несению общих повинностей, лишены некоторых прав. Но закон, основанный на чистой человечности и братской любви, не делает никакой разницы между людьми, несущими большие повинности, и теми, кто их вовсе не несет по бедности. Такой закон считает всех людей равноправными гражданами, никто не сгибается под грузом ответственности, никого не мучает совесть за то, что видит вокруг себя бедность и нищету. Никто ни в чем не виноват, так как перед законом все граждане страны совершенно равноправны. Если кто-нибудь даже умрет с голоду, то и в этом никто не виноват, ведь ни закон, ни люди ничем не ущемляли этого бедняка.

Ты не нуждаешься в моих поощрениях. Твой внутренний бог, как ты это сам любишь говорить, дает тебе знать, как ты должен поступать. Я говорю тебе лишь одно: не надо колебаний, успех должен прийти, а сам я, насколько позволяют мои способности, буду помогать тебе, можешь на меня рассчитывать.

1

Иногда говорят: глас народа — глас божий! Это выражение и послужит основой этого моего маленького труда.

На первом этапе самым главным будет, конечно, определить, что мы понимаем под словом «народ».

Здорово рассуждая, под этим словом надо подразумевать всех людей нашего отечества вместе взятых, но у нас уже сложилась привычка называть народом одних лишь крепостных или крестьян. А свод законов в понятие народ включает еще и мелкопоместных дворян.

Благородный господин с «собачьей кожей» * (я хочу сказать, что у него есть одно из тех свидетельств о благородном происхождении, которые у нас в Венгрии печатаются на лайке) называет мужиками всех тех, у кого этой самой собачьей кожи нет. Для этих господ и жители вольных королевских городов, и даже городские власти, советники — всего лишь мужики.

Вот и я, следуя общей привычке, под словом народ подразумеваю одних лишь крестьян, сельских жителей. Интересно, что горожанин, как только наденет на себя платье из синего или другого цвета сукна, уже не относит себя к народу. Для него народ — те, которые в земле копаются. Так ли уж достоин презрения обрабатывающий землю народ?

Я много раз замечал, что среди моих братьев-крестьян некоторые протестуют, когда их называют крестьянами. А жаль, наименование это достойно почета. И если сейчас оно еще и не почетно, но обязательно станет таковым, потому что мы сами хотим придать ему большое значение. Я лично никогда в жизни не стыдился, что я крестьянин, сын деревенского мужика. Пусть стыдятся те, кто не выполняет священных обязанностей по отношению к своей родине, кто лодырничает и живет трудом своих сограждан.

Хороший и правильный человек не может желать, чтоб другие вместо него трудились в поте лица своего, а он бы лишь растратывал заработанное другими.

Как устыдился бы любой из наших благородных господ, если б вдруг к нему подошел крестьянин в овчине и захотел бы уплатить вместо него за билет в театр. А то, что мы вместо него платим налоги, это ему не стыдно? Какие же превратные умы у тех, кто позволяет, чтобы все так и продолжалось, или, лучше сказать, какая безмозглость находить в этом последовательность! Когда строят железную дорогу, то наши благородные дворяне считают естественным, что за проезд по ней платит не тот, кто ее строил, а тот, кто по ней едет. А когда мы, крестьяне, прокладываем проезжую дорогу, то платит не тот, кто по ней ездит, а сам крестьянин, который ее делал. Что за превратная логика, какой изощренный ум может находить это естественным?

Пусть вас не волнует, братья-крестьяне, как вас называют. Разве не знаете вы, что бог сотворил не короля, не князя, не графа, не барона, не дворянина, не мещанина. Бог сотворил человека, который и начал обрабатывать землю, значит, бог сотворил крестьянина. Мы не виноваты, что некоторые находят для нас другие странные названия. Не завидуйте им, пусть забавляются безделками, лишь бы не связывали они с этим несправедливые претензии, не поступали бы с нами незаконно.

Все отлично понимают, что самый достойный среди людей тот, кто больше всех работает для общества, больше всех платит, словом, больше других служит обществу. А для всей страны кто делает больше всех и больше всего, чем мы, крестьяне? Мы платим

налоги, мы делаем дороги, мы поставляем войско, словом, на нас зиждется все. Так разве, называясь мужиками, мы не достойней тех, кто носит дворянские, графские да баронские титулы, но живут не плодами своего труда, а тем, что мы работаем в поте лица?

И если мы под званием крестьянина понимаем настоящего рабочего человека, то разве это звание не самое почетное? Мы, крестьяне, можем прожить без графов и дворян, а они без нас не могут, если только не займутся работой вроде нашей, т. е. не станут крестьянами.

Поверьте мне, братья-крестьяне, придет время, когда наши сограждане — графы и другие титулованные особы — откажутся от своих побрякушек, и все их титулы выйдут из моды. Тогда они станут жалеть не о том, что называются, как мы, крестьянами, а скорей о том, что стремились стать выше других не благодаря нравственному и умственному превосходству, а подобными мелочами.

Во многих странах Европы или совсем нет, или гораздо меньше, чем у нас, людей, которые живут своими графскими или другими дворянскими титулами. Такие страны процветают не в пример Венгрии...

Достойно удивления, что еще и теперь, когда люди стали гораздо образованней и просвещенней, многие из моих братьев-крестьян, овладев малой толикой научных знаний, надев на себя суконное платье синего или другого цвета, в первую очередь стараются получить право дворянства, а от своих братьев-крестьян окончательно отворачиваются. Такие люди подлы и ничтожны.

Я представляю себе, что некоторые из вас скажут: они вовсе не стремятся чваниться дворянским титулом, им важно избавиться от повинностей, не платить налогов!

Ну уж если они стремятся к такой цели, то тем хуже! Неужто вся наука, которой они овладели за годы учения, не позволяет им понять, что их желание освободиться от повинностей таким путем несправедливо? Они считают себя людьми образованными и воспитанными, а в действительности переплыли через годы учения, как пес через реку, и весь плод их учености заключается в том, что они хотят переложить свои повинности на плечи других, беднейших. А мы считаем, чем образованней человек, тем справедливее должен он поступать по отношению к другим людям. Тем более должен он считать подлостью стремление жить плодами труда других людей.

Бедные родители-крестьяне все делают для своего сына, часто лишают себя куска хлеба, чтоб только дать ему возможность учиться. Они трудятся денно и нощно, постоянно недоедают, живут надеждой, что сын выучится и поможет им, а он платит родителям черной неблагодарностью. А если такой студент, надев кунтуш* и, выучив несколько десятков латинских слов, уже возомнил себя господским сыном, то, получив дворянскую грамоту и став «свет-

лостью», он и вовсе будет стыдиться своих родителей, когда они захотят навестить его, стыдиться тех самых родителей, которые проводили в беспокойстве о нем сотни и тысячи ночей; говорю вам, что он устыдится тех самых родителей, из которых он сам всю кровь выпил каплю за каплей. Некоторые из таких сыновей изредка посылают родителям нищенскую милостыню, лишь бы не беспокоили его своими посещениями. Среди епископов много таких, а ведь Христос не тому учил своих последователей...

Народ, крестьянский народ изо дня в день все больше впадает в нищету, сгибается под невыносимым бременем, целиком лежащим на его плечах, а его собственные сыны не хотят заботиться о нем. Но не отчаивайтесь, есть у вас и благодарные родственники, я уже многих знаю таких. Что касается меня, то я до самой смерти буду с вами. Свое возмущение я присоединяю к вашему, и будьте уверены, этот призыв будет иметь успех, так как мы просим справедливости. Ведь глас народа — это глас божий. И кто не пожелает прислушаться к нашим призывам, тот будет вынужден и помимо своей воли выслушать строгий приговор справедливости.

Если вы возразите нам, что это не есть глас всего народа, мы согласимся с вами, ибо большая часть народа, наших братьев-крестьян низведена на уровень скотины. Но мы, поднимающие голос за провозглашение чувств народных, выражаем и всеобщие желания. Даже самый невежественный из людей способен чувствовать ужасающий гнет, и самый забитый поймет, что есть справедливость, сам бог вложил в него это понятие.

2

Так чего же вам надо? Может быть, спросите вы у нас. Подарите нам минуточку внимания и мы вам объясним это.

На последнем Государственном собрании законодатели объявили, что и мы, крестьяне, можем иметь земельную собственность. Будь у нас шутовское настроение, мы спросили бы у законодателей, не издевательство ли с их стороны принимать подобные решения о предоставлении нам права на земельную собственность. Как же, именно мы, нищие, сможем покупать землю! Несчастный калека с изувеченными руками и ногами сидит на краю дороги под вишневым деревом, приходит человек, которому захотелось захватить вишневое дерево в свою собственность, хоть это дерево и выросло у обочины дороги, посаженное великим садовником-природой, и за ним не ухаживала рука человеческая. Приходит этот человек и говорит калек: разрешаю тебе влезть на дерево и есть вишни. Разве это не издевательство? И разве не нечто подобное предложили нам законодатели?

Решение о предоставлении крестьянам права на приобретение земельной собственности останется насмешкой в своде венгерских

законов до тех пор, пока законодатели не покажут нам, каким же образом нищий может приобрести в свое владение землю.

Но у нас есть еще в запасе и другой вопрос: когда, где и от кого получило венгерское дворянство право на земельную собственность? Почему оно воображает, что может разрешить нам покупать землю, платить за нее нашими деньгами? Мы, крестьяне, никогда в жизни не признаем, что бог дал дворянам больше благ или особые права, из которых они могут уделять или не уделять и нам большую или меньшую толику... Дворянство было сильнее нас или казалось лишь сильнее нас, пока мы умом не пораскинули, но прав у них, больших, чем у нас, никогда не было.

Мы еле-еле сводим концы с концами, с трудом выплачиваем налоги, а иногда нам и не удается до конца выплатить их, питаемся мы недостаточно, мясо едим только зимой, а ведь оно-то и дает силу для работы, наша одежда — неоспоримое свидетельство нашей бедности. Скот наш совсем отошел с голоду, запаршивел, все говорит о нищете, бедности нашей, у нас даже на соль не хватает для приправы — сжуем и так! Но это все не беда, раз законодатели сказали, что мы можем приобрести землю в свою собственность!!!

Нам же кажется, что вся наша родина беспризорна, что она на краю гибели, что нет у нее хозяина.

Разноязычные люди живут у нас, но и только — нации у нас нет.

Вы, избранная знать, вас насчитывается 800 тысяч, и вы считаете себя нацией, но это заблуждение, суеверие, ошибка. Мы называем нацией тех, кто на Государственном собрании, не умоляя никого о помощи, выносит законы и занимает подобающее ему место в ряду других наций. Можете вы о себе такое сказать? Значит, вы не нация, но и мы, крестьяне, не нация, и наша страна, такая красивая, большая, благословенная природой страна, не имеет своей нации.

Нет у нее ни своего короля, ни правительства, ни великих людей, вот она и беспризорная.

И собственности в нашей стране почти ни у кого уж нет *. Существоют владения короны *, но это нелепость, корона — вещь неодушевленная, и не может быть у нее собственности; есть еще палата — темная нежилая комната с четырьмя стенами, и у нее собственности быть не может; есть еще и дворянская собственность, но последние отпрыски дворянства уже не могут назвать ее своей, и скоро она отойдет к короне; есть еще владения священнослужителей *, но и им эта земля не принадлежит, только кормятся ею попы, вытягивают из нее все соки.

Есть собственность и у королевских городов, но ведь сами города со всей их собственностью принадлежат королю; и есть еще барщинная земля крепостных, но она никому не принадлежит, лишь слепой случай играет ею.

Вот так у нас и обстоят дела. А те, кому удастся вытянуть из истощенной земли возможно больше денег, сорят ими по заграницам, вместо того, чтобы вложить их обратно в хозяйство, помочь новому расцвету земли, а мы, бедные крестьяне, не можем собрать денег достаточно, чтобы хоть малую толику из них обратить на процветание Родины, ведь мы платим налоги, но большая часть их опять-таки идет за границу, потому что наш король, наше правительство и наша армия находятся за пределами нашей страны. И вся страна страдает от этого. Многообразные интересы, власти, языки борются между собой...

И наши законодатели, которым все это прекрасно известно, сочли достаточным объявить, что мы, крестьяне, т. е. нищие, имеем право приобретать землю!!!

Сам по себе закон, позволяющий нам, крестьянам, приобретение имений *, очень хорош, но кому он приносит пользу? Ходит слух, что иноземные банкиры уже приобрели Янковац *, а король саксов — владения Палини Херцберг Речицу неподалеку от Каройвароша *, хотя в законе право приобретения земли дается лишь рожденным в нашей стране. Но комитаты смотрят на это благосклонно. Когда отечество находится в опасности, как теперь, не такие законы выносить надо, как вот этот, разрешающий нам приобретение земли. Ведь закон этот можно понять и так: у тебя, мужик, нет денег, и пока не наступит коренное улучшение вещей, денег у тебя и впредь не будет, поэтому мы и разрешаем тебе приобретение земельной собственности.

Мы совершенно уверены, что этот закон сам по себе ничему не поможет, не исцелит нас от ужасающих бед, как и все остальные устаревшие законы, словом, что закон этот не спасет от краха катящуюся в пропасть отечественную конституцию...

Мы же считаем, что единственное возможное, в корне целительное и устраняющее угрожающую опасность, заключается в следующих двух коротких фразах:

«Все, кто живет в нашем отечестве, должны быть равноправными и едиными». «Наш король должен жить в нашей стране».

Только тогда государство станет таким, каким и быть должно, а до этого не было никогда...

Мы в этом совершенно уверены.

Захотят ли законодатели осуществить это, нам не известно, но хотелось бы верить, что захотят.

3

Среди благородных патриотов многие стараются помочь нашей беде, хотят сделать, чтобы и нам, крестьянам, стало лучше, да и другим беднякам в нашей стране жизнь стала бы легче, но встречаются и другие, старающиеся воспротивиться этому... Надо ли говорить, почему все происходит не так, как они этого хотят.

Говорить об этом мы считаем необходимым не потому, что вы этого якобы не знаете, а чтобы показать вам, что и мы, крестьяне, разбираемся, что к чему, раздумываем над этим...

Пока наши свобода и права не одинаковые, пока существуют привилегии и различные интересы, до тех пор мы никогда не сможем быть едиными. Привилегированные лица хотят не того, что хотим мы, крестьяне, а мы не хотим того, что хотят они. Отсюда вечное недоверие, ссоры, неравенство. Мы, крестьяне, выполняем возложенные на нас обязанности, но сердце у нас к этому лежать не может, потому что обязанности устанавливаются не по нашему мнению и убеждению, а возлагает их на нас знать, делая это без нашего вмешательства и несправедливо возлагая на нас и свои собственные обязанности. И пока это будет так, мы, дети одной страны, никогда не будем жить в мире, а наше отечество возродится заново лишь тогда, когда все его жители будут равны перед законом, и права у нас будут одинаковые, и только тогда. Человек по своей природе охотнее всего выполняет то, в чем он убежден, что это так надо, в принятии чего он и сам принимал участие.

Вы, благородные патриоты, мудро понимаете, что самый лучший закон тот, которого должны честно придерживаться все жители страны, с которым согласны все справедливые люди.

Все это так, но до сих пор вряд ли были у нас законы, которые могли бы удовлетворить людей со справедливой душой.

Предположим, что вы вынесете такой закон: в Венгрии все люди пользуются одинаковой свободой и равными правами.

Невозможно себе представить, что во всей стране найдется хоть один человек, который посмел бы считать такой закон несправедливым. Значит, этот единственный закон примирит всех нас, утешит, сольет в одно — знать и крестьян, упразднит всякую ненависть и неприязнь, сделает нас всех родственниками, братьями, положит конец всевозможной розни, устранит всякую опасность. Он сольет в одну нацию всех людей, живущих в нашей стране, разных по обычаям и языку, словом, этот единственный закон прославит нашу страну, навеки укрепит ее национальное величие.

Так примите же этот закон, благородные патриоты, если вы желаете прекрасного будущего для своей родины. Не теряйте времени на мелочные законы, даже если они и кажутся хорошими, но никогда не станут настоящими законами, так и останутся заплатками...

8

На конец мы оставили то, что вы, благородные патриоты, по обычаю и по природе вещей можете достойно выставить против нас, а именно:

Мы, знать, завоевали дорогую нам Венгрию нашей кровью и оружием, и она целиком принадлежит нам, знати, а та земля, ко-

тору со временем и постепенно мы давали крепостным крестьянам, чтобы они пользовались ею, тоже была нашею, и мы не обязаны отдавать ее даром крестьянам. Так и теперь мы не считаем себя обязанными отказаться от барщины и десятины без соответствующего выкупа.

Мы люди не ученые и не смеем вступать с вами в спор по этому вопросу, нам надо было работать и учиться не было возможности, но мнение свое мы все-таки выскажем и выступим против вас, вооруженные одним лишь здравым смыслом, и пусть победит тот, на чьей стороне правда...

Мы, венгерские крестьяне, не упали с неба, не переселились сюда из других стран или краев, а пришли вместе с вами, благородные патриоты, из Азии, с востока, а если вам известно что-то другое, то просветите и нас. Когда наши предки заняли вот эту землю, то они были равноправными, свободными людьми, ни у кого из них не было документа о дворянстве, а значит, такой вот знати, как вы — теперешние, среди них не было. Наши предки были неграмотные, им была не нужна собачья кожа, в которой для современной знати заключается вся честь и благородство, в те времена в ходу было оружие, храбрость, сила, а не свидетельства...

Но короли заметили, что людей можно удовлетворить такой мелочью, как кусок исписанной кожи, которая и стала очень цениться, и решили воспользоваться своим открытием, как золотыми россыпями, сделать из него неиссякаемый клад, а так как собачьей кожи у них было сколько угодно, то и распределяли они ее, не экономя.

Теперешняя знать — потомки эпохи собачьей кожи, мы же, венгерские крестьяне, происходим от первых равноправных настоящих древних венгров, которым ничего об этой собачьей коже не было известно, и они в ней не нуждались. Еще раз повторяю, что мы — потомки древних венгров, а не вырожденков, владеющих собачьей кожей, у нас нет документов о дворянстве, нам они ни к чему, как не нужны были нашим предкам.

Когда наши прародители пришли с востока через Карпаты и заняли эти плодородные земли, они были не знатью, а венграми, как мы крестьянами, а слово «благородство» употребляли постольку, поскольку храбро и мужественно сражались, в том смысле, как мы называем всякий хороший поступок или действие благородным поступком, благородным действием.

Если кто-нибудь поступает очень хорошо, совершает достойные прекрасные дела, мы говорим о нем: он поступает благородно, но было бы нелепостью утверждать, что начиная с этого времени, всякое его действие или поступок будет таким же прекрасным и достойным; жизнь и опыт показывают нам, что человек, будучи несовершенным, поступает то хорошо и добродетельно, то вероломно, преступно, а иногда его поведение нельзя назвать ни добродетельным, ни преступным.

тельным, ни преступным, а скорее всего обычным. Вся жизнь вообще, и жизнь большинства людей состоит из таких обычных поступков, ни добродетельных, ни преступных. Абсурдно поэтому давать титул благородства тому, кто один раз в жизни поступил благородно, но еще бóльшая нелепость считать благородными детей и внуков такого человека, если даже они за всю свою жизнь не только не совершили ни одного благородного поступка, а наоборот, проводят свое время в совершении низменных поступков.

Мы, венгерские крестьяне, считаем слишком дорогой комедией эти детские игры с документами о знатном происхождении и дурачим, что каждый здравомыслящий венгр согласен с нами...

Наше отечество — самая благословенная из всех стран, самая богатая по своей природе, а ведь именно жителям этой страны постоянно угрожает голод и нужда! Самой главной, даже единственной причиной такого положения вещей мы считаем, что здесь и только здесь у нас существует знать, свидетельства о благородстве которой освобождают ее от налогов.

И вы, благородные патриоты, признаете ли вы такое положение неестественным и несправедливым или не признаете?

Но как бы там ни было, подобное положение прекратится. С ним покончите или вы, благородные патриоты, или мы, крестьяне, или вместе, но прекратиться оно должно.

Вы проповедуете (ведь духовенство, а тем паче высшее духовенство, тоже принадлежит к вам), что человек должен быть добродетельным, моральным, а разве можно назвать добродетелью и хорошим поступком, когда вы перекладываете на наши плечи свои повинности, заставляете платить вместо себя, причиняя тем самым вред, такие поступки можно назвать лишь плохими и безнравственными. Но мы, крестьяне, будем впредь считать своей нравственной и святой обязанностью делать все от нас зависящее, чтобы покончить с этой безнравственностью и несправедливостью, и поступать так, как обязывает нас христианская религия и сам бог, а собственная выгода и природный инстинкт торопят нас в этом.

Когда человека вводят в заблуждение, то это равносильно обману, но ведь обман — грех, преступление. А вы, благородные патриоты, вводите нас в заблуждение, обманываете нас, поскольку хотите внушить нам, что такое положение вещей наилучшее и изменять его не надо, тогда как наш здравый смысл говорит обратное...

Если вам, благородные патриоты, дозволено говорить, что вы не желаете нести всеобщие повинности или, лучше сказать, свою часть этих повинностей, то почему же нам не дозволено сказать, что мы не желаем нести чужие, т. е. ваши повинности? Поймите как следует, великое слово сказали мы: мы не желаем нести чужие, т. е. ваши повинности, потому что считаем несправедливым, а значит и безнравственным ваш закон, по которому вы валите на нас свои собственные обязанности, и не хотим быть соучастниками такой безнравственности.

Такой закон до сих пор существует, но 12 миллионов громогласно заявляют о том, что этот закон несправедлив, а несправедливые законы должны быть отменены. Но если разобраться со здравым смыслом, так этот закон и законом-то нельзя назвать, а лишь принудительным распоряжением, выдуманным одним классом для своей пользы и в ущерб всему народу.

Мы уже говорили выше, что наша барщинная земля составляет лишь третью часть всей обрабатываемой земли, остальные две трети — родовые поместья дворян. В «Статистике» Феньеша *, том первый, пятая страница, сказано, что Венгрия имеет 46 796 428 хольдов обрабатываемой земли, а по подсчетам Габора Клаузала *, нам, крестьянам, из этой земли принадлежит всего лишь 10 миллионов хольдов, значит, даже не одна третья, а менее одной четверти, но пусть будет так, что нам принадлежит одна треть.

Итак, по справедливости на нас, крестьян, приходится одна треть всеобщих повинностей, а на знать — две трети...

А теперь несколько слов о другом, а именно о выкупе.

Если вы думаете черпать суммы для выкупа из государственного источника, то нам на это нечего сказать, каким бы ни был выкуп, высоким или низким. Но и тогда нельзя его устанавливать слишком высоким, так как большую часть государственных средств даем опять же мы, весь народ...

Бог создал нас помимо нашего желания и не извещая нас об этом, а поместил он нас на земле, а не где-то в воздухе. Значит, самой природой нам предназначен такой кусок земли, который необходим нам, чтобы прокормиться, это наша законная собственность, и мы вовсе не должны платить за эту землю кому-то деньги, а ведь вам хорошо известно, что ни у кого из нас нет земли больше того, чем это совершенно необходимо...

Мы должны жить на этой земле, кормиться ее плодами, как рыба живет в воде, а птица в воздухе, и не надо нам на это ни у кого просить разрешения...

Разве птица должна платить выкуп за воздух и землю, где она живет? И платит ли рыба выкуп за ту часть воды, которая ей нужна для жизни?

С каких пор земной шар стал собственностью немногих людей, а остальные люди и все живые существа должны им платить выкуп, чтобы иметь необходимое для жизни?

Правда и то, что люди считают птиц, рыб, животных, а в том числе и скот, созданными лишь для пользы человека, чтобы делать с ними что угодно, и питаться их мясом, но мы, крестьяне, не скот, из которого такие же, как мы, люди, принадлежащие к высшему и богатому классу, могли бы высасывать кровь.

Если вы скажете нам, что более крупная и сильная рыба глотает маленьких рыб, питается ими, что крупная и сильная птица охотится за маленькой, поэтому и вы, если можете, сосете нашу кровь, питаетесь нашим телом, то нам, пожалуй, нечего будет ска-

зять в нашу защиту, останется лишь утешать себя пословицей: «кто смел, тот и съел». Но есть и другая пословица: «гуси, если их много, и свинью заклюют», и в самом худшем случае, если уж дело до этого дойдет, мы победим.

Все это так, но ведь мы — люди, наделенные нравственностью, разумом, умом с тем, чтобы всем этим отличаться от животных и не вести себя, как животные. Скот не понимает, что такое справедливость. А если из людей кто-нибудь этого не понимает, то он тоже подобен скоту, а если кто-то понимает и не следует этому, то такой человек хуже скотины.

Если более сильный человек обращается со слабым, подобно тому, как крупная рыба с мелкой, то уж пусть он не рассчитывает, чтобы его считали человеком, и не претендует на образованность, не обижается, что его за скотину принимают, хотя и ходит он не на четырех ногах...

А так как земля не наша, а богова, то по справедливости никто не может владеть ею, иметь больше того, чем это крайне необходимо. Но ведь нам, крестьянам, совершенно необходима та земля, которую мы имеем, плодами которой живем за еще и государственные расходы оплачиваем, а у многих помещиков земли в сто раз и в тысячу раз больше того, чем им надобно. Надо было бы сделать так, чтобы никто не имел более сорока хольдов, по крайней мере до той поры, пока у каждой семьи, живущей земледелием, не было бы такого же земельного участка. А если после такого раздела земли останется еще что-нибудь, пусть пользуется ею помещик, это уж не будет такой большой несправедливостью.

Поверьте мне, благородные патриоты и, в особенности, крупные помещики, я вам говорю это не для угрозы, каждый честный человек, если призадумается над правами землевладения, признает за чистую истину мною сказанное. И вы, благородные патриоты, владеющие крупными поместьями, коль есть в вас хоть искра справедливости, то и вы должны признать, что это именно так и есть.

Но если вы упрямо цепляетесь за свои старые принципы, не желая нести с нами общие повинности, не стараясь найти государственный источник для уплаты выкупа и, не желая оказать нам сильную помощь (если все же выкуп придется платить нам), чтобы мы могли как-нибудь осилить его, то мы будем вынуждены заявить вам: нужда не признает закона, и мы вынуждены провозгласить, что выкупа платить мы не станем, потому что нуждаемся в таком земельном наделе и имеем на него право и по справедливости, и по естественным законам...

Значит, мы имеем полное право на ту самую землю, которую теперь обрабатываем, потому что по крайней мере столько земли нам и нужно...

Сейчас мы живем в 1847 г., а некоторые считают число 7 счастливым.

У нас есть не только семь смертных грехов, но еще и семь свя-
тых таинств, а за семью годами голода следуют семь лет изобилия.

У наших предков, когда они пришли, чтобы занять эту стра-
ну, было семь вождей, а в 1847 г. наши теперешние отцы заново
создадут нашу родину...

Под конец хочется мне сказать еще об одной семерке.

Святое писание говорит, что бог послал египтянам семь наказа-
ний за то, что они терзали евреев, говоря другими словами, богом
избранный народ. Так перестаньте же и вы в 1847 г. терзать бед-
ных крестьян, не то, истину говорю вам, бог пошлет вам не семь,
а семьдесят семь казней...

И еще в самый последний раз повторим вам, что мы желаем:
все повинности вы должны нести совместно с нами; откажитесь
раз и навсегда от выкупа за барщину, а если желаете получить
какое-то возмещение ущерба, найдите для этого государственный
источник; довольствуйтесь лишь теми правами, которыми все люди
наделены в равной мере и по чистой справедливости, чтоб и мы
могли быть, подобно вам, свободными гражданами. И тогда мы
будем все одинаково любить и благословлять свою родину... сло-
вом, только тогда будет из нашей родины славное государство,
когда мы все вместе сольемся воедино...

Самым главным и единственным утверждением права собствен-
ности на землю должен быть труд на этой земле, лишь тот, кто ра-
ботает, трудится на своей земле, может по справедливости назвать
ее своей (а значит, земля, на которой мы трудимся, наша, и мы,
по справедливости, не должны платить за нее никакого выкупа.
И если вы не хотите заявить об этом в справедливом законе, то мы
будем вынуждены провозгласить это по необходимости). Когда
родине угрожает большая опасность, как теперь нашей (положение
у нас теперь в сто раз хуже, чем если бы внешний враг устремлялся
к границам нашей страны), и когда мы увидим, что государствен-
ное собрание хочет исправить это положение незначительными за-
конами, которые, как маленькая заплатка на большой дыре, ничему
уже не могут помочь, то каждый гражданин обязан выступить и
предложить самые лучшие и обдуманые способы для спасения
родины.

А мы совершенно уверены, что единственный успешный спо-
соб — полное уничтожение барщины и выкупов, как мы уже об этом
говорили. Мудрые законодатели сделают это добровольно, а если
не сделают, сделаем мы, если все же необходимость заставит нас
нарушить закон...

Революция *

Родичи мои, братья-рабочие! В Будапеште 15 числа прошлого месяца марта за один день и одну ночь произошли такие большие и знаменательные события, подобных которым не было уже много столетий.

А так как среди нас может быть много таких, кто, живя вдалеке, в провинции, ничего еще об этом не слышали или были плохо информированы, то я и хочу в нескольких строках коротко рассказать о причине этой революции, или восстания, как и почему она произошла.

Вникните внимательно в эти несколько слов: нет больше господ и крестьян, нет крепостных, людей больше не бьют; все мы равноправные граждане, братья.

Такое положение, когда мы, рабочие-крестьяне, несли все государственные тяготы, платили налоги, отдавали наших сынов в солдаты для защиты отечества, было несправедливым: собранные налоги не употреблялись на то, что нужно, на пользу отечества, солдаты — наши сыны не оставались в нашей стране, получали оружие не для защиты родины, а по большей части их посылали в другие страны.

И все-таки распоряжались нами те, кто с 1800 г. не служил, не нес повинностей; распоряжалась нами знать. Но теперь все изменилось.

Само дворянство признало несправедливость такого положения, ибо когда что-то до такой степени несправедливо, то всякий вынужден признать это. Итак, большая часть дворянства постаралась изменить такое положение, жалея, что мы, ее братья-крестьяне, находимся в таком плачевном состоянии, вследствие чего вся страна пришла в упадок, хотя от природы богата и благословенна так, что могли бы мы стать самой мощной нацией в Европе.

Но были среди дворян и такие, которые считали, что нельзя ничего изменить, потому что так уж вошло в привычку — гово-

рили они; а другие еще говорили, что менять ничего и не надо: если изменить хоть один из старых законов, вся страна распадется.

Кроме того, Австрия, со своей стороны, считала выгодным для себя наше бедственное положение, потому что до сих пор нам приходилось за дорогую цену покупать у Австрии то, что мы могли бы изготовить у себя дома гораздо дешевле. Кроме того, наши богатые земляки: крупные помещики, магнаты, графы растрачивали в Вене свои огромные состояния. Этими двумя путями, помимо обычных налогов, в Вену уходило множество наших денег. Не будет преувеличением, если я скажу, что ежегодно из страны утекало 100 миллионов серебряных форинтов, и большая часть шла в Вену, в Австрию. Вполне естественно, что Австрии все это очень нравилось, и ее правительство всячески стремилось к тому, чтобы так оставалось навечно. А так как мы, венгры, люди очень доверчивые и легковверные, то и соглашались, когда нам говорили, что все обстоит самым лучшим образом. А почему мы с этим соглашались? Потому что сами мы не раздумывали, не учились, а значит, ничего не знали, только верили на слово.

Но, наконец, глаза у нас открылись и, вместо того, чтоб только верить, мы принялись еще раздумывать. Гнет, в котором мы пребывали, убедил нас, что если это положение будет еще долго продолжаться, то нам совсем придет конец, и из-за множества иностранцев в нашей стране венгерская нация будет стерта с лица земли.

Когда несколько лет назад мы взялись за ум, и на Государственном собрании 1844 г. наши законодатели провозгласили о желании нашей страны, тогда австрийское правительство стало смотреть на нас подозрительно, чего мы, мол, хотим, и не пожелало дозволить нам быть счастливыми в нашей плодородной стране. Но так как прямого сопротивления оказать этому было, конечно, нельзя, то они и постарались убедить наше правительство, чтоб оно выносило такие законы, которые способствовали бы благополучию Австрии. Поэтому на место прежних наместников стали королевским приказом назначаться администраторы или заместители наместников, им было положено большое жалованье, и они были призваны лить воду на австрийскую мельницу.

Но мы уже больше не верили, потому что к тому времени прозрели.

Так получилось у нас две партии. Одна из них поддерживала покорное Австрии правительство, другая отдавала свои силы для создания благополучия отечества.

Эти две партии столкнулись в борьбе на теперешнем государственном собрании. Поэтому и нельзя было успешно создать законы, одинаково удовлетворявшие всех.

Пока представители двух партий спорили между собой, во Франции разразилась революция, и через Германию в одно мгновение она дошла до нас. Но правительственная партия и тогда не

оставила свои вредоносные действия, направленные против нас, и продолжала придерживаться своих прежних взглядов.

Внезапно дело приняло совсем другой оборот. А случилось это так.

Многие из крестьянских детей, окончив школу, обосновываются в столице, некоторые просто перебираются в столицу, а которые обладают большими умственными способностями, посвящают свою жизнь науке, пишут книги, трудятся на благо родине.

Среди них в первые ряды выдвинулись Шандор Петефи, Мор Йокаи * и Пал Вашвари. Петефи продекламировал известную патристическую песню, с которой все принесли присягу, так что эта песня повсюду сопутствует им.

Выступая и до этого за равноправие и свободу, они заготовили 12 пунктов, которые тут же отпечатали в типографии, не спрашивая на то разрешения правительства и тем самым презрев незаконное учреждение (цензуру), согласно которому не разрешалось напечатать ни одной строчки без разрешения книжного цензора, назначенного правительством.

Это произошло 15 числа прошлого месяца марта, и этот день мы и в будущем будем праздновать как национальный праздник, как славный день завоевания свободы.

*Мастеровые ***

Трудно поверить, что есть люди (а ведь такие, действительно, есть), которые считают, что «Мункашок Уйшага» («Рабочая газета») лишь тем и занимается, что высчитывает, сколько дней должен работать рабочий, каков его недельный или месячный заработок.

Действительно, в конечном счете, все наши стремления направлены на то, чтобы каждый получал за свои труды ежедневно или понеделно справедливое вознаграждение, иначе говоря, чтоб каждый рабочий человек получал за свою работу в соответствии со своим трудом. И все же газета не ставит своей целью указывать, кто и сколько должен работать, пусть этим занимаются компетентные лица с обеих сторон на основании взаимной договоренности о заработной плате. Пусть никто не берет на себя заботу о том, сколько я должен трудиться и какое получать за это вознаграждение, этим они посягнули бы на мою свободу. Газета ставит перед собой иную цель, и я сейчас вам о ней расскажу, хотя это совершенно бесполезно: ведь если кто читает газету, он и так понимает мои намерения, а если не читает, все равно ничего не узнает. Но я все-таки хочу вам рассказать о них.

Встречаются и такие люди, которые считают, что газета наша годится только для деревенщины, т. е. для живущих в деревнях земледельцев. Только близорукые люди считают рабочими одних

лишь земледельцев, я же думаю, что рабочими надо считать всех тех, кто живет на собственные заработки, на то, что получают за свой труд, а значит, что и мастеровые составляют значительную часть большого класса рабочих. Сюда же принадлежат и те, кто обладает большим искусством производить великие творения и кого называют художниками.

Мне хочется сказать хотя бы об одном из самых выдающихся среди них несколько слов. Его имя Кliegель *. Им может гордиться Венгрия, потому что он создает такие произведения искусства, которые никому и не снились в целой Европе. За произведения этого человека правительства других стран заплатили бы большие деньги да и его самого зовут к себе, обещают высоко ценить за его превосходный ум, сулят, что не придется ему больше бояться жизненных трудностей. Но в его груди пылает любовь к отчизне, ни за что не покинет он своей милой родины, предпочитает терпеть всевозможные лишения, чтоб служить своими чудесными творениями славе нашей нации.

А наши отечественные богачи уделяют ему всего лишь нищенские подачки, но чего не делают они, сделаем мы, рабочие, все вместе, потому что везде уже становится ясным, что именно в рабочем классе и таится сила, пусть мало у него денег, но зато много трудолюбия и решительности, которыми он и направляет великие мировые события.

Среди наших правителей некоторые не хотят верить, что и венгры что-то умеют, считают нас за каких-то обезьян, способных всего лишь подражать другим нациям. Но мы еще заставим их устыдиться, потому что венгры способны на более великие и чудесные дела, а наши хозяева не обладают способностями даже настолько, чтоб распознать в рабочем своего беднейшего брата.

Предварительно мы предлагаем нашего мастера Кliegеля преподавателем в политехникум, который будет создан в казарме на улице Юллей, чтобы основать у себя в стране машиностроение и развить его до совершенства.

Янош Хорарик

(1808—1864)

Янош Хорарик (Horàrik János) — философ и публицист, страстный борец против церкви и религии, революционный демократ, принимавший непосредственное участие в революции.

Происходил из бедной словацкой семьи. После окончания гимназии был отдан в духовную семинарию.

Хорарик прошел сложный путь — от католического священника до воинствующего атеиста. Еще будучи священником, он вступил в столкновение с церковью. В 1841 г. Хорарик принимал участие в дискуссии о смешанных браках. Его речь прозвучала как вызов церкви и высшему духовенству.

Летом 1845 г. Хорарик уезжает в Германию. Узнав о венгерской революции, он тут же возвращается на родину и становится одним из наиболее активных участников «Оппозиционного клуба».

После поражения революции Хорарик был вынужден скрываться. В это время он написал большой философский труд, в котором выступил как последователь Гольбаха.

Хорарик завещал похоронить его без церковных обрядов, а тело отдать в медицинское учебное заведение.

Основные произведения (написаны на немецком языке): «Брак в духе Христа и смешанные браки» (1843) и «Борьба Яноша Хорарика против иерархии и церкви» (1847).

*Борьба Иоанна Хорарика с римско-католической иерархией и церковью в 1841—1845 гг.**

Некоторые наблюдения священнослужителя Хорарика

Можно сказать, к счастью для Хорарика, в N. местный священник сломал ногу и Хорарик был направлен туда в качестве его помощника. Здесь Хорарик впервые ощутил, что он священник, т. е. духовник, наставник в вере. Всем своим существом он отдался религии. Неудачи, которые выпали на его долю, способствовали тому, что он искал уединения, целиком погруженный в размышления над догматами христианского вероучения, в мечты о своем священническом поприще. Вдохновленный идеалами христианства, он проповедовал народу основополагающие истины католической религии: необходимость веры, учение о несовершенстве грешной природы, о божественном откровении, разъясняя людям, каковы отличительные черты католичества, его орудия, доказательства истинности; говорил о старом и новом откровении, об учении, деяниях и обряде Христа, об учреждении, которому он доверил свое учение, т. е. о церкви, разумеется, только римско-католической, вне которой нет подлинного христианства и т. д.

Книги и природа заменяли Хорарику общество. В Сенеке видел он своего учителя, в Христе — свой идеал. Его рвение не знало границ.

Три вещи наблюдал он в то время:

1) Безбедную, беззаботную, проходящую в удовольствиях, безделии, карточной игре жизнь священников. Если по своей натуре священник был склонен к такой жизни, он мог прожить ее без малейшего напряжения, не утруждая себя занятиями, в полном ничегонеделании, имея все права взимать мзду без малейшего усилия со своей стороны. Бесплатно он не делал ничего.

2) Невежество народа. Во всей деревне только два крестьянина умели кое-как писать, читать тоже почти никто не умел.

3) Вымогательство духовенством денег у народа, особенно при погребениях. Сердце Хорарика обливалось кровью, когда он должен был забирать у бедняка последний пенге для священника или

когда ему отказывали в немедленной уплате со словами: «надо будет продать что-нибудь из платья или постельного белья, а тогда уж заплатим священнику и ректору». Самое печальное, что священники вынуждены высасывать деньги из нищего народа, чтобы иметь возможность жить как приличествует их званию. И это из-за гнусного стремления римской иерархии к блеску и богатству, а тем самым к могуществу и силе.

Не прошло и шести недель, как Хорарик получил письмо от епископа. Он должен был направиться в В. на место помощника тамошнего духовника и считать себя в составе его причта на полных правах, как Хорарик того и заслуживает.

Итак, епископская игра была кончена. В В. Хорарик жил, как отшельник. У священника в В. он провел 16 месяцев, проявляя в меру своих способностей такт и пунктуально соблюдая свои служебные обязанности. Он был в подавленном состоянии, сторонился людей, целиком погруженный в размышления о боге, о христианстве. В церкви, у алтаря, на кафедре, во всех своих действиях он чувствовал и вел себя как существо, отрешенное ото всего окружающего, пребывающее в небесных сферах. Жестокие удары судьбы и любовь привели к тому, что его душа замкнулась в самой себе.

Его убежищем были книги. В этот период он наслаждался, среди прочего, «Всемирной историей» Роттека, мудрой «Республикой» Цицерона, штурмующими мир пророчествами Ламенне и принадлежащими перу венгра Фаркаша * чудесными описаниями американской свободы. Во всех этих книгах провозглашаются вдохновляющие лозунги свободы, всюду речь идет о человечестве, достойном уважения, и одновременно оно предстает поработленным, закованным в цепи, попираемым, жалким. И ниоткуда не слышно призыва к освобождению всех людей земли, вплоть до пребывающей во прахе черни.

В прославленной Северной Америке — свобода и рабство! Кто мог это предположить? Лишь один Ламенне поднял знамя с изображением креста и призвал весь мир бесправных, поработленных пробудиться ото сна, чтобы разбить цепи и вновь обрести человеческое достоинство.

Однако и этот пророк свободы подмешал слишком много воды в вино: бедному люду он указал на небо и там обещал ему полную свободу, полный покой и благоденствие. Таким образом, народу оставалось до гробовой доски уповать на небесное блаженство, не слишком тревожась о земных делах, о своей нищете и рабстве.

Однажды на пасху Хорарик осмелился рассказать прихожанам с церковной кафедры о страданиях Христа так, как об этом говорится в священном писании, вместо того, чтобы прочитать латинский текст самому или дать пропеть его нестройному церковному хору. Люди, не имеющие Библии и, следовательно, никогда не читавшие о страданиях Христа и нигде не слышавшие всего рассказа целиком, были необычайно растроганы проповедью, целовали

Хорарику руки, благодарили его от своего имени и от имени своих детей. Зато священник сделал ему суровый выговор за новшество. Чтение Библии, оказывается, может стать пагубным для кое-кого из римской иерархии.

От ученых занятий надо перейти к описанию жизни. Окружавшее Хорарика духовенство находило развлечение главным образом в безобидных еде и питье, болтовне и, часто ночи напролет, в карточной игре.

По прошествии года Хорарик получил от капитула (епископ был в то время в сейме) приказ без промедления направиться в N. и там под руководством эрцдекана потрудиться в винограднике господнем. Эрцдекан * и хозяйка дома приняли Хорарика как отца и мать. Лишь трижды принципал счел необходимым вспомнить о своих менторских по отношению к Хорарику обязанностях.

В первый раз Хорарик проповедовал, что царство божие — это, бесспорно, все человечество. А посему не следует никого, к какой бы части этого царства он ни принадлежал, высмеивать, презирать, проклинать, ненавидеть, будь то лютеранин, кальвинист, турок, язычник, как это было обычным для священника и жителей N. Христианин и, следовательно, католик, должен быть рад, что, благодарение богу, он, каков он есть, находится на верном пути к спасению; остальная часть человечества должна быть предоставлена суду всеблаготворного отца и судии на небесах. Принципал отругал Хорарика, сказав, что, хотя он и прав, но истина эта не для народа. Итак, по католическим представлениям, простой люд нужно учить, что только католическая церковь — его единственная спасительница. Следствием этого учения является разобщенность, расчлененность, отчужденность церквей, как это мы видим в истории народов, в том числе христианских.

Во второй раз, когда Хорарик проповедовал, что верующий, который исповедался и получил отпущение грехов, не должен больше пребывать в страхе, поскольку вся ответственность возлагается теперь на священника как на судью. Грехи погашаются, как только паптер дает их отпущение, ибо в этом именно проявляется власть священника, данная от бога, о чем сказано еще в Евангелии.

Вся строгость вечного судии направлена, следовательно, только на замещающего его земного судью, которому дано божественное право. Эти принципы возмутили доброго старика, так как он воспринял их как отсутствие сожаления о совершенном грехе, раскаяния, как удовлетворение. Хорарик возражал, говоря, что в этом и заключается чудодейственная божественная сущность власти католического священника, его права отпускать грехи, в которых ему исповедуются, лишь называя и перечисляя их. В противном случае это была бы не божественная, не чудодейственная власть, ибо для освобождения от грехов, в которых раскаиваются, о которых сокрушаются, не нужно было бы отпускающего грехи человека, это делал

бы сам бог, читающий в душах людей и дающий прощение раскаявшимся.

В третий раз — по поводу одного политического события. Тут надо вернуться несколько назад.

Мы, венгры, переживали тогда времена, когда в стране раздавались смелые речи против правительства. Штурмующие небо гиганты пробуждали во всех сердцах неугодные властителям идеи всеобщей свободы. Дух свободы бушевал во всех комитетах, и затем на сейме в Пожоньи * извергся, как лава вулкана, распространяя пламя везде и всюду.

Граф Иштван Сечени, который по своему происхождению, по положению, опыту, богатству мыслей был не только способен, но и прямо-таки создан для реформаторской деятельности, с неудержимой силой ощутил в себе свое призвание. Он взялся за перо и не только вскрыл все язвы нации, но и предложил средства к их излечению и столь многочисленные, что избавил большинство своих читателей от необходимости мыслить — это было, пожалуй, самое полезное, ведь мышление для многих — дело обременительное и неприятное. Сечени высказал то, что созрело уже в умах благородных людей, но о чем умалчивали из страха. Когда же на примере графа увидели, что сокровенные мысли могут быть произнесены вслух, тысячи мертвых воскресли, немые стали превосходными ораторами; чувство свободы побуждало к громогласному провозглашению истины. Люди требовали себе прав. Даже о крестьянах пеклись как о носимых на руках возлюбленных детях, ратуя за то, чтобы дать им жизнь, достойную людей и граждан. Первым результатом всеобщего упоения было обожествление Сечени.

После этих оваций, однако, появились другие герои. Они предоставили рассудительному графу рассуждать и, вдохнув новую жизнь в идею свободы, с французским мужеством, при ликовании народа бросились под ее знаменем на штурм установленного свыше порядка. Во главе их стоял венгерский Геркулес барон Николай Вешелени * с его унаследованным от предков, низвергавших троны, бесстрашием, с его аристократически-демократическими притязаниями, со всеми чарами демагога, с голосом Дантона, с его защищавшей интересы народа книгой «О предрассудках», с его ораторским искусством, разящим, как меч.

Вторым был Янош Балог * из Барша, чьи восхитительные речи, язвительное остроумие, демократические теории, полное достоинства мужество вдохновляли и привлекали на сторону свободы все сердца. Третий — и сегодня продолжающий энергичную деятельность герой — Лайош Кошут, сын неприметного дворянина, но сам человек гениальный, творческий, красноречивый, смелый, упорный, оригинальный, изобретательный, способный, как никто другой, возродить страну. Ее судьбы пробудили этого человека к деятельности, к тому, чтобы спасти от преждевременной смерти Сечени и его дело, чтобы разделить с ним славу или стать на его путь.

Этот благородный борец и пламенный трибун разбудил нацию ото сна. Пострадавший за народ, он после своего освобождения из тюрьмы проникновенно разъяснял и доводил до сознания народа, в чем заключаются его нужды и грозящие ему опасности, указывал, кто его враги, каковы задачи. С удивительной настойчивостью он, в противовес придерживающейся новых взглядов аристократии, призывал в своем журнале народ к бдительности, поддерживал и укреплял разрозненные силы страны, чудесным образом сплотив их, наконец, в Союз защиты отечественной промышленности, можно сказать, вызвал к жизни материальные факторы и самосознание народа и тем самым навсегда вписал свое имя в историю Венгрии.

Кошут, в чьих речах обнаруживалась близость к социализму, чьи идеи захватили всю молодежь Венгрии, внес на Государственном собрании 1836 г. предложение: выпускать рукописную газету, поскольку печатное ее издание не было дозволено, в которой публиковались бы речи депутатов и их мысли, и распространять эту газету по всей стране, пробуждая таким образом сознание народа, без чего невозможно национальное возрождение. Эта огромная задача была по плечу Кошуту: он обладал силой духа, способной вобрать в себя все высказанные на сейме идеи и, сделав их еще более яркими и отчетливыми, разнести, сообразно своему предложению, по всем артериям нации, во все уголки страны, направить все усилия на достижение общей цели.

Тем временем предшественники и соратники Кошута подверглись преследованиям. Прославленный Вешелени был схвачен стражниками, принявшими меры и против возросшего влияния Балого; земное провидение укрыло от взоров и целую кучу менее заметных демиургов свободы. Звезда же Кошута сияла по-прежнему. По окончании Государственного собрания он продолжал выпускать свою газету в Пеште, уже как орган не Государственного собрания, а всех комитатов страны. Газета стала зеркалом настроений, намерений, событий, заявлений всех наших муниципалитетов, и все это, то там, то тут одобренное мыслями Кошута, заостренное, превращалось в опасное для власти единое целое. Правительство было недовольно, оно сделало дерзкому журналисту предупреждение; а так как тот не смирился, то по распоряжению палатината * он был тайно ночью пойман, как опасный зверь, и арестован.

Вся страна издала вопль ужаса и негодования. Комитаты подали апелляции, и среди них одним из первых Барский комитат. где, по предложению Балого, было принято решение обратиться к многоуважаемому эрцгерцогу-палатину с письмом и почтительно просить: да соизволит его милость разъяснить, что послужило основанием для распоряжения об аресте дворянина за его переписку. Состоялось голосование. Все были за: нужно писать. Но обер-ишпан переменял тактику и, решив нагнать страху, потребовал составить список голосующих. Тогда многие повели себя, как трус-

ливые овцы. Хорарик присутствовал при этой сцене и встал на сторону либеральной партии, он не уклонился от голосования и смело назвал свое имя оберишпану, который четырежды осторожно переспросил его.

Несколько дней спустя принципал узнал о дерзости бедного капелана; и в третий раз он не одобрил поведения Хорарика и сделал ему выговор. Он пригрозил ему даже, что больше никогда не будет отпускать его на собрание комитета в А. На этом дело не кончилось. Последовал также удар с епископского Олимпа; основательная головомойка отбила у Хорарика желание когда-либо снова вмешиваться в политику.

Так, под давлением иерархической олигархии урезывается даже то скромное право голоса, которое предоставлено низшему духовенству государством, коль скоро это право используется вразрез с желаниями епископа. Это еще раз доказывает, что низшее духовенство, как было сказано, находится душой и телом в рабском подчинении у епископов. Но это же безобразие, которому должны противодействовать все сословия, если они хотят, чтобы низшее духовенство действительно участвовало в политической жизни.

О народе и о нищете народной

Жизнь Хорарика в N, походила на существование монаха в келье — так замкнуто он жил, посвящая все свое время книгам. Он изучал остроумные описания греческих свобод провидца Боссиэ, труды славослова католицизма Шатобриана, религиозно-романтического мечтателя Ламартина, возвышенного моралиста Сенеки.

Навещать приходилось ему едва ли не одних больных. И вовсе не потому, что люди привыкли обращаться к священникам всякий раз, как у них заболит голова, а потому, что в N, в том году с новой силой вспыхнула эпидемия холеры. При той нищете, при той грязи, в которых жил простой народ, смерть могла собирать обильный урожай. И она собирала его! Хорарику приходилось бывать в домах, где одновременно лежали по три-четыре мертвеца, а рядом с ними еще несколько человек боролись со смертью и болезнью. Это было страшное зрелище, особенно для сына народа, каким был Хорарик, видевший в бедном люде кормильца, защитника, хранителя человечества.

Народ — источник благополучия всех состоятельных. Без народа римские аристократы стали бы пролетариями и наша родовая и денежная аристократия также должна была бы взять в руки если не нищенский посох, то рукоятки плуга. Бедный народ платит землевладельцу деньги, отдает ему свои силы, свое время. Он платит налоги и работает на комитет, платит и работает на общину, платит и работает на священников, платит налоги и работает на государ-

ство, платит и служит королю; за его счет выплачивают жалование и кормят солдат, он уступает все гражданские и некоторые человеческие права дворянству: отказывается в пользу дворян от всех званий, государственных должностей, преимуществ и привилегий. Он отказывается в пользу духовного сословия от своего разума и своей воли, он отдает своих сыновей на кровавую службу военщине, защищая господство своих хозяев от самого себя и сохраняя таким образом собственное рабство.

Народ, глупый, добрый народ валит лес, добывает нам хлеб и одежду, строит и отапливает наши дома, его потом создается роскошь богачей; короче говоря, он жертвует собой для общего блага, а в награду за все это он одет в тряпье, плохо есть и пьет, спит вместе со скотиной, все (ибо все стоят над ним) обращаются с ним, как с чем-то недостойным звания человека: его угнетают, им понукают, из него сосут соки, надевают на него шоры, стригут и в конце концов, чтобы он не разгневался, утешают обещаниями блаженства на небе после смерти. И так как нет в народе единства духа, которое могло бы сплотить его и сделать сильным, он переносит свои тяготы с религиозным смирением или с покорством отчаяния.

А давно пришло время привлечь несправедливо лишенный всяких прав народ к участию в высокой политике, обратить свои сердца к самым низшим его слоям, проникнуться сочувствием к страданиям и горестям народа, не мысля без него общества, государства, человечества.

Свобода, которая не распространяется на народ и не облагораживает его, должна внушать только отвращение; любая реформа, проведенная в обход народа, ненавистна, и ее следует отвергнуть; каждая власть, которая покоится на бесправии народа, должна быть разоблачена как бесчеловечная и уничтожена; человек, который больше печется о своем собственном благе, чем о благе народа, или заявляет о своих особых претензиях, не может считаться гуманным, его нужно признать бесчеловечным. И пришло время, наконец, пожертвовать мелочным и низким эгоизмом во имя всеохватывающей гуманности. «С привилегиями, должно быть, будет покончено, ибо только народ вечен» (Мирабо).

Беден народ, беден и его капеллан. Годовое жалование Хорарика состояло из 24 форинтов, т. е. на четверть года приходилось 6 форинтов. После первых четырех месяцев службы жизнь представлялась ему чудовишной, он должен был вступить с ней в борьбу. Нужда — вещь относительная. Наполеону после жарких дней Ватерлоо недоставало армии в 300—500 тысяч человек. Хорарика мучила другая забота: как раздобыть белья, взамен износившегося, и немного денег.

У каждого человека есть свой мир, который для него важнее всего. Только в этом мире он в состоянии ощутить и оценить себя, обрести свои честь и счастье. И только в этом мире имеют для него значение бесчестье и несчастье.

Когда друзья из Пожьюньи порекомендовали Хорарикку купить философские сочинения Гегеля, он ответил, что рубашки для него важнее, чем все философии мира, особенно если они стоят денег. Когда человек нуждается в самом необходимом, ему кажется, что рушится весь мир, и он ощущает это как крушение самых глубоких основ своей жизни. Он готов отважиться на все великое, ухватиться за всякую малость, лишь бы суметь по меньшей мере честно прожить свою жизнь. Так и Хорарик был готов на все. Но сан — эта гарпия — сковывал его, обрекал на нужду и одновременно возлагал обязанности, на выполнение которых не давалось никаких средств! Он проклинал поэтому духовный сан, который одних превращает в расточительных рабов, а ему не дает даже возможности прилично одеться, который осыпает своих высокопоставленных представителей, этих бездельников, золотом и богатством, в то время как тех, на чью долю падает больше всего трудов, кто должен работать до изнеможения, обрекает на жалкое существование, вынуждая их к тому же носить дорогое платье; им живется хуже, чем лошадям прелатов, не говоря уже о кучерах.

Нет в жизни людской нужды большей, чем нужда бедных священников. Хорарик, который не получал из родительского дома никакой помощи, был фактически нищим. Обратиться за помощью к епископу он не мог, так как он слишком хорошо знал этого волка из волков; не мог без золота получить деньги в долг. Он поделился своими заботами с одним из друзей. Тот рассказал о бедственном положении Хорарика другим таким же неимущим братьям; они сделали все, что смогли, и на время Хорарик был спасен. Но все это позволило ему понять: католическая иерархия держит в рабском, исполненном страха послушании своих членов также и потому, что в ее власти сделать их бедными или богатыми.

Бедность и богатство — два полюса, вокруг которых вращаются судьбы людей, свобода и рабство; тысячи, более того, миллионы становятся наемниками тирании, деспотизма, теократии, иезуитов и богачей только потому, что иными путями не могут добыть себе две или четыре сотни талеров ежегодно. Ради этих жалких денег продаются чудеснейшие способности изобретателей, предприимчивость, мужественнейшая смелость, гениальнейшее искусство, свободнейшая наука, даже сами мысли! Эти немногие форинты в год — вот тот чудесный ключ, который позволяет нам открыть и со всей отчетливостью рассмотреть глубочайшие основы, сокровеннейшие тайны современной цивилизации, чести и бесчестия народов.

К концу года жалование капеллана в N. было повышено до 60 форинтов, но спустя шесть месяцев Хорарик был переведен в D., где ему снова платили только 24 форинта. Его положение становилось изо дня в день все затруднительнее; при всей своей бережливости он не был в состоянии приобрести себе сутаны. Прошлогодние мучения возобновились, изнуряя его тело и мрачную,

ожесточенную душу. Спасение могло прийти только с неба, ибо другой надежды у Хорарика не оставалось; но небо молчало, предоставляя червь извиваться в мучениях. Тогда над страдальцем сжалился брат Дьердь, бедный бестерцебанский * суконщик. Он обменял кусок грубого сукна на тонкое и одел своего брата, влачащего дни в позорном рубище, которого любил уже из-за одного его священнического сана, как самого себя. Он не понимал, каким посвящением для Хорарика был его сан, ибо набожному человеку посвящение в этот сан представляется безграничным блаженством. Как часто бедные люди являются великодушными благодетелями, как умеют они спасти своих ближних!

Хорарик не мог больше выносить этого гнетущего прозябания и безнадежного будущего, которое сулила ему карьера духовника, поскольку от епископа ждать было нечего. Он решил вступить на другое жизненное поприще, а именно стать воспитателем в какой-либо дворянской семье. Об этом он написал письмо другу в Пешт и с нетерпением ждал ответа.

Между тем, летом он совершил поездку в Н., чтобы повидать знакомых и насладиться дружеской беседой с ними. С этой поездкой были связаны впечатления, которые дали ему пищу для размышлений и побудили написать следующее письмо.

Мысли о возможности народного счастья

Наблюдая поверженный наземь подобно самаритянину народ, обреченный на бесчестье и болезни, и возвышающихся над ним уже тысячелетия домового и вампира, первый из которых доводит народ до изнеможения, а второй высасывает из него все жизненные соки, Хорарик пришел к выводу: долгом всех разумных политических и религиозных эскулапов должно быть заботливое лечение больного, оказываемое от чистого сердца и с самыми честными намерениями. Просвещение, освобождение и счастье народа создали бы подлинное благоденствие и достоинство человечества. И все это может быть достигнуто, коль скоро руководители народа и власть имущие займутся этим всерьез. Когда Хорарик был духовником, он держал прихожан в своих руках, он знал, что народ внимает ему, затаив дыхание, во всем ему послушен: Хорарик знал, что может повернуть его, куда захочет. Он понял, что масса податлива, как воск, что хороший руководитель может облагородить ее, неразумный — испортить.

Народ Индии и ныне верит в Ману, что следует поклоняться животным и браминам; повинувшись Заратустре, он обожествляет огонь. Первый законодатель Нильской долины превратил египетский народ в живущего после смерти и умирающего при жизни. Благодаря Гомеру греки стали творцами прекрасного греческого мира; Ромул сделал Рим воинственным, Нума — суеверным; Магомет задушил разум мусульман шнуром своей судьбы. Проповед-

ники учения Христа, наконец, воспитали народ как граждан царствия небесного и как терпеливых овец, покорных земным властям. Одним словом: совершенно ясно, что бедный народ охотно подчиняется своим руководителям и учителям и изменяется по их воле. Он верит им во всем, верит в тайны богов, в непостижимость веры, в призрачные картины будущей потусторонней жизни. Он посещает богослужения, всей душой верит, что вкушает тело христово; более того, добрый послушный народ жертвует самым необходимым, оплачивает церковную службу, платит за рождение, за обручение, за погребение; он перебирает четки, носит амулеты, постится, предпринимает разорительные, развращающие нравы утомительные паломничества к чудотворным иконам и изваяниям, и все это делал и делает послушный народ, следуя внушениям своих пастырей.

Если бы этот же народ учить чему-нибудь лучшему, то он был бы бесконечно более способен находить и постигать добро, чем почитать, как до сих пор, глупость и зло. Если бы руководители народа, особенно святые отцы, обратились к подлинно разумным подлинно человеческим истинам, воспитывали бы народ в духе подлинной гуманности, вели бы его к действительному блаженству, если бы власть имущие, живущие потом и кровью народной, соизволили бы стать людьми, дали бы народу родину и права и тем самым помогли бы учителям народа, тогда бы весь народ вместе со своими вождями и правителями возродился бы к подлинно человеческой жизни и каждый удивился бы и возрадовался скорому духовному и материальному процветанию рода людского.

Гуманность

Гуманность¹ — всеобъемлюща и всемилостива, она — любовь человечества к самому себе, она — разум рода людского, зовущий к дружбе, равенству, равноправию, его сердце, любящее всех и преданное всем без исключения. Гуманность не признает никаких привилегий, никаких различий, ни господства, ни рабства и тем более осуждает все сектантское, все индивидуалистское, все обособливающееся, в том числе семейные и кастовые, а также национальные чувства, коль скоро они не дают людям ощутить, осознать, сохранить себя как часть единого целого — человечества. Гуманность есть великое орудие всеобщего возрождения, примирения и спасения, ибо она по самой своей сути универсальна, ее принципы и ее интересы безграничны. Гуманность выступала до настоящего времени в двух формах — с богом во главе и без бога.

Гуманность существовала в истории человечества и добивалась победы под различными именами, проявлялась в разных действиях

¹ Протестантизм — это также одна из форм гуманности, но не достигшая завершенности, поскольку остается церковной (прим. автора).

и институтах. Ее господство принимало форму золотого века, века счастливой жизни людей; она находила выражение и в восточном гостеприимстве и в некоторых законах основателей древних религий; она побуждала массы людей к переселению из бесчеловечного древнего Египта в Грецию, а затем оттуда в Малую Азию и другие страны, где распространяла свет и сеяла семена свободы. Ее духом веет со страниц книг древних мыслителей, ее душа — в деяниях Пифагора, Миноса, Ликурга, Солона, Публиколы, древних этрусков. Ее порождением была политика Перикла, Александра Великого; принципы любой и всякой свободы суть не что иное, как искры и ростки гуманности. Только она могла породить демократические республики в Греции, общность имущества, полное равенство у мелких дохристианских народов. Но самым великолепным образом она проявилась в Стое, давшей миру поистине чудесные принципы и настоящих чудо-мужей.

Когда половине мира суждено было подпасть под власть Рима и мировой город попирает все человеческое, поработенному и униженному человечеству стало представляться, что тирания незыблема, что мир, человеческое достоинство ничтожны. В этот поворотный момент дух гуманности пробудился и воплотился в иудействе (вероятно в секте эссеев, у которой существовала общность имущества), распространился под именем «Христос» как любовь человека к человеку по всей империи и за ее пределами, взорвал весь древний мир, похоронил его богов, оборвал его историю и положил начало новому, именно — христианскому миру и христианской истории. Отныне провозглашалось: Христос, братство, любовь к человеку, полное равенство; нет господина, кроме Христа, нет ничего более великого, чем служение своему ближнему.

Казалось, гуманность восторжествовала

Однако со временем подлость и низость овладели высшим духовенством, которое все исказило и извратило. Истинная святость и свобода были превращены церковной олигархией и ее покровителями в рабство и развращенность, предстали в обедненном, карикатурном облике антигуманности. Бог христианской любви погиб в лапах тройного деспотизма — ряс, меча, мамоны. Изгнанная из христианского мира гуманность могла теперь лишь залететь в его пределы с Востока на древнегреческих крыльях. С помощью бежавших оттуда и рассеявшихся по свету писателей идеи классической Эллады и с ними гуманность распространились на Западе; они оживили, освежили, очистили принцип гуманности, утраченный и оскверненный выродившимся христианством. Этот принцип избрал своими орудиями школу, прессу, врагов папства; затем он одним могучим ударом разбил всевластие Рима. После того, как христианские эстеты — апостолы этого принципа истрепали его,

а французские философы XVIII в. очистили его до такой степени, что отбросили христианство, а вместе с ним и представление о «высшем существе», стало ясно, что человечество, несмотря на различие его богов и церквей,—одна кровь, одно сердце, одна семья. Спасенный таким удивительным образом принцип гуманности выдержал испытание в Америке: хартия свободы в своей первой статье торжественно провозгласила и освятила его.

Дух гуманности сделал попытку во время Французской революции возродить человечество, осуществить братство и свободу всех народов, принятием конституции 1793 г. избавить государство от тирании, развенчанием бога освободить людей от власти неба; в коммунистическом заговоре Бабефа сказалось стремление сбросить с человеческой личности оковы собственности. Властолюбию, духовенству, богатству удалось почти полностью ликвидировать последствия этой вылазки истории и вернуть человечество на старые позиции. Тогда гуманность перекочевала в теории Сен-Симона, в проекты устройства мира Фурье, пока не потерпела поражение и здесь, найдя своего Иеремию в Ламенне.

В наши дни гуманность живет в сердцах всех образованных, всех не испорченных церковью людей; и их Евангелием является: «Все люди братья... Миллионы, обнимитесь и облобызайтесь! Братья, над небесным шатром обитает добрый отец». Подобное чувство постепенно охватывает народы, побуждая их стоять друг за друга, один за всех, все за одного. Благодаря этому чувству всем причинила боль гибель Польши; благодаря ему все разделяли муки Греции, ощущали страдания Испании; поэтому в наших сердцах отзывались стенания Кандии*; поэтому, наконец, всех нас возмущает позор и унижение рабства негров, как наши собственные унижения и позор. Гуманность распространяется в обществе через потоки книг, брошюр, газет, посредством многообразных, не поддающихся учету способов общения наций и людей, распространяется со сцены, с университетских и даже с церковных кафедр. Гигантскими шагами движется она вперед и рано или поздно либо взорвет крепость, воздвигнутую властью, насилием и деньгами, либо обойдет ее с флангов и принудит к капитуляции на милость победителя.

Человечность

Гуманность без бога — это, попросту говоря, человечность. Дух гуманности этого рода, даже по мифическим преданиям Библии, был первым революционером, организовавшим заговор против бога и вступившим с ним в бой под предводительством бессмертного Люцифера; исходом этого боя было низвержение Люцифера (хотя он от рождения — Носитель света) в царство тьмы и адского пламени. Люцифер, Носитель света, живущий в пламени даже среди тьмы, этот исконный разум, отец гуманности, поклялся отомстить

своему победителю и изощрялся в выдумках, дабы освободить людей от власти бога, сулившей людскому племени лишь разобщенность и одиночество, лишь ненависть, но не любовь. Исполняя клятву, он метнул свой огонь и осветил небо, на котором, верил человек, обитали боги, и человек прозрел. И вот Греция отвергла богов Египта, а вскоре так же поступил с греческими богами Рим, создавший целую коллекцию богов, словно коллекцию насекомых. Носитель света снова метнул огонь и блеснули два луча: Стоя и христианство.

Стоя создала Евангелие самой возвышенной и самой глубокой, истинно человеческой, без какого-либо бога религии, и оно гласило: «*Servare modum, rectumque tenere, Naturamque sequi, patriaeque impendere vitam; Nec sibi, sed toti genitum se credere mundo. In commune bonus*» (Lucani «Pharsalia»). Или: Соблюдай меру, будь справедлив, следуй природе, посвяти жизнь отечеству, полагай, что ты рожден не для себя самого, а для мира, будь добр во всем — и в великом и в малом.

В христианстве бог Моисей, который, как и языческие божества Гомера и Нумы, был злым богом, превратился в доброго отца, а его сын Христос — в брата и спасителя людей, сына человека; тем самым человек стал богом.

Рухнули небеса, и свергнуты были боги классической древности, сохранившись лишь как образы вечной поэзии. Но под властью богов христиан, бога Израиля и бога Ислама в человечестве вспыхнула взаимная ненависть, бушевавшая в самом его чреве. Вероучения раскололи мир. Каждое гордилось своим богом, похвалялось его милосердием и его беспредельным могуществом. Любая жестокая несправедливость, любая бесчеловечность находила оправдание в хламе священных книг или у их толкователей, кровь лилась рекой. Каждое поколение, вплоть до новейших времен, истребляло миллионы детей своих. Любовь исчезла, потому что люди поклонялись чувственно представляемому богу; ненависть стала второй натурой церкви и целой банды пророков, потому что люди молились этому богу; величайшая несправедливость и всяческий деспотизм приобретали вид освещенной свыше справедливости, потому что люди молились этому богу; наконец, человечеству угрожало вечное рабство духа и тела, потому что люди молились этому богу.

Весь этот печальный опыт пробудил к действию гуманность без богов, и ее отец, Носитель света, бросил в мир громкий клич: человечество может прийти и придет к миру и единению только на своей собственной основе, без внешней по отношению к нему сущности, т. е. в самом себе, а не вне себя, только в своем собственном разуме, а не в боге; на земле, а не на небе; при жизни, а не после смерти может прийти и придет человечество к единению и к примирению. Для нашей жизни и наших действий бог ничего не значит, значение имеем лишь мы сами!

Издав этот клич, Люцифер одолел прежнего бога и с помощью философии Спинозы, еврея по происхождению, переплавил его в Природу, что означало отрицание бога как личности, отрицание его прежней сущности и бытия. Затем — в натурализме и материализме XVIII столетия — он уничтожил теологического творца мира. Наконец, в вихре Французской революции он сбросил традиционного бога с трона, перечеркнул все его милости и возвел на трон Разум, т. е. самого себя. И хотя впоследствии снова наступили времена волков и овец, Носитель света — возведенный в ранг бога Разум — уже никогда больше не забывал истории, не забывал этого торжественного свержения бога. Да, именно он нашел свое выражение в величественном «Я» Фихте, он поднялся в философии Гегеля до абсолютного духа, который растворил все божественное; он очистил в критических трудах Штрауса личность Христа от мифических наслоений, низведя Христа-бога до гениального человека; в трудах Бруно Бауэра — уничтожил Христа как историческую личность; с помощью неотразимого Людвиг Фейербаха разоблачил сущность христианства и бога, безвозвратно сбросив их в пустоту и небытие. Но и на этом он не остановился. Устами Эдгара-Бауэра он открыто проклинает современную церковь и современное государство и уничтожает их обоих; в трудах Прудона он бесстрашно атакует святыню частного землевладения и клеймит ее как ограбление трудящегося человечества; он воплотился, наконец, в известном всему миру Галльском и Немецком ежегодниках, а также в популярных брошюрах Фридриха Фейербаха, во всей атеистической гегельянской и левогегельянской литературе.

И так как в ней он требует справедливости, счастья, достоинства, свободы и равенства для всех людей, и именно в этой жизни, и не надеется на удовлетворение требований современными институтами, то прилагает все усилия, чтобы с помощью этой литературы расшатать и подточить все божественное, все на нем основанные формы, все устои существующего порядка и подготовить их полный крах.

И в самом деле, просвещенная молодежь уже более или менее вступила на путь служения Разуму; в его стихии живут большей частью имущие классы и высокопоставленные лица, а также ученые; законодательные органы цивилизованной Европы не в состоянии изгнать его из политической жизни; ему принадлежат и дипломаты, хотя они принуждены еще воздвигать против него плотины... В многочисленном пролетариате индустриального мира, как и во всех классах народа, которые мало соприкасаются с попами и с церковью, отнюдь не пылают религиозные чувства, но человечеству преданны все неиспорченные сердца. Все горят желанием прийти на помощь друг другу в общем деле, уничтожить в человеческих отношениях несправедливость, нужду и бесчестье. Люди ощущают свое единство. Удары, направленные против бедного люда или против борющихся за свободу народа, направлены в сердце каждого из нас;

мировая история сегодня — это история наших сердец; она плачет нас.

Дух человечности проявляется с огромной силой. Он побуждает сегодня школу к борьбе против влияния небесных учителей; государство — к борьбе против церкви; разум — к борьбе против веры; подлинно человеческая жизнь вступает в борьбу с религиозной, наука — с теологией, инстинкт свободы — с иезуитством, человеческое самосознание — с божественной волей, философия — с религией, революция — с тронem; короче говоря, народная сущность против бесчинства, против всякой бесчеловечности. Вот почему и ныне клокочет в груди человечества, подобно пожирающей самое себя в кратере вулкана лаве, готовый вырваться наружу, негодование против христианских божеств и всех кичащихся ими.

После такой характеристики основ происходящей борьбы не трудно представить и понять самую борьбу и рассмотреть ее со всей глубиной.

Протест католиков-мирян против притязаний высшей иерархии

Итак, католическая иерархия всегда была враждебна всем и вызывала всеобщее возмущение. Ее олигархические притязания проявились прежде всего по отношению к низшему католическому духовенству и к католической пастве.

Среди низшего духовенства имеются сотни таких его представителей, которые бы думали, говорили и действовали по-другому, если бы над их головами не висел меч, занесенный этими деспотами.

Однако, так как никто не хочет лишаться своего духовного звания, своего легкого куска хлеба, подвергать опасности свою карьеру, все они стали молчаливыми рабами и лицемерами. Вся поповская братия безропотно несет на себе цепи, надетые на нее епископами, не отваживаясь против них ни на какое действие, не решаясь расстаться со своими должностями, своими приходами, своей привольной жизнью. Но именно это трудящееся в винограднике господнем священство и составляет духовное сословие, они, а не господствующие и бездельничающие епископы, являются подлинными руководителями христианско-католической церкви. Казалось бы, что митроносцы должны были — так как они намеревались изменить одно из дисциплинарных правил, имеющее жизненно важное значение, — посоветоваться со всем духовным сословием, т. е. со всеми священниками. С другой стороны, непривлечение священников для совета должно было бы рассматриваться ими как оскорбительная несправедливость и пренебрежение. Однако ни того, ни другого не случилось, и люди с горькой усмешкой взирали, как продолжает существовать иерархия, эта система утончен-

нейшего рабства, каждая вышестоящая ступень которой угнетает расположенную ниже ее.

Католическая паства вела себя смелей, чем трусливые попы. Со справедливым возмущением и благородным достоинством миряне бросали упрек духовенству и папе: католическая держава, говорили они, имеет ведь свою конституцию, и в соответствии с ней право голоса принадлежит и мирянам; без этого права не было бы церкви, без него она превратилась бы в деспотию: папа не является самодержцем. Он никоим образом не в праве изменять существующую в церкви дисциплину, тем более, что она затрагивает даже частную, семейную жизнь, просто так, вместе со своими присными, только с не избираемыми народом епископами, *lo ipso*, без согласия папсты. И поскольку он все же имеет наглость поступать таким образом, то в глазах цивилизованного человечества на всю католическую церковь ложится клеймо варварства и бессердечия, ведущих к раздорам и несчастью. Поэтому миряне используют свое насущное право — право голоса, они становятся в оппозицию к церкви, голосуют против безрассудства, против узурпации, против энциклик епископов, против брани, которую навлекают на церковь действия высшего духовенства, и торжественно отрекаются от них на все времена. Наконец, говорили они, время священнического произвола ушло в прошлое, и они, католики-миряне, вместе со своими свободно избранными ими священниками составляют, собственно, истинную католическую церковь.

Простые люди, исповедовавшие римско-католическую веру, не отличались долготерпением. Лишь очень незначительная их часть оставалась немой и слепой. Даже крестьянин со своей женой давали волю языку. Во всей массе католиков нарастали острая ненависть к католическому духовенству и неудержимое стремление к переходу в протестантство. Тысячи семейств изрекали проклятья, жаловались, что из-за произвола католического духовенства лишались благословения, а тем самым и милости спасителя.

Действия епископата — тирания по отношению к людям, наглая узурпация по отношению к церкви!

Голос человечности

Наконец, против иерархии подняла голос отказывающаяся признавать бога, еще неокрепшая, в самой своей основе человеческая гуманность, человечность, но ее голос звучал лишь тайно, лишь в душах людей или в кругу самых близких лиц. Человечность выступила примерно так: гнусное предательство человечества! Эти умники из церковной иерархии считают ниже своего достоинства благословлять смешанные браки? * Хорошо, но тогда в их груди не бьется человеческое сердце, священник убил в нем человека. Они ссылаются на запрет природы, природы, от которой они отреклись

и которую во имя бога проклинали и ославили как источник всех грехов, как царство дьявола! Природа любит всех своих детей равной любовью. Иерархия указывает на божий запрет? Хорошо! Но бог — это не католик и вообще не христианин, он самое большее — сын человека или по крайней мере человек, каким был Христос; он должен, следовательно, благословить всякий брак, или он не является ни богом, ни человеком. Если же у иерархии нет такого благословляющего бога, значит, у нее нет никакого истинного бога, более того, ее богом и Христом стали теократический произвол, теократический фанатизм, собственная алчность и жажда власти. Да, да, каков человек, таков и его бог и его Христос. Что воля папы, что обычаи церкви? Я в них не вижу ничего, кроме варварства. Бог, вера в бога, спаситель, Евангелие, небо, любовь к ближнему, родина, скипетр — все это у иерархии общее с некатоликами, и все же, и все же от нее не исходит ничего, кроме разъединения и сектантской злобы, она отдаляет христианина от христианина, гражданина от гражданина, человека от человека! Даже самые святые и самые могущественные узы — для нее лишь объект раскола, вражды и зла.

А вы, враждующие, отвращающиеся друг от друга народы! Где ваш разум, где сердце? Вы должны знать и любить друг друга, но вы не знаете и не любите друг друга! Вы лишь христиане, иудеи, магометане и т. д., но вы еще не люди, вы не что иное, как лишенные человеческих чувств верующие, вы составляете извращенный, испорченный, а не истинный людской род. Откажитесь поэтому от всего, что вас разделяет, что мешает вам быть истинными людьми, а именно: вас разделяют и вам мешают священники? Откажитесь от священников или превратите их в истинно человеческих наставников народа!

Вас разделяет и вам мешает церковь? Объедините ее с государством в одно учреждение, которое бы просвещало народ во имя жизни на земле!

Вас разделяет и вам мешает Библия? Бросьте ее в огонь!

Вас разделяет и вам мешает вера в бога? Выкиньте ее навсегда из головы!

Вас разделяет и вам мешает христианская любовь? Гоните ее прочь! Обратитесь к истинной, неразъединяющей человеческой любви!

Вас разделяет и вам мешает Христос или какой-либо другой обожествленный религией гений? Освободитесь от очарования имен, которые лишают вас разума и сердца!

Вас разделяет бог? Хорошо! Из-за своего Иеговы и его священнослужителей Израиль истреблял мечом племена и народности; из-за богов и их священнослужителей разделяются на чистых и нечистых, ненавидят и убивают друг друга народы Востока; из-за бога Христа и его служителей христианство пылает гневом против всего нехристианского мира; уже тысячелетие оно обращает не-

ненависть против своих собственных детей, а следовательно, против самого себя; из-за богов и их священнослужителей человечество раскололось на враждующие части и каждая часть его полна взаимной ненависти; из-за бога и его служителей, и снова, и снова из-за бога и духовенства история превратилась в арену ненависти и кровопролития. Не было бы у вас бога и священнослужителей — и человечество, человек стал бы вашим богом, а единственной религией — любовь к человеку, ваши сердца наполнились бы, нравы облагородились, жизнь стала бы счастливой, страдания смягчились, ваши деяния и ваша история были бы прославлены.

Бог молчал всегда, всегда молчит и будет всегда молчать. Бог никогда не говорил, никогда не говорит и никогда не заговорит. Бога никогда никто не видел, никогда никто не видит и никогда никто не увидит. Бог никогда не действовал, никогда не действует и не будет действовать. Человек есть для человека все. Человек — дитя мира, его кровь и плоть; его жизнь и чувства — жизнь и чувства мира. Да! И желания и мысли человека — желания и мысли мира так же, как его смерть и вечная жизнь его лишь частичная смерть и всеобщая, вечная жизнь мира. Человек — творец своего мира.

Человек выдумал богов и небеса, придумал все культы и церкви, он, а не бог; человек построил государства, создал законы, он, а не бог; человек прял и прядет нить своей жизни и судьбы, а не бог; человек, а не бог, породил мир идей в искусстве и науках; человек, наконец, постоянно творит свое счастье и несчастье и все события всемирной истории, а не бог...

О рационализме

Даже с рационализмом, с этим отцом всех зол, который так страшен и ненавистен духовенству, епископы должны познакомиться и оценить его по достоинству. Он — единственное дитя древнего Ratio, что значит «разум», и, следовательно, в нем ключ к нашей внутренней сущности. Он играл, играет и будет всегда играть роль реформатора, разум, природу и сущность которого нельзя рассматривать как нечто определенное, ограниченное и замкнутое в себе, а нужно видеть в них нечто неопределенное, неограниченное, вечно и бесконечно текущее, развивающееся и совершенствующееся.

Каждой эпохе свойствен свой рационализм, и этот рационализм всегда являлся ее высшим достижением, выступал как судья и как разрушитель по отношению к прежде существовавшей неразумности и одновременно был исходным пунктом, направляющей силой и создателем более разумного будущего. Его призвание и его смысл состоят в том, чтобы на каждом этапе истории достигать наивысших вершин и указывать истории путь дальнейшего разви-

тия, чтобы приводить в систему всю проделанную человеческим духом работу и выдвигать новые идеи в качестве задач его дальнейшей работы.

Но рационализм, который встречает такое неодобрение епископов,— это мысль, отбрасывающая все авторитеты, исходящая из себя самой, опирающаяся на самое себя и себя самое развивающая. Иерархия не без основания страшится рационализма, ибо история свидетельствует против нее, ибо после того, как стало ясно, что совершалось под знаком креста, что проделывалось во имя веры, права, религии, после того как увидели, что под знаком креста побеждали ложь и обман, что под этим знаком коснели в подлости все общественные институты и что его роль низведена до обозначения причины и совокупности всяческого зла,— «именно тогда,— восклицает старик Гегель,— и именно рационализм поднял мысль в качестве знамени народов и сказал человеку: под этим знаменем ты победишь!».

О любви к людям

Последнее, о чем еще следует сказать прелату,— это о любви к людям. Самое высокое и самое сокровенное для Хорарика чувство, единственный залог будущего братства и счастья людей посмели поставить под сомнение и изобразить как чувство ложное, опасное, даже порочное. О таком бесстыдстве прелатов нельзя говорить без боли и возмущения! Хорарик взывал к высшему духовенству как к христианам: проявите любовь к протестанту-жениху, вступающему в смешанный брак, епископат не проявил ее; Хорарик взывал к высшему духовенству как к священникам: проявить любовь к католичке-невесте, епископат не проявил ее; Хорарик взывал к высшему духовенству как к священникам: проявить любовь к нему самому, епископат отказал ему и в этом.

Все это служит неопровержимым доказательством того, что у наших епископов нет ни к чему любви, кроме любви к духовному порабощению своей паствы и любви прелатов к своей божественности. Вот против этого как раз и выступает любовь к людям, которая не хочет быть ни папистской, ни церковной, ни римско-католической, ни христианской. Она торжественно выступает против лишенных любви епископов и против христианской любви, которая их предшественниками была уже превращена в противоестественную, любящую в человеке не человека, а лишь христианина.

Любовь к людям выступает против их так называемой христианской любви, которая разделяет по церквам братьев по вере, воспитывая в людях взаимное недоверие, выступает против так называемой христианской любви, которая устанавливает и сохраняет в христианском мире всяческое неравенство — имущественное, правовое, неравенство происхождения и воспитания — и таким образом

вызывает к жизни и утверждает в мире неприязнь во всех ее видах.

Любовь к людям выступает против так называемой христианской любви, которая истребляет американских индейцев, поливает землю человеческой кровью, благословляет всемогущество денег, освещает и увековечивает эгоизм в государстве и в церкви, заковывает в цепи свободу духа, свободу мысли, свободу слова и которая, наконец, под разными именами — иезуитства, ультрамонтанства, пиетизма — как вампир, гложет человечество и пьет его кровь. Так, истинная любовь к людям оборачивается против так называемой христианской любви. Она, только она правомерна, потому что идентична разуму, потому что любит человека во имя его человеческой природы, его человеческой сущности и бытия. Она — инстинкт человечества, которое вынуждено было так долго страдать, мучиться, пребывать в позоре, терзать себя и ненавидеть и которое еще шесть тысяч лет останется таким же, если не будет следовать этому инстинкту. Церковь превратила христианскую любовь в ничто и из-за своего эгоизма не оставила места для другой, более высокой и благородной любви. Вот почему человеческий дух вынес приговор христианской любви, отбросил ее и возвел в философии нового времени любовь к человеку в религию будущего, которая вместо двойственной заповеди христианской любви провозглашает простую и непосредственную любовь: уважай и люби в себе и в других превыше всего человека и человеческую сущность как истинного освободителя людей от зла, как источник человеческого блаженства. Только Человек — наш отец, наш судья, наша родина, наши закон и мера, начало и конец нашей гражданской и нравственной, общественной и семейной жизни. Нет спасения помимо Человека!

Посвящение в сан — это или тиранический и ничтожный акт или бессмыслица

Посвящение римско-католического духовенства в сан и принцип, согласно которому оно придает индивидууму сверхчеловеческие свойства и дает сверхчеловеческую власть, представляют собой чудовищный, злонамеренный, гнусный обман человечества.

Служители древних, ныне уже исчезнувших богов были священны и неприкосновенны. Такими были жрецы Ваала у вавилонян, Бэла у финикиян, Молоха у аммонитов и главные боги у греков, а также священнослужители почти у всех азиатских и европейских варваров.

Наивысшей степенью святости обладали жрецы древнего Египта. Они считались происходящими от богов, составляли особую касту, исключительное сословие и были святыми от рождения.

По образу и подобию египетского жречества Моисей создал израильское. Род Арона был родом священников, принадлежав-

шие к нему были святыми от рождения, избранниками бога, первосвященник — даже гласом самого Иеговы.

И у нынешнего человечества есть свои жрецы, т. е. почитаемые священники, обожествляемые индивиды и классы. В Китае и сегодня император — святой бог, предназначенный к этой роли благодаря своему происхождению, мудрости и справедливости.

Монголы и их единоверцы считают святыми лам, в которых вселяется дух богочеловека Будды.

У современных индусов мы находим и ныне подобную египетской касту жрецов. Да еще в наши дни брахманы Индии составляют род ставшего человеком бога Брахмы, который, как верят в Индостане, продолжает существовать во плоти в виде касты брахманов и неустанно трудиться над спасением людей. Брахманы поэтому рассматриваются и почитаются как обожествленные люди.

Еще древние мыслители с презрением высмеяли такую святость, такое обожествление духовенства. Христиане не находили ничего более бессмысленного, ничего более предосудительного, чем многобожие, когда каждый жрец рассматривался как сверхчеловек. И все же само христианство поддавалось тому же обману. Первоначальные старейшины христианской церкви стали вскоре жрецами, священными, божественными, неприкосновенными, сверхлюдьми. О китайском сыне неба, о монгольских ламах, индийских брахманах повсюду в христианском мире судят ныне со снисходительной усмешкой, и, кажется, более всего наши католические священники. И однако они принадлежат к тому же роду, к тому же разряду освящаемых, получивших от бога особые полномочия сверхлюдей.

Но надо же принять в расчет разницу в условиях появления и в сущности языческого и нынешнего католического духовенства.

В те далекие времена народ не составлял никакой ценности, он не сознавал даже своей принадлежности к человечеству. Такими были рабы, создавшие удивительные сооружения Египта и Вавилона, таковы рабы Индии, которые в своем фанатизме презирают и убивают самих себя. Над такими народами могла и может, естественно, возвыситься благородная раса как некая сверхчеловеческая.

У народов тех времен не было даже никакого достоинства, потому что они не имели ни образования и права, ни воли, ни самосознания и чувства чести. Над такими народами могла и может стоять каста жрецов-сверхлюдей, вобравшая в себя, сообразно существовавшим условиям, все человеческое достоинство.

Народы тех времен жили во тьме, не обладали интеллектом, необходимым для организации общественной жизни, для того, чтобы образовать государство, управлять им, обеспечить его всем необходимым, охранять. Поэтому им нужна была каста жрецов-сверхлюдей, которая обладала интеллектом.

Наконец, народы тех времен жили целиком и полностью стремлением вырваться, хотя бы после смерти, из земного рабства и

достичь неземной свободы и блаженства. Наместники бога, жрецы, были необходимы рабам, ибо они открывали перспективы приятной жизни по ту сторону могилы и утешали униженных, измученных рабов божественными иллюзиями. В соответствии с этим ложная святость духовенства приобретала видимость естественности, права справедливости.

Но в наше время, в XIX в., каждый нормальный человек создает свою бесспорную, неотъемлемую ценность как человека, которая состоит в человеческом бытии, в рождении для свободной жизни, сознает свои способности, свою полезность для других людей и для всего общества в целом. И предательством по отношению к человеку, бессмыслицей является стремление принизить ценность человека и поставить над ней некую сверхчеловеческую священническую ценность.

Теперь у людей достаточно достоинства, ибо они обладают привилегиями и правами, являются частицами самостоятельного государства, основой конституции, своего рода творцами создаваемых законов или, по меньшей мере, отцами семейств, ревнителями всеобщего блага, защитниками отечества. В таких условиях было бы предательством по отношению к человеческому достоинству ущемлять его или заменять каким-либо священническим достоинством.

Теперь достаточно света и интеллекта, чтобы добиться блага для человечества, чтобы реорганизовать общество в государство, заложить основы гражданской жизни и свободы, руководить государственной жизнью, осознать высокую цель народного воспитания и осуществлять ее. И было бы лишь предательством по отношению к современному человеческому интеллекту, нетерпимой помехой в государственных и общественных делах противопоставлять или навязывать ему авторитет сверхчеловеческого священнического интеллекта, не являющегося более человеческим.

Наконец, теперь, когда жизнь освобождена от цепей рабства и приобрела более мягкие, свободные, тонкие и дружелюбные формы, когда все смертные, включая священников, так привязаны ко всему светскому и человеческому, к радостям, которые дают нам наш интеллект и наши собственные занятия, что люди уже не столь горячо вздыхают по небесному блаженству или вообще перестали нуждаться в божественных руководителях, обожествляющее себя духовенство и его вознесение над людьми полностью превращается и уже превратилось в нечто, достойное сожаления и осмеяния.

У язычников обожествляемые люди становились таковыми либо вследствие своего происхождения, как в Египте, Индии, Израиле и Китае, либо в результате всеобщего признания их исключительности, как ламы буддистов и китайский император, либо, наконец, благодаря увлекательным, полным таинственности церемониям, как жрецы Молоха, Ваала, греческих богов, друиды и т. д.

Христианское римско-католическое духовенство, напротив, приобретает святость и возвышается над людьми не в результате своего

происхождения или всеобщего признания, не посредством упомянутых церемоний, а благодаря чуду из чудес — так называемому посвящению в сан, или, иными словами, благодаря: 1) святому помазанию; 2) епископскому рукоположению; 3) епископской молитве; 4) клятве, которую дает посвящаемый «богу, епископу, пребывающему вне страстей духовенству»; наконец, 5) противоестественному обету безбрачия — целибату, неизвестному языческим жрецам. Помазание, рукоположение и молитву христианское духовенство унаследовало от евреев, клятву, целибат — от служителей Будды, от эссено-израильских и раннехристианских отшельников и аскетов. Преимущество католических священников перед языческими жрецами классической древности состоит не в чем ином, как в безбрачии, но именно это-то и снижает их ценность, ибо языческие жрецы были отцами по закону, а следовательно, представляли собой большую ценность.

Итак, благодаря заклинаниям и ужимкам епископа масло становится священным, приобретает чудесную силу освящения, способность вбирать в себя святой дух и переносить его на того, над кем совершается помазание, способность преисполняться божеской милости и передавать ее посвящаемому, возвышая человека над людьми и приобщая его навечно к самому высокому служению богу! И все это благодаря маслу!

Рукоположение и молитва епископа, посвящающего в сан, также чудесным образом делают грешного человека вместилищем божественной власти, отделяют его от остальных людей, уподобляют его ангелу, наполняют его святым духом, прославляют и превращают священника в отпускающего греха, во властителя чистилища, во владеющего телом и кровью Христа, в открывающего врата небес.

Венчает посвящение клятва. Тот, над кем свершается помазание, клянется богу и Христу содействовать лишь их делу, заботиться лишь об их царстве и лишь о его расширении. Он клянется далее церкви и ее главе — папе — всем своим существом оставаться преданным только им; клянется епископу лишь ему повиноваться, клянется епископству только ему служить; клянется духовной касте принадлежать только ей, жить только ее жизнью, посвящать себя лишь ее задачам, любить только ее друзей, вести лишь ее борьбу. Следовательно, он не дает клятвы человечеству содействовать его благу, его счастью, не присягает государству уважать его авторитет и посвящать себя его задачам, не присягает конституции, обещая соблюдать ее и тем помогать ее укреплению, не присягает государственным законам, обещая повиноваться им и не предпочитать никаких других, не клянется родине жить и умереть за нее и вместе с ней.

От всего этого он благодаря своей клятве послушания и обету безбрачия отрекается, изменяя интересам человечества и становясь принципиальным противником его земного спасения. Он — прин-

ципиальный противник и душитель мирской истины, он враждебен светской мудрости, враждебен обществу; враждебен человеческой природе, враждебен науке, враждебен человеческой свободе, семье, враждебен государству, его учреждениям, его процветанию, враждебен мысли, враждебен разуму, враждебен духу; одним словом, он враждебен всему мирскому, которое он в силу своей профессии учит ненавидеть и призывает побороть, разрушить и по его развалинам перейти в царствие небесное.

Посвящение в сан дает ему право и налагает обязанность свершать таинства, провозглашать единственной истиной непостижимое, ложное учение о небесном блаженстве, а светлые человеческие истины ставить под сомнение, опровергать и отбрасывать; он обретает право и обязанность надзирать над семьями, опекать их совесть и мешать их счастьем, подчинять себе разум и души их детей с самого младенчества, воспитывать в народе унижительную покорность и слепое послушание, т. е. то, что является главнейшей предпосылкой всякого рабства; его правом и обязанностью становится выпытывать на исповеди настроения и чувства верующих, не допускать какого-либо пробуждения мысли, подавлять всякое движение разума, предавать всякую свободу, давать ей отпор или доносить о любом ее проявлении, наконец, наблюдать за школой и опекать человеческий дух.

Связанный с посвящением обет безбрачия превращает священника в чудовище, а все таинство посвящения — в противоестественный акт, воспринимавшийся и воспринимаемый в любом человеческом обществе, в любом кругу граждан как нечто чуждое, стоящее вне человечества, противное человеку, зловещее, оскорбляющее самые глубокие основы человеческой личности.

Таковы неизменно характерные черты *in debilis* римско-католического посвящения, которое, как мы показали выше, является величайшим обманом и ложью.

Выступление Хорарика в защиту полной свободы совести

Наше время предъявляет к государству следующие требования.

Оно должно, наконец, завершить законодательство, касающееся церкви. Другими словами, государство должно давать право не только исповедовать любую религию, но и не исповедовать никакой, предоставить гражданам полную свободу в вопросах веры. Таково именно веление времени. Ибо эта «новая свобода» — свобода совести, свобода от догм — уже существует фактически, хотя она еще не окрепла, хотя ей еще грозят опасности. Правда, эти опасности не слишком пугают ее. В сердцах тех, кого она завоевывает на свою сторону, она зажигает вечное пламя, которое наверняка

охватит весь цивилизованный мир и испепелит в нем все накопившееся зло. Опасностью для авторитета государственной власти является поэтому ее неспособность дать дорогу новому духу этой новой свободы и использовать его в своих интересах, вместо того, чтобы отталкивать его и тем самым восстанавливать против себя в качестве враждебной силы.

Одобренный Хорариком венгерский закон удовлетворил, конечно, чувство собственного достоинства народа, но не полностью, так как существуют тысячи людей, которые ушли дальше этого закона, тысячи уже не принадлежат к церкви, тысячи даже не являются христианами, очень многие вообще не веруют в бога.

Всех их закон не удовлетворил, все они духовно несвободны и вынуждены лицемерить или, может быть, невольно стать той средой, в которой начнется опасное для государства брожение. От этого страдают все страны христианского мира. Абсолютная власть государства в области духовной жизни, чудовищный произвол цензуры, мракобесие многоликого иезуитизма, заигрывание короны с тиарой — все это дает представление, что приходится претерпевать человеческому духу. К чему еще слова? Согласно закону, который лежит в основе существовавших до сих пор у нас конституций, тому, кто не признает церкви и не верует в бога, нет места в стране, где он родился, провел детство и юность, делил со своей родиной радость и горе. Здесь государственное правосознание испытало на себе дурное влияние церкви, которая стремится подчинить себе школу, эту искусственно сдерживаемую, но теперь уже несомненно возросшую силу человеческого общества. Посмотрим теперь, как представляется нашему взору церковь и школа в истории человечества.

Критика церкви в историческом аспекте

Церковь появилась на свет как своего рода коммунизм, руководствуясь следующими принципами:

- 1) Жизнь в боге и во Христе ради небесного блаженства.
- 2) Отказ от познания мира, которое ничтожно и бессмысленно перед лицом бога.
- 3) Братство, равенство, мир на земле.
- 4) Долготерпение до самой смерти.
- 5) Объявление войны плоти и ее вожделениям.
- 6) Объявление войны суетности мира.
- 7) Любовь к ближнему.
- 8) Изгнание раскольников.
- 9) Отделение от нехристиан.
- 10) Неучастие в политике.
- 11) Полная покорность по отношению к государственной власти.
- 12) Кесарю кесарево.

Воплощая в жизнь эти принципы, развиваясь, церковь достигла своего совершенства в самой строгой нравственности монтаньяров, в презрении к жизненным благам со стороны мучеников, в целомудрии и отказе от счастья на земле восточного монашества, в самоистязании отшельников, в невежестве средневековья и в государстве рабов в Парагвае.

Дальнейшая история церкви представляет собой неприглядную картину вырождения упомянутых принципов.

Первый и двенадцатый принципы породили, естественно, полнейшее рабство перед богом и перед императором. Второй — ненависть к мыслящим или желающим мыслить. Третий превратился в возмутительное неравенство и вечные раздоры. Четвертый стал источником неслыханной злобы и мести. Вопреки пятому принципу почитание плоти было доведено до поклонения разврату. Шестой был побежден себялюбием и корыстолюбием. Седьмой свелся к черствому сектантству. Восьмой был смыт человеческой кровью. Девятый проявлял себя не раз в истреблении народов. Десятый принцип стал поводом для того, чтобы причинять государству беспокойства, и породил стремление к разрушению государства. Одиннадцатый принцип валил наземь то князей, то народы.

Так все принципы церкви сами себя опровергли, превратясь в ложь, и, изгнанные из жизни, сохранились до наших дней лишь как теория, как окаменевшие догмы, как бич человечества. Первоначально демократическое устройство церкви очень скоро стало аристократическим из-за обособившегося духовенства. Над этой аристократией вознесся скипетр епископской олигархии, над этой олигархией, наконец, — деспотия папы. И устрашающая иерархическая пирамида была воздвигнута. Народ стал лишь пассивной массой. Церковь попала в руки так называемого духовного сословия, которому были подчинены люди, их мысли, их воля, их внутренняя жизнь. Так в ходе истории человеческий дух попал в неволю к христианской церкви, где сверху вниз распространялись произвол и гнет. Исчезновение равенства и образование духовенства, высокомерие, властолюбие, алчность олигархов, раздоры между ними — все это привело ко всякого рода испорченности. Весьма многие отвернулись от церкви, как обесчещенной и недостойной. Другие вступили с ней в спор о смысле различных положений вероучения, так что вся история церкви превратилась в брань и раздоры между духовенством, в брань и раздоры с учеными, в брань и борьбу с раскольниками и еретиками, в брань и борьбу церковью друг с другом до тех пор, пока их ярость не остывала или не задыхалась в кровопролитии.

С I по III столетие на сцене действовали: ереси Фелициссима, Новатиана, Мелетия, гностики и манихеи, иудействующие, фанатическо-аскетические и рационалистические секты; в IV—VI столетиях: ариане и донатисты, на смену которым пришли антицерковные секты присциллиан, аудиан и хипсистериев; VII—IX века пробудили павликиан; с ними перекликались в IX—XI столетиях западные секты и греческие раскольники. В XI—XIII веках неудержимо распространялась секта богомилов, одновременно с ними возникли реформаторские секты; апостольские братья, вальденсы, альбигойцы. В XIV—XVI зародились братья свободного духа

(Fratres liberi Spiritus), самобичевальщики (флагеланты), наконец, наводящие ужас гуситы. В XVI—XIX столетиях вступили в бой лютеране, кальвинисты, антитринитарии, унитарии, перекрещенцы, квакеры, индипенденты, пресвитериане, епископалы, моравские братья и др. В наше время появились немцы-католики.

Рядом с образованием сект шли споры о вероучении: в I—III столетиях с евреями, с язычниками и с раскольниками; в IV—VI столетиях разгорелись споры: арианский, оригенистический, несторианский, евтихианский, монофизитский, пелагианский; в VII—IX столетиях — монофелитский, адоптианистский и вызывающий ужас иконоборческий; IX—XI века породили споры о предопределении о причастии. К XI—XIII вв. относятся споры схоластов, подавление бюргерской ереси Арнольда Брешианского, наряду с церковно-политическими распрями восточного и западного высшего духовенства. В XIV—XVI вв. шло движение против чрезмерной власти папы и неупорядоченной церковной дисциплины. В XVI в. разгорелась борьба вокруг отпущения грехов и началась реформация.

Из адского пламени этой внешней и внутренней борьбы вышли на свет все чудовища — недоверие, гордыня, стеснение свободы совести, жажда власти, мстительность, кровожадность, жажда истребления. Церковная олигархия разжигала вражду, втягивала в борьбу князей, составляла военные планы, возглавляла борющихся и превратила арену истории в поле битвы. Под влиянием епископата были созданы тысячи судов, были построены папские, епископские, княжеские тюрьмы, виселицы, эшафоты, содержалось бесчисленное множество палачей. В ход были пущены миллионы орудий пыток, мечей, костров. И надо всем этим возвышалась кровавая инквизиция. И все это, освещенное великим множеством костров, представляло собой импозантное и жуткое зрелище. Там лежат останки Присциллиана, Готшалка, Арнольда Брешианского, Генриха Лозаннского, Кампанеллы, Петра Рамуса, там пепел Давида Динантского, Петра Брузинского, героического Гуса и его друга из Праги, а также Савонаролы и мыслителей Бруно и Ванини; там гниют кости изгнанников вместе с бесчисленными трупами негров — жертв христианской работорговли. И все это, влекомое временем, несется в потоке крови. Это кровь византийских иконоборцев, кровь ариан, донатистов и павликиан, кровь сарацинов, альбигойцев и храмовников, кровь реформации, кровь гугенотских войн, кровь Нидерландов, кровь американцев, кровь братоубийственной Тридцатилетней войны. Тот, кто наблюдает это, удивлен, потрясен, огорчен и возмущен до глубины души. Черный ангел христианской ненависти парит, торжествуя, над скопищем ужасов и спрашивает с насмешливой улыбкой: и это есть восемнадцативековое царство твоего бога? И христианин краснеет от стыда.

Школа не желает подчиняться церкви, признавая лишь власть государства

В соответствии с природой вещей мы чтим государство и его главу, свято чтим гражданские права и законы и не нуждаемся для этого ни в каком церковном или священническом поучении, воспитании, равно как не нуждаемся ни в какой церковной опеке, в церковной дисциплине и выучке ради царства небесного. Более того, мы требуем вычеркнуть наши имена из списка тех, кому уготовано вознесение на небеса. Нам многое надо сделать в этой жизни, в этом мире, для нас самих, для наших семей, для наших общин, для нашей родины, для человечества.

Государство и его бесконечно совершенствующиеся институты предоставляют нам достаточно возможностей для приложения наших способностей, необходимое поприще для нашей деятельности, они рьяно охраняют нашу честь, предоставляют немало средств для нашего совершенствования, достаточно благ, чтобы удовлетворить нас; наконец, в государственной жизни хватает места для своего рода бессмертия. Мы не хотим больше бездушно посвящать себя нашему единственному Я, заниматься нашими грехами, нашим ничтожеством перед богом, нашими отношениями к нему или к его сыну или к мнимым его служителям, не хотим ни бесславного смирения, раскаяния и самоуничтожения, ни страха перед потусторонним будущим. Наш долг перед обществом, перед человечеством состоит в другом, нам нужны другие и гораздо более благородные чувства, другие добродетели, другие обеты, другие задачи, другие дела, другие стремления, а не подобное убожество. У нас есть свои собственные судьи, и нам не пристало ждать небесного суда.

Наших детей не должны принуждать к посещению церковной школы, подвергать их впредь церковному воспитанию, мы хотим отныне, чтобы наших детей обучали и воспитывали во имя общечеловеческого. Так пусть же государство создаст школы, полностью свободные от церковного влияния, и организует таким образом свободное народное образование, воздвигнет другие храмы, а именно храмы жизни, науки, искусства, храмы подлинной человечности, человеческого величия, человеческой красоты и предоставит всем гражданам выбор — какими пользоваться школами: этими светски-государственными или церковно-государственными.

Мы выступаем против церкви как школы ненависти, но тем самым мы никоим образом не переходим, как это предусмотрено государственным законом, в какую-либо другую церковь; мы переходим к государству и с самого начала обращаемся к нему с просьбой защитить от клеветы церковников наш разум, мысли, нашу личность, наши неотъемлемые человеческие права и, со своей стороны, не отдавать нас под власть какой-либо церкви. Государство должно быть впредь нашей единственной опорой, нашим господом и нашим небом...

Но в соответствии со всем этим государственная власть должна со всей последовательностью быть не государственным насилием, не государственным авторитетом или государственным благоразумием, а государственным разумом. Государство должно, если оно хочет, приносить счастье, а не угнетать, находиться на вершине истории и современности, не быть привязано к Ватикану, к вере, к небу, но, постепенно взяв инициативу в свои руки, обратиться к философии и направить государственный корабль по течению, которое соответствует духу времени. Оно должно уже теперь избрать иную цель, стать на иную почву, чем та, которая свойственна религии, должно стремиться к воспитанию людей и граждан, а не будущих жителей небес, обратить в закон устно и письменно выраженное сознание нации и осуществить его при помощи новых учреждений, должно превратить слугителей бога в слугителей человечества и поборников народного просвещения, а церковь — в грандиознейшее учреждение, осуществляющее это просвещение.

Уже раньше существовали люди, бывшие в ссоре с церковью и небом. В наше время таких людей не перечесть. Возьмет ли государство на себя роль судьи там, где небо не может судить, где церковь уже давно потеряла всякие права, и прижмет ли оно к своей груди отпавших от церкви, упоенных любовью и вдохновленных желанием служить всеобщему благу? Сможет ли государство в этом случае признать достоинство за гонимыми? Признать их в качестве полноправных граждан? Оградить их от всякой несправедливости и от всяких несчастий, доверять им так же, как принадлежащим к церкви? Открыть им доступ к государственным должностям? Разве государственная власть могла бы решиться на то, чтобы отнять у них гражданские права, подвергнуть их наказанию, бесчестью, лишить их куска хлеба? Разве была бы власть справедливой, гуманной, если бы она действовала таким образом? Ни в коем случае!..

Мы видим, что около восседающей на троне государственной власти располагаются: справа — церковь, слева — школа; или: справа — священники, слева — мыслители; справа — вера; слева — разум; справа — религия, слева — мораль; справа — теология, слева — философия; справа — Библия, догматы, молитвенники, книги песнопений и проповедей и все прочие средства одурманивания людей, слева — фаланги искусств и наук — освободителей человека и его духа; наконец, справа — пустая химера небесного блаженства, слева — полная содержания картина земного счастья.

Государственная власть должна решить, должна выбрать из них соратников и претендентов. Человечество ждет этого решения с великим нетерпением, и гуманность широко раскрыла объятия цивилизованному христианству.

Примечания

- Стр. 10. В некоторые периоды называлось *Национальное собрание*.
- Стр. 20. *Az értelemnek keresése e világnak testében és hatása annak ismeretében*. Написаны в 1804 г. Впервые опубликованы в венгерском философском журнале «Вестник философии» («*Filozófia* Ertesítő»), № 1, 1955 и № 2, 1956. Данный перевод сделан по этому журналу.
- Стр. 25. *Бербете Истрати* — крепостной крестьянин.
- Стр. 39. Так озаглавлены составителем отрывки из различных работ Бешеньей, опубликованных в «Избранных произведениях» (Будапешт, 1961). Перевод на русский язык, как и все последующие отрывки, сделан по этому изданию.
- Стр. 40. Впервые изданы в Вене в 1779 г.
- Стр. 42. Издана в Вене в 1778 г. В этой работе автор выдвинул план развития венгерского языка и литературы.
- Стр. 42. *Ако* — мера емкости (50, 80 л).
- Стр. 43. * Неизданное произведение, написанное в 1802 г. Содержит систематическое изложение истории Древнего Рима и размышлений о политической и общественной жизни римского народа.
- ** Написано в 1804 г., впервые издано в 1930 г. по инициативе преподавателей средних школ на средства родителей учащихся. В романе критикуются религия и церковь.
- *** Написано в 1777 г., впервые издано в 1930 г.
- **** Неоконченная работа по теории государства и права (1778 г.). Впервые издана в 1930 г.
- Стр. 44. *Главный ишпан* — глава комитата во времена феодализма и буржуазно-помещичьего строя в Венгрии.
- Палатинус* — должностное лицо, наместник венгерского короля, обладавший военной судебной и фискальной властью.
- Стр. 47. Автобиографическое произведение, написанное в 1803—1808 гг. и впервые опубликованное в 1894 г.
- Стр. 48. * Философская поэма, написанная в 1802 г. по случаю большого пожара в городе Дебрецене. Издана в 1823 г.
- ** Написано в 1781 г. и издано в 1790 г.
- Стр. 51. Дидактическая поэма Бешеньей (1794—1801). Опубликованы лишь отдельные отрывки.
- Стр. 52. * Работа Бешеньей по философии истории (1804).
- ** Одна из первых работ Бешеньей, посвященная вопросам культуры. Издана в Вене в 1777 г.

- Стр. 55. *S. Filozófiai írások*. Впервые опубликованы анонимно на французском языке в 1788 г.; на венгерском языке впервые изданы в 1956 г. (вступительная статья и комментарии акад. Ласло Матраи). I, II, III, IV и VIII главы, помещенные в данной книге, переведены на русский язык с последнего издания.
- Стр. 60. *Братство розовых четок* — религиозное конгрегационное общество.
- Стр. 62. *Капуцины* — монашеский орден, основанный в 1525 г. Капуцины оказывали большое влияние на Габсбургов.
- Стр. 63. *Теория души и теологии* — реакционная схоластическая теория; Мартинович критикует спекулятивное идеалистическое учение о душе и «естественную теологию» (*théologi naturelle*).
- Стр. 70. Мартинович часто ссылается на вторую часть своего философского труда, которая, по его утверждению, вышла одновременно с первой частью, но до сих пор не обнаружена.
- Жизненная сила* — термин особенно часто упоминающийся в философских работах Мартиновича, который в отличие от своего учителя Гольбаха, считал, что чисто механистическое понимание силы не может объяснить высших форм движения. В объяснении явлений жизни и нервной деятельности Мартиновичу не удалось подняться до диалектического понимания, однако он дал им более точное определение, чем многие его современники.
- Стр. 71. Вслед за Гольбахом Мартинович тоже принимает теорию самозарождения, согласно которой из смеси органических веществ стихийно могут возникнуть живые существа.
- Стр. 87. *Нервный флюид* (*fluidum nervosum*) — понятие, применявшееся в медицине XVIII в. В объяснении природы нервного флюида Мартинович уступает Гольбаху, который сравнивает это вещество с электрическим флюидом и не считает его родственным с флогистоном.
- Стр. 104. *Görög filozófia*. Неоконченная работа (1823 г.). Впервые опубликована в четвертом томе первого издания собрания его сочинений в 1842 г. Перевод фрагмента из названной работы сделан по трехтомному собранию сочинений (Будапешт, 1960).
- Стр. 108. Цит. по кн.: Овидий Назон. *Метаморфозы*. Изд-во Academia, 1937, стр. 3—4.
- Стр. 115. *Töredékek a vallásról*. Написана в 1815—1816 гг. Отдельные части были опубликованы в журнале «Жизнь и литература» (*Élet es literatura*) в 1827 г. Перевод сделан по трехтомному изданию. Будапешт, 1960 г.
- Стр. 120. *Hitél*. Работа написана в 1830 г., когда один из венских банков отказал И. Сечени в незначительной ссуде. Либеральные идеи, высказанные в этой работе, вызвали резкий протест консервативного дворянства. Свой ответ на выступления консерваторов И. Сечени изложил в работе *Мир* (1831), которую можно считать прямым продолжением и дополнением *Кредита*. Работа *Кредит* напечатана в собрании «Трудов Иштвана Сечени» (1884—1905), затем в «Полном собрании трудов Иштвана Сечени» (1921—1939) и в отдельных изданиях. Данный перевод отрывков сделан по «Избранным произведениям Иштвана Сечени» (Будапешт, 1960).
- Стр. 121. *Андраш II* (1175—1235) — король Венгрии, организатор крестового похода 1204—1235 гг.

Стр. 122. *Комитат Хевеш* — область в северной части Венгрии; административный центр — г. Эгер. *Комитат Бачкай* — область в северо-восточной части Югославии, между Дунаем и Тиссой.

Купа (XI в.) — один из вождей язычников, отказавшихся признать христианство и королевскую власть в Венгрии.

Стр. 123. *Кёрёш*, *Бодрог* — притоки Тиссы. *Ханшаг* — северо-западный район Венгрии, в прошлом болотистая местность.

«...на синем хрустале *Амфитриды*» — (миф. супруга Посейдона — бога морей). Сечени здесь намекает на неиспользованную возможность вывоза венгерских сельскохозяйственных продуктов морским путем.

Стр. 124. *Пенгё* — денежная единица Венгрии в первой половине XIX в.

Стр. 129. *Сегед* — крупнейший город на юге Венгрии, на берегу Тиссы. *Хортобать* — степь на востоке Венгрии, в бассейне Тиссы.

Стр. 137. Статья, напечатанная в газете «Хирлап» (*Hirlap*), (1846). Помещена в XIII томе «Полного собрания сочинений Лайоша Кошута» (Будапешт, 1911). Перевод статьи сделан по этому изданию.

Стр. 138. ...закон о барщине 1836 г. — внес лишь незначительные изменения в старые законы; по старым законам участок крепостного был определен в зависимости от качества земли, в размере от 25 до 52 хольдов (хольд — $\frac{1}{2}$ га). По этому закону для крестьянина устанавливались барщина: 52 дня с тягой и 104 дня без тяги, отменена была лишь «малая» (девятая) доля от сбора овощей и от вторичного посева; кроме того, закон обязал дворян, живущих на крепостных участках, платить налоги.

Стр. 140. ...позицию Австрии по финансовым вопросам... — Австрия хотела включить Венгрию в свою таможенную унию, но отказала ей в участии в прибылях от пошлин; Кошут разгадал стремления Австрии задушить слабую венгерскую промышленность, которая не выдержала бы конкуренции с австрийской; поэтому он предложил создать самостоятельную таможенную систему и такие финансовые организации, которые способствовали бы развитию отечественной промышленности.

...беспорядки, произошедшие в Галиции... — Л. Кошут ссылается на крестьянское восстание в Галиции и на оккупацию Кракова Австрией в феврале 1846 г.

...второе издание эпохи Марии-Терезии — имеется в виду возможность повторения так называемого «просвещенного абсолютизма» (вторая половина XVIII в.).

Стр. 141. Введение Л. Кошута к его работе *О Государственном собрании 1832 г.*, которая была лишь недавно обнаружена старшим научным сотрудником Института истории Венгерской академии наук Иштваном Барта.

Стр. 142. *Misera plebs contribuens* — несчастный народ-налогоплательщик.

Стр. 144. *Вербечи Иштван* (1458—1541) — венгерский политический деятель и правовед, идеолог венгерского дворянства. Вербечи составил свод законов («трипартитум»), согласно которым крестьяне были лишены всяких прав на землю и отданы на полный произвол помещиков.

Стр. 148. Речь Кошута, произнесенная 24 сентября 1848 г. Как известно, руководитель Венгерской революции Кошут ездил по городам Венгрии, чтобы поднять народ на борьбу с контрреволюцией, возглавляемой хор-

ватским баном Елашичем. Данный перевод сделан по «Полному собранию сочинений Лайоша Кошута» (Будапешт, 1911, т. XIII).

Стр. 149. *Филлер* — мелкая разменная монета в Венгрии, равная $\frac{1}{100}$ форинта.

Стр. 150. *На прошлой сессии Национального собрания...* — последнее собрание в Пожоньи (12 ноября 1847 г. — 11 апреля 1848 г.), принявшее решение о всеобщем налогообложении и отменившее в Венгрии барщинные отношения.

Стр. 151. *Рацы* — народность южных славян в Югославии, участвовавшая в контрреволюции против Венгрии в армиях Елашича.

Стр. 154. Речь, произнесенная 4 октября 1848 г. Впервые опубликована 15 октября 1848 г. в газете «Хирлап». Перевод сделан по упомянутому выше изданию.

Стр. 158. *Nepköltészetről*. Вступительный доклад при избрании Эрдеи в Общество имени Кишфалуди — литературное общество, названное по имени Кароя Кишфалуди (1788—1830), венгерского драматурга, создателя венгерской социальной комедии и романтической драмы. Доклад (1842) впервые опубликован в «Ежегодниках Общества имени Кишфалуди», 1842—1843 гг. Данный перевод сделан по «Избранным произведениям» Я. Эрдеи (Будапешт, 1961).

Стр. 160. *Райские земли* — в XIX в. так часто называли древний Китай.

Вместо крови у людей расплавленное железо текло по жилам — слова немецкого писателя, по-видимому, Гердера.

Стр. 161. *Перси, Томас* (1728—1811) — собиратель и издатель древних английских и шотландских баллад.

Карадсити, Стефанович Вук (1787—1864) — крупный представитель сербской литературы; разработал программу реформы сербского языка, издавал сборники народного творчества.

Леннрот, Илья (1802—1884) — финский литературовед, собиратель народных песен; И. Леннрот придал законченную форму финскому народному эпосу «Калевала».

Стр. 162. *Самый первый среди венгров есть король* — дворянский лозунг эпохи феодализма.

Стр. 166. Из стихотворения Верешмарти (1800—1855) *Воззвание*.

Верешмарти Михай (1800—1855) — выдающийся венгерский поэт периода реформ и борьбы за независимость Венгрии, сторонник Кошута. В первый период своего творчества в исторических поэмах и драмах стремился пробуждать национальное самосознание. В поэме *Две соседние крепости* критикует феодальный мир, жестокие отношения между людьми.

Стр. 168. *Тиноди Шебештьян* (XVI) — известный венгерский сказитель; воспевал борьбу венгров против турок.

Стр. 170. *Egyéni és eszményi*. Написана в 1847 г. Впервые опубликована в «Венгерском литературном обозрении», июль — декабрь 1847 г. Перевод сделан по «Избранным произведениям» Эрдеи (Будапешт, 1961). В середине XIX в. философская терминология в Венгрии еще только формировалась, поэтому некоторые термины еще не были четко дифференцированы. Термин «*eszményi*» Эрдеи употребляет в смысле «идеальное» и в смысле «идеа-

лизированное». Термин «egyéni» трактовался им как «индивидуальное» и «индивидуализированное».

Стр. 172. *Старая школа* — Эрдей имел в виду эстетические взгляды французских материалистов XVIII в.

Стр. 173. То, о чем он мудро умалчивает, он делает мастерски.

Стр. 175. Цит. по кн.: И. Винкельман. История искусств древности. Гослитиздат, 1933, стр. 133—136.

Стр. 179. Эрдей дает здесь упрощенный смысловой перевод. По Шиллеру дословно так: «Предмет побуждения к форме, выраженный общим понятием, называется образом как в прямом, так и в переносном значении слова; это понятие, охватывающее все формальные свойства предметов и все отношение их к мышлению». (Шиллер И. Ф. Собрание сочинений, т. 6. М., 1957, стр. 298).

Стр. 180. *Казинци Ференц* (1759—1831) — венгерский филолог, критик и поэт, участник тайного общества «Венгерских якобинцев». С 1794 по 1801 г. Казинци провел в австрийской тюрьме. Он известен как руководитель движения за обновление венгерского языка.

Стр. 181. *Бюст Чоконаи* — работа крупного венгерского скульптора Иштвана Ференца (1792—1856). *Чоконаи Витез Михай* (1773—1805) — выдающийся венгерский поэт, сторонник идей просвещения и национального возрождения.

Скульптура Ференца — Речь идет о бюсте императора *Франца II* работы И. Клиебера.

Бержени Даниел (1776—1836) — выдающийся венгерский поэт. В своих ранних стихотворениях подражал античным поэтам и воспевал прелести сельской жизни. Д. Бержени написал также патриотические стихи, в которых призывал к просвещению народа и критиковал дворянство, ведущее страну к гибели.

Антикритика против Кельчеи — речь идет об ответе Даниела Бержени на критику его стихотворений Кельчеи в 1817 г., который обвинял Бержени в убожестве мыслей и провинциализме.

Стр. 182. *Цыгане из Надьиды* — сатирическая поэма венгерского поэта-классика, друга и соратника Петефи — *Яноша Араня* (1817—1882).

Хари Янош — комическая поэма венгерского поэта Яноша Гаран (1812—1853) об отставном солдате, бескорыстном воре и фантазере, рассказывающем с народным юмором о представителях высшего света.

Байза Йожеф (1804—1858) — венгерский поэт критик, сотрудник и редактор прогрессивных журналов и газет. Известен как крупный теоретик прогрессивного романтизма в Венгрии; отличался превосходным полемическим талантом и высокой принципиальностью.

Стр. 183. *Сонтаг, Густав* (1793—1858) — представитель так называемой философии соглашения; отрицал противоположность между материализмом и идеализмом.

Стр. 187. *A hazai bölcsészet jelene*. Первые восемь глав данного очерка были опубликованы в газете «Пештский Дневник» (Pesti napló) с 22 марта по 10 мая 1856 г. Полный текст очерка (16 глав) вышел в 1857 г. в городе Шарошпатаке. В работе критикуются представители «философии соглашения» — С. Сонтаг и Я. Хетеньи. В книге дан перевод последней шестнад-

цатой главы, сделанной по «Избранным произведениям» Я. Эрдейи (Будапешт, 1961).

Стр. 190. Венгерская академия наук была основана в 1826 г. по инициативе руководителя дворянского реформистского движения Иштвана Сечени.

Балог Пал Альмаши (1794—1867) — венгерский врач, автор научных произведений; написал историю венгерской философии.

Хегенш Янош (1786—1853) — историк, автор книги по истории венгерской философии.

Стр. 191. *Чокаш Петер Ласкои* (вторая половина XVI в.) — реформатский священник и директор школы, автор труда по философии «О человеке» (1583).

Пошахази Янош (XVII в.) — профессор в городе Шарошпатаке, противник учения Декарта.

Шартори Бернат (1735—1801) — священник-минорист, написал книгу «Философия на венгерском языке» (1772).

Розгоньи Йозеф (1756—1823) — профессор философии в городе Шарошпатаке; автор ряда работ, направленных против философии Канта.

Стр. 192. *Салаи Ласло* (1813—1864) — венгерский историк, писатель и литературовед, автор большого труда по истории Венгрии. *Телеки Ласло* (1810—1861) — венгерский историк и политик, сторонник Кошута. *Толди Ференц* (1805—1875) — венгерский литературовед и историк литературы.

Трансильванский исторический сборник, Венгерские исторические памятники — периодические издания в Венгрии в первой половине XIX в.

Стр. 199. *Történeli Névtár*. Работа написана в 1847, вышла из печати накануне венгерской буржуазной революции в начале 1848 г. Содержит теоретические очерки и жизнеописания исторических личностей. Второй раз сборник увидел свет лишь сто лет спустя под названием «Избранные политические произведения Пала Вашвари». В 1956 г. вышло из печати наиболее полное издание избранных произведений П. Вашвари, по которому сделан перевод на русский язык.

Стр. 201. *Селештеи Ласло* (1821—1875) — венгерский поэт, один из эпигонов Ш. Петефи; подражал народному творчеству.

Стр. 206. *Шобри Йозеф* — разбойник, живший в первой половине XIX в. в лесах Баконь, на западе Венгрии. О Шобри и его товарищах народ слагал стихи и песни, которые долго сохранялись среди простого народа.

Стр. 212. *Зач Бодог* — образ литературного героя.

Банк Бан — воевода Венгрии в XIII в.; образ Банка, олицетворяющий беззаветное служение родине, отражен в национальной венгерской драме выдающегося венгерского драматурга Йозефа Катона (1792—1830).

Секей Дожа Дьердь (1474—1514) — руководитель крупного крестьянского восстания в Венгрии в 1514 г.; его казнили, посадив на раскаленный железный трон. *Чак Мате* (1260—1321) — аристократ, ненавистный народу деспот.

Ракоци Ференц II (1676—1735) — князь Венгрии, организатор и руководитель так называемых куруцских войн (1703—1711) против Австрии за независимость Венгрии.

Стр. 213. *Íranyeszmék*. Незаконченная Вашвари серия очерков, опубликованных впервые в 1848 г. в журнале «Картины жизни» (№№ 7, 10, 13, 14, 16 и

- 17). Полный текст очерков был включен в «Избранные произведения» (Будапешт, 1956). В данной книге дается перевод отдельных отрывков.
- Стр. 218. Неизданная в 1848 г. часть *Направляющих идей*. Этот очерк Вашва ри впервые был опубликован в «Избранных произведениях».
- Стр. 225. *Этел* (Этеле) — венгерский синоним имени Аттила, вождя племени гуннов (V в. н. э.). В венгерской историографии существовало направление, утверждавшее, что венгры — потомки гуннов.
- Стр. 228. Очерки Вишвари, которые также относятся к неизданной в 1848 г. части *Направляющих идей*. Впервые были опубликованы в «Избранных произведениях».
- Стр. 229. Впервые опубликовано в «Избранных произведениях».
- Стр. 231. Впервые опубликовано в 1948 г.; включено в «Избранные произведения».
- Стр. 233. Впервые опубликовано в «Избранных произведениях».
- Стр. 237. *Sajtószabadságról nézetek egy rabnak*. Вышли анонимно на венгерском языке в 1844 г. в Лейпциге. Второе издание брошюры появилось в 1845 г. в Лондоне, без ведома и разрешения автора. В 1876 г. работа была включена в «Собрание сочинений» Танчича. Данный перевод, как и других его произведений, сделан по последнему изданию «Избранных произведений» Танчича, выпущенных издательством «Танчич» в 1954 г.
- Имеются в виду беспорядки, обычно предшествующие предвыборным кампаниям. Кандидаты в депутаты Государственного собрания, как правило, дворяне, добивались своего избрания любым способом и любой ценой.
- Политика* — т. е. официальная политика дворянства, которую осудил Танчич. Политика, в его понимании, должна проводиться в интересах народа. Свои социально-политические идеи Танчич отчасти заимствовал у Ж.-Ж. Руссо и французских энциклопедистов.
- Стр. 239. Ссылка Танчича на самые комфортабельные тюрьмы и на самое либеральное законодательство касается тех законопроектов, за которые либералы выступили еще на Национальном собрании 1840 г. За исключением коммерческих законов 1844 г., эти законопроекты не были утверждены. Они были подготовлены в 1841—1843 гг. Ференцем Деаком.
- Стр. 252. ...и будешь только венгерским королем — требование народа о том, чтобы венгерский король не был государем другой страны и жил постоянно в Будапеште. Как известно, с 1526 г. наследственным венгерским королем был император Австрии.
- Стр. 253. *Nép szava — isten szava*. Написана в 1847, впервые опубликована в 1848 г. Второе издание работы вышло в 1873 г. Полный текст работы включен в «Избранные произведения» (Будапешт, 1954). В нашем сборнике публикуются отрывки из этой работы.
- Стр. 255. *Венгерское экономическое объединение* — существовало с 1835 г. Его деятельность была направлена на повышение рентабельности сельскохозяйственного производства; постепенно объединение превратилось в представительство владельцев крупных латифундий.
- Барщина и десятина* — работа известного венгерского политика и публициста Пала Кирайи (1821—1892), критиковавшего феодальные порядки в Венгрии с позиций буржуазного реформизма.

- Стр. 257. *Государственное собрание 1844 г.* — собрание, утвердившее законы о возможности приобретения собственности и замещения должностей в государственных учреждениях лицами не дворянского происхождения. Законы эти остались только на бумаге.
- Стр. 259. *Кунтуш* (или кентеш) — верхняя одежда, распространенная у поляков и венгров в XVI и XVIII вв.
- Стр. 261. Танчич ссылается здесь на так называемую древность владений, препятствовавшую отчуждению, закладыванию и разделу феодальной земельной собственности. Он перечисляет все основные разновидности феодальной земельной собственности, показывая как она тормозит общественный прогресс. *Владения короны* — собственность, принадлежащая королю или императору. Из этих владений король мог дарить (*donatio*) дворянам или городам земли для хозяйственного пользования. Такие владения, в случае измены королю или из-за отсутствия наследников-мужчин, были возвращены во владения короны. *Владения священнослужителей* — существовали в Венгрии до 1945 г. Танчич был, главным образом, противником латифундий священнослужителей, которые назывались владениями «мертвой руки» (*manus mortua*), так как их нельзя было отчуждать, закладывать и разделять.
- Стр. 262. Речь идет о законах 1844 г. Танчич имеет в виду то, что эти законы не разрешили вопроса о приобретении земель крестьянами, а давали лишь возможность иностранным капиталистам приобретать владения обремененных долгами венгерских дворян.
- Янковац* (или Яношхальма) — село на севере Венгрии. *Каройварош* (или Карловец) — город в Югославии, недалеко от Загреба.
- Стр. 266. *Феньеш Элек* (1807—1876) — венгерский экономист. Его книга *Статистика Венгрии* (1843) — первая отечественная работа, в которой автор на основе неопровержимых экономических фактов, показал тяжелое экономическое состояние страны и бедственное положение трудового народа.
- Клаузал Габор* (1804—1866) — венгерский политик. Принадлежал к дворянским оппозиционерам; в правительстве 1848 г. был министром сельского хозяйства.
- Стр. 269. Статья, опубликованная 2 апреля 1848 г. в первом номере газеты «Рабочей газеты» (*Munkàsok Ujsàga*), главным редактором которой был он. Газета просуществовала с 2 апреля по 29 декабря 1848 г.
- Стр. 271. * *Йокаи Мор* (1825—1904) — крупный венгерский писатель, участник революции 1848 г. Вместе с Петефи и Вашвари организовал союз «Мартовской молодежи». Впоследствии Йокаи выступил за компромисс венгерской буржуазии с правительством Австрии.
- ** Статья, опубликованная 4 июня 1848 г. в «Рабочей газете».
- Стр. 272. *Клигелъ Йожеф* (1795—1870) — изобретатель особой полиграфической наборной машины.
- Стр. 274. *Johann Horàriks Kampf mit Hierarchie und Kirche in den Jahren 1841—1845*. Написана на немецком языке и издана в Лейпциге в 1847 г. Впервые на венгерском языке издана в 1956 г. В настоящем сборнике публикуются отрывки из этой работы. Перевод сделан по упомянутому немецкому изданию.

- Стр. 275. *Фаркаш Шандор Белени* (1795—1842) — путешественник, писатель, член Венгерской академии наук. Хорарик ссылается на книгу Фаркаша *Путешествие по Северной Америке* (1834), в которой автор описывает североамериканские общины, организованные по принципам утопического социализма.
- Стр. 276. *Эридекан* — старшее духовное лицо (священник) католической церкви.
- Стр. 277. *Пожонь* — ныне Братислава (столица Словакии). До революции 1848 г. в Пожоньи происходили заседания Государственного собрания.
- Стр. 277. *Вешелени Миклош* (1796—1850) — барон, крупный помещик, политик-реформист. В книге *О предрассудках* (1833) выступил с программой буржуазных преобразований в Венгрии. *Балог Янош* (1796—1872) — вице-испан комитата Барша, выступал с предложением реформ в Государственном собрании в 1832—1836 гг.
- Стр. 278. *Палатинат* (palatinus) — название государственного учреждения, во главе которого стоял наместник венгерского короля.
- Стр. 282. *Бестерцебаня* — город в Словакии, ныне Банска-Бистрица.
- Стр. 285. *Кандия* — город на острове Кипре; Хорарик имеет в виду притеснения греческого населения турками.
- Стр. 289. ...смешанные браки... — браки между лицами различных религиозных исповеданий. Римская католическая церковь решительно выступала против смешанных браков, хотя запретить их не могла. Этот вопрос был урегулирован религиозным правом лишь в 1896 г., но католицизм до наших дней настаивает на том, чтобы дети от смешанных браков становились **католиками**.

Содержание

Идеология общественного прогресса и национального освобождения. М. А. Хевещи	3
Дьердь Бешеньей. Поиски смысла в существующем мире и граница его позна- ваемости. Перевод Е. А. Бочарниковой	20
Размышления о судьбах родины. Перевод Н. А. Федосенко	39
Игнац Мартинович. Философские записки. Перевод Е. А. Бочарниковой	55
Ференц Кельчей. Греческая философия. Перевод В. И. Клепко	104
Заметки о религии. Перевод Е. А. Бочарниковой	115
Иштван Сечени. Кредит. Перевод Е. А. Бочарниковой	120
Лайош Кошут. Важнейшая задача. Перевод Л. С. Сергеева	137
О нашей конституции. Перевод Л. С. Сергеева	141
Воззвание к венгерскому народу. Перевод Б. Я. Гейгер	148
Речь на массовом митинге в Сегеде. Перевод В. Я. Гейгер	154
Янош Эрдэйи. О народной поэзии. Перевод В. Г. Гусева	158
Индивидуальное и идеальное. Перевод А. А. Гершковича	170
Настоящее отечественной философии. Перевод В. Г. Гусева	187
Пал Вавшари. Историческое собрание жизнеописаний. Перевод Н. А. Федо- сенко	199
Михай Танчич. Взгляды раба на свободу печати. Перевод Е. А. Бочарниковой	237
Глас народа — глас божий. Перевод Е. А. Бочарниковой	253
Революция. Перевод Е. А. Бочарниковой	269
Мастеровые. Перевод Е. А. Бочарниковой	271
Янош Хорарик. Борьба Иоганна Хорарика с римско-католической иерархией и церковью в 1841—1845 гг. Перевод М. Л. Хаскелис	274
Примечания. А. А. Шорбан	303

Избранные произведения венгерских мыслителей

Утверждено к печати Институтом философии Академии наук СССР

Редактор издательства И. А. Мораф. Технический редактор В. В. Волкова

Сдано в набор 12/XII 1964 г. Т-05131. Подписано к печати 27/III 1965 г.

Формат 60×90¹/₁₆. Печ. л. 19,5. Уч.-изд. л. 19,2. Тираж 1500 экз.

Т-05131. Изд. № 4429/64. Тип. зак. № 1557. Темплан 1964 г. № 159.

Цена 1 р. 38 к.

Издательство «Наука». Москва, К-62, Подсосенский пер., 21

2-я типография издательства «Наука». Москва, Г-99, Шубинский пер., 10

Гр 68 к.

Избранные произведения венгерских мыслителей